Эр1 1140

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ЧАЙКОВСКІЙ

*

РЕЛИГІОЗНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИСКАНІЯ

ПАРИЖ

ЗАПИСАНА В ИНВЕНТАР
БИБЛИОТЕКИ „ЗЕМГОР“
под № 12853.
4/x 1929

II-3.
ЭР1
1140

Николай Васильевич Чайковскій

Религіозныя и общественныя исканія

Статьи: М. А. АЛДАНОВА, Е. К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ, ДІОНЕО, В. А. МЯКОТИНА, Д. М. ОДИНЦА, Т. И. ПОЛНЕРА и воспоминанія Н. В. ЧАЙКОВСКАГО.

Под общей редакціей
А. А. ТИТОВА.

БИБЛІОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ
„ЗЕМГОР“
Paris, 13e, Gobelins, 17
П. С. П.

ПАРИЖ
1929

Государственная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22677 1968

Оор 46689

1863.

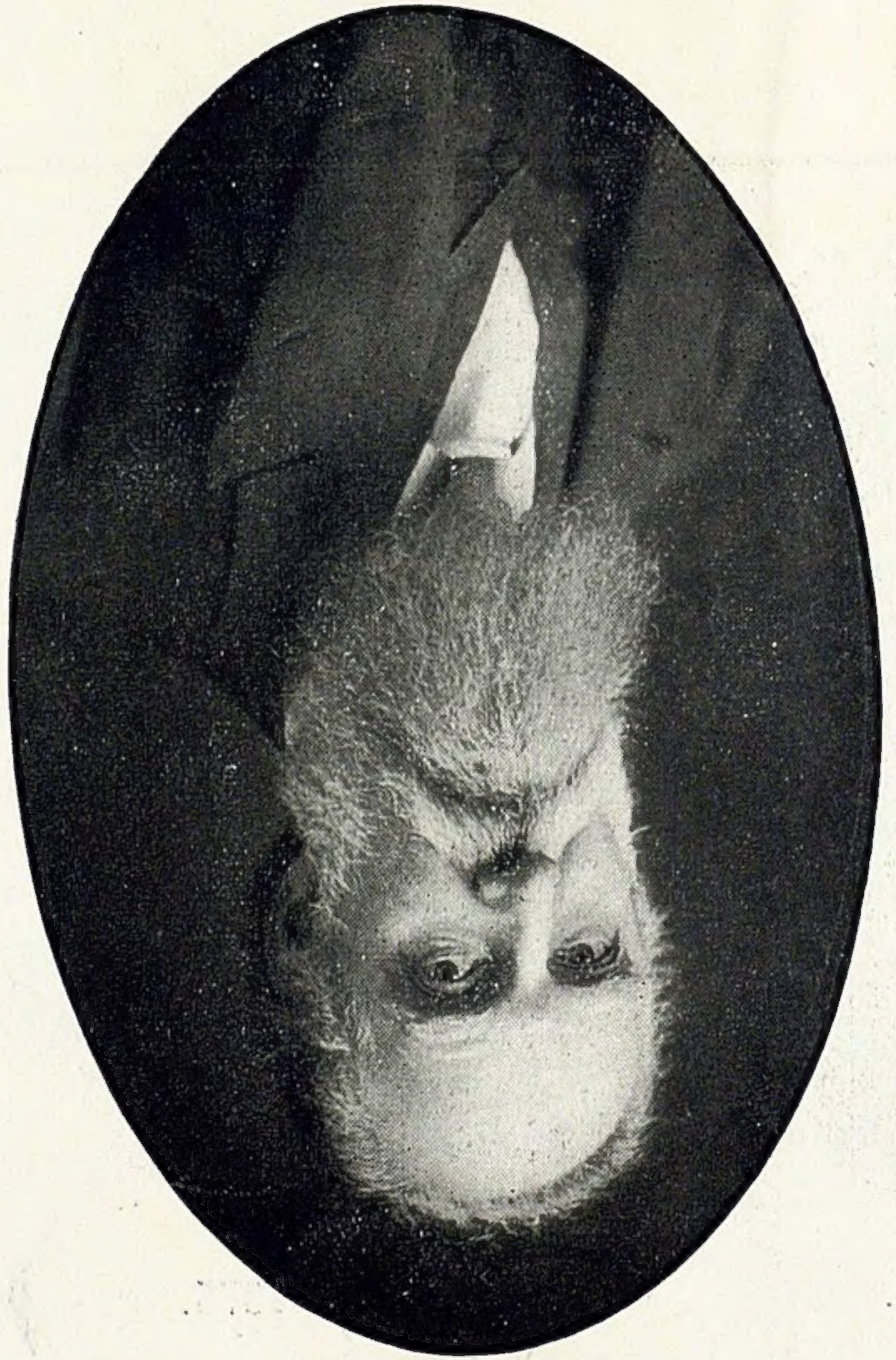
1880.

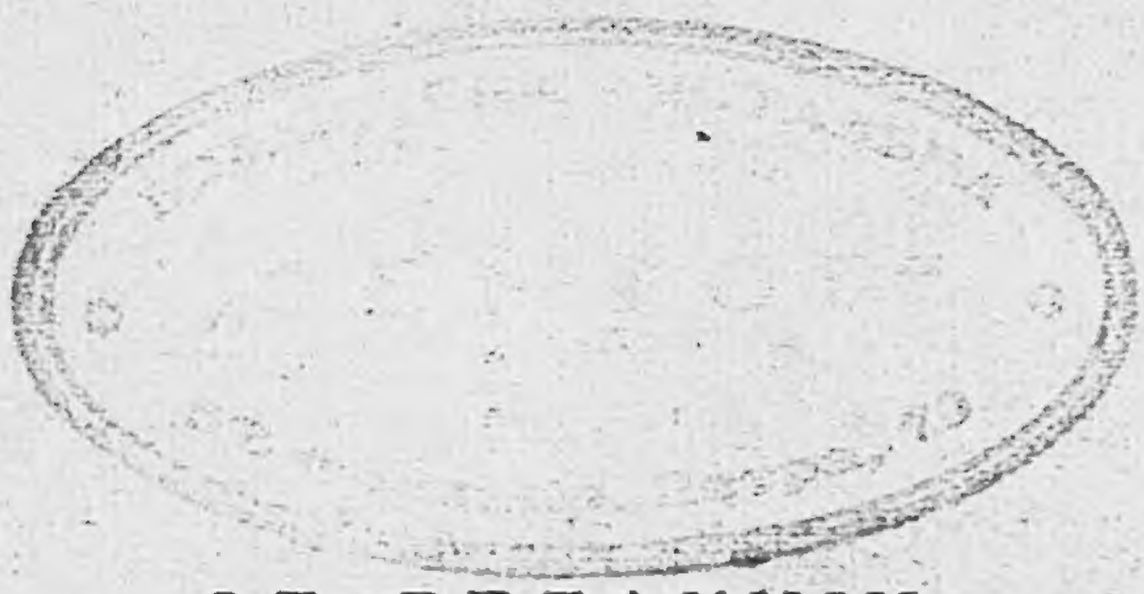
1875.

„ДОЦЕС“ БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛИШТЕ

1900.

1900.





ОТ РЕДАКЦІИ.

Изданіе это осуществлено Парижским Комитетом Трудовой Народно - Соціалистической партіи, предсѣдателем котораго до самой смерти состоял Николай Васильевич Чайковскій. Мы могли воздвигнуть свой скромный литературный памятник на третью годовщину со дня кончины нашего дорогого друга и политическаго соратника только благодаря горячему и энергичному содѣйствію этому начинанію со стороны дочери Николая Васильевича — Варвары Николаевны Чайковской, предоставившей для осуществленія изданія в наше распоряженіе архив и книги покойнаго своего отца.

Всѣ оставшіяся послѣ Николая Васильевича бумаги были переданы в Пражское хранилище русских документов — в «Русскій Заграничный Историческій Архив». Книги Николая Васильевича при содѣйствіи покойнаго проф. Гольдера поступили в Хуверовскую библіотеку при Станфордском Университетѣ (Калифорнія).

На полученныя средства нами выпускается двухтомное изданіе, посвященное жизни и дѣятельности Николая Васильевича. К сожалѣнію, заграничный архив покойнаго не дает матеріала для обрисовки многогранной работы Чайковскаго в Россіи от 1910 по 1917 год. Поэтому пришлось пройти мимо этой эпохи его жизни. Мы твердо надѣемся, что когда в Россіи наступят нормальныя условія человѣческаго и политическаго бытія, нам удастся использовать имѣющіеся там матеріалы для характеристики его творческой дѣятельности в этот період, особенно на поприщѣ русской кооперациі.

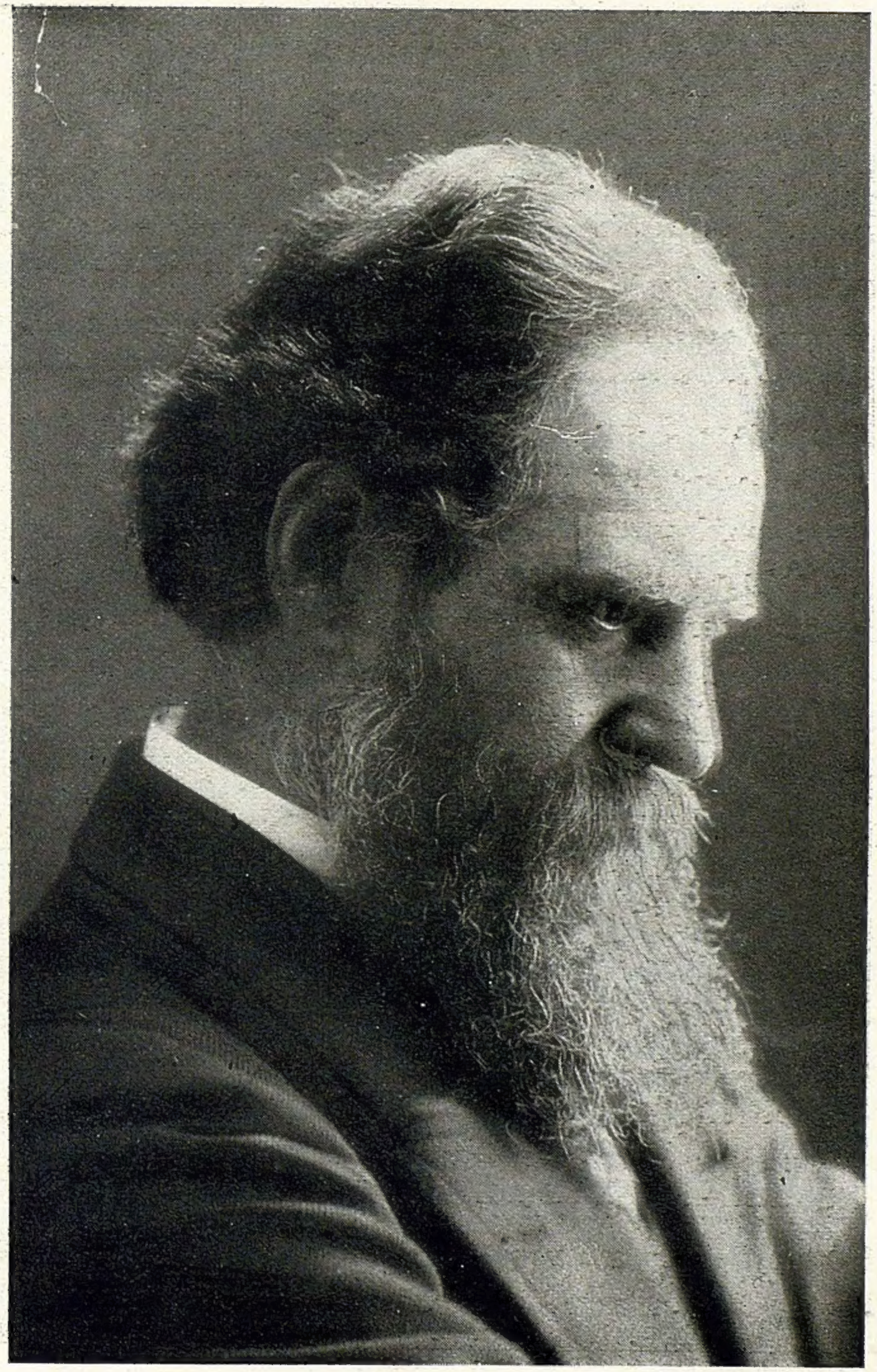
Первый том нашего изданія заключает в себѣ работу нѣсколькихъ друзей Николая Васильевича; второй том — занят изслѣдованіем С. П. Мельгунова об участіи Чайковскаго в «гражданской войнѣ». В приложеніи к этому тому печатаются нѣкоторые документы из архива Чайковскаго.

Изданіе наше воспроизводит портреты Николая Васильевича, относящіеся к разным годам его жизни. Портреты эти также были получены от В. Н. Чайковской.

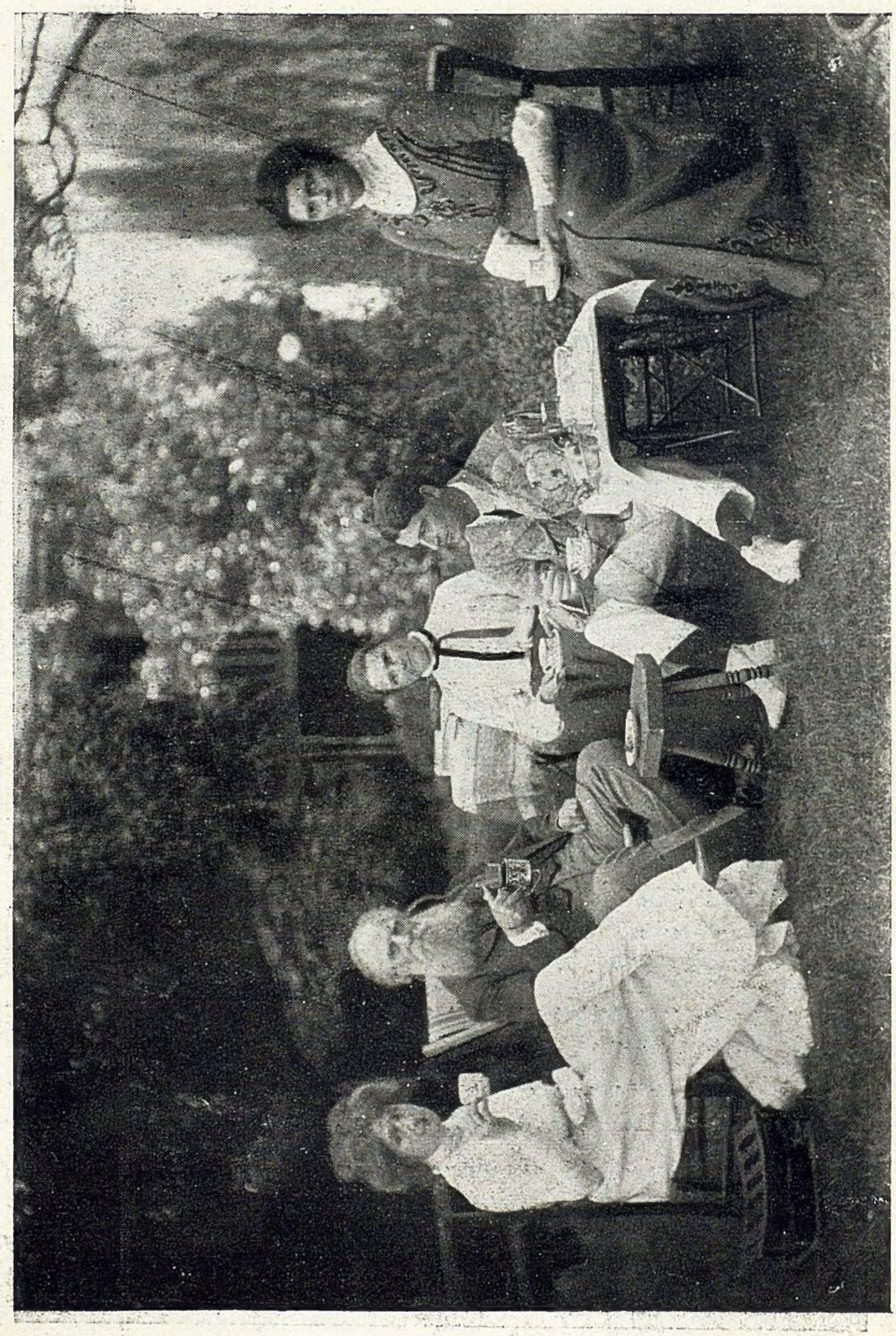
Мы должны с благодарностью отмѣтить помощь, оказанную нам со стороны друзей Николая Васильевича — Ф. О. Степняк-Кравчинской, Д. А. Аитова, Е. И. Савинковой и Ф. О. Пташкиной, а равно В. Л. Бурцева, помогавшаго в разборѣ старой переписки Николая Васильевича, С. Г. Сватикова, давшаго библіографическія указанія, и членов Пражской группы Тр. Н.-С. партіи А. Ф. Изюмова и В. С. Озерецковскаго, дѣлавших необходимыя справки в Пражском архивѣ.

А. Титов.

26 апрѣля 1929 г.



1890.



1910.
(В семейном кругу).

ПАМЯТИ ДРУГА.

I.

Большим и свѣтлым человѣком остался среди нас Николай Васильевич Чайковскій, и нѣт близко знавших его, кто бы не любил его. Но вмѣстѣ с тѣм сложность и разносторонность свойств его души, всегда искавшей, его неутомимый ум, жаждавшій непрестанной дѣятельности, являли особенный тип человѣка, не поддававшійся привычной мѣркѣ больших людей. У него была своя исключительная. Мы не можем сказать, что это был выдающійся дипломат, революціонер, организатор, пророк, либо учитель, хотя всѣ эти поприща были ему близко знакомы, и на каждом из них он работал горячо, умѣло.

Мы не можем даже сказать, какой родъ дѣятельности был особенно дорог его искренней, вѣрующей душѣ, настолько энергично, я бы сказала, жадно хватался он за каждую новую предстоящую перспективу.

И если есть нѣчто связующее воедино всѣ его начинанія на широкой аренѣ его разнообразной дѣятельности, то это несомнѣнная чистота побужденій, как и неизмѣнная цѣль в виду — благо человѣчества. О нем без всяких оговорок можно сказать: пришел на землю для того, чтобы любить и служить. Служить не за страх, а за совѣсть. **Жажда непрестаннаго служенія** и наложила особую печать на всю его долгую дѣятельность и постоянно вызывала к жизни богатый родник энергіи, никогда в нем не изсякавшій.

II.

Я считаю большим счастьем для себя то обстоятельство, что могла слѣдить за всѣми перепитіями жизни такого большого и такого интереснаго человѣка, каким навсегда останется Николай Васильевич Чайковскій.

Благодаря тому, что с первой же встрѣчи с ним на нелегальном собраніи молодых сил в Петербургѣ в 1873-74 г., гдѣ мнѣ указали на Н. В. Чайковскаго, как на организатора кружка чайковцев, он произвел на меня впечатлѣніе глубоко убѣжденнаго и вдохновеннаго вождя, несмотря на молодость свою, и несмотря на то, что взгляды наши на предстоящую работу в народѣ широко расходились. Этого одного раза было достаточно, и потом много лѣт я с глубоким интересом прислушивалась к тому, что касалось дальнѣйшей духовной жизни человѣка, о котором послѣдователи его в Россіи говорили не иначе, как о «великом учителѣ». Многіе из них по отъѣздѣ Н.. В. в чужіе края потеряли вмѣстѣ с ним ту энергію, что питались они от него, как от живого источника. Вдохновенный, он вдохновлял других.

Но он был не только вѣрующим в свою истину, он страстно стремился к ея ссуществленію, он **должен** был дѣйствовать, он не мирился с покоем, с выжиданіем. Но в Россіи самодержавный режим не терпѣл и чисто культурно-духовной работы, основанной на принципѣ любви и братства. Надо было искать условій и среды, гдѣ бы душа человѣка могла бы свободно проявить и свои исканія и свои убѣжденія. Вызвать в себѣ к жизни начало божественности. И Николаю Васильевичу улалось встрѣтить нѣсколько лиц такого же настроенія. В лицѣ Маликова и Фрея (Влад. Конст. Гейнса) он нашел то, чего хотѣл, а именно воплотить в жизнь идеал духовнаго совершенствованія. Со вторым и еще немногими русскими интеллигентами удалился Чайковскій в Сѣверную Америку, чтобы там без посторонняго вмѣшательства на дѣлѣ осуществить возможность совмѣстной, трудовой, братской жизни. И вложила эта группа людей искренних всѣ силы свои, чтобы наладить именно такое общежитіе. Время шло, а непосильный труд сказывался все острѣе. Небольшія при-

везенныя средства изсякали, и молодыя семьи, несмотря на всѣ старанія, были вынуждены разойтись в разныя стороны. Нужда дошла до предѣлов. Чайковскій бросился в поиски за работой и с немногими долларами в карманѣ отправился вглубь богатой страны. Тут именно он и наткнулся на жестокое разочарованіе. Свободная демократическая республика обратилась к нему своей изнанкой. Он встрѣчал бездушное и даже **жестокое** отношеніе каждый раз, когда обращался к служебному персоналу тѣх или других учрежденій. Бездомнаго чужестранца гнали вон. — Опыт этот не прошел для него безслѣдно.

Ник. Вас., пораженный такими нравами в свободном государствѣ, задумался над правотой его политическаго строя и таким путем пришел к признанію анархизма. Но анархизма с точки зрѣнія его давнишняго товарища Петра Кропоткина. Неутомимый, строгій к себѣ до аскетизма, Николай Васильевич, послѣ тяжелых лишеній и горестных испытаній, выбился таки на дорогу и перебрался с семьей в Англію.

В Лондонѣ жил П. А. Кропоткин и еще немало выдающихся русских эмигрантов, издававших листки и журналы революціоннаго содержанія на русском и англійском языках, и Чайковскій принял живое участіе в их работах. Самыя лучшія взаимоотношенія установились у него и с тѣми англичанами, что уже состояли в дружбѣ с Кропоткиным, Кравчинским и другими их товарищами.

Знакомства эти немало помогли Николаю Васильевичу найти работу штатную, что было необходимо в виду растущей семьи, о судьбѣ которой он так нѣжно заботился. Свободолюбивый и увлекающійся, он на себѣ испытал всю горечь стѣсненій и насилій над горячими порывами души своей и не хотѣл препятствовать вкусам и влеченіям дѣтей своих. Он доставлял им все, что мог, для развитія их способностей и талантов. А такое воспитаніе требовало немалых средств, и — общественный дѣятель и отец четырех дѣтей — он весь уходил в работу, не покладая рук. Такая дѣловитость и рѣдкое умѣніе организатора вызвали к нему со стороны англичан симпатію и довѣріе, и вскорѣ Ник. Вас. стоял во главѣ предпріятія, удовлетворявшаго его скромныя требованія. Дѣти подрастали, обѣ дочери устроились, и его энергія уже направлялась к болѣе широкой работѣ.

III.

О жизни Н. В. Чайковскаго в Лондонѣ знает подробно Е. Е. Лазарев, тоже немало времени работавшій там по организаціонным и издательским дѣлам. Мнѣ же довелось встрѣтиться с Ник.-Вас. лишь тогда, когда дѣла партіи соціалистов-революціонеров заставили меня впервые ѣхать за границу. Это было в 1903 году. Штаб-квартира партіи соц.-рев. была в Женевѣ, и там был назначен съѣзд представителей партіи, разсѣянных по Европѣ. Ник. Вас. Чайковскій не был оповѣщен, так как был извѣстен за анархиста и сотрудника П. А. Кропоткина, отрицавшаго партійныя организаціи.

Однако, к большой моей радости, явился и нежданный Николай Васильевич и заявил свое согласіе работать вмѣстѣ с нами. В то время партія соц.-рев. уже твердо опредѣлилась и как организованное цѣлое и как народническая по своему направленію. Широко была поставлена пропаганда, издательство, и уже началась боевая дѣятельность. Было к чему приложить свои силы, а этих сил в душѣ Чайковскаго —стремленіе служить народу своему, отстаивать свободу и достоинство человѣка — было всегда много в груди самоотверженнаго борца.

Сотрудник он был тѣм болѣе неоцѣнимый, что вмѣстѣ с неутомимостью он обладал рѣдкой практичностью, осмотрительностью, конспиративностью. И эти его способности блестяще проявились в той отвѣтственной работѣ, что была ему поручена. Он устроил в Лондонѣ обширные склады для литературы и оружія, выбрал подходящих помощников, имѣл в своем распоряженіи небольшой пароход для переправы в Россію и наладил другой путь.

Увы, поклонники Азефа сочли нужным сообщить ему о работѣ Чайковскаго и даже послали Азефа провѣрить работу Н. В., и начались безконечные провалы.

Так шло до «пятаго» года, когда Н. В. не захотѣл дольше оставаться за границей и, преобразившись до неузнаваемости, переѣхал в Россію. Он нашел меня на Уралѣ...

В сентябрѣ 1907 года я была арестована; вскорѣ послѣ

— взят был Н. В., но без улик и без свидѣтельских показаній. Полгода он просидѣл в крѣпости и был освобожден до суда, который имѣл мѣсто лишь через два года восемь мѣсяцев послѣ моего ареста.

Судили нас обоих вмѣстѣ. Мое прошлое было извѣстно судьям, но, как я уже сказала, против Н. В. не было ни улик, ни свидѣтельских показаній, а, напротив, служащіе разных англійских контор установили и алиби Николая Васильевича, и свои с ним дѣловыя сношенія. Получилась полная возможность достигнуть полнаго оправданія на судѣ, что и случилось. Ник. Вас. снова на свободѣ, тѣм болѣе ему нужной, что он уже у дѣла. Уже вошел с головой в ход грандіозной Всероссійской Крестьянской кооперації, уже успѣл послужить и обучить десятки молодых деревенских парней кооперативному дѣлу и возил их за границу, в Данію, чтобы знакомиться с тамошними порядками и пріемами. Вся Россія и Западная Сибирь были им изучены, и вездѣ он был свой человѣк. Он, наконец, нашел свою сферу: непосредственное соприкосновеніе с **человѣком,** в нем нуждавшемся, при живом, насущном дѣлѣ... Октябрьскій переворот выбил родную почву из под ног его и перенес в чуждую его душѣ атмосферу и среду. И ей отдавал он свои не молодыя уже силы, как только мог, как умѣл.

Во истину, свѣча Божья, горѣвшая во имя любви и правды. Ничего для себя, все для других. С дѣтства глубоко религіозный — он остался таким до конца дней своих.

Катерина Брешко-Брешковская.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ (1).

Прожито три четверти столѣтія. От Крымской до міровой войны, от крѣпостного права до большевицкой тираніи. Разсказать детально все, что произошло за это время, одному человѣку едва ли и посильно, особенно пишущему эти строки, с плохой памятью и без литературнаго таланта. А передать, что было внутренно пережито за эту богатую событіями эпоху, попытаться стоит.

Начать приходится с ранняго дѣтства, до 5 лѣт, в провинціальном городѣ, а потом, в пятидесятых годах, прошли в крѣпостной деревнѣ, в Вятской глуши. С 1863 г. в Петербургѣ в средней школѣ, с лѣтними перерывами для поѣздки домой в деревню на каникулы до 1868 г. Отсюда начинается уже самоопредѣленіе: университет, студенческіе годы и волненія, идеалистическіе кружки самообразованія с первыми попытками самостоятельной общественной жизни. Все это укладывается в одно десятилѣтіе (от 1861 до 1872) великих реформ и совпадает с расцвѣтом русской интеллигенціи, русской гражданственности и общественности. Затѣм послѣдовало общественное самообразованіе студенчества и хожденіе в народ с пропагандою идей утопическаго соціализма и преслѣдованій за нее правительством. Народническая организація, благодаря ему, превращалась в революціонно-политическую с террористической и конспиративной дѣятельностью, к которой у меня склонности никогда не было. И я

---

(1) Первая глава воспоминаній Н. В. Чайковскаго — «Дѣтство» была напечатана еще при жизни его в заграничном «Голосѣ Минувшаго». Вторая глава — «В деревнѣ» была записана под диктовку Николая Васильевича Ф. І. Степняк-Кравчинской. Дальше воспоминанія оборвались. В черновиках Н. В. нашлось начало отрывка «Студенческіе годы», которым мы и заключаем личныя воспоминанія Николая Васильевича о раннем періодѣ его жизни.

отошел эт нея в другую крайность — в религіозное самоуглубленіе и практическое исканіе для него общественной формы.

Для этого пришлось уѣхать в американскія степи, ибо русскіе порядки не давали мѣста и этого рода дѣятельности (1874 г.). Чєтыре года в Америкѣ, два года в общинѣ и два года по заводам и у шекеров (1875-1879) — многому научили, но и во многом разочаровали. Пришлось вернуться в старый мір борьбы и злобы для осуществленія общественных идеалов, в Европу (1879 г.).

Настали годы эмигрантской жизни вдали от родины без надежды возвращенія, с возможностью лишь помогать издали тѣм событіям, которыя назрѣвали там...

ДѢТСКІЕ ГОДЫ.

Губернскій город Вятка в началѣ 50-х годов. Мнѣ три с чѣм-то года. Осенній день. Нас ведут вмѣстѣ с тремя старшими сестрами смотрѣть на постройку нашего новаго дома. Теперь мы живем на квартирѣ у портного Горбушкина, в домѣ, который выходит на Преображенскую улицу и соприкасается с огородом другого его же дома, который выходит на главную Московскую улицу. Мой отец купил у него этот второй дом, снес его и теперь строит на том же мѣстѣ новый деревянный дом для нашей семьи. Мы пролѣзаем через какое-то отверстіе в заборѣ, замѣняющее калитку или ворота между двумя огородами. Постройка еще далеко не окончена — выведены только фундамент и стѣны, и она на меня никакого яснаго впечатлѣія не производит. Помню только, что подлѣ нея был сад и вокруг двора какія то службы. Это самое раннее мое воспоминаніе, относящееся к 1853 или 54-му году. Я родился в декабрѣ 1850.

Дальше память дѣлает скачок в год или полтора, когда дом уже готов, и мы в него уже переѣхали и размѣстились: дѣтская сестер и комната гувернантки наверху, в мезонинѣ, а мы с братом — внизу, в комнатѣ рядом с отцовским кабинетом, но с дверью в коридор. Окно нашей комнаты выходит на двор и на дворѣ снѣг. Перед окном большой стол, за которым брат занимается с учителем, чтобы приготовиться к поступленію в гимназію, во второй класс. У окна, подлѣ стола, — кровать брата, а за нею в углу стоит чистая,

бѣлая лопата, которой он в свободное время сгр[illegible] дворѣ снѣг и выкапывает пещеры в сугробах. Петя [illegible] телю показывал свою лопату, и тот очень смѣялся [illegible] кровать по другую сторону двери в глухом углу [illegible]. У меня лопаты еще нѣт, но мнѣ ее до страсти хочет[illegible] хотя бы не такую большую, как у брата: на базарѣ [illegible] есть всякія лопаты и всѣ бѣлыя, липовыя, легенькія [illegible] говорят, что я еще мал, и что мнѣ купят лопату сл[illegible] зимой. Цѣлый год ждать! — О комнатах в новом [illegible] меня вообще сохранилось воспоминаніе, как о чем-[illegible] свѣтлом и чистом. Теперь я не могу себѣ даже их [illegible] вить без солнца. Снаружи стѣны из толстых бревен, [illegible] во прсконопаченных мхом, как это умѣют дѣлать [illegible] вятскіе плотники. Никакой обшивки или штукатурки [illegible] не было; не было ея и внутри, и стѣны были тольк[illegible] вытесаны. даже в гостиной и в залѣ. Я убѣжден, чт[illegible] свѣтлый вид жилья, среди котораго протекало мое [illegible] дѣтство, имѣл большое вліяніе на присутствіе в м[illegible] рактерѣ бодраго оптимизма.

Вечером меня укладывают спать раньше друг[illegible] шат свѣт в комнатѣ; но я его все равно вижу скво[illegible] между дверью и косяком, что в изголовьѣ моей [illegible] — из сосѣдней столовой, и непремѣнно жду, чтобы [illegible] мама, сказала нѣсколько своих хороших, ласковых [illegible] которых так легко засыпается и так радостно стан[illegible] ри... Потом она меня всегда благословляла и уходила, [illegible] творивши дверь. Помню и другое: я простудился, у [illegible] жар и к ногам приложены горчишники; сильно щи[illegible] жду-не-дождусь, чтобы пришли и сняли их; все бо[illegible] больнѣе... а никто не идет. Наконец, не выдержи[illegible] чинаю хныкать. Мать быстро входит и, успокаивая м[illegible] мает горчицу и поит меня каким то горячим на[illegible] липоваго цвѣта или ромашки, укутывает одѣялом, [illegible] что завтра все пройдет, благословляет и уходит. [illegible] чается благополучно.

Что происходило по утрам, в началѣ дня в [illegible] не помню. А помню вот что: в угловой комнатѣ, ч[illegible] дит окнами на площадь, за рабочим столиком, на ку[illegible] сидит мать и шьет. Подлѣ нея на стулѣ сижу я п[illegible] букой «Елка» со многими картинками; читаю я уж[illegible]

складам, хотя еще с растяжкой и спотыкаясь, стихотвореніе «Трубочист», которое я буду учить наизусть:

«Вот идет Петрушка, черный трубочист,
Он лицом и черен, но душою чист», и т. д.

Мнѣ оно очень нравится, и мать хвалит меня за то, как я его прочитал. У меня является по этому случаю желаніе закрыть книжку и бѣжать играть. Однако-ж, нѣт, мнѣ говорят: «ну, теперь будет совсѣм хорошо, если мы прочитаем с тобой вот хоть бы это — «Перевоз», а тогда будет довольно, и ты пойдешь играть». Скрѣпя сердце, читаю, хотя уже не так успѣшно, потому что голова занята совсѣм не тѣм: послѣ нѣкоторых поправок получаю легкій выговор за невниманіе, и еле-еле дотягиваю «Перевоз» до другого берега рѣки и... полусконфуженно закрываю книгу и удаляюсь.

При нашем домѣ довольно большой двор, окруженный с трех сторон по порядку — садом с цвѣтниками, колодцем, каретником и конюшней в углу, с другой — старым двухъэтажным амбаром и воротами в огород, и, с третьей — новым дровяным сараем с плоской крышей, с которой мы с братом производили опыт над кошкой, правду ли говорят, что откуда бы ни бросить кошку, она всегда станет на ноги? — Из этих злачных мѣст самыми интересными для меня были сад и конюшня. В саду, кромѣ цвѣтников и парников, которыми занималась мать, страстная цвѣточница, была «горка» с четырьмя высокими елками по углам и с шишками на них; высокія качели с веревками и доской, и двѣ длинныя дорожки, во всю длину сада, кромѣ поперечных, усыпанныя щебнем, с густыми кустами смородины и сирени, подрѣзанной в стѣну по сторонам. Одна из этих дорожек упиралась одним концом в забор, через который, вставши на скамейку, можно было смотрѣть на улицу, а другим граничила с огородом. Здѣсь, в самом дальнем углу сада, на заборѣ из толстых, грубых жердей, было главное мѣсто наших военных совѣтов о разных планах и играх, — вродѣ того забора, на котором В. Г. Короленко в дѣтствѣ в г. Ровно рѣшал подобныя же проблемы со своим брато[illegible] Вообще сад был мѣстом самых разнообразных камланій: в прятки, в разбойников с деревянны-

ми мечами, в лошадей со старыми подковами, привязанными к ногам, но таким образом, чтобы при бѣганьѣ по сырым дорожкам из под ног «лошади» непремѣнно вылетали комья сырого песка, и т. д. Я, конечно, только сопровождал такія сложныя игры, потому что к ним обыкновенно примѣшивалось это ненавистное и обидное для меня: «ты еще для этого слишком мал» сестер и брата, которое жалило меня в самый центр моего воображенія. Едва ли не поэтому у меня в эту пору возникла странная идея, что, когда я буду большим мальчиком, я обязательно должен сдѣлаться жеребенком. По крайней мѣрѣ я хорошо помню, что задавал матери такой вопрос: «когда же это, мамаша, я сдѣлаюсь жеребенком?», за что, конечно, был публично высмѣян. — А конюшня! Вѣдь это был один восторг! Я ее вижу сейчас перед собою, как будто был в ней нѣсколько недѣль тому назад, — а с тѣх пор прошло ровно семьдесят лѣт. Там было три лошади и козел с огромными рогами и бородой. Пара выѣздных — «Воронко» и «Бѣлоножка» и свѣтло-гнѣдой водовоз «Старик», который потом оказался самой лучшей лошадью из всѣх. Козла я очень боялся, но обыкновенно он сидѣл в одном из свободных стойл за рѣшеткой и, что называется, «сдыба» бил по ней рогами, когда его дразнили. Дѣло в том, что у нас в домѣ не держалось ни кошек, ни собак, и всѣ наши симпатіи к живой природѣ сосредоточились на лошадях. Самое интересное было присутствовать при том, как кучер Гаврило чистил свою выѣздную пару, и как лукавая «Бѣлоножка», приложивши уши, шутя, хватала его зубами за рукав, а он дѣланно-сердито покрикивал на нее: «балуй!» Или во время водопоя держать их за повода, пока онѣ пьют, а Гаврило чистит стойла и кладет свѣжую солому для подстилки. «Старик» числился за дворником Лавром (производя это имя почему-то не от Лавра, а от Лавёр), огромным, добродушным мужчиной, с длинной, черной бородой и неизмѣнно испуганной улыбкой на стыдливо-румяном лицѣ (кажется, он был придурковат). Его первою обязанностью, кромѣ чистки двора, было почти ежедневно ѣздить на рѣку за двѣ версты с сороковой бочкой за водой на «Старикѣ». На кухнѣ его нерѣдко обижали за придурковатость, а я его очень любил, и он часто сажал меня верхом

на запряженнаго в бочку «Старика», чтобы доѣхать до ворот.

Большое мѣсто в моем репертуарѣ лѣтних удовольствій занимали поѣздки с отцом «купаться» в своей купальнѣ за городом, на Вяткѣ-рѣкѣ. Это случалось довольно часто, когда отец бывал дома, а не в отъѣздѣ. Почему-го при этих поѣздках сопровождать отца всегда брался я, послѣдыш и «мазунчик», как довольно насмѣшливо он называл меня при матери, а не старшій брат Петя (на четыре года старше меня), к которому отец относился гораздо серьезнѣе. Для этого тот же «Старик» рано утром запрягался в особый вятскій экипаж-плетенку из ивовых прутьев на длинных и гибких дрогах, и мы садились и ѣхали без кучера. Ѣхать приходилось сначала по подгородной слободѣ, гдѣ из под ворот часто с лаем выскакивали разныя жучки и шавки и старались, забѣжав вперед лошади, ловить «Старика» за морду, но он при этом только сильнѣе выкидывал передними ногами и начинал горячиться. За слободой слѣдовал городской пустырь, гдѣ, как на юру, стояли три не то солдатскія казармы, не то пороховые склады, вокруг которых взад и вперед ходили таинственные часовые. Дорога мимо этих корпусов была, как скатерть, по только слегка пробитым колеям по зеленой муравѣ. Здѣсь вожжи передавались мнѣ, и я торжествовал. В этом был главный секрет удовольствія от этих поѣздок. Конечно, мое правленье вожжами было тут не при чем, потому что «Старик» знал каждую выбоинку на этой дорогѣ гораздо лучше меня, и умѣл обходить их на полном ходу неподражаемо. Почуяв волю, он обыкновенно прибавлял ходу, и через нѣсколько минут мы останавливались перед обыкновенными полевыми воротами; отец брал у меня вожжи, а я соскакивал с плетенки отворять. Это была едва-ли не главная цѣль, зачѣм отец брал меня с собой, так как он был тучен, и ему самому было трудно дѣлать это. А за воротами, вплоть до берега рѣки, разстилалось волнующееся море спѣлой, золотистой ржи, с ярко-красными маками и синими, как ночное небо, васильками; чувствовался какой то особый аромат ржаного поля, а в ясном безоблачном небѣ звенѣли, заливаясь, невидимые жаворонки, а снизу им вторил хор безчисленных кузнечиков. У меня в душѣ было свое голубое

небо и пѣли свои жаворонки. Вот и рѣка. Лошадь привязывалась к столбу, а мы спускались вниз к купальнѣ. Тут у меня был опять свой особый секрет: не в полоскальнѣ в одиночку в мелкой части купальни и не в сидѣніи на ступеньках в водѣ, а в особой двери, ведшей из купальни на самую рѣку, гдѣ стояла скамейка, и откуда молодежь, не любившая купаться «в закрытой клѣткѣ», бросалась прямо в глубокое русло рѣки. Здѣсь открывался какой то особенный захватывающій простор водяной стихіи с ея бодрящей влажной атмосферой. Мнѣ, конечно, только позволялось сидѣть на скамейкѣ, не подходя к краю воды. Дѣлать это, слѣдя за катящейся мимо лавиной воды, за крутящимися в ней завитками, в которые то и дѣло увлекались то соломинки, то щепки, а вокруг сновали сотни мелкой рыбешки — было очень занятно. Рѣка в этом мѣстѣ не особенно широка, но ея русло далеко растекалось нѣсколькими рукавами по песчаным отмелям, и зелень лѣса на том берегу так чудесно отражалась в зеркалѣ затонов, что не знал, что видишь, воду-ли в лѣсу, или лѣс в водѣ. Нѣсколько бѣлых точек церквей зарѣчных сел оттѣняли зелень картины.

И все это было в каком нибудь получасѣ от нашего городского жилья! — К завтраку возвращались домой; а затѣм — к матери «учиться»: — гувернантка до меня не касалась, чѣм я, конечно, немало был доволен. Когда мать выѣзжала в город за покупками, она всегда брала меня с собой, почему моя освѣдомленность о том, что там дѣлалось, не соотвѣтствовала моим пяти годам. Я знал главныя улицы, названія главных церквей, Александровскій сад на высоком берегу рѣки, с широким видом на Зарѣчье, бывал в домѣ бабушки Анны Александровны Машковцевой, бывшей недавно Марѳой Посадницей города Вятки, или дяди Аркадія Машковцева, тогдашняго городского головы; дома разных близких знакомых и друзей моих родителей, и главные магазины и лавки. Вообще очень рано был au courant многих практических вещей. Улицы тогда были не мощеныя; только главныя из них, которых и всѣх то было четыре-пять, посыпались галькой, отчего колеса долгуши или фаэтона, на которых обыкновенно выѣзжали, хрустѣли особенным образом и, напротив, катились совершенно беззвучно по мягкой землѣ, когда поворачивали в какой нибудь захолустный пе-

реулок, но за то поднимали цѣлыя облака пыли. Освѣщеніе даже этих главных улиц было болѣе, чѣм скупо, и то только осенью и зимой. Весной, когда таял снѣг, или послѣ продолжительных дождей осенью в нижних частях даже лучших улиц, гдѣ были главные магазины, стояла непроходимая, жидкая грязь, так что колеса тонули в ней чуть ли не по ступицы, а лошади чавкали ногами по живому болоту. Но это считалось в порядкѣ вещей, и я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил, что улицы могут быть чистыми в мокрую погоду. Здѣсь были магазины и торговые ряды и так называемый Нижній базар на Соборной площади, который оживлялся только в извѣстные базарные дни. Но был в Вяткѣ и другой, так называемый Верхній Базар, за оврагом, куда в базарные дни и особенно по воскресеніям съѣзжались главным образом крестьяне из окрестных сел и деревень, и гдѣ находился Александровскій собор, построенный по плану извѣстнаго архитектора Витберга, который был сослан в Вятку одновременно с А. И. Герценом. Но обо всем этом я узнал уже позднѣе, когда поступил в Вятскую гимназію и жил у дальних родственников по близости от этой площади, о чем рѣчь впереди.

Оглядываясь теперь на все теченіе тогдашней своей дѣтской жизни, невольно отмѣчаешь двѣ черты: это необыкновенную ея свѣтлость и радостность, согрѣтость какой то особой любовью ко всему окружающему, во-вторых, праздники жизни. В основном она текла по заранѣе опредѣленному руслу, в ней была извѣстная рутина, обыденность, то, что случалось постоянно по какому то непререкаемому авторитету обычаев и привычек, что и в тебѣ формировало извѣстные привычки и навыки; но дальше в ней были такія скрашивающія ея монотонность развлеченія или пріятныя событія, как занятныя игры в саду или на дворѣ, как выѣзды «кататься» с отцом, или в город с матерью, или прогулки в загородном саду, или праздники вродѣ «семика», когда на нашей площади строились балаганы, раскидывались мелкія лавки с пряниками и игрушками, ходили раешники, приглашая публику нараспѣв к своему окошечку в райкѣ:

«А вот город Париж,
Пріѣдешь, угоришь!»

Это уже были вѣхи на нашем пути. Но было нѣчто и еще болѣе из ряду вон выходящее, что случалось или только однажды, или очень рѣдко и оставляло по себѣ слѣды на всю жизнь. Такія событія обыкновенно ожидались с волненіем задолго, время до их наступленія считалось недѣлями и днями, дѣлались приготовленія, шли разговоры и все, что могло мѣшать им, вызывало горестныя опасенія и переживалось с трепетом. Эти праздники жизни служили как бы маяками, между которыми, как ход парохода по рѣкѣ в лѣтнюю ночь, от одного сигнальнаго огня до другого, то на том, то на другом берегу, — укладывалась вся наша дѣтская жизнь. Так что под освѣщеніем этих радостных моментов уже с малых лѣт нами переживалась и обыденная рутина, и все отрицательное, и непріятное; все это проходило под знаком «ничего, за то мы скоро поѣдем туда-то, а потом настанут каникулы, и от всего этого ничего не останется». И общій тон жизни всегда оставался свѣтлым и положительным. При этом у нас был свой собственный внутренній мір, особый от взрослых, из психическаго матеріала котораго собственно и строилась дѣтская душа.

Ясно помню одно лѣтнее послѣ обѣда. По небу быстро, быстро несутся сѣрыя дождевыя облака и рѣзкіе порывы вѣтра бьют крупными каплями дождя по стеклам. Я стою у окна в дѣтской комнатѣ сестер, в мезонинѣ, и с тревогой слѣжу за безотрадной картиной хмураго сѣвернаго неба. Дѣло в том, что на завтра назначена давно уже ожидавшаяся поѣздка всей семьи на нѣсколько дней на Никольскую писчебумажную фабрику дяди Аркадія Машковцева. Но необходимѣйшим условіем было поставлено — «если погода будет хорошая». И вот отсюда понятна наша тревога наканунѣ: будет или не будет дождь завтра? Перестанет ли он к ночи или нѣт? Каждый случайный клочок голубого неба заставлял сильнѣе биться сердце, и на душѣ ошущалось просвѣтленіе и, наоборот, когда новая волна еще болѣе густых облаков заносила это окончце к свѣту, наступало уныніе и безразличіе. И вот вдруг на сѣверо-западном небосклонѣ обозначается рѣзкая свѣтлая полоска вечерней зари. Всматриваемся, едва вѣрим своим глазам, и вырывается взрыв радостной надежды: «смотрите, смотрите, солнце садится в ясное небо!». Это значит, — мы тогда уж это знали, — что завтра будет хорошая погода, и мы навѣрно поѣдем. Правда, и тут нашелся один скептик, за-

мѣтившій, что еще, может быть, свѣтлая полоска также скоро и исчезнет, как и появилась, найдут новыя густыя тучи. Но оптимисты побѣдили, на утро был роскошный, солнечный день, и все устроилось по хорошему. Скачок памяти: ѣдем на двух долгушах довольно долго — полями, лѣсом, через нѣсколько деревень, и опять полями, и опять лѣсом, и, наконец, выѣзжаем на большую лѣсную прогалину, среди которой большой болотный пруд, окруженный фабричными постройками и домами. Это прежде всего фабричный корпус, гдѣ стучат колеса машин, и с шумом падает вода; потом это хозяйскій двухъэтажный дом на другой сторонѣ озера и ряды жилых домиков, вѣроятно, рабочих. Но как только мы останавливаемся, нас облѣпляет безчисленная мошкара, — на всѣх нас надѣвают волосяныя сѣтки, без которых здѣсь нельзя ни жить, ни ѣсть, ни спать: всѣ окна в домах также заставлены частыми сѣтками в рамах. И так все время, — так что удовольствіе поѣздки на фабрику оказалось довольно сомнительным. Однако же, и сно было использовано возможно полно. Тут, конечно, оказалась вся семья дяди со многими дѣтьми разных возрастов, и началось исполненіе разнообразной программы. Ходили в лѣс за каким то «сосновым сахаром», в видѣ бѣлых лепешек, срѣзанных из под коры деревьев; переиграли во всевозможныя игры; ходили осматривать фабрику: здѣсь в одном отдѣленіи мылось тряпье мѣшалками, в другом совершенно бѣлыя тряпки размалывались в очень тонкую полужидкую бумажную массу, поступавшую в особые огромные чаны; из этих чанов масса вычерпывалась особыми частыми рѣшетами, а потом механически перекладывалась с них в видѣ влажных тонких слоев бумаги на безконечно движущіяся полотна, которыми она пропускалась через голландру, т. е. между гладкими и горячими металлическими валами, дѣлавшими бумажную ленту крѣпкой и сухой. С тѣх пор мнѣ никогда не случалось бывать свидѣтелем процесса писчебумажнаго производства, так что все, что я знаю о нем, заимствовано мною из этого дѣтскаго осмотра фабрики в пятилѣтнем возрастѣ. Несомнѣнно, что в настоящее время этот процесс значительно усовершенствован, и мое описаніе страдает неточностью. Относительно работавших на фабрикѣ людей помню, что они не были крѣпостными, а были приписаны к фабрикѣ и постоянно на ней работали. Между прочим, моя кормилица,

которая выкормила меня грудью, вслѣдствіе болѣзни матери, была из фабричных Никольской фабрики. Впослѣдствіи она появлялась у нас в домѣ, высокая, худощавая с каким то особым румянцем на впалых щеках, всегда очень тепло и ласково встрѣчалась со мною, приносила всегда деревенскіе гостинцы; я ее очень любил.

Однако, и на моем ясном небѣ были темныя точки. Была ко мнѣ приставлена особая нянька — приземистая, толстая Акулина, типичная прислуга из дворовых. Она меня частенько шлепала гдѣ-нибудь в кухнѣ, зажавши мнѣ рот рукою, чтобы не было слышно моего плача, а потом умывала, причесывала и выпускала в переднія комнаты, приговаривая: «только посмѣй пожаловаться матери, еще не так отхлопаю». И угроза дѣйствовала, — я молчал.

Это было время Крымской войны. Помню, как на нашей площади производилось ученіе солдат, и мы издали смотрѣли на него. Помню, как по улицам ходили толпы — впереди нѣсколько молодых парней, оравших пьяными голосами, — как я потом узнал, — рекрутскія пѣсни, а за ними — группы причитавших баб и плачущих ребятишек. Помню, как к матери пріѣзжали гостьи и пріятельницы, сидѣли, и всѣ щипали корпію, и потом как кто то пріѣзжал и увозил ее, а то каких-го гарнизонных солдат, которые по одиночкѣ приходили с задняго крыльца, вынимали из цвѣтного платка трехкопеечную булку и, предлагая ее, поздравляли хозяев с именинником, т. е. с самим собой. Булки у него, конечно, не брали, а ему давали «праздничное». Нужно думать, что такая практика относилась также к области войны и была особенно успѣшна только в ея атмосферѣ. Смутно помню не совсѣм для меня понятныя жалобы на непорядки на войнѣ и на каких то провіантских чиновников. Повидимому, это было время наканунѣ конца войны, т. е. в началѣ 1856 года.

В том же 1856 году произошел рѣшительный перелом, как в моей жизни, так и всей нашей семьи.

Отец оставил службу в Управленіи удѣльными имѣніями Вятской губерніи и рѣшил переѣхать на житье в небольшое наслѣдственное имѣніе матери в селѣ Арзамасцевѣ, в Сарапульском уѣздѣ, отстоявшее от Вятки почти на 500 верст.

Дѣло в том, что отец мой, по происхожденію дворянин Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ., по окончаніи курса

в Нѣжинском Лицеѣ, в 1840 году пріѣхал в Вятку двадцатилятилѣтним молодым человѣком дѣлать свою служебную карьеру. Здѣсь он поступил на службу в удѣльную контору, на которой и проявил недюжинныя административныя способности, большую работоспособность и пріобрѣл всеобщее уваженіе за благородство и твердость характера. В 1843 он женился на моей матери, происходившей из самой видной культурно-купеческой семьи Машковцевых. В то время, о котором сейчас идет рѣчь, отец уже занимал отвѣтственный пост помощника управляющаго Вятской удѣльной конторы. На его обязанности лежало веденіе и надзор за ходом дѣла в удѣльных имѣніях на мѣстах, почему он и должен был проводить половину своего времени в разъѣздах. Но в то же самое время на него почему то была возложена отвѣтственность за то, что дѣлалось в самой конторѣ. И вот, возвратившись из одной из своих служебных командировок и произведя внезапную ревизію кассы управленія, он обнаружил растрату казначеем кабинетских денег. Казначей был смѣнен, а отец был совершенно произвольно обвинен в недосмотрѣ, и на него был сдѣлан начет: управляющему, очевидно, нужно было найти козла отпущенія перед высшим начальством. Такой несправедливости отец вынести не мог и подал в отставку. Другого способа отвѣтить достойно на оскорбительное и незаслуженное обвиненіе начальства, да еще кабинетскаго, у него, конечно, не было. Пришлось отказаться от всей служебной карьеры и опереться на одну свою дворянскую честь. Так он и сдѣлал, посвятивши себя управленію небольшим имѣніем из 300 десятин (сверх крестьянских надѣлов), доходы с котораго по завѣщанію должны были дѣлиться между семьями двух дочерей — моей матери и старшей сестры, — по мужу Величко. На такія средства в то время жить с большой семьей было очень трудно. Поэтому впослѣдствіи, послѣ отмѣны крѣпостного права, отец в теченіе шестнадцати лѣт был мировым посредником перваго призыва по двум уѣздам, и опять таки половину своего времени отдавал разъѣздам. Вопрос о воспитаніи дѣтей в глухой провинціи представлял другую большую трудность. А для матери, свѣтской женщины моложе 30 лѣт, имѣвшей успѣх в свѣтѣ, этот перелом в жизни семьи представлялся еще болѣе трагичным: всѣ ея знакомыя и прія-

тельницы твердили в один голос, что она сама себя хоронит; ей приходилось, отказавшись от всѣх своих вятских друзей, родных, посвятить себя исключительно хозяйству и воспитанію трех дочерей и меня в придачу, — во всяком случаѣ до моего поступленія в гимназію. Примириться с этим ей было очень тяжело, хотя, сколько мнѣ извѣстно, отец никогда не слыхал от нея ни одного упрека; а характер у нея был не из мягких, и потому у нас в домѣ послѣ переѣзда в деревню установился тон огорченности своей судьбой и примиренія с ней только во имя религіознаго чувства.

Итак, переселеніе было рѣшено и об этом объявлено всѣм друзьям. Началась ликвидація имущества и приготовленіе к путешествію. Для нас, дѣтишек, все это, конечно, представляло огромный интерес особенно крупной авантюры. Было рѣшено ѣхать в двух экипажах на своих лошадях, т. е. на долгих, в далекій объѣзд по почтовому тракту, дорогѣ, которая была хорошо извѣстна отцу по его служебным поѣздкам. Для осуществленія этого плана откуда то была добыта дорожная коляска на стоячих рессорах, принадлежавшая когда-то польскому графу Потоцкому, который, то-ли возвращаясь из ссылки в Сибири, то-ли отправляясь в нее, почему-то бросил эту коляску в Вяткѣ. Вѣроятно, потому, что она имѣла ход шире колеи обыкновенных русских дорог, да еще при ѣздѣ качалась на рессорах, и была очень тяжела на ходу и требовала по крайней мѣрѣ четверки хороших лошадей. Для этого к трем нашим лошадям пришлось прикупить четвертую. Тут должны были помѣститься родители, я и повар Ѳедор на козлах вмѣстѣ с кучером. Другим экипажем была избрана огромная повозка, цѣлый Ноев ковчег, как ее и прозвали во время дороги. В нее должны были помѣститься три сестры и нянька вмѣстѣ с невѣроятным количеством багажа. Старшій брат был оставлен у дальних родственников учиться в гимназіи. Эта уже требовала пяти лошадей, которыя и были выписаны из деревни вмѣстѣ с кучером и подростком в качествѣ форейтора. Наконец, всѣ прощальные визиты и соболѣзнованія кончены, и назначен день выѣзда как-то в серединѣ лѣта; мать и сестры наряжены в бѣлые дорожные чепчики, а отец вооружен трубкой с длинным чубуком, которую он

обыкновенно курил, когда случалась какая-нибудь непріятность, и мы трогаемся по Казанскому тракту через слободу Хлыновку (1), а за нами слѣдовала цѣлая процессія долгуш, плетенок и городских экипажей с провожающими родственниками и друзьями моих родителей до перваго села «Краснаго», в пяти верстах от города, обычнаго мѣста всяких пикников и прогулок вятских обывателей — на высоком берегу Вятки-рѣки с прелестным видом на Зарѣчье и с тѣнистым хвойным лѣсом. Здѣсь назначен послѣдній привал с «чаем» и обычными прощаніями и пожеланіями... А дальше все по тракту и по тракту, уже без провожатых, до села Бурмакина, в 15 верстах от Вятки, гдѣ первый ночлег. Очарованіе ѣзды по этим старым трактам, которые теперь, конечно, большею частью вырублены, было в том, что под густыми сводами из березовых корон каждый звук от ѣзды или от колокольчиков раздавался, как в концертном залѣ. Это придавало путешествію какую-то особенную таинственность, и интриговало нас. Вообше же, как дороги, почтовые тракты были хороши только там, гдѣ дорожная повинность окрестных волостей выполнялась исправно. Там же, гдѣ мѣстныя власти об этом не заботились, густой тракт часто превращался в настоящее болото, ибо лучи солнца с трудом проникали сквозь густую листву и не успѣвали высушивать дороги от дождя до дождя, а крестьяне начинали объѣзжать такія мѣста стороною, лугами, поскотинами и т. п., прокладывая рядом безчисленное множество колей, которыя годились только для их легких телѣг. Для тяжелых же повозок это были настоящія ловушки. Все это предстояло нам испытать своим опытом. Как бы то ни было, мы в Бурмакинѣ. Уже на первых пятнадцати верстах обнаружилась нехватка в нашем снаряженіи: из пяти лошадей под большой повозкой одна, совсѣм молодая, оказалась слишком слабой, и ее пришлось промѣнять на здороваго гнѣдого мерина, который так и был прозван Бурмакин. Он оказался хорошим работ-

---

(1) У Вятичей об этой Хлыновкѣ сохранилась слѣдующая легенда. Когда новгородскіе ушкуйники поднимались из Камы вверх по рѣкѣ Вяткѣ и проходили мимо этого мѣста, гдѣ теперь находится Хлыновка, над ними пролетала стая лебедей и кричала: хлы, хлы, хлы. Они высадились и положили основаніе пригороду Хлынову, из котораго потом выросла Вятка, а Хлынов так и остался Хлыновкой.

ником, но страдал изрѣдка припадками, за что, конечно, и был сбыт с рук старым хозяином. Ночь прошла успѣшно в нашем таборѣ за околицей села под березками. Тут же была пріобрѣтена большая корзина для десятка кур и пѣтухов для нашего пропитанія в пути, которая и была прикрѣплена сзади большой повозки на дрогах. Так что отнынѣ мы путешествовали со своим даровым оркестром, особенно звучно звенѣвшим под сводами трактовых берез. Особенно памятно мнѣ одно раннее утро. Мы ночевали за околицей небольшой притрактовой деревни. Солнце только что начало всходить, освѣщая своими косыми лучами и туманныя дали и наш караван. Он только что просыпается. Кто разводит огонь, кто умывается, а кучера поят и кормят лошадей. Из деревни несет дымком, и торжествующій хор пѣтухов встрѣчает восходящее солнце; из-за стволов толстых берез уже выглядывают удивленныя и взволнованныя лица деревенских мальчишек, прибѣжавших посмотрѣть на знатных иностранных гостей. Наш отвѣтный оркестр гулко звенит под густым сводом. Было что-то чарующее и торжественное в этой картинѣ.

Дальше наш путь лежал через нѣсколько уѣздных городов Вятской губерніи: вот Нолинск, знаменитый во всей губерніи своими «нолинскими колокольчиками», — маленькими, но с чисто серебряным, «вишневым» звоном, — завѣтная мечта всякаго вятскаго заправскаго ямщика. Вот Уржум, вотяцкая столица, о которой только и помню, что безконечные заборы вдоль тѣх улиц, по которым мы ѣхали. Вот Малмыш, откуда нам приходилось свернуть с Казанскаго тракта на восток, на город Елабугу, стоящій уже на Камѣ, т. е. на южной границѣ Вятской губерніи. Собственно, рѣка Кама в этом мѣстѣ уже тогда отошла от Елабуги на нѣсколько верст к югу, оставив под высоким берегом широкую отмель в нѣсколько верст. Здѣсь помню, как у нас не хватило какой то зелени или плодов, и мы во всем городѣ могли найти лишь шесть черных слив, которыя и должны были скромно раздѣлить между собою. Отсюда до наших Сарапульских мѣст оставалось каких нибудь сотня верст и дорога шла по берегу Камы и уже была без березок, но почтовая и довольно хорошо утрамбованная. Кажется, в этой части пути, хорошо извѣстной отцу по прежней службѣ, у него произошел

такой интересный разговор со знакомым старшиной в одномъ башкирском селѣ.

— Ну, что-ж, Абдулл, что скажешь? Теперь вам назначены новые окружные начальники, довольны ли вы ими?

— Э, бачка, один начальник — один баран ташшил, два начальник — два баран ташшил, — наша все одна!

Я запомнил этот разговор потому, что впослѣдствіи взрослые не раз вспоминали о немъ.

Но гдѣ намъ предстояла дѣйствительная авантюра, такъ это подъ «Пьянымъ Боромъ», что на Камѣ, противъ устья рѣки Бѣлой. Дѣло въ томъ, что на протяженіи послѣднихъ двадцати или тридцати верстъ передъ этимъ селомъ берегъ рѣки тогда былъ покрытъ дѣйствительнымъ «боромъ», густымъ и темнымъ лѣсомъ, доходившимъ до самаго обрыва къ рѣкѣ. Случилось, что мы тутъ запоздали и были еще въ Бору, когда наступила безлунная ночь. Какимъ то образомъ лошади свернули съ главной дороги въ сторону на лѣсной проселокъ, и вотъ вдругъ лошади, шедшія почти шагомъ, остановились, какъ вкопанныя, и захрапѣли. Что такое? — Оказалось, что онѣ стояли буквально въ двухъ шагахъ отъ высокаго обрыва прямо надъ рѣкой. Можно себѣ представить, тотъ переполохъ, который вызвало такое открытіе, и тѣ усилія, которыя потребовались, чтобы выбраться съ двумя тяжелыми повозками изъ этого тупика. Помню, какъ подъ впечатлѣніемъ отъ этого происшествія и тѣхъ разговоровъ, которые велись нашими кучерами про захрапѣвшихъ лошадей, мнѣ съ просонья въ темнотѣ все мерещились горящіе глаза волковъ и другихъ страшныхъ животныхъ. Очевидно, дорога была протворена лѣсниками для подвозки бревенъ и для спуска ихъ внизъ къ рѣкѣ по желобамъ. Приходилось благодарить Бога, что и мы не спустились къ рѣкѣ со всѣмъ своимъ скарбомъ, но безъ желобовъ. Но, какъ говорится, нѣтъ того труднаго положенія, изъ котораго нельзя было бы найти выхода. И къ утру мы были въ «Пьяномъ Бору». А кромѣ того, это происшествіе послужило намъ и на пользу: добравшись до станціи, начали думать и о другихъ опасностяхъ этого берегового пути. Оказалось, что берегъ Камы довольно гористый и вдоль него есть немало довольно длинныхъ и крутыхъ подъемовъ, а наши колымаги настолько тяжелы, что лошади могутъ не вытянуть, и тогда имъ грозитъ опасность скатиться заднимъ ходомъ въ какой нибудь оврагъ или въ лучшемъ случаѣ опрокинуться въ канаву. Поэтому

отец немедленно рѣшил призвать кузнеца и поручил ему придѣлать к задку большой повозки двѣ крѣпкія упорины с желѣзными наконечниками, которыя при подъемѣ на гору опускались бы на землю и волочились бы за повозкой. Всѣ эти опасенія сбылись в дѣйствительности, как по писанному: уже под вечер того же дня пришлось подниматься на длинную-предлинную гору, всего верстах в двадцати от нашего будущаго дома. И вдруг одна из пристяжных под большой повозкой, не особенно сильная лошадь, что называется «затянулась в хомутѣ», закрипѣла и упала мертвой, вѣроятно, от разрыва сердца. Тут случилось именно то, чего опасались: тяжелая повозка покатилась назад, несмотря на всѣ усилія остальных лошадей. И если бы не упорины, сдѣланныя только утром, быть бы бѣдѣ. Пришлось оставить повозку с ея содержимым в темнотѣ на полгорѣ, а самим в колясκѣ на хороших лошадях поѣхать на ближайшую станцію — в пяти верстах — и выслать оттуда пару ямских лошадей, которая и привезла злосчастную колымагу. Это было большое село Каракулино, в пятнадцати верстах от Арзамасцева, откуда почти всѣ крестьяне ѣздили по воскресеньям на базар, т. е. мы были почти уже дома. Пришлось, конечно, тут заночевать, и выѣхать в наши помѣщичьи домэны только на другой день утром. Помню то множество любопытных и тревожных лиц, которыя выглядывали изо всѣх окон и ворот домов на нашем пути по селу к «барскому дому». Для всѣх них в этот момент, можно сказать, рѣшался вопрос: «быть или не быть». Случись это какими-нибудь пятью годами позже, и они встрѣчали бы не «новых господ», а самое давножданную волю.

С этого дня для меня настала совершенно новая полоса в моей дѣтской жизни.

В ДЕРЕВНѢ.

Село Арзамасцево — моя настоящая духовная родина, и не сказать о нем самом нѣсколькихъ слов было бы неправильно.

Вятское Прикамье, т. е. южный конец Вятской губ., в котором оно находится, конечно, извѣстно всѣм, кто ѣзжал

на камских пароходах, своими глинистыми красными берегами. Слава не блестящая. Но если судить по почвенной картѣ Россіи, то как раз по южной оконечности Прикамья прошла сѣверная граница средне-русской черноземной полосы. Откуда же тогда глинистые берега рѣки? А секрет в том, что в каких-нибудь восьмидесяти верстах вниз по Камѣ, в Елабужском уѣздѣ уже дѣйствительно имѣются черноземныя земли, тогда как в нашей части края, гдѣ Кама течет с востока на запад, черноземная граница перекочевала на лѣвый берег рѣки, в Уфимскую губернію. И все-таки, хотя у нас и нѣт настоящаго чернозема, но наши суглинистые бугры, которыми покрыт весь этот край, далеко не так безплодны, унылы и голы, как это может показаться случайному туристу, который сойдет с парохода, напр., в торговом селѣ Каракулинѣ и вздумает проѣхаться на лошадях через Арзамасцево в г. Сарапуль, столицу Прикамья, около пятидесяти верст, срѣзывая тот крутой поворот почти под прямым углом, который дѣлает в этой своей части Кама, мѣняя направленіе с юга на запад. В дѣйствительности эти суглинки при небольшом удобреніи и путевой обработкѣ могут давать очень недурные урожаи в 80-100 пудов ржи с десятины, а овса, яровой пшеницы или ячменя и того больше.

Да и вообще для меня, напримѣр, видѣвшаго их во всѣ сроки и во всѣх нарядах — ржаными, яровыми и под паром, в лѣтнюю сушь и в осеннюю слякоть, — эти бугры и теперь представляются не голыми и не унылыми, а всегда нарядными и привѣтливыми. Все дѣло в том, какими глазами смотрѣть. Как, бывало, возвращаешься домой из Питера послѣ зимней учобы и увидишь с ближайшаго бугра нашу красивую, раскрашенную в бѣлый с желтым, в петровом стилѣ, церковь на фонѣ темно-зеленаго большого хвойнаго лѣса за селом, так и охватит тебя восторг очарованія перед этой дѣйствительно живописной картиной. Из-за каждой точки ея на тебя смотрит что-то живое, сросшееся с тобой из пережитаго прошлаго...

Вот лѣсов в нашем краѣ было дѣйствительно мало, хотя мелких рѣченок, обросших кустарником, и до сих пор довольно много. За исключеніем барскаго лѣса, в Арзамасцевѣ, да в сосѣдней, тоже помѣщичьей, Шумшарѣ — верст на сорок во всѣ стороны — его не было. А кому он бывал

нужен, тому приходилось ѣздить «в Татары». Я и сам ѣздил, когда отцу понадобились при постройкѣ винокурни два особенно толстых, длинных дерева для валов, и он послал меня, тогда уже пятнадцатилѣтняго гимназиста, вмѣстѣ с рабочим за этими бревнами за сорок верст на лошадях. Цѣлый день взяло у нас вывезти эти два длинных бревна из глухого лѣса и довезти до дома. Был в свое время лѣс и тут, но крестьянскій, а крестьяне у нас вѣдь и до сих пор со своим лѣсом обращаться не умѣют. Коли пеньки да осинник — значит, крестьянскій лѣс. Но дѣло не в одной внѣшней природѣ, конечно. Люди всегда и вездѣ составляют самую цѣнную, самую важную и интересную часть всякаго куска жизни.

Арзамасцевцы не были аборигенами в этом краѣ: в сороковых годах прошлаго вѣка их переселили из Тамбовской губерніи. И прозвище они носили у сосѣдей — «Ягуты», потому что говор у них был сильно на гортанное **го:** припоминая чье-нибудь имя, они говорили: **таго, как яго.** Но по своему характеру и способностям они совсѣм не отвѣчали этому прозвищу, напоминающему что-то неуклюжее, неповоротливое и разгильдяйское. Напротив, это народ смѣтливый и способный. Среди них были очень недурные плотники, два кузнеца, один даже слесарь, учиться он посылался в Москву, и потому, конечно, горькій пьяница; четыре хороших ткача — двое тоже были в ученіи; много очень хороших рабочих. Отчасти это зависѣло именно от их крѣпостного состоянія, но, главным образом, все-таки от их природных способностей и той борьбы за существованіе, которую им пришлось выдержать среди туземцев, встрѣтивших их в первые годы по переселеніи очень недружелюбно и ревниво. Они были почему то, напримѣр, прославлены конокрадами, хотя для этого не было ровно никакого основанія; но в мое время эта позорная молва уже выдохлась. Зато она продолжала существовать в нашем краѣ в эту пору про татар (т. е. собственно башкир, составлявших когда то иррегулярную конницу татарскаго ханства), нѣсколько деревень которых почему то оказалось изолированно заброшенными в эту мѣстность из Казанскаго «царства». И появленіе татарина даже коннаго на улицах села сопровождалось обыкновенно улюлюканіем мальчишек и трав-

лей собаками. А потому татарину и не совсѣм безопасно было проходить через село. Но тут основаніем для клеветы мог служить тот факт, что татары ѣдят конину. А вот интересно, что как раз на другом берегу Камы, в Уфимской губерніи, гдѣ русскія деревни мѣстами оказывались таким же образом вкрапленными между башкирскими, им приписывалась та же позорная слава «конокрадов». И приходится заключить, что сѣмена узкаго національнаго растут во всякой деревнѣ. По темной традиціи, они рѣдко проявлялись в видѣ открытой вражды, но фактов большой взаимной симпатіи между сосѣдними деревнями мнѣ также не приходилось наблюдать.

Припоминаю такой случай. Это было уже в мои гимназическіе годы, когда мы с братом-студентом пріѣзжали из Петербурга только на каникулы. Дѣло было в серединѣ лѣта, в страду.

Проходя через двор в 12-м часу ночи из отцовскаго дома во флигель, гдѣ мы с братом помѣщались, мы были поражены огромным ярким заревом, покрывавшим одну половину неба. Очевидно, пожар был гдѣ то близко, может быть, в ближайшей сосѣдней деревнѣ, в двух-трех верстах, но со двора от нас ея не было видно. «Надо поѣхать узнать в чем дѣло», сказал я брату. «Как хочешь», отвѣтил он, «я пойду спать».

Пойти в конюшню, взять лошадь и осѣдлать ее было дѣлом нѣсколькихъ минут. А когда я выѣхал за околицу, передо мной не только открылась картина пылающей деревни, но с ближайшаго бугра был даже слышен треск горящих изб. А когда я пріѣхал туда, мнѣ представилось такое зрѣлище: горѣла часть домов на одной сторонѣ длинной улицы, но с подвѣтренной стороны. Народу в деревнѣ — ни души, — очевидно всѣ спять в полѣ по случаю страды; а по улицѣ бѣгает обезумѣвшій дѣд с лукошком яиц на шеѣ, да косяк молодяшек лошадей носится, как вихрь, мимо моря пламени из конца в конец улицы. Было ясно, что, если не остановить быстро огонь, к утру от довольно большой деревни останутся однѣ головешки. Приходилось, значит, попытаться добыть помощь из нашего села. Для этого я рѣшил поднять на ноги начальство — старшину в волостном правленіи. Не особенно легко было сдѣлать это. Когда ему было объяснено положеніе, он не выказал особенной готовности к энергич-

ному дѣйствію; и если бы мой отец не был мировым посредником хотя бы и сосѣдняго участка, он, вѣроятно, не проявил бы никакой энергіи. Как бы то ни было, оставивши его собственному усмотрѣнію, я поѣхал к церкви и ударил в набат в особый имѣвшійся для этого колокол. Сбѣжалось десятка два сонных мужиков и подростков, и когда я им объяснил, в чем дѣло, они были очевидно не особенно довольны тѣм, что их обезпокоили по-напрасну, «а они думали, что у них, а то в Быковѣ»... Усиленно почесывая затылки, мнѣ отвѣтили в таком родѣ: — «а ты это, Василич, дужаешь, — случись, Боже чего сохрани, такая то бѣда у нас, быковцы, небось, так и побѣжали нам помогать? Паси карман!» Однако общими усиліями с начальством удалось через полчаса выслать в Быково пожарную команду и человѣк десять людей. И благодаря их своевременной помощи, прибѣжавшим к тому времени с полей быковцам удалось локализовать огонь, хоть это и взяло цѣлую ночь. Но большая часть деревни была спасена... Утром, часов в семь пріѣхал мой брат, когда уже все было фактически кончено. А через недѣлю в мѣстном официозѣ стояло, что в ночь такого то числа деревнѣ Быково, Арзамасцевской волости грозила опасность выгорѣть до тла от свирѣпаго пожара при сильном вѣтрѣ. Но деревня была спасена, благодаря энергіи и распорядительности мѣстнаго помѣщика Петра Васильевича Чайковскаго, т. е. моего брата. Это было жестоким испытаніем моему юношескому самолюбію (1). Но дѣло не в этом, а в том глубоком равнодушіи к судьбѣ своих ближайших сосѣдей, которое проявилось во всей этой исторіи в населеніи нашего края. Для характеристики его же слѣдует отмѣтить, что в 40-х годах, в Николаевскія времена эта же мѣстность была ареной картофельнаго бунта. А в 70-х годах здѣсь же появилась среди крестьян религіозно-политическая секта **немояляев** или **немоляк**, об которой рѣчь впереди.

А теперь возвращаюсь к своему повѣствованію.

***

Ну, вот мы и на новом пепелищѣ. Пока там взрослые выгружаются да разбираются, меня уже тянет осмотрѣться:

---

(1) Так пишется исторія.

бѣжать по длинному ряду больших и маленьких комнат, в которых мы будуем жить, выскочить на балкон и взглянуть на открывающійся с него вид на большой сад через дорогу, на огромный пруд за садом, на ряды крестьянских дворов и огородов, охвативших пруд полукругом, на церковь с площадью налѣво от дома и на рѣчку с темным лѣсом за нею направо, спѣшить на двор, гдѣ должно быть столько новаго и интереснаго. Кое-что одним глазом я уже успѣл схватить, как только мы въѣхали в ворота и высаживались: это зеленая мурава по всему двору, какая то низкая постройка с огромной колодой подлѣ нея в самой серединѣ и с высокими службами вокруг — вѣроятно, конюшня, каретник, амбары и т. п. При первом же моем приступѣ к осмотру всего этого в подробностях у меня оказался вполнѣ компетентный чичероне в лицѣ Петьки, сына Захара, садовника, мальчика немного старше меня, бѣлокураго с широким лбом и очень проворнаго. Мое знакомство с ним произошло в первый же день в каретникѣ, подлѣ стоявшей там долгуши, причем я нашел почему то нужным сообщить ему, что у нас в Вяткѣ были двѣ долгуши — одна большая, парная, а другая маленькая, одиночная. Он же в отвѣт довел до моего свѣдѣнія, что и здѣсь были двѣ долгуши, но что одну зачѣм то отправили в город. А раз таким образом знакомство произошло на нейтральной почвѣ, из Петьки, как из рога изобилія, посыпались самыя разнообразныя свѣдѣнія, которыя всѣ меня очень интересовали: сколько у нас лошадей ходит в табунѣ в полѣ, сколько было нынче жеребят в нем, что слѣпой конюх Политъ (Ипполит) может на ощупь узнать всякую свою лошадь, что его тятька часто ѣздит в город за покупками для барскаго двора, что у старой ключницы Василисы, которая живет во флигелѣ, есть внученок Васька сопливый, но с ним никто из ребят не хочет играть, потому что он обыкновенно «люсит» (испорченное «хлюздить») и т. д. и т. д.

На первый раз под руководством Петьки была осмотрена конюшня, сдѣлано знакомство с Борисом, очень маленькаго роста, но очень строгим, с его братом, слѣпым Политом; успѣли побѣжать и кругом сада, но тут меня позвали домой обѣдать.

В слѣдующіе дни мое практическое знакомство с по-

ложеніем дѣла продолжалось с неменьшим успѣхом. И скоро среди других цѣнных знаній, мнѣ сдѣлалось извѣстным очень важное для меня обстоятельство: через улицу от барскаго двора при нем имѣется «ткацкая», гдѣ постоянно работают пять ткачей, а у этих ткачей есть мальчики Петькинаго же возраста, которые и учатся у них работать; и сам он ходит туда учиться наматывать шпульки и связывать нитки на стану. Ближайшее ознакомленіе с этим учрежденіем состоялось не тотчас же, вѣроятно, потому, что, как городской ребенок, я был застѣнчив и не рѣшался лѣзть, куда меня не спрашивали. Однако Петька понял свою роль очень скоро — выдумывать новое и новое для посвященія меня во всѣ секреты и развлеченія деревенской жизни. И вот однажды он предложил выйти на задворки барскаго двора, на ту улицу, гдѣ стояла «ткацкая». В это время перед нею посреди улицы шла оживленная игра в бабки между 6-7 лѣтними мальчиками из ткацкаго населенія. Для меня эта игра была совершенной новостью и, конечно, страшно заинтересовала меня. Через какіе-нибудь полчаса времени, благодаря посредничеству того же моего чичероне, я уже принимал дѣятельное участіе в игрѣ. С этого момента началось мое общественное воспитаніе в деревнѣ, и «ткацкая» сдѣлалась центром его. Послѣ игры знакомство с ея молодым поколѣніем произошло легко. А ткачи, работавшіе там, просто не обратили на меня вниманія. Потом только я узнал, что так как двое из них учились гдѣ то под Москвой, то и считали себя в деревнѣ в нѣкотором родѣ аристократіей. Так уже установилось, что эти пять ткачей со своими большими ткацкими станами, на которых никто, кромѣ них, не мог работать, представляли из себя учрежденіе в учрежденіи и пользовались немалыми привилегіями. Они получали пряжу вѣсом и работали поштучно. А все свободное время, какое у них оставалось, могли работать на себя и продавать свои издѣлія на сторону. С поштучной работой их не тѣснили, и у них получалось довольно независимое положеніе. Кромѣ того, по пріѣздѣ самих господ, ни пракизчики, ни экономка до них касательства не имѣли, а вѣдала «ткацкой» — сама моя мать.

Отсюда в моей области получалось то, что и ребята

этих ткачей составляли сплоченную, толковую и довольно независимую компанію, с которой мое сближеніе наладилось далеко не сразу, а из этого получился цѣлый романъ. Несмотря на свой небольшой возраст, 8-12 лѣт, большая часть из них была мастерами по части всяких игр: в лапту, в шар, в городки, бабки и т. п., а кромѣ того, обладала немалым опытом по устройству всяких сезонных экскурсій в поле, лѣс и луга за разными шишками, корнями, дудками и травами, которые отчасти, как деревенскія лакомства, служили дополненіем к их обычному menu, а отчасти просто предлогом для занятных экспедицій. Войти в эту компанію на правах члена, — значило принимать дѣятельное участіе во всем этом. Вначалѣ со мною играли в невинныя дѣтскія игры около дома, как прятки, пятнашки и т. п. в болѣе же серьезныя забавы меня не посвящали. И я это замѣчал. Наконец, однажды мнѣ было сдѣлано совершенно своеобразное предложеніе — идти «барскій горох воровать», при чем много говорилось о дѣдѣ Фирсѣ, как о слѣпом, полуглухом старикѣ, который вѣчно дремлет в своем шалашѣ на гороховом полѣ и котораго провести ничего не стоит. Я согласился, заинтересовавшись, конечно, не горохом, а авантюрой этого полувоеннаго предпріятія. Предложеніе, очевидно, было сдѣлано с ехидной цѣлью испытать мою лояльность по отношенію к барскому двору. Тѣм болѣе, что успѣх предпріятія был обезпечен: по одну сторону гороховаго поля проходила высокая полевая изгородь, а шалаш Фирса стоял на другом его концѣ; перелѣзть через эту изгородь, нарвать охапку гороха вмѣстѣ с соломой и вернуться назад — для такой проворной компаніи было дѣлом двух-трех минут, а дѣду Фирсу проснуться, вылѣзть из шалаша и добрести до изгороди требовалось втрое больше. Мы даже поиздѣвались над ним, нарочно поднявши крик, когда сидѣли на заборѣ уже на обратном пути. Одним словом, экспедиція против Фирса удалась блестяще: мы услыхали позади себя его сердитую брань: — «у, я вас, пострѣлят!» — и уже далеко от гороховаго поля. Дома я, конечно, об этом походѣ ничего не разсказывал, да и вообще не посвящал даже мать в секреты своих игр и проказ с ребятами.

Послѣ этого эпизода мои отношенія с «командой» на-

чали как-будто налаживаться; у меня стали являться новые и новые случаи выучиться и другим болѣе сложным играм и принять участіе в нѣкоторых охотничьих экспедиціях, напр., копать в полѣ хорьков. Результатом охоты был один живой хорек, котораго привели домой привязаннаго за заднюю лапку и пригоршни отборнаго ячменнаго зерна, заготовленнаго звѣрком в своей норѣ на зиму. Шкурка этого хорька к зимѣ, конечно, оказалась уже на шапкѣ одного из ребятишек. Таким образом, все, значит, шло по хорошему.

ШКОЛА.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.

Поступил я в Петербургскій университет в сентябрѣ 1868 г. на физико-математическій факультет.

Почему я взялся за естествознаніе?

Это опредѣляется тѣми вліяніями, под которыми я находился в теченіе послѣдних лѣт своего гимназичества.

Старшій (и единственный) брат мой, Петр (на четыре года старше меня), был студентом естественником, а я, будучи гимназистом, жил с ним в одной комнатѣ. Я присутствовал при всѣх разговорах брата с его товарищами, когда они приходили к нему. Среди них, впрочем, не было таких фигур, которыя могли бы импонировать мнѣ лично, за исключеніем, может быть, одного, страстнаго зоолога и дѣятельнаго работника, который впрочем скоро умер. Фигуры остальных принадлежали к обычному типу барских отпрысков, находившихся на пути к чиновной карьерѣ. Эта среда вліяла не своими индивидуальными характерами и талантами, а своим факультетским патріотизмом. Слушая их, выходило, что пріобрѣсти нужныя и точныя знанія **можно** было только на физико-математическом факультетѣ, т. е. на одном из двух его отдѣлов — математическом или естественных наук. Юри-

сты — пустозвоны; филологи — буквоѣды и чиновники; восточно-язычники вызывали улыбку при одном упоминаніи, а медицинскаго факультета в Петербургском университетѣ не было; его замѣняла особая Медицинская Академія. Таким образом, однѣ точныя науки пользовались в их средѣ уваженіем и заслуживали вниманія. И это не потому, что они особенно усердно ими занимались, а больше по модѣ: это вѣдь была пора, когда Писарев и нѣмецкіе матеріалисты еще не перестали быть властителями душ молодежи; Добролюбов и Чернышевскій еще не успѣли смѣнить их на этом посту.

Но было еще одно обстоятельство, которое рѣшило вопрос о том, по какой дорогѣ меня направить.

Это присутствіе среди знакомых брата нѣкоего неудачника философа — Автократова, кандидата Духовной Академіи, котораго готовили на высокій пост духовной іерархіи и для этого послали за границу на казенный счет для усовершенствованія в богословских и философских науках. Но, даровитый от природы человѣк, он пріобрѣл в Германіи дурную привычку искать просвѣтленія своей философской мысли, охваченной безвыходным пессимизмом, в спиртных парах Bierhalle. И в результатѣ, можно сказать, пропил свой большой ум и послѣ цѣлаго ряда крупных скандалов с полиціей, в цензурѣ, у духовнаго начальства в пьяном видѣ и, наконец, даже в III отдѣленіи, куда его не велѣно было больше пускать — был сослан в монастырь и там умер.

Этот неудачный, но образованный философ, когда он был пьян, был очень интересен в своей рѣзкой критикѣ всѣх без исключенія тогдашних властителей дум русской интеллигенціи и без труда, конечно, одерживал побѣды над молодежью, когда вступал с нею в идейные диспуты. С моим братом у него завязалась дружба на почвѣ изданія книжки Льюиса и Милля об Огюстѣ Контѣ. Он убѣдил брата достать у наших родственников деньги для пріобрѣтенія изданія этой книги у извѣстнаго юриста Н. А. Невигодова, недорого продавшаго ее для болѣе успѣшнаго распространенія. По этому поводу Автократов часто бывал у нас, а потом и поселился через улицу от нас и приходил почти каждый день. Ко мнѣ, тогда мальчику 14-15 лѣт, он сильно привязался и стал интересоваться моим развитіем и будущим. Совмѣстно с бра-

том они рѣшили тогда же начать мое философское образованіе с изученія положительной философіи, а не Гегеля и не марксистов, которые уже становились модными, и засадили за чтеніе этой самой книги о системѣ Огюста Конта.

Вліяніе на меня Огюста Конта — непосильное — надломило здоровье, изнасиловало мою мысль и языкъ, но подвинуло в развитіи моей интуиціи и направило на изученіе природы и положительных наук. Таким образом, я стал интересоваться естествознаніем, еще будучи гимназистом, и с 6-го класса поэтому уже начал элементарную работу по химіи в школьной лабораторіи VII гимназіи в Петербургѣ, а потом в университетѣ продолжал эту работу, начиная с 1-го курса в анатомической лабораторіи. Вліяніе студенческой среды моего брата таким образом совпало с вліяніем Автократова и Конта, и я оказался 18-ти лѣт кандидатом в ученые естествоиспытатели. Послѣдствія показали, что это была крупная ошибка, ибо строгой научной, точной мысли у меня не было...

Н. В. Чайковскій.

В «КРУЖКѢ ЧАЙКОВЦЕВ».

I.

В концѣ 60-х годов в Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, на Б. Вульфовой улицѣ, помѣщалась, хорошо извѣстная среди учащейся молодежи, студенческая «коммуна». В студенческих кругах о ней говорили, как о «прародительницѣ» (1) подобных общежитій. Радикальная молодежь охотно посѣщала «Вульфову коммуну»; пріѣзжавшіе из провинціи нерѣдко получали в ней свое первое идейное крещеніе и первый импульс к своей дальнѣйшей дѣятельности. Там же довольно часто происходили, весьма людныя по тѣм временам, студенческія сходки (2).

Причина особой популярности «Вульфовой коммуны» заключалась в том, что в ней жили незаурядные и пользовавшіеся в студенческой средѣ большим вліяніем люди. Идейными руководителями «коммуны» были М. А. Натансон и В. М. Александров, оба студенты Военно - Медицинской Академіи. М. Натансон в свое время создал студенческую библіотеку при Академіи. В 1869 году М. Натансон и В. Александров состояли выборными библіотекарями этой библіотеки-читальни, очень скоро сдѣлавшейся центром, объединявшим студентов Академіи, своего рода «якобинским клубом», как ее в шутку называли ея усердные и многочисленные посѣтители (3). В самой «коммунѣ» М. Натансон был, безспорно, мозгом, а В. Александров нервами. Первый был человѣком, отличавшимся «глубокомыслiем, обширной

---

(1) А. И. Корнилова - Мороз. «Перовская и основаніе кружка чайковцев». «Каторга и ссылка». 1926 г. № 22.

(2) И. Е. Деникер. Воспоминанія. «Каторга и ссылка». 1924 г. № 11, стр. 24.

(3) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. П. 1924 г., стр. 61 и 67.

начитанностью и большим организаторским талантом» (4); второй — большой подвижностью, пылким, увлекающимся темпераментом и несомнѣнными ораторскими данными (5). В мемуарах лиц, близко стоявших к «революціонному» движенію конца 60-х и начала 70-х годов, часто встрѣчаются упоминанія о «Вульфовой коммунѣ», при чем авторы этих воспоминаній согласно утверждают, что «Вульфова коммуна, Натансон и Александров были хорошо извѣстны и пользовались большой популярностью среди учащейся молодежи» (6). Кромѣ указанных двух лиц, в коммунѣ жили: А. И. Сердюков, В. С. Ивановскій, И. А. Рождественскій и И. И. Добровольскій.

Весной 1869 года волна студенческих волненій прокатилась по высшим учебным заведеніям Петербурга. Волненія начались с Военно-Медицинской Академіи, гдѣ они возникли на почвѣ экзаменаціонных недоразумѣній. Одна из руководящих ролей в этом движеніи принадлежала М. Натансону. Тогда же, непосредственно вслѣд за студенческими волненіями того года (7), М. Натансон и В. Александров приступают к созданію постоянной студенческой организаціи, что, при их вліяніи и популярности, им вполнѣ удается сдѣлать. Вновь созданная организація получает в радикальных кругах петербургской учащейся молодежи наименованіе «Кружка Натансона-Александрова», или просто «кружка Натансона». Этим именем ее называют в числѣ прочих и видные «чайковцы» — А. Корнилова, И. Чарушин, М. Ланганс, сам Н. В. Чайковскій и нѣк. др.

«Кружок имѣл в виду объединить представителей всѣх, игравших тогда роль, высших учебных заведеній Петербурга» (8). В него вошли помимо основателей: член «Вульфовой коммуны» А. И. Сердюков, от той же Медицинской Академіи; Н. К. Лопатин от Технологическаго Института и, наконец, самый молодой из всѣх, студент физико-математическаго фа-

---

(4) И. Чарушин. Кружок чайковцев. М. 1926 г., стр. 92.
(5) И. Е. Деникер. Воспоминанія. «Каторга и ссылка. 1924 г. № 11, стр. 28-29.
(6) А. И. Корнилова - Мороз. «Перовская и основаніе кружка чайковцев». «Каторга и ссылка». 1926 г. № 22, стр. 22.
(7) Н. В. Чайковскій. Рецензія на книгу В. Богучарскаго «Активное народничество». Голос Минувшаго. 1913. № 6, стр. 249.
(8) Н. В. Чайковскій. Там же, стр. 250.

культета Н. В. Чайковскій — от Университета. Короткое время к кружку принадлежал еще один медик — Д. М. Герценштейн.

Главной практической задачей, которую поставил себѣ кружок, было, так называемое, «книжное дѣло». Оно заключалось «в распространеніи, как в Петербургѣ, так и в других университетских городах, хорошо подобранной тенденціозной литературы, с присоединеніем к ней, по возможности, запрещенных или изъятых сочиненій (преимущественно Чернышевскаго)». Книги эти, пріобрѣтаемыя у петербургских издателей, главным образом, у Н. Полякова, а иногда, и цѣлыя изданія, купленныя за полцѣны, распространялись по большей части в кредит или с уступкой от 20-70% через посредство мѣстных студенческих групп или политических ссыльных. Одновременно «кружком Натансона» было рѣшено устраивать кружки самообразованія, землячества и коммуны среди учащейся молодежи, а вмѣстѣ с тѣм стараться о выработкѣ и принятіи всѣми кружками самообразованія одинаковой в общих чертах программы чтенія и занятій (9).

Уже лѣтом 70-го года книги, разсылаемыя кружком, можно было встрѣтить даже в далекой провинціи: в Вяткѣ, в Крыму, в Воронежской губерніи, при этом лица, получавшія и в свою очередь распространявшія книги по удешевленным цѣнам, нерѣдко знают источник их происхожденія. «Общество такое есть в Петербургѣ», говорят они. «Во многих городах были заведены маленькія библіотеки из подобных книг, главным образом, для гимназистов и семинаристов» (10). В Харьковѣ весной 71-го года руководитель мѣстнаго кружка самообразованія Я. И. Ковальскій по своем

---

(9) Л. Шишко. Сергѣй Михайлович Кравчинскій и кружок чайковцев. Отд. отписк, стр. 16. Л. Шишко, вступившій в «кружок Чайковскаго» в 72 г., говорит, что свѣдѣнія о дѣятельности «первоначальнаго кружка» были ему «доставлены Н. В. Чайковским, просматривавшим мою рукопись». Это обстоятельство подтверждается и И. Чарушиным (Кружок чайковцев, стр. 88). Наконец, сам Н В. Чнйковскій свидѣтельствует, что Л. Шишко «правильно» полагает первоначальную цѣль «кружка», как она понималась тогдашними основателями (Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 180).

(10) Деникер. Воспоминанія. «Каторга и ссылка». 1924 г. № 11, стр. 30-31.

возвращеніи из Петербурга, гдѣ он вошел в сношенія с «кружком Натансона», предложил устроить филіальное отдѣленіе «книжнаго дѣла» и это предложеніе было принято единогласно (11).

Отдѣльныя воспоминанія до извѣстной степени раскрывают также и характер, а вмѣстѣ с тѣм и степень успѣха той «пропаганды», которую вел «кружок Натансона» среди учащейся молодежи Петербурга.

На первой же сходкѣ, происходившей в помѣщеніи «Вульфовой коммуны», на которую вскорѣ по своем пріѣздѣ в Петербург попал И. Деникер, выступил Д. М. Герценштейн с рѣчью «о пользѣ распространенія книг в народѣ». Оратор убѣждал собравшихся, что «помочь страждущему народу можно лишь распространеніем образованія, что с этой цѣлью образуются уже кружки, занимающіеся разсылкой книг в уѣздные города и деревни». Это выступленіе имѣло несомнѣнный усѣх. Осенью 70-го года, на одной из сходок, происходивших в Лѣсном Институтѣ, В. Александров произнес «довольно длинную рѣчь, в которой говорил, что мы хотим спасать народ, а сами ничего не знаем; что нам надо начать с того, чтобы учиться... изучать политическую экономію, затѣм перейти к психологіи, исторіи и соціологіи; что существуют уже нѣкоторые кружки, в которых происходят занятія в извѣстной системѣ и что надо, как можно, больше заводить подобных кружков. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе на многих» (12). Тогда же осенью Е. Ковальская присутствовала на двух собраніях учеников юнкерскаго училища. Первым «собраніем руководил М. А. Натансон, развивая программу чтенія для юношей, желающих себя подготовить для работы в народѣ... Всѣ слушали молча, с большим

---

(11) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», стр. 56-57. Какого рода изданія распространялись в это время кружком Натансона видно из воспоминаній И. Деникера, которому В. Александров передал для распространенія «цѣлую кучу книг». «В числѣ этих книг были: Флеровскаго «Положеніе рабочаго класса» и «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати», Бокля «Исторія Цивилизаціи»; Торнтона «Труд»; Щапова «Соц.-экономич. условія умственнаго развитія русскаго народа»; Спенсера «Основные принципы» и «Біологія»; Сѣченова «Рефлексы головного мозга»; Мотлей «Исторія Нидерандской революціи»; Минье «Исторія французской революціи» и др.

(12) И Е. Деникер. Воспоминанія. «Каторга и ссылка». 1924 г. № 11.

благоговѣніем... Вторым собраніем руководил кто то другой, мнѣ почему то вспоминается фамилія Лопатина (но не Германа), однако, в этом я не увѣрена» (13).

Прямым результатом подобной пропаганды явилась организація в Петербургѣ ряда «кружков самообразованія». Тѣм из них, в котором принимал участіе И. Деникер, руководил непосредственно В. Александров, вскорѣ заявившій кружку, что «пока нужно обождать с занятіями и употребить всѣ усилія на «книжное дѣло».

Несомнѣнный успѣх дѣятельности натансоновскаго кружка еще болѣе оттѣнялся тѣм обстоятельством, что проповѣдь культурной работы противопоставлялась в данном случаѣ боевым призывам Нечаева. М. А. Натансон, разсказывает в своих воспоминаніях О. В. Аптекман, с 1869 г. занимался «пропагандой» среди молодежи. Пропаганда эта имѣла главной цѣлью борьбу с Нечаевским вліяніем. «М. Натансон выступал публично на сходках с рѣзкой, горячей, непримиримой филиппикой против Нечаева» и его призывов к непосредственному революціонному дѣйствію. Успѣх выступленія М. Натансона был большой. «Нечаев терпит пораженіе в высших учебных заведеніях и переносит свою агитацію в замкнутыя ячейки и кружки молодежи» (14).

Таким образом, члены «кружка Натансона» в своей дѣятельности исходили из «желанія помочь страждущему народу», «освободить народ из под гнета». Но самыя формы этой дѣятельности рисовались натансоновцам прежде всего в видѣ длительнаго и систематическаго самообразованія. И если иногда они и жертвовали интересами самообразованія ради иной практической цѣли, то они это дѣлали для болѣе успѣшнаго развитія родственнаго самообразованію «книжнаго дѣла». Среда, в которой натансоновцы вели свою пропаганду, — это исключительно учащаяся молодежь, которая, по мнѣнію членов кружка, и была нравственно обязанной помогать страждущему народу. В своих мечтах члены кружка могли стремиться к полному переустройству политических и общественных отношеній, но, несмотря на всю свою, под-

---

(13) Е. Ковальская. Из моих воспоминаній. Каторга и ссылка. 1926 г. кн. 22, стр. 33-34.

(14) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», стр. 68 и 202.

час революціонную, фразеологію, они в своей практической дѣятельности являлись чистыми «культурниками» и рѣшительно отвергали всякую возможность непосредственнаго революціоннаго дѣйствія. Одноій из основных черт духовнаго склада всѣх натансоновцев была, таким образом, их убѣжденная вѣра в силу разума и знанія, в то, что «освобожденіе народа из под гнета» достигается вѣрнѣе и прежде всего побѣдой просвѣщенія над невѣжеством и предразсудками.

В подобной оцѣнкѣ практическаго значенія просвѣтительной работы «кружок Натансона» далеко не был одиноким. Значительное большинство, как петербургских, так и провинціальных, кружков молодежи в концѣ 60-х годов стояло на той же точкѣ зрѣнія (15).

Уже к началу 70-х годов, по сравненію со всѣми довольно многочисленными студенческими кружками не только Петербурга, но и других университетских городов — в одном Петербургѣ их насчитывалось 15-20 — «кружок Натансона» сдѣлался наиболѣе значительным и вліятельным. Это признается не только сторонниками кружка, но и тѣми, кто до извѣстной степени являлись его противниками. И по словам бакуниста С. Ф. Ковалика, к началу 71-го г. «наибольшее значеніе, как по числу участников, так и по размѣрам практической работы, имѣл кружок, образовавшійся из так называемой «Вульфовой коммуны» (16).

Приблизительно в то же время, когда начал свою работу натансоновскій кружок, спеціально среди женской учащейся молодежи Петербурга, стала играть довольно замѣтную роль группа студенток, ближайших знакомых и подруг сестер Корниловых, четырех дочерей одного из основателей и совладѣльцев извѣстнаго фарфороваго завода. Из своих многочисленных знакомых, с которыми сестры Корниловы постоянно встрѣчались в аудиторіях различных курсов и на

---

(15) Старик. Движеніе 70-х годов по «Большому процессу». Былое, 1906 г. № 10.
Воспоминія Л. Тихомирова. М. 1927 г., стр. 47 и 51.
О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», стр. 52.

(16) Старик. Движеніе 70-х годов. Былое. 1906 г., № 10, стр. 8.

собраніях, «посвященных самообразованію и самоусовершенствованію», наиболѣе близкими к ним были С. Л. Перовская, двѣ сестры Перетц, М. П. Лешерн, А. К. Вильберг, О. А. Шлейснер, А. Я. Ободовская, Н. К. Скворцова и Е. И. Ковальская. Какой нибудь организаціи, формальнаго «кружка» эти лица не составляли. Онѣ вполнѣ довольствовались самым фактом частых встрѣч, совмѣстных занятій и тѣснаго духовнаго общенія.

Между кругом ближайших друзей и знакомых сестер Корниловых и «кружком Натансона» было, несомнѣнно, много общаго. То же стремленіе к самообразованію, тѣ же книги, наложившія ярко выраженный отпечаток на все их міровоззрѣніе, то же желаніе «помочь народу», наконец, та же простота и ригоризм жизни. К тому же М. Натансон был хорошо знаком с О. Шлейснер (впослѣдствіи она сдѣлалась его женой), В. Александров с своей стороны был знаком с А. Вильберг и кромѣ того, оба они знали сестер Корниловых, в домѣ которых неоднократно бывали. Отдѣльные представители этих групп, хотя и рѣдко, но все же встрѣчались иногда и въ области практической дѣятельности. Так, на одном из собраній учеников юнкерскаго училища, послѣ Натансона, «выступила Ольга (Шлейснер) с горячим призывом помочь народу освободиться из под гнета». Еще до возникновенія «Вульфовой коммуны», вскорѣ послѣ окончанія гимназіи, встрѣчался в одном общем кружкѣ со многими из подруг сестер Корниловых и Н. В. Чайковскій. По этому поводу в заключительной части своих воспоминаній, представляющей из себя краткій, схематическій набросок отдѣльных мыслей и фактов, Н. В. Чайковскій пишет: «Товарищескій кружок из бывших однокашников по гимназіи — чтеніе Спенсера... Другой кружок у А. М. Корба для общественной дѣятельности, куда я попал через Н. Аф. Глушкова. Члены: Шлейснер, Н. А. и Л. Корниловы, С. Л. Перовская, Витберг... Из школы ничего не вышло, но знакомства были сдѣланы и легли прочными камнями в жизни будущаго в кружкѣ Чайковцев».

Однако, на пути к объединенію двух групп нѣкоторое время стояло нежеланіе С. Перовской, Е. Ковальской, А. Корниловой и нѣкоторых других допускать «смѣшанные кружки с мужчинами», так как «послѣдніе болѣе развиты и будут

подавлять самостоятельное развитіе женщин» (17). Тѣм не менѣе, объединеніе обѣих групп все же произошло весной 71-го года, при чем первыми, наиболѣе рѣшительными сторонницами этого сближенія в женской средѣ явились А. Корнилова и С. Перовская, еще в началѣ того же года горячо ратовавшія против возможности совмѣстной работы с мужчинами.

Объединеніе двух групп произошло при слѣдующих обстоятельствах. «Кружок Натансона» в виду своей все расширявшейся дѣятельности весной 71-го года встал перед необходимостью пополнить свой состав новыми лицами. Самыя лица, которых было желательно ввести в состав кружка, были уже заранѣе намѣчены. Но для того, чтобы быть окончательно увѣренными в своем выборѣ, члены «кружка» рѣшили, согласно предложенію, сдѣланному М. А. Натансоном и Н. В. Чайковским (18), организовать из намѣченных лиц «кружок самообразованія» и предложить участникам кружка провести лѣто 71-го года в одной общей «коммунѣ».

Совмѣстная жизнь и участіе в «кружкѣ самообразованія» должны были дать возможность лучше присмотрѣться к намѣченным людям и сдѣлать болѣе безошибочно выбор будущих участников общей работы.

Так возникло вверх по Невѣ, в Полюстровѣ, в дачном поселкѣ Кушелевкѣ, «общежитіе», которое, как это вѣрно отмѣчено Н. В. Чайковским, «сыграло довольно важную роль в исторіи кружка» (19).

К участію в Кушелевском «Кружкѣ самообразованія» были приглашены: Н. Чайковскій, И. Левашев (студенты университета), М. Натансон, А. Сердюков, Н. Лопатин (медики), И. Вернер, Басов, Кокушкин (технологи) и готовящійся к поступленію в Технологическій Институт М. Купреянов; из женщин были приглашены Александра и Любовь Корниловы, С. Перовская, О. Шлейснер, А. Ободовская и Н. Скворцова. Однако, А. Сердюков, А. Корнилова и А. Ободовская, хотя

---

(17) Е. Ковальская. Из моих воспоминаній. Каторга и ссылка. 1926 г., кн. 22, стр. 33.

(18) А. Корнилова. Там же, стр. 23.

(19) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 131.

и согласились войти в «кружок самообразованія», но не поселились на общей дачѣ и остались жить в городѣ (20).

Довольно живое описаніе своего перваго посѣщенія Кушелевской коммуны дает Н. Чарушин. Еще перед его отъѣздом из Вятки, куда успѣли уже дойти слухи об этой коммунѣ, Н. Чарушина предупреждали, чтобы он остерегался в Петербургѣ «знакомства с кружком неблагонадежных лиц, поселившихся этим лѣтом на дачѣ (чайковцы), которое не безопасно и может его погубить». Это предостереженіе вызвало как раз обратное дѣйствіе. Будучи давно знакомым с Н. Лопатиным, Н. Чарушин, сейчас же по своем пріѣздѣ в Петербург, поспѣшил отправиться в Кушелевку. «Встрѣтил меня, разсказывает он, невѣдомый мнѣ, красивый, высокій молодой человѣк с каштановыми волосами окладистой небольшой бородой, с пріятным выразительным лицом, который оказался Чайковским... Послѣ довольно длительной бесѣды, Чайковскій, ни с кѣм меня не знакомя, повел в сад, проходя по которому, я увидѣл небольшую, но интересную группу молоденьких дѣвиц, полулежавших вблизи дорожки, по которой мы проходили, одѣтых в мужскія рубашки и шаровары. Особенно запечатлѣлись мнѣ из этой группы двѣ: одна, самая юная из них, чрезвычайно миловидная бѣлокурая дѣвушка, с пухленькими, розовыми щечками, с высоким, выпуклым лбом и голубыми глазами и рядом с ней другая, пожалуй, даже болѣе красивая, но с болѣе строгим и суровым выраженіем лица. Первая, как я узнал позднѣе, была

---

(20) Д. М. Герценштейн к этому времени уже не принадлежал к составу Натансоновскаго кружка. Отсутствіе же среди названных лиц В. Александрова несомнѣнно объясняется тѣм обстоятельством, что к этому времени он был сильно скомпрометирован своим участіем на сходках в Лѣсном Институтѣ. В началѣ 70-го года он около 3-х недѣль находился в заключеніи по дѣлу об этих сходках и в дальнѣйшем подлежал высылкѣ на родину под надзор мѣстных властей. Еще до поселенія в Кушелевкѣ члены «кружка Натансона» старались скрыть Александрова от полиціи. (А. Корнилова назв. соч. стр. 18). В том же 71 г., когда образовалась Кушелевская коммуна, В. Александров выѣхал за границу. Осенью этого года его уже не было в Петербургѣ. Что В. Александрова никто не имѣл в виду исключать тогда из состава новаго кружка самообразованія, видно как нельзя лучше из того обстоятельства, что когда осенью 71 года «кружок» сформировался окончательно, В. Александров был в него немедленно заочно принят.

С. Л. Перовская, которой было тогда 18 лѣт, а вторая — А. И. Корнилова» (21).

Жизнь и режим в коммунѣ были спартанскіе. «Стол у нас был крайне однообразный — суп, да котлеты, и при том еще из конины, а готовила наша чухонка совсѣм невкусно. Зато честности она была необычайной». Однажды, участники коммуны рѣшили даже продѣлать над собой весьма своеобразный кулинарный опыт. «Хоть и жалко нам было щенят, живших под нашим балконом, продолжает разсказывать А. Корнилова, но мы все же принесли их в жертву, чтобы ради борьбы с предразсудками, попробовать собачьяго мяса, оно оказалось не хуже, а, пожалуй, нѣжнѣе телятины» (22).

Основным занятіем кружка было самообразованіе. Для систематическаго чтенія и рефератов участникам «коммуны» была предложена заранѣе выработанная программа, составленная «по всей вѣроятности, Натансоном» (23). За лѣто было прочитано сравнительно много рефератов, в частности, по политической экономіи Милля с примѣчаніями Чернышевскаго и по первому тому «Капитала» Маркса, только что полученному в нѣмецком оригиналѣ. «Руководящую роль в этих занятіях, по свидѣтельству Н. В. Чайковскаго, играл несомнѣнно, Марк Натансон» (24). «Руководителем наших чтеній и бесѣд, говорит со своей стороны А. Корнилова, был Марк Андреевич (Натансон). Не сразу замѣтили мы, что его выводы вытекают для него не из наших горячих споров, но что они были готовы у него и раньше, и что он, как хорошій педагог, лишь наводил нас по намѣченному пути» (25). Наряду с самообразованіем кружок занимался и «книжным дѣ-

---

(21) Н. Чарушин. Кружок Чайковцев, стр. 79-80.

(22) А. Корнилова. Перовская и основаніе кружка чайковцев. Каторга и ссылка. 1926 г. № 22, стр. 24-25. О случаѣ питанія собачьим мясом, но относя его к эпохѣ «Вульфовой коммуны», разсказывает в своих воспоминаніях, со слов В. Александрова, и С. Ф. Ковалик. Старик. Движеніе семидесятых годов по Большому процессу. Былое, 1906 г., № 10, стр. 9. Возможно, конечно, что это два разных случая.

(23) А. Корнилова. Назв. соч., стр. 24.

(24) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям, Гол. Мин. № 3, стр. 181 и 184.

(25) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г., № 3, стр. 181.

лом» и издал даже довольно объемистую книгу Флеровскаго (Берви) «Азбука соціальных наук».

Как раз в эпоху Кушелевской коммуны, в лѣтніе мѣсяцы 71-го года, разбирался процесс нечаевцев. Суд был гласный, отчеты о нем ежедневно печатались в газетах. «И понятно, говорит Н. В. Чайковскій, что каждая деталь этого разбирательства дѣлалась для нас предметным уроком для нашей собственной будущей дѣятельности... Все, что выяснилось на судѣ по его (Нечаева) дѣлу в 1871 г., и что мы воспринимали в момент формированія наших собственных убѣжденій, переживалось как нѣчто абсолютно отрицательное, чего мы не должны повторять в своей собственной дѣятельности» (26). Такое же рѣшительное осужденіе нечаевщины и «іезуитской системы его организаціи», несмотря на все обаяніе мысли о борьбѣ за идею правды и справедливости, имѣется во всѣх без исключенія мемуарах, так или иначе касающихся нечаевскаго процесса.

Не всегда жизнь в Кушелевкѣ протекала спокойно и мирно. «Еще мы не успѣли переѣхать на дачу, разсказывает Н. В. Чайковскій, как нагрянула полиція с обыском, под предводительством знаменитаго в то время сыщика Филипеуса, и нас не только всѣх переписали, но и заставили на другой день явиться в Третье Отдѣленіе для легонькаго допроса, а по пути, вѣроятно, и для сфотографированія» (27).

Самый обыск не обнаружил ничего, кромѣ легальных книг и брошюр, и допрос в Третьем Отдѣленіи в свою очередь для большинства сошел благополучно. Задержан был один Н. В. Чайковскій и при том на сравнительно короткій срок, за который он успѣл подготовиться к кандидатскому экзамену по физико-математическому факультету.

В результатѣ совмѣстной жизни и общих занятій в Кушелевкѣ к осени дѣйствительно «образовалась довольно большая группа людей, болѣе или менѣе одинаково мыслящих, одинаково устремленных и уже связанных кое какими общими дѣлами» (28). Чтобы оформить и закрѣпить достигнутые результаты, в серединѣ августа 71-го года было

---

(26) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. , № 3, стр. 181.
(27) Н. В. Чайковскій. Там же, стр. 181.
(28) Н. В. Чайковскій. Там же, стр. 181.

устроено спеціальное засѣданіе кружка, на котором был поднят вопрос: «будем ли мы заниматься дальше одним самообразованіем». Тогда же большинством голосов было рѣшено, что самообразованіем в будущем надлежит заниматься «по мѣрѣ возможности», а в качествѣ первоочередной задачи слѣдует:

1) пріобрѣтать и самим издавать книги по дешевым цѣнам;

2) снабжать ими студенческія библіотеки в Петербургѣ и провинціи по тѣм же низким цѣнам;

3) содѣйствовать устройству новых библіотек и кружков самообразованія.

Четверо из участников Кушелевской коммуны — Н. Скворцова, И. Вернер, Басов и Кокушкин, опасаясь помѣшать своим занятіям в учебных заведеніях, отказались принять участіе в намѣченной работѣ, остальными новая программа дѣятельности была принята.

Таким образом, формально, в серединѣ августа 71-го года и возникла новая организація, с новой программой и тѣми лицами из членов «кружка Натансона» и отдѣльных ближайших друзей сестер Корниловых, которые пожелали в нее вступить. Даже один из виднѣйших членов «натансоновскаго кружка» В. Александров, хотя и заочно, но все же был переизбран в состав новой организаціи.

По существу же вновь возникшая организація была только продолженіем и расширеніем прежняго «кружка Натансона». То, что А. Корнилова в своих воспоминаніях называет «новой работой», т. е. программа дѣятельности, принятая на августовском засѣданіи Кушелевской коммуны, была даже в своих деталях простым воспроизведеніем прежней дѣятельности Натансоновскаго кружка. Заранѣе же в нѣдрах Натансоновскаго кружка были намѣчены и тѣ новыя лица, которых надлежало привлечь в его состав. Поэтому, несомнѣнно прав был в своих воспоминаніях Н. Лопатин, разсказывавшій И. Чарушину, что самый факт устройства Кушелевскаго общежитія был не болѣе, как «тактическій маневр» со стороны «небольшого кружка Натансона», желавшаго ввести в свой состав новых лиц. Этот «тактическій маневр»... в августѣ, перед разъѣздом с дачи и получил надлежащее освѣщеніе, когда на особом собраніи кружк-

ка был поставлен вопрос «будем ли мы и дальше заниматься одним самообразованіем», и когда всѣ, за исключеніем четырех, высказались что... «основной своей задачей поставим то самое дѣло, какое первоначально кружок вел и раньше» (29).

Во всяком случаѣ формально, в серединѣ августа 71-го года возникла новая организація в составѣ: М. А. Натансона, Н. В. Чайковскаго, А. И. Сердюкова, Н. К. Лопатина, И. К. Левашева, М. В. Купреянова, С. Л. Перовской, А. И. Корниловой, Л. И. Корниловой, О. А. Шлейснер и А. Я. Ободовской. На том же засѣданіи Кушелевской коммуны, на котором была принята «новая» программа, было рѣшено в ближайшем же будущем привлечь в состав кружка Д. Клеменца, Ф. Лермонтова, И. Чарушина, В. Грибоѣдову (урожд. В. Корнилову) и заочно, А. Александрова (30).

Возникшая в серединѣ августа 71-го года организація вначалѣ, повидимому, не носила никакого спеціальнаго наименованія, но уже зимой того же года, как сами члены организаціи, так и постороннія лица, по той или иной причинѣ о ней освѣдомленныя, стали называть ее «кружком Чайковскаго» (31)). «Под этим именем, говоря словами П. А.

---

(29) И. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 87.

(30) А. Корнилова. Перовская и основаніе кружка чайковцев. Каторга и ссылка, 1926 г., № 22. Кромѣ вышеприведенных лиц, намѣченных к принятію в состав кружка, называет еще Л. Попова. О том, что Л. Попов был принят в кружок, говорит и Л. Шишко. Но это обстоятельство оспаривается И. Чарушиным, который утверждает, что если постановленіе о привлеченіи Л. Попова и состоялось, то оно никогда не было привдено в исполненіе. С своей стороны И. Чарушин полагает, что помимо указанных в текстѣ лиц, было рѣшено привлечь к составу кружка И. Грибоѣдова, который впослѣдствіи одно время завѣдывал общей кружковой кассой. (Назв. соч. стр. 89, примѣч.).

(31) В исторіи возникновенія кружка чайковцев до послѣдняго времени оставалось много неяснаго и спорнаго. Преобладало мнѣніе П. А. Кропоткина, что кружок чайковцев возник из кружка саморазвитія, основаннаго С. Перовской и тремя сестрами Корниловыми. Это мнѣніе, в частности, было принято и В. Богучарским (Активное народничество) и А. Корниловым (Общественное движеніе при Александрѣ II). Ближе к истинѣ подходит в своих воспоминаніях А. Корнилова. Не будучи достаточно знакома с прежней дѣятельностью «кружка Натансона», она склонна, однако, полагать, что августовским рѣшеніем Кушелевокой коммуны была создана не только формально, но и по существу «для новой работы» «новая организація», в дѣлѣ созданія которой равная доля принадлежала, как отдѣльным чле-

Кропоткина, он и сыграл важную роль в соціальном развитіи Россіи, под этим именем он перейдет в исторію» (32).

II.

«Не в силу только рѣзкаго перехода от «нечаевщины» к «чайковцам», пишет В. Богучарскій, «испытываешь ощущеніе, будто из душнаго подземелья попадаешь сразу на залитый солнцем, благоухающій луг, а по той причинѣ, что «кружок чайковцев» и сам по себѣ представляет, несомнѣнно, одно из самых свѣтлых явленій даже и среди других кружков того русскаго юношества семидесятых годов, которое дало так много примѣров настоящаго моральнаго подвижничества (1). Это сужденіе подтверждается всѣми без исключенія живыми свидѣтельствами лиц, непосредственно и хорошо знавших «чайковцев».

«Никогда впослѣдствіи, пишет П. А. Кропоткин, я не встрѣчал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как тѣ человѣк двадцать, которых я встрѣтил на первом засѣданіи кружка Чайковскаго. До сих пор я горжусь, что был принят в эту семью» (2). «Стать членом такой организаціи и войти в нее на равноправных нача-

---

нам «кружка Натансона», так и отдѣльным лицам из группы друзей сестер Корниловых. У самого Н. В. Чайковскаго встрѣчаются нѣкоторыя неточности в опредѣленіи времени возникновенія кружка чайковцев (см. Гол. Мин. 1913 г. № 6, стр. 250 и юбилейный сборник «Русских Вѣдомостей» за 1913 г. — краткая автобіографія). Ошибочная дата перешла и в Энциклопедическій Словарь Граната.

(32) П. А. Кропоткин. Записки революціонера. Посмертное изданіе. 1924 г., стр 225. В посмертном изданіи «Записок» имѣется, по сравненію со всѣми предшествующими, ряд дополненій, сдѣланных на основаніи сохранившагося, ранѣе ненапечатаннаго матеріала. В частности, в приложеніи дана новая глава: «Кружок Чайковскаго». стр. 391-418.

(1) В. Богучарскій. Активное народничество семидесятых годов, стр. 152.

(2) П. А. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 227.

лах было для меня, только что прибывшаго из провинціи и еще не обстрѣлянаго, большой честью», говорит со своей стороны И. Чарушин. «Болѣе близкое знакомство с «чайковцами», продолжает он, не только не уменьшило моих идеализированных представленій о них, составленных ранѣе, но, наоборот, эти представленія только укрѣплялись и пріобрѣтали силу» (3). «Мы были тогда, говорит, наконец, о своем кружкѣ сам Н. В. Чайковскій, «рыцарским орденом» (4).

П. Кропоткин, Н. Чарушин, Н. Чайковскій — все это члены кружка и их отзывы — сужденія людей о близком и дорогом им дѣлѣ, о тѣсной семьѣ друзей.

О. В. Аптекман не был членом кружка и тѣм не менѣе его отзыв о чайковцах является не менѣе восторженным. «Можно без преувеличенія сказать, что это был цвѣт молодежи: ум, талант, довольно высокое умственное развитіе, в сочетаніи с несокрушимой энергіей и волей, нравственная красота, ригоризм в личных и общественных отношеніях — таковы были чайковцы в цѣлом. Перебирая сейчас в моей памяти тѣх чайковцев, с которыми я впослѣдствіи в разное время познакомился и сошелся, я сейчас, на склонѣ моих лѣт, уже могу сказать: то были люди. И я счастлив, что знал их» (5). С. Ф. Ковалик в свою очередь никогда не состоял в «кружкѣ чайковцев», и даже, будучи в началѣ 70-х годов убѣжденным сторонником Бакунина, неоднократно выступал в качествѣ их идейнаго противника, и вмѣстѣ с тѣм он вполнѣ признает, что в «кружкѣ чайковцев», «случайно или сознательно, был подобран народ выдающійся для того времени по своему умственному и нравственному развитію» (6). Даже Л. Тихомиров, вспоминая о настроеніях и фактах начала 70-х годов, уже сквозь идейную призму «Московских Вѣдомостей», не мог, однако, не отмѣтить, что руководители кружка Чайковскаго старались выбирать наиболѣе выдающихся людей... «Выбирали людей не только умных, но также возможно болѣе проникнутых передовыми идеями, а так-

---

(3) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 84-85.

(4) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям, стр. 183.

(5) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», стр. 69-70.

(6) Старик. Движеніе семидесятых годов до Большого процесса. Былое. 1926 г. № 10, стр. 8.

же нравственных. О нравственности в кружкѣ заботились очень много, как никогда и ни в одном другом кружкѣ»(7).

Свой высокій моральный облик чайковцы пронесли через всѣ житейскія испытанія. Уже впослѣдствіи, в 77-мом году, Д. Клеменц, находясь в тревожном ожиданіи — не за себя: в то время Д. Клеменц находился за границей, в Бернѣ — предстоящаго Большого Процесса, писал Н. В. Чайковскому: «Правительство употребило всѣ усилія для того, чтобы оклеветать и смѣшать с грязью наше дѣло, т. е. дѣло соціализма. — Впрочем, грязи набросали очень много и сами соціалисты (не наши товарищи, разумѣется, — даже подлая рука прокурора не посмѣла прикоснуться к ним грязной лапой). Цѣлые кружки выдавали друг друга поголовно, этого мало, в их личных отношеніях такая масса грязи, что и сказать нельзя... Как то наши сладят. Я глубоко увѣрен, впрочем, в том, что их честные и могучіе образы выйдут незапятнанными из этого омута... Да, брат, по правдѣ скажу, — много мнѣ пришлось повидать народу за свою жизнь..., но чище и лучше людей нашего кружка, каков он был в період своей силы, во время собраній в Кармененном переулкѣ, я не видѣл. В той совокупности, как мы были, мы были очень сильны, сильны своим нравственным вліяніем на всѣх» (8). Д. Клеменц оказался совершенно правым в своем убѣжденіи, что облик чайковцев выйдет незапятнанным и из Большого Процесса. Прошло немного времени послѣ только что цитированнаго письма, и на этот раз, послѣ ознакомленія с обширным актом по дѣлу 193, Д. Клеменц уже не в видѣ увѣреннаго предположенія, а в самой категорической формѣ, мог написать Н. В. Чайковскому: «свѣтлым пятном на сѣром фонѣ выдѣляется наш кружок. Говорю без всякаго преувеличенія. Это серьезная, честная и свѣтлая группа. Как бы ты ни смотрѣл теперь на свое прошлое — можешь гордиться, что принадлежал к ней. — Спасибо им всѣм, старым товарищам» (9). Так оправ-

---

(7) Л. Тихомиров. Воспоминанія, стр. 53-54. В дальнѣйшем Л. Тихомиров считает нужным иронизировать над тѣм, что он считает излишним нравственным ригоризмом кружка.

(8) Архив Н. В. Чайковскаго. Письмо Д. Клеменца, 1877 г.

(9) Архив Н. В. Чайковскаго. Письмо Д. Клеменца, 1877 г.

далось на дѣлѣ, то основное правило кружка, которое, как это видно из заключительной (схематической) части воспоминаній Н. В. Чайковскаго, было именно им в свое время формулировано в слѣдующих словах: «Мы должны быть чисты, как стекло, и знать друг друга так, чтобы в трудных случаях преслѣдованій и борьбы быть в состояніи a priori знать, как каждый из нас поступит».

При всей той исключительной роли, которую играли в кружкѣ чайковцев этическіе мотивы, моральныя требованія, предъявлявшіяся им, как к отдѣльным членам кружка, так и к лицам, намѣченным к принятію в его состав, в отдѣльных случаях могут показаться чрезмѣрными в своей ригористичности. С. Перовская бывала по нѣкоторым пунктам особенно сурова и безапелляціонна. «Бабник», выпалила она однажды, говоря о ком то, вспоминает П. А. Кропоткин, и выраженіе, с которым она произнесла это слово . . ., «навѣки врѣзалось в моей памяти» (10) «Кружок, говорит Л. Шишко, ни за что не принял бы в свою среду человѣка, не способнаго отказаться от перчаток или крахмальной рубашки» (11). Ряд видных членов кружка испытал на себѣ тяжесть нравственнаго ригоризма своих товарищей. В. Александров и Ф. Лермонтов (12) были вынуждены покинуть кружок, в виду их личнаго поведенія, несогласнаго с моральными требованіями чайковцев.

В подобном ригоризмѣ было, конечно, много юношеской горячности и задора, спѣшившаго, как можно полнѣе и рѣшительнѣе, отречься от того, что считалось злом или предразсудком «стараго міра». На долю этого задора и может быть отнесен тот опыт питанія собачьим мясом, на который сочли себя вынужденными пойти члены Кушелевской

---

(10) П. Кропоткин. Записки революціонеров, стр. 300.

(11) Л. Шишко. Сергѣй Кравчинскій и кружок чайковцев. стр. 12.

(12) В «Воспоминаніях чайковца». Синегуба (Былое, 1926 г. № 10, стр. 63) по этому поводу говорится слѣдующее: «В началѣ 70-х годов, он (Лермонтов) был нѣкоторое время в кружкѣ чайковцев, но чайковцы нетерпимые к нѣкоторым его неригористическим поступкам, разошлись с ним.

коммуны, чтобы испробовать свою нравственную силу и стойкость в борьбѣ с предразсудками. Но вмѣстѣ с тѣм, несомнѣнно, суровая школа кружка много способствовала выработкѣ тѣх характеров, о которых с таким энтузіазмом говорит искренній друг чайковцев — Флеровскій: «Каждый из них мог разсказать о таких временах, когда он нѣсколько суток проводил вовсе без пищи, не имѣя квартиры, ночевал на улицѣ... Здѣсь вырабатывались эти суровые и вполнѣ надежные характеры, которые впослѣдствіи надѣлали правительству столько хлопот. Люди ввѣряли им свои деньги, свою честь, свою будущность без малѣйшаго опасенія быть обманутыми» (13). При этом женщины нисколько не уступали мужчинам в тѣх высоких и строгих требованіях, которыя онѣ сами себѣ ставили (14).

Среди всѣх этих «рыцарей» духа Н. В. Чайковскій был одним из наиболѣе выдающихся. Широко начитанный и образованный, получившій высшее образованіе на физико - математическом факультетѣ Петербургскаго Университета, под руководством Д. Менделѣева, а свое первое философское крещеніе в школѣ Ог. Конта и Гер. Спенсера, Н. В. Чайковскій производил на всѣх окружающих с первой же встрѣчи в полном смыслѣ слова чарующее впечатлѣніе, прежде всего в силу исключительной красоты своего моральнаго облика.

«Чайковскій, говорит про него П. А. Кропоткин, произвел на меня обаятельное впечатлѣніе с перваго же раза. И до настоящаго времени, впродолженіе многих лѣт, наша дружба не поколебалась (15).

---

(13) Флеровскій. Три политическія системы, стр. 268-269.

(14) В различных сочиненіях и воспоминаніях, посвященных исторіи русскаго общественнаго движенія неоднократно цитировался отзыв П. Кропоткина о С. Перовской: «в повязанной платком мѣщанкѣ, в ситцевом платьѣ, в мужских сапогах, таскавшей воду из Невы, никто не узнал бы барышни, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах» (Записки революціонера, стр. 229). П. Кропоткин ошибается в одном: С. Перовская никогда не блистала и не собиралась блистать в петербургских салонах. С самых юных лѣт она поступила на курсы и уже одним этим, по понятіям того времени, самым демонстративным образом доказала свое нежеланіе имѣть что-нибудь общее с аристократической средой.

(15) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 225.

«Н. В. Чайковскій, пишет в своих воспоминаніях Н. Чарушин, во время первой же нашей бесѣды очаровал меня своей безыскуственной простотой и дѣловитостью и совершенным отсутствіем какой бы то ни было рисовки... Он умѣл быстро сходиться с людьми и привлекать их к себѣ, в свою очередь искренне привязываясь к ним сам. Тѣ обширныя связи в разных общественных кругах, которыя уже были у Чайковскаго, давались ему легко и без всяких усилій с его стороны, чему немало способствовала и несомнѣнная обаятельность его имени» (16). «Н. В. Чайковскій, в свою очередь подтверждает А. Корнилова, производил обаятельное впечатлѣніе своей красивой, симпатичной наружностью, своей искренностью, общительностью, своей способностью горячо увлекаться и увлекать других» (17).

Таким образом, Н. В. Чайковскій оказывался вполнѣ достойным магистром того «ордена», который носил его имя. Но его положеніе, как лица, возглавлявшаго своим именем наиболѣе значительную и вліятельную по тѣм временам «революціонную» организацію, не только не может быть отожествлено с положеніем революціоннаго диктатора, но не связывается даже с представленіем об обычном партійном лидерѣ. Политическаго лидерства в «кружкѣ Чайковскаго» вообще не было. Кружок чайковцев «покоился исключительно лишь на сродствѣ настроеній и взглядов по основным вопросам, высотѣ и твердости моральных принципов и искренней преданности дѣлу народа, из чего, как естественное слѣдствіе вытекало довѣріе, уваженіе и искренняя привязанность друг к другу. Построенный на таком прочном фундаментѣ, кружок не нуждался ни в статутах, ни в генералах, особенно этих послѣдних не потерпѣл бы ни одного дня» (18). «Наш кружок, — орден без писаннаго устава, без ритуала и без всякой іерархіи, потому что всѣ эти вещи мы носили в сердцах своих и сочли бы профанаціей, если бы кто нибудь посовѣтовал нам их оформить» (19), характеризует свой кружок и Н. В. Чайковскій.

---

(16) Н. Чарушин. Кружок чайковцев. стр. 80 и 93.

(17) А. Корнилова - Мороз. Перовская и кружок чайковцев. Каторга и ссылка, 1926 г., № 22, стр. 29.

(18) Н. Чарушин. Назв. соч., стр. 86.

(19) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. стр. 183-184. См. также П. Кропоткин. Записки революціонера. стр. 288-289.

Сам Н. В. Чайковскій слѣдующим образом объясняет, почему именно он оставил кружку его историческое имя. «В ноябрѣ 1871 г., говорит он, Натансон был арестован и вскорѣ сослан... Все «Книжное Дѣло» осталось у меня в руках. С этих пор кружок начинает называться «Кружком Чайковцев» и отнюдь не вслѣдствіе моего лидерства (мнѣ было тогда всего 21 год), а главным образом по дѣловым, книжным сношеніям с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имѣлись нѣкоторые практическіе навыки» (20). Приблизительно то же говорят и другіе члены кружка. «Во второй половинѣ 71-го года, пишет Н. Чарушин, кружок, среди публики, с которой велись дѣловыя сношенія, начинает именоваться «кружком чайковцев». Происходит это, вѣроятно, по той причинѣ, что в это время Н. В. Чайковскому приходилось болѣе, чѣм кому либо, вести разныя дѣловыя сношенія с посторонней публикой, которая и окрестила самую организацію его именем» (21). «Н. В. Чайковскій, говорит А. Корнилова, мог быть достойным представителем кружка при сношеніях с издателями, книгопродавцами, либеральной и демократической публикой... Кромѣ того, зимой 1871-72 года... Марк Андреевич (Натансон) был арестован и выслан (22). Наконец, и по словам Л. Шишко, Н. В. Чайковскій «пользовался наибольшей извѣстностью, как представитель нашего кружка» (23).

Однако, недостаточность приводимаго объясненія чувствуется сразу. Умѣніе Н. В. Чайковскаго представлять кружок во внѣ может в извѣстной мѣрѣ объяснить, почему он именовался «кружком чайковцев» «среди публики», но подобнаго объясненія совершенно недостаточно для того, чтобы понять, почему сами члены кружка, и в своих внутренних сношеніях, «считают для себя честью» именоваться «чайковцами».

Дать имя организаціи, в которой надо всѣм преоблада-

---

(20) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г., № 3, стр. 182.

(21) Н. Чарушин. Кружок чайковцев. стр. 83.

(22) А. Корнилова. Перовская и кружок чайковцев. Каторга и ссылка, 1926 г., № 22, стр. 29-30.

(23) Л. Шишко. Сергѣй Кравчинскій и кружок чайковцев.

ли этическіе мотивы, мог только совершенно незаурядный в моральном отношеніи человѣк. Н. В. Чайковскій именно и являлся живым воплощеніем этическаго начала, «человѣком напряженнаго моральнаго долга», как о нем выразился В. Богучарскій (24). «Любя, мы пламенѣли, а пламенѣя мы творили» (25), характеризует Н. В. Чайковскій настроенія своих друзей и тѣм самым невольно в первую очередь характеризует самого себя.

Н. В. Чайковскій дал имя кружку прежде всего потому, что он сдѣлался его моральным лидером. Неудивительно, что члены кружка считали вполнѣ естественным, что в отдѣльных, особенно щекотливых случаях, Н. В. Чайковскій, даже не доводя об этих случаях до свѣдѣнія всего кружка, брал на себя всю тяжесть рѣшенія вопроса, — и это рѣшеніе признавалось голосом всей организаціи. Таких случаев в жизни кружка было, несомнѣнно, довольно много. О нѣкоторых из них разсказывают в своих воспоминаніях П. Кропоткин,(26), А. Корнилова (27) и Н. Чарушин (28). Для П. А. Кропоткина слова Н. В. Чайковскій и чайковцы являлись иногда синонимами. «Чайковцы», говорит он, «или по крайней мѣрѣ его ближайшіе друзья рѣшили» (29). Недаром в 1872 году не только в Петербургѣ, но и в Москвѣ, в кругу лиц, близких к чайковцам, знали, что Н. В. Чайковскій — «это столп» (30).

Под знаком напряженнаго моральнаго чувства, а слѣдовательно и идеалистической вѣры в человѣка, в его моральную и разумную сущность, — и складывалась, как практическая дѣятельность чайковцев, так и их политическое и соціальное міросозерцаніе.

---

(24) В. Богучарскій. Активное народничество. стр. 156

(25) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г., № 3, стр. 184 и 58.

(26) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 400. См. также стр. 401.

(27) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 136.

(28) Н. Чарушин. Там же, стр. 91.

(29) П. А. Кропоткин. там же, стр. 400.

(30) Л. Тихомиров. Воспоминанія.

Рѣшеніе, принятое в августовском собраніи «Кушелевской коммуны», о пополненіи состава кружка, было скоро приведено в исполненіе, и к концу 1871 г. в центральный кружок входили: М. А. Натансон, Н. В. Чайковскій, А. И. Сердюков, Н. К. Лопатин, Д. А. Клеменц, М. В. Купреянов, В. М. Александров, Ф. К. Лермонтов, Н. К. Левашев, Н. А. Грибоѣдов, Л. В. Попов, Н. А. Чарушин, Ф. В. Волковскій, С. Л. Перовская, А. И. Корнилова, Л. И. Корнилова, В. И. Корнилова, О. А. Шлейснер и А. Я. Ободовская.

В этом составѣ центральнаго кружка сравнительно скоро произошли замѣтныя измѣненія. М. Натансон, как извѣстно, в февралѣ 72-го года был выслан в Архангельскую губернію. За ним добровольно выѣхала и О. А. Шлейснер. В. Александров был исключен из «кружка», Ф. В. Волковскій выѣхал в Одессу, а Н. Лопатин в Кіев, наконец, в 1872 г. вышел из кружка Ф. К. Лермонтов, «послѣ разрыва с ним из за какого то несогласованнаго и произвольнаго его поступка» (31).

С другой стороны, центральный кружок с теченіем времени пополняется новыми, и при том весьма значительными, силами. В 1872 году в него вошли: С. М. Кравчинскій, П. А. Кропоткин, С. С. Синегуб, А. Д. Кувшинская (по мужу Чарушина), В. А. Батюшкова; в 1873 г. — Л. Э. Шишко, Л. А. Тихомиров (пріѣхавшій из Москвы), Л. В. Синегуб (жена С. С. Синегуба), И. И. Гауэнштейн, Н. И. Драго, С. В. Зубок-Мокліевскій и, наконец, в началѣ 1874 г. В. Л. Перовскій (брат С. Перовской) и Эндауров (32).

Таким образом, к началу 1874 г. в центральном кружкѣ чайковцев состояло 27 человѣк, число по сравненію с дру-

---

(31) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 96. Еще до своего выхода из кружка Ф. Н. Лермонтов высказывал отдѣльным членам кружка свое недовольство недостаточно рѣшительным, по его мнѣнію, направленіем дѣятельности «чайковцев». Послѣ разрыва с кружком, Ф. Лермонтов, получивши инструкціи непосредственно от Бакунина, основал в Петербургѣ свой собственный анархическій кружок.

(32) О. В. Аптекман, давая далеко не полный перечень чайковцев, между прочим причисляет к их составу также Д. М. Рогачева и В. П. Воронцова. (В. В.). О-во «Земля и Воля», стр. 69. Это ошибка: Д. М. Рогачев и В. П. Воронцов, находились, правда, в близких сношеніях с кружком чайковцев, но формально в его состав никогда не входили.

гими организаціями весьма значительное. Однако, начиная с конца 1873 года, фактически, в значительной степени благодаря многочисленным арестам, петербургскій «кружок чайковцев» никогда не бывал в своем полном составѣ.

Дѣятельность кружка первое время развивалась в полном соотвѣтствіи с рѣшеніем, принятым в организаціонном, августовском засѣданіи Кушелевской коммуны.

Послѣ переѣзда из Кушелевки в Петербург, в центральной части города на Кабинетской улицѣ была снята квартира в 4 комнаты с кухней. В ней поселились М. А. Натансон, Н. В. Чайковскій, Н. К. Лопатин, М. В. Купреянов, О. А. Шлейснер, В. И. Корнилова, оффиціально числившаяся здѣсь хозяйкой. Это была штаб-квартира вновь организованнаго кружка. Здѣсь происходили и всѣ организаціонныя собранія чайковцев. Второй штаб-квартирой кружка был дом сестер Корниловых.

Кружок в первую очередь стал развивать свою дѣятельность по постановкѣ «книжнаго дѣла».

Л. Шишко в своей статьѣ о С. М. Кравчинском приводит болѣе или менѣе полный список тѣх книг, которыми оперировали чайковцы за все время своего существованія. Это были сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Костомарова, Щапова, Сергѣевича, Мордовцева, Хлѣбникова, Бокля, Берне, Дж. Ст. Миля, Дарвина, Дрэпера, Спенсера, «Историческія письма» Лаврова, «Положеніе рабочаго класса» Флеровскаго, первый том Лассаля, «Капитал» Маркса, первый том «Исторіи 10-ти лѣт» Луи Блана, «Комедія Всемірной Исторіи Шерра», «Пролетаріат во Франціи» и «Об Ассоціаціях» Шеллера-Михайлова, «Отщепенцы» Соколова, романы Шпильгагена, Швейцера (Эмма и Люцинда) и Цшоке (Дѣлатели золота).

Книги пріобрѣтались и распространялись в Петербургѣ и провинціи по методу, усвоенному еще кружком Натансона. Измѣнился только масштаб работы. Одновременно «чайковцы» продолжали и сами издавать отдѣльныя книги. В этом отношеніи расширеніе «книжнаго дѣла» в «кружкѣ чайковцев», по сравненію с предыдущим періодом, было особенно значительным. Большинство собственных изданій кружка «относится къ его послѣднему періоду, когда он уже в

публикѣ именуется кружком чайковцев» (33). Так «чайковцы» участвовали в новом изданіи сочиненій Добролюбова и издали «Исторію 48-го года» Луи Блана, «Рабочій вопрос» Ланге, «Азбуку соціальных наук» Флеровскаго, 2-ое изданіе «Положенія рабочаго класса» Флеровскаго, 2-ое изданіе «Исторических писем» Мартова-Лаврова(34).

«Поляков, говорит Флеровскій, разсказывал мнѣ, что они («чайковцы») ведут дѣло лучше, чѣм какой-либо из петербургских или московских книгопродавцев или издателей и могли служить для всѣх образцом аккуратности и исполнительности. У них были агенты во всѣх городах, даже в медвѣжьих углах, гдѣ был какой-нибудь десяток интеллигентных молодых людей, и всѣ эти агенты дѣйствовали с тѣм же самым самоотверженіем, как и центральная организація (35). Душой всего «книжнаго дѣла» и при том не только в смыслѣ общаго руководства, но и непосредственнаго, наиболѣе активнаго участія в черновой работѣ, был Н. В. Чайковскій. «Николай Васильевич, пишет А. Корнилова, больше всѣх нас обладал способностью завязывать новыя связи и добывать деньги на изданіе и широкое распространеніе книг в кредит, далеко превышающій платежныя средства провинціальных отдѣленій» (36).

Еще в началѣ своего существованія, «рядом с легальной издательской дѣятельностью, кружком было положено начало и для издательской дѣятельности нелегальной, для чего была заведена небольшая типографія в Женевѣ. Дѣлами этой типографіи вѣдал первоначально Александров... а затѣм, когда кружок разошелся с ним, — Гольденберг. Здѣсь печатались кое-какія брошюры русских авторов и переводныя, а вмѣстѣ с тѣм было приступлено и к изданію сочине-

---

(33) Н. Чарушин. Воспоминанія, стр. 89.

(34) Всѣ перечисленныя в текстѣ книги, как пріобрѣтаемыя у издателей, главным образом по прежнему у П. Полякова, так и изданныя собственными средствами указаны в брошюрѣ Л. Шишко (стр. 17). Самый этот список книг был приведен Л. Шишко, согласно свидѣтельству Н. Чарушина (Кружок чайковцев, стр. 89), «без сомнѣнія при содѣйствіи Чайковскаго». Послѣдующіе мемуаристы не прибавили к этому списку ни одного новаго названія.

(35) Флеровскій. Три политических системы.

(36) А. Корнилова. Перовская и кружок чайковцев. Каторга и ссылка. 1926 г., № 22, стр. 29.

ній Чернышевскаго, особенно чтимых чайковцами. Для перевозки же нелегальной литературы, на сѣверной границѣ имѣлись связи с контрабандистами, при помощи которых вся литература и доставлялась кружку» (37).

Несмотря на наличіе женевской типографіи в началѣ своей дѣятельности «кружок чайковцев», как до того «кружок Натансона» стремился, главным образом, использовать тѣ возможности, которыя раскрывал перед ними цензурный устав 1865 г. До второй половины 73-го г., среди распространенных или изданных кружком книг, не было ни одной, которую, говоря словами извѣстной записки гр. Палена, можно было бы назвать «прямо революціонной и направленной к ниспроверженію существующаго в Россіи строя» (38).

Правительство не замедлило обратить вниманіе на широкое и организованное распространеніе чайковцами книг радикальнаго содержанія. В цѣлях борьбы с указанным явленіем, был издан циркуляр, разрѣшающій сожженіе книг взамѣн судебнаго преслѣдованія авторов и издателей. Одновременно стали производиться обыски и аресты среди членов кружка. Именно в связи с изданіем «Азбуки соціальных наук» был арестован, а в началѣ 72-го года выслан в Архангельскую губернію М. А. Натансон. У Н. В. Чайковскаго обыски были произведены четыре раза и дважды он был арестован. Первый раз Н. В. Чайковскій был арестован, как извѣстно, еще в эпоху Кушелевской коммуны лѣтом 1871 г. Вторичный его арест произошел приблизительно год спустя, при чем при обыскѣ полиція нашла у него записку о студенческом совѣтѣ, написанную, как заявил Н. В. Чайковскій,

---

(37) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 90.

(38) Занимаясь «книжным дѣлом», чайковцы сравнительно рано пришли к мысли о необходимости созданія за границей свободнаго руководящаго заграничнаго органа печати. Со второй половины 71 года этот вопрос нерѣдко обсуждался в штаб-квартирѣ кружка на Кабинетской улицѣ. Всего охотнѣе чайковцы увидѣли бы во главѣ этого органа Чернышевскаго, но он был фактически внѣ предѣлов досягаемости. Позднѣе кружок вел по этому поводу переговоры с Н. К. Михайловским и Н. Флеровским. Однако, из этих переговоров ничего не вышло. Н. К. Михайловскій отказался от сдѣланнаго ему предложенія, а относительно Н. Флеровскаго у самих чайковцев были опасенія, что он не сможет объединить вокруг себя пишущую братію» (Н. Чарушин назв. соч. стр. 91-92).

кѣм то из его друзей, и «без моего вѣдома в мое отсутствіе оставленной у меня в комнатѣ» (39).

Вспоминая впослѣдствіи тѣ административныя препятствія, на которыя натолкнулось книжное дѣло, Н. В. Чайковскій писал в своей автобіографіи: «такія политическія преслѣдованія дѣйствительно толкали культурных работников на путь политической борьбы и терроризма» (40).

В тѣсной связи с «книжным дѣлом», кружок стремился выполнить и слѣдующій пункт Кушелевской программы — созданіе библіотек и кружков самообразованія среди учащейся молодежи.

В Петербургѣ еще во времена «кружка Натансона» существовали «кружки самообразованія», организованные натансоновцами. В дальнѣйшем количество этих кружков молодежи еще болѣе увеличилось.

Что касается провинціи, то в результатѣ систематических сношеній, в рядѣ городов сравнительно скоро появились филіальныя отдѣленія «кружка чайковцев» (41). Из наиболѣе дѣятельных филіальных отдѣленій чайковцев из-

---

(39) Обвинительный акт о Брешко-Брешковской и Чайковском 1909. Цитата взята из выдержки указаннаго акта, напечатанной в «Голосѣ Минувшаго». 1926 г., № 1, стр. 53. Прокламація, найденная при вторичном арестѣ Н. В. Чайковскаго, впослѣдствіи была напечатана с рукописнаго оригинала в № 14 Былого, 1912 (стр. 64 и 65). Даже бѣглаго знакомства с этим документом вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что это не болѣе как спѣшный черновой набросок. Самая тема прокламаціи — необходимость образованія центральнаго студенческаго совѣта в 82 г. уже не могла интересовать большинства чайковцев.

(40) Гол. Минувшаго. 1926 г. № 1, стр. 49.

(41) В воспоминаніях Л. Тихомирова живо описано, как подобный кружок был организован в Москвѣ пріѣхавшим из Петербурга Н. Чарушиным. В маленькой комнаткѣ Н. А. Армфельд, разсказывает Л. Тихомиров, собралось нас нѣсколько человѣк. «Всѣ сидят как то глупо, не то конфузясь, не то самодовольно.. Чарушин начал говорить. «Господа, вы давно дѣйствуете вмѣстѣ, спѣлись, знаете друг друга... Уже пора сомкнуться в опредѣленный кружок». Молчаніе. «Мнѣ кажется так. Как вы полагаете?» На такіе категорическіе запросы послышались односложные, тихіе отвѣты. «Да, конечно», «Понятно»... «Итак, господа, вы составляете кружок», заключил Чарушин... Эта минута не заключала в себѣ ни на іоту торжественности, — она была ультра-безцвѣтна. Чарушин тотчас свел рѣчь на практическую почву, о практических дѣлах, и тут же всѣ заговорили свободно: что дѣлать, кому дѣлать...» (Воспоминанія Тихомирова, стр. 74-75).

вѣстны кружки в Москвѣ, Одессѣ, Херсонѣ, Кіевѣ и Харьковѣ (42).

Кромѣ того, у чайковцев были небольшія филіальныя отдѣленія и в других городах, как напримѣр, в Самарѣ, Вяткѣ, Орлѣ и др. Вмѣстѣ с тѣм центральный кружок был всегда тѣсно связан с цѣлым рядом кружков молодежи и отдѣльных лиц, не входивших в его состав, но идейно ему близких и помогавших кружку в его работѣ.

В отношеніях между членами центральнаго кружка и его филіальных отдѣленій не было мѣста механическому подчиненію директивам, идущим из центра. Чайковцы меньше всего стремились к тому, «чтобы непремѣнно руководить всѣми многочисленными кружками, зарождавшимися в сто-

(42) В Москвѣ чайковцы сгруппировались главным образом вокруг Университета. В состав московскаго кружка входили: С. Л. Клячко (уѣхавшій впослѣдствіи в Германію), Н. А. Армфельд, Н. П. Цакни, М. Н. Аносов, Т. И. Лебедева, Л. А. Тихомиров (до его отъѣзда в началѣ 1873 г. в Петербург), Н. Н. Саблин, Н. А. Морозов, О. Г. Алексѣева, М. Ф. Фроленко и др. Несмотря на свою относительную многочисленность, Московскій кружок не был, однако, особенно дѣятельным. И только в началѣ 1874 г., когда в Москву пріѣхали Клеменц, Кравчинскій, Кропоткин и Шишко и когда туда с разных концов Россіи стала съѣзжаться молодежь, подготовляясь к своему знаменитому «хожденію в народ», кружок ожил и жизнь в нем забила ключем.

Напротив, в Одессѣ, с самаго начала своего возникновенія, «кружок чайковцев» «по серьезности и дѣловитости всего больше напоминал петербургскій». Одесскій кружок был создан Ф. В. Волховским, переѣхавшим, как извѣстно, сюда из Петербурга в 72 г. В состав мѣстнаго кружка чайковцев, кромѣ самого Волховскаго и его жены, входили еще С. Л. Чудновскій, Желтоновскій, М. Р. Ланганс, А. А. Франжоли, В. Ф. Косторан (перешедшій позже в Кіевскій кружок), А. А. Дическуло, А. И. Желябов, С. Жебунев, П. М. Макаревич, Л. И. Голиков и др.

Еще до Одесскаго періода своей дѣятельности А. А. Франжоли и М. Р. Ланганс сумѣли организовать в Херсонѣ довольно дѣятельный и многочисленный кружок молодежи. В состав Херсонскаго кружка, из извѣстных впослѣдствіи своей революціонною дѣятельностью лиц, входил, между прочим, А. О. Лукашевич.

Кіевскій кружок чайковцев состоял из Н. К. Лопатина, переѣхавшаго в Кіев из Петербурга (к 1873 г., окончив медицинскій факультет, он отошел от политической жизни), И. Ф. Рашевскаго, Эмме, братьев Левенталь, сестер Каминер, С. Г. Лурье, П. Б. Аксельрода (впослѣдствіи виднаго с.-д.), Н. Колоткевич и др. Это был кружок зеленой молодежи, самому старшему из них П. Б. Аксельроду к 1873 г. было 23-24 года. Своим вліяніем кружок охватывал сравнительно большой круг молодежи.

В Харьковѣ в состав кружка входили в числѣ других Д. А. Лизогуб и Синегуб (двоюродный брат С. С. Синегуба).

лицах и провинціи . . . Мы помогали им и они помогали нам, но мы не покушались на независимость» (43). Для поддержанія дѣловой и идейной связи между Петербургом и провинціей из центра неоднократно посылались «по епархіи» отдѣльные представители петербургскаго кружка. С большим успѣхом выполнял эту миссію Н. В. Чайковскій.

Одновременно члены кружка чайковцев продолжали заниматься и собственным самообразованіем, но только в той мѣрѣ, в какой оно не мѣшало другим задачам кружка, — «по возможности», как это и было рѣшено в Кушелевкѣ. Впрочем, и в данном случаѣ чайковцы не связывали своих членов требованіем дисциплины. «Нерѣдко отдѣльные члены кружка и совсѣм устранялись от всякаго дѣла, как это бывало с Перовской и другими, чтобы усиленным чтеніем пополнить пробѣлы своего образованія» (44).

Итак, в началѣ своего существованія «кружок чайковцев» в своей дѣятельности всецѣло слѣдовал традиціям натансоновскаго кружка. Измѣнились только масштабы работы, но не самое ея направленіе.

Однако, мало-по-малу отдѣльные члены кружка по собственной иниціативѣ стали отступать от программы, намѣченной в августовском засѣданіи Кушелевской коммуны. Первым шагом в этом направленіи явились «занятія с рабочими». Вначалѣ эти занятія не означали разрыва с первоначальным планом кружковой работы и казались их иниціаторам естественным дополненіем и развитіем их прежней дѣятельности.

Уже к началу 1872 г. Н. Чарушин, С. Синегуб и Л. Попов стали вести занятія с рабочими Ждановскаго завода, расположеннаго на Петровском Островѣ. Во время этих занятій, «кромѣ обученія грамотѣ и разным наукам, читались и кое-какія книги, а вмѣстѣ с тѣм и происходили бесѣды на разныя злободневныя темы» (45). В дальнѣйшем знакомство с рабочей средой продолжало расширяться. К веснѣ 72-го года у Чарушина и Попова завязались с Выборгским районом прочныя сношенія.

Одновременно и независимо от группы Н. Чарушина,

---

(43) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 225.
(44) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 8.
(45) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 86.

А. И. Сердюков начал вести занятія с заводскими рабочими на квартирѣ студента Медицинской Академіи А. Низовкина.

С осени 72-го года отдѣльные члены кружка еще болѣе втягиваются в занятія с рабочими. Главным сосредоточіем этой дѣятельности становится Выборгская сторона. Видную роль в этих занятіях играли С. Синегуб и Н. Чарушин.

К концу 72-го года крупным центром пропаганды среди рабочих сдѣлался и Васильевскій Остров, гдѣ начал в свое время работу А. Сердюков. В качествѣ лекторов выступали здѣсь Н. В. Чайковскій, П. А. Кропоткин, Д. Клеменц, А. И. Корнилова. В других рабочих районах — за Лиговской, Нарвской и Невской заставами и на малой Охтѣ, — также шла пропаганда.

Словом, в концѣ 72-го года пропаганда среди рабочих становится первоочередной задачей. Из членов кружка к этому времени не было почти ни одного, кто в той или иной степени не принимал бы участія в этом дѣлѣ. Но пока все это еще дѣлалось без спеціальной санкціи кружка, взятаго в цѣлом.

Занятія с рабочими получают формальную санкцію кружка только в январѣ 1873 года, когда успѣхи занятій с рабочими уже успѣли в достаточной мѣрѣ опредѣлиться. Созванным в этом мѣсяцѣ общим собраніем кружка «новое дѣло» без возраженій не только санкціонируется, но ему отводится в задачах кружка самое почетное мѣсто. Прежнія же задачи кружка, как книжное дѣло, пропагандистская дѣятельность среди интеллигенціи и учащейся молодежи, не отбрасываются, а видоизмѣняются, в особенности же видоизмѣняется работа с молодежью, «которая отнынѣ должна призываться к непосредственной работѣ среди народа» (46).

Послѣ состоявшагося рѣшенія, дѣятельность чайковцев среди рабочих начинает идти еще болѣе усиленным темпом,

---

(46) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 115.

Одновременно собраніе возложило на Н. Чарушина задачу освѣдомить филіальныя отдѣленія о новом направленіи дѣятельности центральнаго кружка и постараться путем личнаго воздѣйствія и переговоров измѣнить соотвѣтственно и дѣятельность этих отдѣленій. Из объѣзда, предпринятаго Н. Чарушиным, однако, оказалось, что нѣкоторые провинціальные кружки уже сами по себѣ

вплоть до конца 73-го года, когда начался разгром чайковцев и их рабочих организацій.

Первым пострадал район за Невской заставой. В ноябрѣ этого года там были арестованы С. Синегуб, В. Страховскій и Л. Тихомиров, а также нѣкоторые из рабочих, с которыми занимался С. Синегуб. Нѣкоторое время и послѣ арестов за Невской заставой чайковцы продолжали пропаганду среди рабочих в других районах. Но уже в декабрѣ были арестованы Л. Попов, А. Корнилова и С. Перовская, а в мартѣ 1874 г. П. Кропоткин, Купреянов, Сердюков, Гауэнштейн и вмѣстѣ с ними многочисленные рабочіе разных районов. Тогда же был арестован и Н. Чарушин. Работа в Выборгском, Василеостровском и нѣкоторых других районах оказалась совершенно разгромленной. В результатѣ из всего кружка остались не арестованными лишь Н. В. Чайковскій, Л. И. Корнилова, освобожденная из заключенія С. Перовская и вновь принятые в кружок Драго, Зубок-Мокіевскій, Петровскій и Эндауров.

К этому времени направленіе дѣятельности чайковцев успѣло довольно рѣшительно измѣниться.

В началѣ 1873 года распропагандированный чайковцами рабочій Г. Крылов, в цѣлях пропаганды освободительных идей, с книжным коробом за плечами отправился сначала по ближайшим к Петербургу селеніям, а затѣм в родную Тверскую губернію. За Крыловым потянулись и другіе рабочіе. Тяга в деревню начиналась и среди самих чайковцев. Еще в 1872 г. С. Перовская и А. Ободовская учительствовали в селѣ Эдимновѣ, Тверской губерніи, но только лѣтом 73 года первыми піонерами прямой пропаганды двинулись «в безбрежное народное море» С. Кравчинскій и Д. Клеменц.

Новый уклон дѣятельности чайковцев повел за собой пересмотр почти всей их тактической программы.

Книги, распространявшіяся среди учащейся молодежи, не подходили для пропаганды среди рабочих и, тѣм болѣе

успѣли вступить на тот же путь, что и петербуржцы. Так обстояло дѣло в Одессѣ, Херсонѣ и Харьковѣ. В других мѣстах, в частности, в Москвѣ и Кіевѣ, при полном сочувствіи со стороны членов мѣстных отдѣленій к новому плану работы, выход с пропагандой из круга интеллигентской молодежи в рабочую среду, по разнаго рода причинам, оказался трудно выполнимым.

крестьян. С начала 73-го года чайковцы приступают к изданію ряда народных книжек. Переговоры с разными авторами о разрѣшеніи переизданія уже имѣвшихся в повременных органах произведеній были поручены Н. В. Чайковскому. Ранѣе других издается разсказ Цебриковой «Дѣдушка Егор», за ним слѣдуют из легальных: разсказы Наумова, «Древняя Русь» Худякова, «Разсказы о небѣ и землѣ», «Бесѣды о природѣ» и пр., а из нелегальных: «Сборник революціонных пѣсен», «Чтой-то братцы» Л. Шишко, «Сказка о четырех братьях» Л. Тихомирова, «Исторія одного французскаго крестьянина» — передѣлка из Эркмана-Шатріана, «Стенька Разин» Навроцкаго, «Исторія Пугачевскаго бунта» Л. Тихомирова с добавленіями Кропоткина, «Сказка о копейкѣ», «Мудрица Наумовна», «Хитрая механика», «Внушителя словили» С. Кравчинскаго и др. (47).

Впервые возникла теперь среди чайковцев и мысль, которая раньше показалась бы большинству кружка совершенно еретической, о необходимости в письменной формѣ зафиксировать болѣе или менѣе подробную программу кружка. Составленіе программы взял на себя П. Кропоткин. Приблизительно к началу ноября 1873 года эта программа была составлена и обсуждена в рядѣ засѣданій кружка.

Итак, за время своего существованія, с осени 71-го до весны 74-го года, дѣятельность кружка чайковцев проходит через три фазиса.

1) Книжное дѣло и пропаганда среди молодежи.

2) Пропаганда среди рабочих.

3) Подготовка к пропагандѣ среди крестьян.

Параллельно с этими измѣненіями дѣятельность кружка, из легальной в своей основѣ, становится все болѣе нелегальной.

---

(47) Параллельно с новым направленіем книжнаго дѣла, перед чайковцами встал вопрос о желательности имѣть в Россіи собственную нелегальную типографію. Для закупки типографскаго станка и других типографских принадлежностей, в Вѣну на всемірную промышленную выставку был командирован М. В. Купреянов. Данное М. Купреянову заданіе было послѣдним удачно исполнено. Станок был куплен и благополучно переправлен через границу в Россію, гдѣ он хранился в разобранном видѣ в водолечебницѣ д-ра Веймара. Но воспользоваться этой типографіей чайковцам так и не удалось. Одновременно М. Купреянову было поручено побывать в Швейцаріи и связаться с Лавровым и его журналом «Вперед», что им также было исполнено.

гальной и, наконец, в 3-м своем фазисѣ обращается в подготовку к революціонной работѣ. Однако, по мѣрѣ измѣненія форм и характера дѣятельности кружка, в его собственной средѣ стали замѣчаться расхожденія. К числу лиц, не одобрявших новой дѣятельности и новаго уклона мысли чайковцев принадлежал и сам основатель первоначальнаго кружка М. А. Натансон и виднѣйшій членъ кружка, вторичной его формаціи, Н. В. Чайковскій.

III.

Не легко говорить об едином и согласованном міровоззрѣніи лиц, связанных друг с другом не столько «преданностью той или иной революціонной доктринѣ», сколько «интенсивностью своего субъективнаго настроенія» (1) и в своем цѣлом представляющих не партію, а в первую очередь «тѣсную семью друзей» (2), «рыцарскій орден» (3), «братство» (4) и уже потом революціонное сообщество. И тѣм не менѣе нѣкоторыя основныя линіи духовнаго облика, общія, если не для всѣх чайковцев, то, по крайней мѣрѣ, для их большинства и, во всяком случаѣ, для наиболѣе выдающихся и вліятельных из них все же существуют.

Перед нами прежде всего люди, умственные запросы которых во многом рѣшительно отличаются от духовных интересов передовой молодежи 60-х годов. Об этом неопровержимо свидѣтельствует уже список книг, которыми оперировали чайковцы. Естественным наукам в этом перечнѣ принадлежит второстепенное мѣсто, на первый план выдвигаются книги по исторіи политической экономіи, соціальным дисциплинам и вопросам этики (5). Уже в силу этого од-

---

(1) Л. Шишко. С. Кравчинскій и кружок чайковцев, стр. 11..

(2) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 289.

(3) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 183.

(4) Степняк. Подпольная Россія, стр. 74.

(5) По свидѣтельству О. В. Аптекмана, чайковцы «были поражены» тѣм обстоятельством, что для своего списка книг они не могли сразу найти подходящей для них книги об этикѣ». А чайковцы тогда можно сказать болѣли вопросами этики... Натансон мнѣ горячо доказывал, что пока у нас не будет великой книги об этикѣ, мы не будем в состояніи осуществить соціалистическій строй». («Земля и Воля», стр. 78-79). Н. В. Чайковскій, настаивая

ного трудно согласиться с мнѣніем Л. Тихомирова, считающаго все движеніе чайковцев проявленіем «писаревщины». Правда, рѣдко кто из чайковцев, оставивших свои мемуары, не указывает на то большое вліяніе, которое оказал на выработку их міросозерцанія Писарев.. И тѣм не менѣе знанія, которыя стремилась пріобрѣтать передовая молодежь в самом концѣ 60-х и в первой половинѣ 70-х годов, далеко уже не совпадали с тѣми, за накопленіе которых ратовал Писарев. Происшедшая перемѣна в области умственных интересов молодежи очень хорошо передана Н. Русановым: «одно время мы увлекались Писаревым, который говорил нам о великой пользѣ естественных наук», и вдруг увидѣли, что «на естественных науках свѣт не клином сошелся, что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь, что есть другіе важные вопросы, что есть исторія, есть общественный прогресс...» (6).

Было и другое, болѣе глубокое и болѣе принципіальное расхожденіе новаго поколѣнія молодежи с «писаревщиной». Сущность этого расхожденія отчетливо выражена в кратких словах П. Кропоткина: «Базаров не удовлетворял нас..., мы думали, что он слишком пренебрегает своими обязанностями, как гражданин» (7). Именно здѣсь и проходит основная грань, отдѣляющая міросозерцаніе новой молодежи от предшествующаго ей поколѣнія «мыслящих реалистов». Учиться нужно не для себя, а для того, чтобы своими знаніями непосредственно помогать народу, таков новый лозунг, передовой молодежи начала 70-х годов.

Писаревская проповѣдь «здороваго эгоизма» и выработки из себя «критически мыслящих реалистов» нѣсколько ме-

---

в своем открытом письмѣ, посланном им в концѣ 73-го года в редакцію журнала «Вперед», на необходимости «изученія вопросов жизни», на первый план выдвигает вопросы морали (Письмо из Петербурга. «Вперед» 1874 г. т. III, стр. 112). Первая книга, которую чайковцы издали на свой счет, и была книгой об этикѣ Она была спеціально заказана Флеровскому и явилась в свѣт под заглавіем — «Азбука соціальных наук».

(6) Н. С. Русанов. «П. Л. Лавров». Былое. 1907 г. № 2, стр. 260.

(7) П. Кропоткин. «Записки революціонера», стр. 284. Как ни серьезно указанное П. Кропоткиным расхожденіе новой молодежи с Писаревым, фактически оно не всѣми ясно сознавалось. А. Корнилова умѣла, напримѣр, каким то образом находить в статьях Писарева призыв к непосредственной общественной работѣ.

ханически сочеталась, таким образом, в умах новаго поколѣнія с призывами к непосредственному общественному служенію, шедшими от других властителей дум русской молодежи 60-х годов — Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго, с мыслями писателей-народников Г. Успенскаго, Рѣшетникова, Левитова, Наумова, с настроеніями стихотвореній Некрасова и «Записок охотника» Тургенева. Дата окончательнаго оформленія новаго общественнаго міросозерцанія без труда может быть связана с появленіем в свѣт знаменитых «Исторических писем» Лаврова, печатавшихся в 69 году в журналѣ «Недѣля» и вскорѣ вышедших отдѣльным изданіем, с их формулой прогресса, говорившей «о развитіи личности в физическом, умственном и нравственном отношеніи и о воплощеніи в общественных формах истины и справедливости».

«Глубокое вліяніе исторических писем» испытали на себѣ всѣ без исключенія чайковцы. Об этом свидѣтельствуют они сами и, пожалуй, еще в большей степени свидѣтельствует то, что чайковцы нерѣдко говорят словами автора «писем» даже тогда, когда не называют его по имени. «Письма» Лаврова, ставившія задачу общественнаго служенія, как «нравственный долг перед народом», не могли не звучать в унисон с этическими настроеніями чайковцев. — «Нам казалось, свидѣтельствует Н. В. Чайковскій, что на нас самой исторіей возложена миссія открыть народу какую то правду, которую знали мы одни и тѣм произвести соціальное чудо, как во всѣх соціалистических утопіях, что и значило избавить народ от тѣх страданій и униженій, которыя он нес на своих плечах, ради нашего образованія и нашей культуры. В этом был наш неоплатный долг перед народом, требовавшій от нас подвига для его спасенія» (8).

Народничество и соціализм чайковцев роднит их с другими современными им организаціями передовой молодежи, от которых в этой области чайковцы отличались главным образом интенсивностью своих этических настроеній. Основная сущность этого народничества и соціализма хорошо выяснена, как в воспоминаніях самих членов кружка, так и в

---

(8) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1923 г., стр. 183.

спеціальной литературѣ (9). Спорными и недостаточно выясненными остаются, главным образом, отдѣльныя стороны общественнаго міросозерцанія чайковцев. Но именно эти стороны — при том нерѣдко весьма существенныя, — и придают «кружку Чайковскаго» особую физіономію, отличную от прочих, з других отношеніях с ним созвучных, организацій и кружков той же эпохи.

В. Я. Богучарскій склонен причислять чайковцев к анархистам (10). Между тѣм, сами члены кружка, начиная от Н. В. Чайковскаго и кончая анархистом П. Кропоткиным, говорят совершенно иное.

Н. В. Чайковскій, возражая В. Богучарскому, недоумѣвает, «почему автор для характеристики политическаго облика народничества 70-х годов ограничивается лишь ссылкой

---

(9) Не вполнѣ выясненным в этой области является вопрос о нѣкоторых источниках народническаго и соціалистическаго міросозерцанія чайковцев. По мнѣнію В. Богучарскаго, идейные корни воззрѣній народников 70-х годов лежат между прочим в славянофильствѣ и, в частности, во-первых, в вѣрѣ славянофилов в особый, отличный от Европы, путь развитія Россіи и, во-вторых, в их взглядѣ на значеніе и роль крестьянской общины. Против этого взгляда рѣшительно возражает Н. В. Чайковскій, называя его «совершенно необоснованным парадоксом». Н. В. Чайковскій считает совершенно ошибочным, что «романтическое представленіе славянофилов об общинѣ, как о проявленіи высшей свободы этической области в ея христіанском самоотреченіи, приравнивается к совершенно реалистическому понятію Чернышевскаго о той же общинѣ, «как о соціально-экономическом факторѣ русской жизни» и, что учет національных особенностей русской дѣйствительности при проведеніи в жизнь назрѣвающих во всем свѣтѣ соціальных перестроек уподобился «особому пути» Чаадаева и славянофилов». (Рецензія на «Активное народничество» В. Богучарскаго. Гол. Мин. 1913 г. № 6).

То, что извѣстно о литературно - научной подготовкѣ представителей народнической молодежи 70-х годов не позволяет заключать о непосредственной филіаціи славянофильских идей в молодую народническую среду. С. Ф. Ковалик даже утверждает, что народническая молодежь в сущности ничего не имѣла общаго с отжившими славянофилами. (Былое, 1906 г. № 11, стр. 61). Можно, конечно, тѣм не менѣе допустить косвенное вліяніе на молодежь тѣх славянофильских, по своему происхожденію, идей, которыя успѣли уже войти в общій оборот, обратиться в общепринятую ходячую монету, и тѣм самым, сохранив свою внѣшнюю оболочку, во многом утратили свою специфическую сущность.

(10) Нужно, впрочем, оговориться, что сужденіе Н. Богучарскаго по данному вопросу не отличается большой ясностью. Но во всяком случаѣ он категорически утверждает, что к 1873 г. и члены кружка Ковалика, и чайковцы, и южане, и заграничники, — всѣ были в массѣ своей анархичны (Активное народничество, стр. 167).

на его анархизм и проходит молчаніем вліяніе на него таких капитальных работ, как «Сѣверо-русскія народоправства» Н. И. Костомарова, или цѣлый ряд политических статей Чернышевскаго, «Сущность конституціи» Лассаля, сыгравших несомнѣнно громадную роль. Стоит припомнить, напримѣр, до извѣстной степени историческое собраніе конституціоналистов и народников в СПБ. подъ предсѣдательством Н. С. Таганцева» (11). Дѣйствительно, о вліяніи «Сущности конституціи» на выработку политическаго міросозерцанія видных участников «кружка Чайковскаго» говорят почти без исключенія всѣ мемуары той эпохи. «Эта книга, пишет, в частности, Н. Чарушин, дала мнѣ возможность наглядно ощутить все значеніе политической свободы» (12). «Послѣдователей бакунинскаго теченія у нас, говорит далѣе Н. Чарушин по поводу небольшой замѣтки П. Кропоткина о Лавровѣ,(13), кромѣ самого Кропоткина, не было. Даже самое ученіе Бакунина въ половинѣ 1873 года, было нам мало извѣстно» (14). В свою очередь А. Корнилова, у которой Н. Чарушин хотѣл провѣрить свои впечатлѣнія относительно политических настроеній чайковцев, пишет: «Были ли между чайковцами анархисты, кромѣ П. А. (Кропоткина). Думаю, что нѣтъ. Мы называли себя радикалами, считали себя соціалистами-революціонерами, об анархіи имѣли самое смутное представленіе, и многіе не успѣли даже прочесть до своего ареста произведеній Бакунина». Видный член южнаго кружка чайковцев Ланганс сообщает, что анархическія убѣжденія отсутствовали и в провинціальных отдѣленіях чайковцев. «Нужно замѣтить, пишет он, что в концѣ 1873 г. анархизм не пользовался еще особенным вліяніем среди молодежи; мы полагали в то время, что власть, как всякое сильное орудіе может служить и счастью человѣческому, и угнетенію, и что вся механика в том и заключается, чтобы создать условія, при которых злоупотребленіе властью становилось бы невозможным» (15).

---

(11) Н. В. Чайковскій. Рецензія на «Активное народничество» В. Богучарскаго. Гол. Мин. 1913 г. № 6.

(12) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 63.

(13) П. Л. Лавров. Сборник статей. II. 1922, стр. 436-440.

(14) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 135-136. См. также стр. 151, 171 и 173.

(15) Цит. по книгѣ П. Лаврова Народники - пропагандисты 1873-78 г. С. П. 1907 г. стр. 219.

Если так обстояло дѣло к концу 73-го года, когда идеи Бакунина начали уже завоевывать себѣ симпатіи среди интеллигенціи, то в началѣ дѣятельности кружка его члены еще менѣе могли отрицать значеніе «конституціи». То засѣданіе на квартирѣ Н. С. Таганцева, о котором упоминает Н. В. Чайковскій, происходило в концѣ 71-го года. На собраніи сенатскій чиновник Шевич прочел реферат «О сущности конституціи» по Лассалю. Кромѣ самого хозяина и референта, при этом присутствовали: Н. К. Михайловскій, В. И. Водовозов, Е. И. Утин, В. Д. Спасович, В. П. Воронцов (В. В.) и мн. др., а из чайковцев — Н. В. Чайковскій, Клеменц, Волховскій, Сердюков, Купреянов, Лермонтов, Перовская, Ободовская, Л. Корнилова и О. Шлейснер. Всего было около 40-50 человѣк. Никто из присутствующих, — со стороны чайковцев выступали, главным образом, Д. Клеменц и Волховскій и близко стоявшій к ним В. П. Воронцов, — не возражал против самаго принципа конституціи. Всѣ соглашались, «что конституція, в особенности конституція подлинная, дѣло хорошее». Споры велись по вопросу «кто же у нас будет бороться за конституцію (16). Позднѣе, в 72-м г., Д. Клеменц, уговаривая П. Кропоткина вступить в кружок, заявил послѣднему: «члены нашего кружка покуда большей частью конституціоналисты». Это настроеніе, по свидѣтельству самого П. Кропоткина, не измѣнилось и послѣ его вступленія в состав кружка. «Желаніе свернуть всю агитацію на политическую почву не пропадало у нѣкоторых членов нашего кружка. Среди нас были люди, которым агитація среди народа никогда не казалась особенно привлекательной... Если бы в условіях того времени — 1871-74 годы — были бы какія нибудь данныя, чтобы предположить возможность политическихъ преобразованій в смыслѣ политической свободы,... большинство стало бы рваться на политическую агитацію и увлекло бы с собой остальных» (17). Но даже и при отсутствіи почвы для мирной или революціонной дѣятельности на пользу конституціи, политическія настроенія большинства чайковцев обладали все же

---

(16) Небольшая замѣтка о собраніи на квартирѣ проф. Н. С. Таганцева помѣщена Н. Чарушиным в «Каторгѣ и ссылкѣ» за 1925 г. № 2; см. также его «Кружок чайковцев», стр. 100-101.

(17) П. Кропоткин. Записки революціонера. Изд. 1925 г., стр. 393-394 и 399-400.

достаточной силой, чтобы в извѣстной мѣрѣ повліять даже на такого убѣжденнѣйшаго анархиста, как П. Кропоткин. Однажды, уже в началѣ 74 г. он заявил кружку: «Если кружок рѣшит направить свои усилія, или часть их, на добываніе конституціи..., вот, что я предлагаю. Я отдѣляюсь от вас для видимости и поддерживаю сношенія только с одним членом кружка — Чайковским... Моя же работа будет в дворцовых, придворных и высших сферах. Там я имѣю много знакомых. Я их объединю, соединю, если можно, в нѣчто подобное организаціи, и тогда, воспользовавшись каким нибудь моментом, всѣ эти силы направятся, чтобы вынудить у Александра II конституцію» (18).

Предложеніе это не было принято, несомнѣнно, в значительной степени потому, что оно слишком рѣшительно расходилось со взглядами чайковцев на то, какими силами может и должна быть введена в Россіи конституція.

Взгляды чайковцев на этот вопрос прекрасно передает Н. В. Чайковскій, когда он пишет, что члены кружка признавали, «что тѣ великія преобразованія, которыя необходимы русскому народу, не исчерпывались ни отмѣной крѣпостного права, ни земским и городским самоуправленіем, ни новым судом и т. д., не только потому, что эти реформы были недостаточны, а главным образом, потому, что онѣ не ими самими были добыты. И что он сам должен сдѣлаться хозяином своей судьбы, а не получать ее из рук благодѣтельнаго начальства» (19). Л. Шишко со своей стороны свидѣтельствует, что революціонеры 70-х годов признавали «безплодность и даже вредное значеніе таких политических переворотов, в которых народныя массы не играли бы самостоятельной роли, а служили бы простым орудіем в руках буржуазіи» (20). Поэтому послѣ совѣщанія на квартирѣ Н. С. Таганцева, кружок чайковцев пришел к выводу, что для борьбы за конституцію высшіе классы — дворянство и буржуазія — являются безнадежными, интеллигенція для борьбы с самодержавіем сама по себѣ слабой. Единственный же вы-

---

(18) П. Кропоткин. Там же. Стр. 400-401. О предложеніи, сдѣланном П. Кропоткиным, в своих воспоминаніях говорят также Л. Шишко и Н. Чарушин.

(19) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 184.

(20) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій, стр. 24.

ход из тупика состоит в том, чтобы «вовлечь в борьбу и наше многочисленное крестьянство и наших рабочих... Отсюда само собой возникает вопрос об организаціи народных масс в цѣлях вовлеченія их в активную борьбу с самодержавіем, а вмѣстѣ с тѣм и вопрос о пропагандѣ среди них» (21).

Составленная в концѣ 73-го года П. Кропоткиным программа для кружка чайковцев, под заглавіем «Должны ли мы заняться разсмотрѣніем идеала будущаго строя», не внесла в область политических воззрѣній чайковцев никаких принципіальных измѣненій (22). Хотя первая часть записки (23) и рисует «основныя черты» будущаго идеальнаго строя, который ея автору представляется в видѣ безгосударственнаго, анархическаго общежитія (24). Но именно по поводу этой части записки Кропоткина, которая могла бы дать основаніе считать чайковцев с конца 1873 года анархистами,

---

(21) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 102.

(22) В. Богучарскій по поводу «Программы» пишет: «Программу Кропоткина кружок принял и, таким образом, и он окрасился в вполнѣ анархическій цвѣт». (Активное народничество. Стр. 167). А. Корнилов также считает, что под вліяніем П. Кропоткина чайковцы «восприняли бакунинскія идеи». (Общественное движеніе при Александрѣ II. М. 1909. Стр. 204).

(23) «Записка» была напечатана впервые в № 17 «Былого» за 1921 г., по экземпляру, имѣвшемуся в дѣлах комитета министров, а вслѣд за тѣм в сборникѣ «Памяти П. А. Кропоткина» М. П. 1922 г. В своей рецензіи на «Активное народничество» Богучарскаго Н. В. Чайковскій высказывал сожалѣніе, что «Программа кружка чайковцев», написанная П. Кропоткиным еще в 1913 г., оставалась ненапечатанной.

Была ли записка П. Кропоткина принята окончательно, или только обсуждалась в кружкѣ, осталось до сих пор недостаточно выясненным. Н. В. Чайковскій и Л. Шишко считают, что записка была принята, хотя и не без измѣненій; противоположнаго мнѣнія держатся Л. Тихомиров, Н. Чарушин и А. Корнилова. Двое послѣдних утверждают, что «одним петербургским кружком, без участія фиціальных отдѣленій, она не могла быть принята», и что в концѣ концов она так и «осталась недодѣланной и окончательно непринятой кружком». Как бы то ни было и Н. Чарушин вполнѣ признает, что во 2-й, практической, части записки, кромѣ нѣкоторых небольших уклоненій в ней, «изображеніе нашего настроенія, наших мыслей, планов и чаяній и надежд сдѣлано в общем, и даже в частностях, вполнѣ правильно и с исчерпывающей полнотой. И будущій историк знаменательной эпохи начала 70-х годов не может, конечно, пройти мимо записки Кропоткина». (Кружок чайковцев. Стр. 160-161).

(24) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 159.

Н. Чарушин говорит: «Вводная часть записки, трактующая о золотых снах человѣчества, воплощеніе которых в жизнь относится в безконечно далекое будущее, мало занимала нас, и я не помню, чтобы она вызвала какіе нибудь споры, или подверглась какому либо обсужденію» (25). Л. Тихомиров, в своей книгѣ «Conspirateurs et politiciens» (1887), написанной еще до отказа от его революціоннаго прошлаго, говорит по поводу анархических, «неопредѣленных выражений» записки: «это была не программа; эти грезы замѣняли для нас и «будущую жизнь и утраченную вѣру» (26).

Таким образом, 1-ая часть записки Кропоткина является характерной для него, но не для подавляющаго большинства чайковцев. Очевидно, только при этих условіях Н. В. Чайковскій, несмотря на извѣстное ему, конечно, содержаніе «записки» и мог возразить В. Богучарскому, что члены его кружка в подавляющем большинствѣ были не анархистами, а «демократами-республиканцами» (27).

Необходимо, конечно, оговориться, что сколько нибудь детальной разработкой политических вопросов и, в частности, подробностями будущаго политическаго устройства, чайковцы не занимались. «Нас мало занимал, разсказывает Н. Чарушин, и вопрос о будущем строѣ, установленіе котораго, когда наступит для этого время, предоставлялось будущему земскому собору, или учредительному собранію, долженствовавшим выразить народную волю по этому основному вопросу» (28). С полной отчетливостью перед членами кружка вставала только их основная цѣль, состоявшая, говоря словами Н. В. Чайковскаго, в «образованіи той реальной силы в самом народѣ, на которую могла бы в будущем опираться борьба за реальное освобожденіе русскаго народа», другими словами, в созданіи «истинно - народной партіи».

Однако, и созданіе истинно-народной партіи не мыслилось чайковцами, как задача завтрашняго дня. «Тот элемент идеализаціи и восторженной вѣры в близость революціи, который приписывается обыкновенно всему движенію 70-х го-

---

(25) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 159.
(26) Цит. по книгѣ Лаврова. Народники-пропагандисты, стр. 190.
(27) Н. В. Чайковскій. Рецензія на книгу Богучарскаго «Активное народничество», Гол. Мин. 1913 г. № 3, стр. 252.
(28) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 173.

дов, явился не с первых его шагов, а позднѣе, когда революціонное движеніе среди интеллигенціи приняло уже массовый характер и когда большая часть членов кружка Чайковскаго была уже арестована» (29). Кружок чайковцев, подтверждает и Н. Чарушин, «никогда не предавался иллюзіям о близкой революціи» и «занимался лишь подготовительною дѣятельностью для предстоящей в болѣе или менѣе близком будущем работы в народных массах, подготовляя и организуя пока для этой работы лишь кадры дѣятелей из интеллигенціи» (30). «Многіе из наших знакомых в провинціи, разсказывает П. А. Кропоткин, да и нѣкоторые члены самого кружка, удовольствовались бы дѣятельностью в связи с земством. Синегуб в своей коротенькой запискѣ так и говорит, что принадлежал к кружку «земцев — молодежи, стремящейся работать в пользу народу в земствѣ или только около земства» (31). Интересуется земством и Н. В. Чайковскій и при первом же своем знакомствѣ с Чарушиным прежде всего разспрашивает послѣдняго о дѣятельности вятскаго земства. П. Кропоткин с своей стороны останавливался на мысли о земской работѣ, понимая, что «тут могло быть обширнсе поприще», а А. И. Желябов даже приступил к этой работѣ. Наконец, и весь кружок в цѣлом, к концу 1872 г., по согласному свидѣтельству Л. Шишко, П. Кропоткина и Н. Чарушина, пытался найти почву для работы в земской средѣ и с этой цѣлью отдѣльные члены кружка начали входить в сношенія с земскими дѣятелями и изучать земскую литературу. Однако, познакомившись ближе и столкнувшись на практикѣ с условіями земской работы в эпоху, когда правительство приступило к систематическому стѣсненію дѣятельности земских учрежденій и ограниченію их компетенціи, кружок пришел к выводу о безплодности своих попыток (32).

(29) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій и кружок чайковцев, стр. 15.
(30) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр 172 и 27.
(31) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 394.
(32) Для надлежащей оцѣнки этого вывода не мѣшает имѣть в виду, что к нему приходили в то время не только одни представители радикальной молодежи. В 72-м году кн. А. И. Васильчиков, сдѣлавшійся земским гласным, когда ему было 49 лѣт и проработавшій шесть лѣт в Новгородском земствѣ, признал для себя немыслимым при сложившихся условіях продолжать свою дѣятельность и просил исключить его из числа уѣздных и губернских гласных Новгородской губерніи. (См. А. Корнилов. Общественное движеніе при Александрѣ II, стр. 185).

Свою нелюбовь к революціонным дѣйствіям, в тѣсном смыслѣ этого слова, большинство чайковцев сохранило вплоть до подготовки к хожденію в народ и даже, в извѣстной степени, и во время самого хожденія. Д. Клеменц даже «окрестил бунтарей — послѣдователей Бакунина — «вспышкопускателями» — и это ироническое прозвище получило широкое распространеніе» (33). Со своей стороны бакунист С. Ковалик в своих вопоминаніях неоднократно указывает, что попытки бакунинцев толкнуть чайковцев на болѣе активный путь борьбы терпѣли обычно полную неудачу.

В особенности этот отказ от непосредственных революціонных форм борьбы был характерен для Н. В. Чайковскаго. А. Корнилова вспоминает, что однажды Войнаральскій просил Чайковскаго снабдить его фосфором «для поджиганія сѣна в помѣщичьих усадьбах», но получил рѣшительный отказ (34). В другой раз, кажется в 72-м году, разсказывает Н. Чарушин, разыгрался неожиданный инцидент, приведшій к разрыву с лицом, очень близко стоявшим к кружку. «Лицо это, фамилію котораго я не назову, увлеченное мыслью разрѣшить сразу всѣ денежныя затрудненія кружка, без вѣдома послѣдняго, приняло участіе в какой то организаціи по изготовленію и выпуску фальшивых денег, о чем, когда дѣло это уже, очевидно, зашло очень далеко, сообщило Чайковскому. Ошеломленный столь неожиданным извѣстіем о предпріятіи, идущем в разрѣз со всѣми моральными принципами кружка, Чайковскій в категорической формѣ заявил о непріемлемости такой денежной помощи» (35). Еще болѣе характерный эпизод передает в своих воспоминаніях П. Кропоткин. «Когда с юга (чуть ли не с Дона) пріѣхал однажды в Петербург кто то с намѣреніем убить царя, чайковцы, т. е. по крайней мѣрѣ сам Чайковскій и его ближайшіе друзья (в кружок это дѣло не было внесено) всячески уговаривали и отговаривали пріѣзжаго; и мало того: так окружили его, что он не мог бы ничего препринять» (36).

Все это как нельзя болѣе понятно и характерно для ор-

---

(33) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій, стр. 19.
(34) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 136.
(35) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 91.
(36) П. Кропоткин. Записки революціонера. Изд. 1925 года, стр. 400.

ганизаціи, возникшей в противовѣс боевым призывам Нечаева. Изслѣдователями исторіи общественнаго движенія в Россіи не раз цитировалось утвержденіе П. Кропоткина, что «кружок Чайковскаго возник из желанія противодѣйствовать нечаевским способам дѣйствія». В настоящее время, послѣ выхода в свѣт новаго, сравнительно обильнаго печатнаго матеріала, свидѣтельство это уже не является одиноким. То же говорит и А. Корнилова по поводу «августовскаго организаціоннаго засѣданія» «Кушелевской коммуны». В заключительной (схематической) части своих воспоминаній Н. В. Чайковскій, касаясь условій, в которых возник кружок, пишет: «перед Рождеством нечаевская агитація и студенческія волненія. На Рождество почти непрерывныя сходки около Медицинской Академіи и в Лѣсном на тему о том: что дѣлать русской молодежи? Отвѣтственность ея перед народом. Отсюда Нечаевскій Процесс с одной стороны и кружки Александрова и Натансона — с другой». Наконец, сам М. А. Натансон разсказывал О. В. Аптекману, что «ближайшим поводом» к возникновенію его кружка явилась проповѣдь Нечаева, которая и «дала непосредственный толчек к сплоченію его противников в тѣсный кружок» (37).

Таким образом, в первый період дѣятельность «кружка Чайковскаго» не заключала в себѣ «боевых» черт и носила по существу просвѣтительный характер. Н. В. Чайковскій, в своей автобіографіи, написанной для Британской Энциклопедіи, совершенно правильно характеризует дѣятельность кружка за этот період, говоря, что он представлял из себя «нѣчто, очень похожее на современныя просвѣтительныя организаціи У.М.С.А.» (38).

Переход к занятіям с фабричными и заводскими рабочими явился для чайковцев не болѣе, как расширеніем их прежней работы по подготовкѣ кадров для будущей «истинно-народной» партіи. «В то время, говорит Н. В. Чайковскій, мы были вполнѣ убѣждены, что наши дни

---

(37) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», изд. 1924 года, стр. 68-69. Воспоминанія О. Аптекмана были написаны впервые в 1882-83 г. г., но глава, относящаяся к кружку чайковцев, была им добавлена уже в 1912 г.

(38) Цит. по переводу, помѣщенному в «Голосѣ Минувш.» 1926 г. № 1, стр. 49.

уже сочтены, что мы уже обречены погибнуть за этот свой подвиг, или, во всяком случаѣ, быть надолго изъятыми из жизни, а потому нам необходимо было торопиться подготовить для себя преемников из среды самого народа. Отсюда наши кадры фабричных и заводских рабочих, отсюда наши стремленія вдохнуть в них чувства долга и безграничной любви ко всему русскому народу, чтобы сдѣлать их способными продолжать нашу миссію» (39). Вопрос шел не о том, чтобы толкнуть рабочія массы на активныя выступленія, а о том, «чтобы дотянуть до себя нѣкоторое количество личностей и групп» (40) из рабочей среды. Так смотрѣл на это дѣло Н. В. Чайковскій. Таковы же были планы и предположенія наиболѣе видных членов кружка. «Цѣль кружка была в то время, по словам П. Кропоткина, развить отдѣльных личностей из рабочих» (41). Легальныя и нелегальныя брошюры, которыя кружок стал усиленно издавать в связи со своей развивающейся дѣятельностью среди рабочих «вполнѣ соотвѣтствовали тому періоду революціонной пропаганды в народѣ, когда она была еще кружковой, когда дѣло еще шло о выработкѣ отдѣльных лиц из народной среды» (42).

Пропаганда среди заводских и фабричных рабочих по своему внѣшнему облику была очень замкнутой и строго конспиративной, но ея содержаніе нерѣдко плохо гармонировало с ея видимой нелегальностью. «Приходилось прежде всего брать на себя чисто черновую работу, которая должна бы быть сдѣлана народной школой». Лишь постепенно и с большим трудом удавалось подходить к чтеніям и бесѣдам на общественныя темы и к пропагандѣ дорогих чайковцам идей. Но и эту пропаганду приходилось вести с большой осторожностью. В найденной при обыскѣ у Кропоткина — «программѣ революціонной дѣятельности», интересной потому, что этот незаконченный ея автором, черновой набросок «программы» является в нѣкоторых отношеніях допол-

---

(39) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 183; см. также П. Кропоткин. Записки революціонера. Изд. 1925 г., стр. 235.

(40). Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 186.

(41) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 140. См. также Шишко: С. М. Кравчинскій, стр. 22.

(42) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій и кружок чайковцев, стр. 27.

неніем к его «Запискѣ», сдѣланным им на основаніи замѣчаній, высказанных по поводу «Записки» членами «кружка Чайковскаго» (43), говорится: «Неоднократныя бесѣды с простолюдинами убѣдили меня, что непрактично в высшей степени задѣвать их религіозныя вѣрованія. Для крестьянина страшен и, по меньшей мѣрѣ, непривлекателен тот, кто говорит, что Бога нѣт, что душа не безсмертна и т. д... Кромѣ того, непрактично задѣвать «царя». Надо всячески обходить этот вопрос, обрушиваясь всею тяжестью на правительство и господ» (44).

Болѣе углубленныя занятія велись чайковцами с заводскими рабочими, как элементом болѣе культурным и болѣе воспріимчивым к пропагандѣ «республиканско - соціалистических идей». Однако, «к сожалѣнію надо сказать, сообщает П. Кропоткин, наша пропаганда среди заводских не отличалась особенным успѣхом... Большинство наших заводских знакомых прекрасно могли вести разговоры, не хуже многих студентов, о разных вопросах, касающихся соціализма, капитализма... Но всѣ эти знанія за живое их не задѣли... К фабричной массѣ они относились с пренебреженіем, да и в своей заводской средѣ пропаганду вели слабо» (45).

Как бы то ни было, в результатѣ работы чайковцев в кругу рабочих, все же «отдѣльныя личности вырабатывались». Их было немного. В своих мемуарах чайковцы упоминают из петербургских рабочих обычно только трех, вполнѣ оправдавших надежды кружка, — это Орлов, Абакумов и Крылов.

Но как раз с этими немногими получилась новая неожиданность, имѣвшая в жизни кружка большое значеніе. «В народное возстаніе в ближайшем будущем, а тѣм болѣе побѣдоносное . . . мы не вѣрили, что говорил Н. Чарушин. Эту же точку зрѣнія мы старались укрѣпить в умах рабочих и этим предостеречь их от неизбѣжных разочарованій . . . Но рабочая публика, увѣровавшая в освободительныя идеи и го-

---

(43) «Программа революціонной дѣятельности» Кропоткина напечатана в тѣх же изданіях, что и его «Записка» — «должны ли мы заниматься разсмотрѣніем будущаго идеальнаго строя».

(44) «Былое» 1921 г. № 17, стр. 4-5.

(45) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 411-312.

рячо отдавшаяся им, всего труднѣе проникалась мыслью о необходимости столь длиннаго пути для достиженія их завѣтных цѣлей». Первым из рабочих двинулся (в народ) Крылов (лѣтом 1873 г.) . . . Примѣр, показанный Крыловым, оказался заразительным, за ним потянулись и другіе рабочіе (46) . . . «Это рѣшеніе рабочих, говорит Л. Шишко, застало нѣкоторых из нас даже врасплох и вызвало в нашей средѣ немалое разочарованіе, так как мы еще мечтали о правильном и прогрессивном расширеніи нашей пропаганды в Петербургѣ и о созданіи самостоятéльно рабочей организаціи» (47).

Однако это разочарованіе прошло сравнительно скоро. Новыя настроенія большинства чайковцев, направленныя в сторону «немедленнаго служенія» народу, стали уже опредѣляться.

Именно в это переломное для чайковцев время, кружку пришлось обсудить свое отношеніе к полученному в Петербургѣ первому номеру журнала «Вперед» и к выработанной П. Крапоткиным «Запискѣ».

Лѣтом 1873 года, по порученію кружка (48) М. Купреянов побывал в Цюрихѣ и, «не видаясь с Бакуниным и бакунинцами, заключил договор с Лавровым, в силу котораго журнал Лаврова «Вперед» должен был получаться и распространяться нашим кружком» (49).

---

(46) Н. Чарушин. Кружок чайковцев.

(47) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій, стр. 29.

(48) В сборникѣ «П. Л. Лавров», П. Кропоткин ошибочно относит это порученіе к лѣту 72-го года.

(49) П. Кропоткин объясняет то обстоятельство, что М. Купреянов совершенно игнорировал Бакунина тѣм, что представителем кружка в данном случаѣ оказался человѣк, опредѣленно умѣ́реннаго направленія. (Воспоминанія о П. Л. Лавровѣ. Сборник «П. Л. Лавров», стр. 438). Возражая против этого предположенія, П. Чарушин вполнѣ правильно замѣчает, что вопрос о связи с Лавровым был рѣшен еще до лѣта 73-го года, «о связи же с бакунинским органом и бакунинцами вообще еще никто не заикался». Что же касается умѣренности М. Купреянова, то «эта умѣренность была едва ли большей, чѣм у остальных чайковцев, так же, как и он, не вѣровавших в близость революціи... При этих обстоятельствах, новых результатов не могло бы быть и при поѣздкѣ Клеменца: «бунтарство» бакунинцев, непріемлемое для нас, не позволило бы ему связаться с ними». (Кружок чайковцев, стр. 136-137).

Первый номер журнала «Вперед» был получен в Петербургѣ в октябрѣ 73-го года. Он далеко не удовлетворил всѣх связанных с ним ожиданій (50). Особенно много возраженій (51) вызвали в средѣ чайковцев программа журнала и помѣщенная в первом номерѣ статья «Знаніе и революція», чрезмѣрно подчедкивавшія, как казалось чайковцам, необходимость для каждаго революціонера длительной, строгой и всесторонней научной подготовки.

Н. В. Чайковскій в открытом письмѣ в редакцію «Вперед», напечатанном в 3-м номерѣ журнала, писал, «что молодежь нравственно обязана вносить в жизнь то, что она выработала, во что она вѣрит», и что надо дорожить тѣми годами, когда молодость беззавѣтно отдается революціонному движенію и не успѣла еще окончательно увлечься какой-либо научной спеціальностью или поддаться разлагающему вліянію буржуазной среды. Н. В. Чайковскій отказывается видѣть в человѣкѣ «один мозг и ум, в его дѣятельности одну критику и работу мысли». «Абсолютное отрицаніе науки и познаній, которое дѣлается нашей заграничной братіей, по мнѣнію Чайковскаго, не должно бы даже вообще заслуживать вниманія Л. Лаврова, — эти иллюзіи разлетаются при первом столкновеніи с дѣйствительностью», но не слѣдует впадать в противоположную крайность. «По нашему мнѣнію, прежде всего необходимо настаивать на том, что книжныя знанія, пріобрѣтенныя без ясно сознанной, вы-

---

(50) Первый проект программы «Вперед» «либерально-конституціоннаго» характера, извѣстный чайковцам в рукописи, был отвергнут ими еще ранѣе, так как к этому времени вѣры в возможность земской работы и надежд на политическія реформы у чайковцев болѣе не существовало.

(51) Анархическая часть программы не могла вызвать в средѣ чайковцев особых возраженій, так как анархическій строй программной статьей журнала признавался «идеалом будущаго свободнаго общежитія», а между этим идеалом и существующими централизованными государствами «лежит цѣлый ряд посредствующих политических форм, которыя выставлены были теоретически, или для которых существовали болѣе или менѣе удачныя попытки практическаго осуществленія». «Неудивительно, что несмотря на эту анархическую часть, С. Ф. Ковалик утверждает, что при редактированіи программы журнала «Вперед», «наиболѣе вліятельный голос имѣли чайковцы» и что даже чайковцы просто «продиктовали» Лаврову его программу. («Былое». 1906 г. № 10, стр. 13 и 14).

несенной из жизни программы, цѣны не имѣют, а могут сбивать только людей с толку. Далѣе необходимо настаивать на предпочтительном изученіи вопросов жизни, а не науки и этим вопросам лучше всего учиться на практическої работѣ». Самую статью Лаврова «Знаніе и революція», Н. В. Чайковскій считает, «не только индиферентной для нас, а прямо вредной» (52).

П. Л. Лавров отвѣтил на письмо Н. В. Чайковскаго обширным возраженіем в той же книгѣ журнала, указав между прочим, что дѣлаемыя ему возраженія основаны в значительной степени на недоразумѣніи. Ту же мысль он высказал и позднѣе в своей книгѣ «Народники - пропагандисты» (53). Дѣйствительно, развѣ не чисто лавровскія мысли высказывал в своей «программѣ революціонной дѣятельности», уже послѣ выхода журнала «Вперед», и П. Кропоткин, когда он писал: «Человѣк, желающій быть революціонером, еще не революціонер и необходимо, чтобы он подготовился. Подготовка же должна состоять в чтеніи книг, содѣйствующих расширенію знанія народных нужд, недостатков современнаго быта, прошедшаго и т. д., а также книг, дисциплинирующих мышленіе, и в изученіи какого-нибудь ремесла и в личном (на первое время) общем ознакомленіи с жизнью народа. В этот період революціонер должен быть нѣм, как рыба... Как ни тяжело скрывать свои чувства и мысли, но лучше молчать в первый період, чѣм говорить невпопад» (54). Во всяком случаѣ, несомнѣнно, что несмотря на возраженія, сдѣланныя Лаврову из Петербурга кружком чайковцев, они были и остались до конца «книжниками», как их презрительно звали «долгушинцы», «образованниками» по терминологіи Л. Тихомирова.

Если возраженія, присланныя Н. В. Чайковским от имени кружка в редакцію журнала «Вперед», трудно объяснить иначе, как настроеніями переломной эпохи, когда выдвинувшаяся на первый план новая ближайшая задача заставляла чайковцев особенно ревностно отгораживаться от всего,

---

(52) «Вперед», 1874 г., № 3, стр. 147-153.
(53) П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты, стр. 122.
(54) «Былое», 1921 г. № 17, стр. 4.

что по их мнѣнію могло отвлечь от ея выполненія, то во 2-ой, практической части «Записки» П. Кропоткина новыя вѣянія кружка отразились с еще большей опредѣленностью (55). Сюда относится прежде всего категорическое утвержденіе автора «Записки», что «основное положеніе нашей практической программы — распространять наши воззрѣнія и отыскивать себѣ единомышленников, почти исключительно среди крестьянства и рабочих», а «не в средѣ учащихся и вообще барства».

Но, что особенно говорит о новых настроеніях в кружкѣ чайковцев, это утвержденіе записки, что организація должна «немедленно приступить к дѣятельности среди народа». При этом, «записка» несомнѣнно уже прямо полемизирует с опредѣленным теченіем в «кружкѣ чайковцев», когда она говорит: «мы считаем коренной ошибкой, выставив цѣлью создать агитаторов среди народа, самим держаться поодаль от народа и держаться в кругу своих интеллигентных товарищей». «Сообразно с указанной основной практической задачей, «Записка» высказывается не только за личную, но и за массовую пропаганду» (56).

Нѣт сомнѣнія, что такая постановка вопроса далеко

---

(55) Ряд положеній этой «записки» несомнѣнно вполнѣ отвѣчает исконным, традиціонным взглядам кружка. Она «безусловно отрицает» введеніе в революціонную организацію подчиненія личностям, неравенство во взаимных отношеніях, взаимный обман и насиліе для достиженія своих цѣлей. Согласно с прочно установившимся мнѣніем кружка, она признает, что «никакая революція невозможна, если потребность в ней не чувствуется в самом народѣ... и, слѣдовательно, дѣло всякой революціонной организаціи не вызвать возстаніе, а подготовить его», и что практическая программа должна опредѣляться кромѣ общаго идеала и совокупностью бытовых условій среды, гдѣ мы дѣйствуем»; она констатирует, что «среди нашего крестьянства и рабочих существует глухое недовольство... и это недовольство растет». Она указывает, что «необходимое и первое условіе какого бы то ни было успѣха среди крестьянства и рабочих есть полнѣйшее отреченіе от всяких признаков барства, пониженіе своей матеріальной обстановки почти «до уровня той среды, гдѣ революціонеру приходится дѣйствовать». Кромѣ устной пропаганды, которую «записка» признает наиболѣе цѣлесообразной, она допускает и пропаганду литературную, для чего нужно озаботиться изготовленіем и распространеніем в народѣ соотвѣтствующих брошюр и книг и т. д. Все это безспорныя для каждаго чайковца, по всей прошлой дѣятельности кружка, положенія.

(56) «Былое». 1921 г. № 17, стр. 17-39.

уходила и от традиціонной задачи, и, совершенно независимо от того, была ли «Записка» принята кружком или только обсуждалась в нем, знаменовала собой рѣшительный перелом в его настроеніях.

Дѣйствительно, к концу 73 г. стал замѣтно измѣняться первоначальный характер пропаганды среди рабочих, имѣвшей прежде всего цѣлью выработку отдѣльных сознательных личностей. «Теперь среди нас стало замѣтно усиливаться стремленіе к массовой пропагандѣ, стремленіе обращаться к народным массам, проникать в народныя массы...» (57). Конечно, и это измѣненіе не означало еще непремѣннаго перехода к боевой революціонной дѣятельности. Сам П. Кропоткин в своих воспоминаніях о зимѣ 73-74 г. говорит — «по вопросу о пропагандѣ в народѣ и о боевом или небоевом характерѣ агитаціи у нас в кружкѣ велись отчаянные споры. Когда мнѣ поручили составить программу, и я внес боевую программу... в кружкѣ начались горячіе споры. В этих спорах Перовская, Кравчинскій, Чарушин и я всегда стояли на одной, большинство на другой... Клеменц переходил от одной группы к другой» (58). Но в практической работѣ не только во время самого хожденія в народ, но и во время подготовки к нему, различія между лицами, шедшими в народ с боевыми настроеніями, с намѣреніями немедленно призывать народ к возстанію, и тѣми, кто шел туда только с цѣлью пропаганды, — какова была тогда задача большинства чайковцев, или даже просто с намѣреніем «узнать» народ, должны были сгладиться. В концѣ концов и бакунисты фактически во время хожденія в народ ничѣм, кромѣ пропаганды, не занимались (59).

---

(57) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій, стр. 32.

(58) П. Кропоткин. Записки революціонера, стр. 405-406. «С другой стороны, анархисты также не считали чайковцев за революціонеров». «Из всѣх выдѣлявшихся в тѣ времена пропагандистов-агитаторов из кружка чайковцев, пишет Л. Дейч, к слову сказать, не пользовавшихся среди нас, бунтарей, ни малѣйшим престижем, наоборот, слывших за жалких культуртрегеров..., мы дѣлали исключеніе, причисляя их двоих (С. Кравчинскаго и Д. Рогачева), к настоящим, заправским революціонерам, т. е. к истинным бакунистам». (С. М. Кравчинскій. Петроград. 1919 г., стр. 6).

(59) Неудивительно, что незадолго до весны 1874 г. представители всѣх петербургских кружков рѣшили организовать общую

Видный член одесскаго кружка чайковцев Ланганс передает весьма симптоматическій штрих из настроеній своего кружка в началѣ 74-го года. «Многое из того, что прежде считалось безусловно вѣрным, пошатнулось; люди стали терпимѣе относиться к теоретическому разномыслію. В самом нашем кружкѣ появилось разномыслiе. Раньше других пристали к анархизму Андрей Франжоли и Александр Костюнин. Дольше других выступали противниками его Фелик Волховскій, Дм. Желтоновскій и я» (60).

Эти факты лишній раз указывают, что не только в направленiи дѣятельности чайковцев, но и в их настроеніях, к концу 73 года наступил рѣшительный перелом.

Идейное увлеченiе, охватившее молодежь, захватило и чайковцев. Хотя большинство «кружка» и не раздѣляло преувеличенных представленій о революціонной готовности масс, тѣм не менѣе и оно стремилось поскорѣе окунуться в народное море и начать теперь же выплату народу своего вѣками накопившагося долга. Тѣм самым чайковцы в значительной степени теряли и свои индивидуальныя черты и свое прежнее руководящее положенiе, сливаясь с массой героически настроенной молодежи. «В это время стихiя в общем шла мимо чайковцев, овладѣть ею и направить в надлежащее русло они были уже не в состоянiи» (61).

кассу, имѣвшую цѣлью помогать всѣм работающим в народѣ без всякаго различія направленій и организацій. «Касса управлялась тремя выборными, которыми в первый раз, кажется, были: Ободовская (кружок Чайковцев), Паевскій (кружок Ковалика) и Рабинович (кружок Лермонтова). Касса представляла собой первый зачаток общей организаціи революціонеров». (Старик. Движенiе 70-х годов. «Былое», 1906 г. № 12, стр. 12). Правда, касса эта фактически не функціонировала, так как начавшіеся лѣтом аресты ее уничтожили, но тѣм не менѣе самое это начинаніе является весьма симптоматическим для характеристики новых настроеній большинства чайковцев.

(60) Цит. по книгѣ П. Лаврова. Народники - пропагандисты, стр. 220.

(61) Н. Чарушин. Кружок чайковцев, стр. 157.

IV.

По мѣрѣ того, как росло боевое настроеніе чайковцев, все болѣе и болѣе опредѣлялось расхожденіе Н. В. Чайковскаго со своим кружком (62).

С момента своего вступленія в кружок и до конца своего пребыванія в нем Н. В. Чайковскій смотрѣл на него, как на «центральную группу», которая имѣет «полную возможность оказать огромное вліяніе на настроеніе, выработку и организованность молодого поколѣнія интеллигентных сил». Поэтому он считал основной и первоочередной задачей своего кружка «просвѣтительную и организаціонную дѣятельность именно среди учащейся молодежи». Между тѣм, уже с конца 72-го года у большинства чайковцев намѣтилась склонность покончить с работой в интеллигентной средѣ и перейти, как можно скорѣе, к сношеніям с рабочими. Н. В. Чайковскій естественно не мог раздѣлять иллюзій нѣкоторых из своих товарищей, ратовавших за усиленное развитіе пропаганды в рабочей средѣ. «Нѣсколько сочувствующих нам групп фабричных и заводских рабочих, пишет Н. В. Чайковскій, для меня служили доказательством лишь того, что в народѣ есть дѣйствительно запросы на широкую общественную культуру, и что мы можем дотянуть до себя нѣкоторое количество таких личностей и групп. Для созданія же из них прочной основы для соціально-революціонной кампаніи по всей странѣ у нас не было ни времени, ни сил, ни терпѣнія». Несмотря на указанное расхожденіе, вопрос о выходѣ из кружка тогда еще не стоял перед Н. В. Чайковским, и он не только подчинился состоявшемуся рѣшенію, но и сам принял участіе в занятіях с рабочими и объѣзжал провинціальные кружки, чтобы освѣдомить их о новом направленіи дѣятельности их петербургских товарищей.

---

(62) Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям. Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 178.

Всѣ приводимыя в дальнѣйшем цитаты, по поводу которых не дѣлается подстрочных ссылок, взяты из этого «Письма».

Болѣе тяжелым испытаніем для Н. В. Чайковскаго оказалось стремленіе чайковцев, начавшее весьма замѣтно обнаруживаться с лѣта 73-го года, «окунуться в крестьянскую толщу». Согласиться, или, в худшем случаѣ, примириться с этим новым устремленіем, для Н. В. Чайковскаго было уже трудно, т. к. он считал, что для такой дѣятельности кружка «не было не только никакой организованной базы, как социально-политической силы, но что у нас не было и психологическаго подхода к народной душѣ, для того, чтобы мы могли овладѣть ею. Я считал, что большинство из нас совершенно не понимает и не знает народа». От непосредственнаго хожденія в народ он не ожидал практических результатов и «настаивал на том, что прежде чѣм дѣлать это, мы должны сосредоточить всѣ свои силы на выработкѣ себѣ преемников из народной среды». Н. В. Чайковскаго огорчало, что кружок «не выдерживал до конца ни одного заданія», «несмотря на то, что еще в Кушелевкѣ был намѣчен план извѣстной постепенности в работѣ и прежде всего необходимость обезпечить себя прочной организаціей преемников». В своих взглядах и сужденіях по поводу новаго направленія дѣятельности чайковцев Н. В. Чайковскій не был вполнѣ одиноким. «На проповѣдь о необходимости немедленной работы в деревнѣ, говорит Л. Шишко, нѣкоторые из нас, и в том числѣ Чайковскій, смотрѣли тогда, как на ересь, как на внесеніе дезорганизаціи в правильно поставленное в Петербургѣ рабочее дѣло» (63). В этом вопросѣ с кружком разошелся и его основной родоначальник М. А. Натансон, который из своей ссылки увѣщевал «не увлекаться слишком практической дѣятельностью, а выдвигать на первый план научныя занятія по самообразованію» (64). Но ни убѣжденія Н. В. Чайковскаго, ни письма М. Натансона уже не производили воздѣйствія, и число членов кружка, возражавших против «хожденія в народ», неуклонно уменьшалось. Н. В. Чайковскій с горечью чувствовал, что «становилось все безполезнѣе и безполезнѣе убѣждать людей, что не доведя одного дѣла, нельзя браться за другое». К этому уже весьма серьезному расхожденію с кружком прибавлялось и

---

(63) Л. Шишко. С. М. Кравчинскій, стр. 29.
(64) А. Корнилова. Назв. соч., стр. 30.

различіе психологическаго подхода к разрѣшенію задачи служенія народному благу.

Боевое настроеніе кружка росло, его активное революціонное настроеніе повышалось, а Н. В. Чайковскій и раньше, при теоретической постановкѣ вопросов, «никогда не мог смириться с классовой ненавистью» и сторонился от нея, хотя и не возставал противъ нея формально. «У тебя, Николай, говорили ему его товарищи по кружку, нѣт злобы к существующему, из тебя никогда не выйдет революціонера...» «И это было недалеко от правды, признается Н. В. Чайковскій, злобы в себѣ я не чувствовал и поэтому умолкал». Н. В. Чайковскій, повинуясь своему духовному складу, все время настаивал на развитіи во вновь возникающих группах прочных моральных основ, а его друзья, все болѣе и болѣе увлекавшіеся очередными общественно-политическими задачами, начинали упрекать его в том, что он придает «слишком большое значеніе внутреннему настроенію, как будто бы мы создавали не соціально-политическую организацію, а секту».

Несомнѣнно чайковцы в своем рѣшающем большинствѣ постепенно сходили с ранѣе занятых ими позицій, и это начинало затруднять Н. В. Чайковскому пребываніе в средѣ, которую он, несмотря на всѣ расхожденія, продолжал и любить, и цѣнить. Но вмѣстѣ с тѣм, и в самом Н. В. Чайковском за время 1871-74 г. г. произошли значительныя перемѣны.

Н. В. Чайковскій с теченіем времени все острѣе чувствовал «отсутствіе цѣльности, единства міропониманія, вмѣсто котораго мы жили интеллигентским идеализмом, с его двойственностью в реальном настоящем и идеальном будущем». Мір «соціальных эскулапов», как выразился Н. В. Чайковскій в своем письмѣ к Д. Клеменцу (65), становился для него духовно все болѣе далеким.

Неудивительно, что при всѣх этих условіях, когда кружок стал энергично готовиться к осуществленію своих революціонных замыслов, именно в концѣ 73 года, Н. В. Чайковскій «сложил руки, затосковал и запросился в отпуск для

---

(65) Н. В. Чайковскій. Письмо к Д. Клеменцу (19 апр. 75 г.). Гол. Мин. 1926 г. № 3, стр. 189-195.

того, чтобы в глуши Черниговской губерніи углубиться в самого себя. За Черниговской губерніей послѣдовала Воронежская, за ней Тульская...» Тут и наступил момент, когда Н. В. Чайковскій понял, что он не может больше жить «для условных полезностей революціонных программ, а должен найти абсолютное Благо и абсолютную Правду, чтобы жить ими».

Происшедшая с Н. В. Чайковским перемѣна, приведшая его на путь религіозных исканій, по существу была только эволюціей, а не разрывом с его духовным прошлым. По самому своему психическому складу Н. В. Чайковскій жил настроеніями, которыя далеко не были чуждыми, по крайней мѣрѣ, отдѣльным представителям радикальной молодежи 70-х годов. Матеріалисты и «безбожники, стремившіеся выработать из себя «реалистов — мыслящих работников», они нерѣдко оказывались на дѣлѣ неисправимыми идеалистами чисто религіознаго типа.

Эти настроенія не были чужды, в частности, и нѣкоторым из чайковцев. Требуя от человѣка неустаннаго моральнаго горѣнія и, слѣдовательно, по необходимости вѣруя в присущую человѣку моральную силу, или же в возможность его моральнаго преображенія, отдѣльные чайковцы ясно сознавали необходимость завершить свое пониманіе человѣка какой то религіозной формулой.

Флеровскій, тѣсными моральными нитями связанный со многими выдающимися членами «кружка чайковцев», всецѣло посвященный в их дѣла и настроенія, пришел к убѣжденію, что охвативший молодежь порыв энтузіазма увѣнчается успѣхом только в том случаѣ, если он будет превращен в постоянное и неискоренимое чувство. А это возможно обезпечить «только одним путем — созданіем новой религіи». Для этого нужно научить народ, что только люди-братья «и они одни должны быть предметом его любви и его горячих пожеланій; к ним одним должны быть обращены его горячія чувства; они одни должны стоять в его глазах выше всего и составляют всю цѣль его жизни, они должны составлять его религію» (66). И Флеровскій дѣйствительно пишет книжку о «новой религіи», от перваго слова до послѣдняго это была

---

(66) Н. Флеровскій. Три политических системы, стр. 297-298.

строгая проповѣдь долга и безпредѣльнаго самоотверженія, за выполненіе котораго не обѣщалось никакой награды. И все таки книга производила на рабочаго и крестьянина го[illegible]ряющее, воспламеняющее и при том чисто религіозное [illegible]чатлѣніе. «Вот она, настоящая то вѣра, восклицает крестьянин, прочитавши книгу, — вот как нужно жить по правдѣ» (67) «В то время, разсказывает О. В. Аптекман в самом началѣ 70-х годов, среди учащейся молодежи, несмотря на доминирующее в ея средѣ стремленіе к положительному знанію, к критикѣ, намѣчалось, правда, довольно еще смутное, но все же сказавшееся уже теченіе. Это — стремленіе, можно сказать, потребность в религіозном настроеніи. С разных сторон мнѣ приходилось слышать такого рода сужденія: мір утопает во злѣ и неправдѣ; чтобы спасти его недостаточна наука, безсильна философія; только религія — религія сердца — может дать человѣчеству счастье, только такая религія может переродить человѣка, вытравить из него звѣря и вдохнуть в него божество-совершенство... Я заговорил об этом, чтобы познакомить современнаго читателя с тѣми тревогами сердца, — иначе я не могу назвать это настроеніе молодежи, — которыя мучили нас. Чайковцы также не были свободны от этого» (68).

Во всяком случаѣ, в осознанной или неосознанной формѣ, но в глубинѣ души отдѣльных чайковцев не могло не жить то отношеніе к человѣку, которое не может быть охарактеризовано иначе, как именно вѣрой в человѣка, вѣрой чисто религіознаго типа. Это тот подход к жизни, который Достоевскій назвал «человѣкобожеством». Здѣсь в этом обостренном «человѣкобожествѣ» (69) и лежит ключ к пониманію той видимости легкости и быстроты, с какой лѣтом 1874 г., А. К. Маликов обратил «в вѣру богочеловѣчества» главу чайковцев, Н. В. Чайковскаго, да и не только его одного. Н. В. Чайковскій разсказывает о своей бесѣдѣ в Орлѣ с А. К. Маликовым: «я сказал ему, что нам для того, чтобы подойти к народу, **нужна новая религія** (курсив Н. В. Чайковскаго). Он уставился на меня своими фосфорическими глазами и вос-

---

(67) Н. Флеровскій. Там же, стр. 305.
(68) О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля», стр. 76 и 78.
(69) Ср. В. Богучарскій. Активное народничество.

кликнул: — А во что ты сам то вѣришь? Я отвѣтил: «В человѣка». А знаешь ли ты — загремѣл он тоном пророка ...но, чтобы ты умѣл находить в нем Бога, потому что и ...е человѣк, вѣдь, так же условен и так противорѣчив, как ...вся наша обыденщина».

Эта бесѣда имѣла для Н. В. Чайковскаго рѣшающее зна...ніе, так как то, что сказал ему А. К. Маликов, он, Н. В. айковскій, и раньше «чувствовал по самому своему харак...еру, но не знал до этой минуты».

Так и случилось, что Н. В. Чайковскій и чайковцы, «как ва сука одного и того же дерева», разошлись в разныя сто...оны. Н. В. Чайковскій и его друзья исходили из одних и ѣх же положеній, но углубляли и расширяли разныя их сто...оны. В результатѣ получились «расхожденія глубокія, но не политическія».

Чайковцы пошли путем непосредственнаго общественнаго и политическаго служенія народу. На этом пути они явились одной из исходных и вмѣстѣ с тѣм крупнѣйших узловых станцій в исторіи русской общественной мысли. Н. В. Чайковскій же сказал себѣ, что «нельзя жить однѣми условными полезностями в царствѣ Кесаря, не имѣя царства Божія с Его абсолютным Благом, абсолютной Правдой и абсолютной Любовью в самом себѣ». «Твореніе блага из самого себя», которое Н. В. Чайковскій признавал единственно дѣйствительным средством в борьбѣ со злом — есть разжиганіе Божественной искры, находящейся в душѣ каждаго человѣка. Осуществленіе здѣсь, на землѣ, «жизни богочеловѣка» по необходимости будет связано и с исцѣленіем человѣчества от всѣх соціальных недугов.

Впослѣдствіи, в письмѣ, полученном Н. В. Чайковским в 1878 году от человѣка (Н. Русселя), который, по его собственным словам, многое «позаимствовал» из ученія о богочеловѣкѣ, сущность расхожденія между Н. В. Чайковским и его друзьями была формулирована в слѣдующем вопросѣ: «гдѣ начало, гдѣ активная творящая сила в человѣкѣ, или в окружающей его средѣ, в обстоятельствах... Бороться ли со злом во всѣх его формах и проявленіях в самом человѣкѣ путем прямого воззванія к лучшим сторонам природы, путем возбужденія его внутренней, творящей и пересоздающей силы», или же бороться со злом, побѣждая его «в фактических

отношеніях жизни, путем насильственнаго измѣненія этих отношеній» (70).

В августѣ 1874 года Н. В. Чайковскій в послѣдній раз встрѣтился с тѣми из чайковцев, которые уцѣлѣли послѣ своего «хожденія в народ». Попытки сговориться и убѣдить друг друга ни к чему не привели. Друзья простились. Вѣрный своему новому устремленію, «творенію блага из самого себя», Н. В. Чайковскій вскорѣ покинул Европу, чтобы в Американских степях «осуществить в своей жизни богочеловѣка».

Д. М. Одинец.

---

(70) Архив Н. В. Чайковскаго. Письмо 1876 г. Н. Русселя.

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ И «БОГОЧЕЛОВѢЧЕСТВО».

1. ЗАВѢТЫ ЮНОСТИ.

Лѣтом 1872 г. двое молодых людей сидѣли на скамейкѣ Большого проспекта и вели оживленную бесѣду. Оба они только что сдали выпускные экзамены. Оба кончили кандидатами — один химиком, другой чистым математиком. Старшій (Николай Васильевич Чайковскій) выглядѣл довольно импозантно: длинные, слегка волнистые волосы, открывая большой, умный лоб, падали назад густыми, не очень покорными прядями; небольшая бородка и усы почти не прикрывали ни подбородка, ни изящно сложеннаго рта; из под прихотливо очерченных бровей смѣло глядѣли большіе выразительные глаза ... Открытое выраженіе красиваго, правильнаго лица производило неотразимое впечатлѣніе. Лицо это дышало кромѣ того энтузіазмом, как будто переполнявшим все существо молодого человѣка. Чайковскій одѣт был очень прилично, хотя и без поползновеній на франтовство. Фигура его собесѣдника (Василія Ивановича Алексѣева) — выглядѣла много скромнѣе: костюм его бросался в глаза своей крайней упрощенностью; немного сгорбившись, он пощипывал интеллигентскую бородку и не отрывал свѣтлых голубых глаз от лица друга. Эти глаза на фонѣ загорѣлаго, почти темнаго, зауряднаго лица — привлекали к себѣ вниманіе: когда Алексѣев, предлагая вопросы и развивая свои сомнѣнія, посматривал снизу вверх в пламенѣвшее вдохновеніем лицо друга, — что то хрустально чистое, дѣтски-наивное, но и вдумчивое, но и упорное — свѣтилось в его взорах.

В то время Чайковскій, работая усиленно в кружкѣ, носившем впослѣдствіи его имя, успѣл уже два раза посидѣть в тюрьмѣ и только недавно был выпущен на свободу. Алексѣев не играл видной роли в этой организаціи, но и

он «был дѣятельным книгоношей: набирал «умных» книжек, в родѣ Спенсера, Льюиса, Милля, и распространял их между студентами, курсистками, рабочими, комменитировал и вообще мирно просвѣщал своих знакомых». Между прочим он внимательно вчитывался в Евангеліе, подчеркивая в нем всѣ мѣста, говорившія в пользу соціализма и охотно аргументировал ими в бесѣдах с людьми религіозными.

Оба пріятеля чтили «науку», исповѣдывали соціализм и считали себя атеистами. Работа «кружка» уже тогда не вполнѣ удовлетворяла их...

Страница университетской жизни была перевернута. Широкая дорога самостоятельной общественной дѣятельности открывалась перед ними. И вот, на ея порогѣ Алексѣев пытливо допрашивал друга, как же, по мнѣнію его, надо жить, чтобы всегда чувствовать себя спокойным и счастливым, «какая форма жизни противустоит рутинной формѣ?» На эти вопросы Чайковскій «отвѣчал много». Но из всѣх его рѣчей вдумчивый Алексѣев вывел только одно: «формы никакой нѣт, форма эта, собственно говоря, — жить как живется», — «только бы душа была чиста»... «Вся жизнь только и должна состоять из того, чтобы побарывать в себѣ зло и блюсти нравственную чистоту»... Это положеніе должно стать в жизни тѣм, чѣм был Іегова для евреев. Конечно, легко впасть в идолопоклонство под вліяніем каких нибудь обстоятельств или неправильных выводов... Так, напримѣр, иногда думается, что чистота нравственная состоит в чистотѣ внѣшних форм жизни; спрашиваешь себя: нравственно или безнравственно ѣсть бѣлый хлѣб, не нравственнѣе ли будет ограничиться одним черным? не нравственнѣе ли будет носить грубую крестьянскую рубаху и сермягу, вмѣсто обыкновенной одежды? И дѣло доходит до полнѣйшаго аскетизма, до полнаго идолопоклонства формѣ, до идеализаціи мужика и до ненависти ко всему, что болѣе или менѣе обезпечено матеріально или умственно. Но эта ненависть никак не мирится с нравственою чистотою. Вѣдь ненавистных людей, в сущности, нѣт; есть ненавистныя дѣла, и то только потому, что сознаешь их таковыми и, в силу этого, они становятся противными; а если не сознаешь, то дѣлаешь их сам наряду со всяким другим дѣлом, считающимся хорошим; и вѣроятно, каждый дѣлает тысячи та-

ких дѣл, не сознавая, что они худы. И всѣ, дѣлающіе такія дѣла, только потому их дѣлают, что не сознают их худыми, а считают хорошими; если бы сознавали, что они худы, то сейчас же перестали их дѣлать, потому что никто себѣ худого не желает. Конечно, тут можно сдѣлать очень обыкновенное возраженіе: они сознают худыя дѣла, но дѣлают их потому, что это им выгодно. Но ошибка то их в том и состоит, что они не разумѣют выгоды нравственной, а понимают ее только в матеріальном отношеніи. Между тѣм высшаго блаженства человѣк достигает, когда в состояніи понять болѣе высокую выгоду — нравственную, и тогда уж он не захочет (найдет невыгодным) преслѣдовать выгоду матеріальную. Стало быть, дѣло тут в разумѣніи, которое есть свѣт в нашей жизни и, когда мы его держимся, то получаем истинное счастье. И так, на всѣ злыя дѣла людей нужно смотрѣть, как на результат их недоумѣнія, а не как на их свойство. Свойство же человѣка есть абсолютное добро. Всѣ люди — одной матери дѣти — **добра.** Только добро и может соединять (и соединяет) всѣх людей **любовью** в одну семью. Все остальное может только мертвить жизнь, разгонять людей из их общей семьи . . . Общая болѣзнь сектантство, дѣленіе людей на хороших и злых, на непріятелей и своих, — недомысліе того, что единственная сущность всѣх людей есть **добро**.

В своем сектантствѣ люди образованнаго класса умѣют особенным способом заблуждаться. Наблюдая реальные факты, они строят из общих черт их понятія, которыя суть ни больше, ни меньше, как выводы, мысли; онѣ настолько истинны, насколько содержат в себѣ общаго всѣм фактам. Сами по себѣ, в реальности онѣ не существуют, потому что не имѣют никаких признаков индивидуальности — онѣ содержат в себѣ одно только общее; онѣ — только способ отношенія человѣка к внѣшнему міру. Это очень часто забывается. К своему же понятію о каком нибудь явленіи человѣк относится, как к особому факту, который, будто бы, имѣет какія то особыя свойства, подлежащія изученію. Вывернувши таким образом свою мысль, человѣк начинает изучать ее, как нѣчто постороннее и не узнает в ней ничего своего. Из такого химерическаго отношенія, конечно, и выводы получаются химерическіе. Так, напримѣр, — **общество.**

Это есть ни больше, ни меньше, как только наше понятіе, представленіе, построенное на нѣкоторых общих свойствах жизни людской; а многіе способны к нему относиться, как к объективному существу, одаренному спеціальными свойствами, которыя надо, будто бы, изучать. И цѣлая пропасть людей, не зная совсѣм самой жизни и не желая знать ея, весь свой вѣк изучают **общество** и говорят, что, на основаніи их изученія, нужно так то поступать и дѣйствовать, иначе все погибнет. Как будто бы всѣ основы жизни идут из их кабинета, и жизнь зависит от того, что тѣ или другія бредни шевелятся у них в головѣ ...

И так, как же жить?

Подальше от всяких предрѣшенных форм и программ, ото всякаго сектантства. Борись всѣми силами против модного идолопоклонства перед создаваемыми умом фикціями. Ненавидѣть плохих людей? За что? Злых людей нѣт, есть только люди, плохо понимающіе, в чем их истинная выгода. Вмѣсто мертвящей жизнь, разъединяющей ненависти, неси людям истинное разумѣніе; поняв, они сами откажутся от злых поступков, ибо корень у всѣх одинаков: это **добро,** соединяющее людей любовью. Живи, как придется: не в формѣ дѣло. Но всегда и вездѣ борись со злом **в себѣ.** блюди свою нравственную чистоту и неизбѣжно ты полюбишь человѣка и увѣруешь в него.

И этому, только этому — обѣщай всю жизнь !.. (1)

2. РЕЛИГІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

Весной 1872 года, почти в то же время, как происходил этот разговор, — в далекой Америкѣ шел по полудикой преріи Канзаса молодой русскій эмигрант. То был довольно извѣстный впослѣдствіи беллетрист Григорій Александрович Мачтет. С котомкой за плечами он упорно шагал между холмами и ручьями преріи, пробираясь к земледѣльческой коммунѣ, расположенной в сорока милях от послѣдней станціи желѣзной дороги.

Мачтет с юных лѣт служил городским уѣздным учителем в захолустьѣ юго-западнаго края. И вдруг... на него

---

(1) Архив Н. В. Чайковскаго. Переписка с В. И. Алексѣевым.

налетѣл порыв «искать новых условій жизни, искать новых мѣст, куда бы приложить все свое молодое, свои силы и потребность самоотреченія». Эти неопредѣленныя мечты привели его в Америку, считавшуюся в Россіи «великой соціальной лабораторіей всѣх идей и стремленій, волновавших современный мір». Здѣсь, в поисках «добра, истины и справедливости», молодой человѣк должен был изнурять себя батрацкою работою на фермах ловких американцев, отлично его эксплоатировавших. Однажды в руки Мачтета попала брошюра Вильяма Фрея с изложеніем сущности позитивной религіи Огюста Конта — «религіи Человѣчества». Об авторѣ этой брошюры Мачтет слышал ранѣе. Вильям Фрей на самом дѣлѣ был русским офицером Владиміром Константиновичем Гейнсом. Дворянин, брат Черниговскаго губернатора, капитан гвардіи — он блестяще кончил военную академію, сразу приглашен был занять в ней профессорскую кафедру и прикомандирован к Пулковской обсерваторіи.

«Но внутренняя неудовлетворенность жизнью, — пишет он сам, — росла вмѣстѣ с внѣшними признаками скорой и блестящей карьеры». Его мучил вопрос: «каким путем возможно осуществленіе наилучшей жизни для массы страждущих и угнетенных?» Попытавшись найти отвѣт у революціонеров «Земли и Воли», он скоро разочаровался. Для него стало ясным, что он не разрѣшит в Россіи поставленнаго вопроса. И вот он бросает свое общественное положеніе, карьеру, друзей, родных и ѣдет в 1868 г. в Америку, «чтобы самому пройти всѣ степени тяжелаго, чернаго труда». Послѣ долгих бѣдственных скитаній с женою и ребенком, Гейнс принимает американское подданство вмѣстѣ с именем Вильяма Фрея. Ознакомившись с ученіем Огюста Конта, он становится страстным адептом и пропагандистом «религіи Человѣчества».

Брошюра Фрея произвела на Мачтета огромное впечатлѣніе. В ней он нашел такія рѣчи:

Общеніе с революціонерами привело Фрея в ужас. «Мы заставим жить всѣх по нашему идеалу» — кричат одинаково как консерваторы, так и соціалисты. «Рѣжь, бей, вяжи всякаго, кто не согласен с нами!» Враждующія стороны одинаково нетерпимы, одинаково стремятся к преобладанію по-

средством насилія, одинаково обязаны удерживать за собою власть при помощи террора. Многіе революціонеры, геройству которых нельзя не удивляться, «со всею злобою узкаго фанатизма накидываются на правительства, обвиняют их, требуют перемѣны политических и экономических форм; но они не видят, что причина зла заключается не в формах жизни, а в них самих, в нравственной непригодности людей, составляющих общество».

Гдѣ же выход? Нравственность падает вмѣстѣ с религіей. Для всѣх уже открытый секрет, что настоящее время есть время упадка христіанской религіи. Образ Христа поблек. Да и надо сознаться: то, что извинительно великому плотнику из Назарета, не простительно в наше время. Идеальное христіанство так же непримиримо к жизни теперь, как было непримиримо 18 вѣков тому назад.

Для нравственнаго возрожденія нужна **новая религія.** Во всякую религію входит необходимым элементом не только схема жизни, основанной на альтруизмѣ, то есть послѣдовательная, гармоничная система правил, способная придать цѣлостность и смысл всѣм поступкам человѣка. Человѣк, по существу своему, альтруистичен; общественные инстинкты (сознательно или безсознательно) в нем преобладают. Но в періоды упадка надо потрясти его великим, покоряющим человѣческим образом, в жизни котораго запечатлѣны поэтически начала альтруизма.

Огюст Конт доказал в своей Позитивной Философіи существованіе высшаго органическаго существа, в которомы, отдѣльные индивидуумы, не болѣе как преходящіе атомы. Это высшее из всѣх извѣстных нам существ было названо им **Человѣчеством.** Это — существо, стоящее неизмѣримо выше самых геніальных индивидуумов, потому что оно обладает коллективным пониманіем всѣх людей и сохраняет в себѣ весь гигантскій опыт, накопленный жизнью милліардов и милліардов людей. Человѣчество есть наш учитель, покровитель и спаситель. Оно оберегает нас от погибели и дает нам всѣ средства для улучшенія нашей жизни. Взамѣн борьбы за существованіе, оно вносит ученіе о нравственных обязательствах к ближнему. Только через человѣчество познается ясно, что всѣ мы спаяны в одно живое цѣлое, и что зло, нанесенное одному из атомов, вредно для всей органи-

заціи человѣчества и, слѣдовательно, вредно и тому лицу, которое наносит зло. Для людей, считающих человѣчество лишь словом, отвлеченным понятіем, Конт говорит: «Существованіе Человѣчества есть реальный факт; существованіе же отдѣльнаго человѣка есть не больше, как абстракція». Служеніе Человѣчеству является потому необходимостью не только в силу біологическаго закона, что часть должна служить цѣлому, но и в силу благодарности и любви к Прекрасному Существу, которое указывает нам на смысл и цѣль нашей жизни, дает нам силы для выполненія наших обязанностей, становится руководителем в вопросах, неразъясненных еще наукой.

Безусловное братство всѣх людей; полнѣйшее равенство всѣх занятій; отрицаніе матеріальной и умственной собственности; любовь и снисходительность к другим, вмѣстѣ со строгостью к самому себѣ; терпимость по нерѣшенным вопросам, вмѣстѣ с религіозным уваженіем к наукѣ; энергія в выполненіи задач жизни, вмѣстѣ с терпѣніем в выжиданіи результатов — все это естественно вытекает из представленія о Человѣчествѣ для всякаго, кто сумѣет понять и представить себѣ великое и прекрасное цѣлое.

Не всѣ вопросы жизни разрѣшены наукою. Схема нравственности человѣчества постоянно растет и прогрессирует. В таких условіях адепту религіи Человѣчества — трудно жить одному. Признавая безпомощность и безсиліе своего ума, он должен находить поддержку в умственном и нравственном общеніи с другими единомышленниками. Мір хорошо знаком с непреоборимою силою кооперацій, направленных на производство и увеличеніе матеріальных богатств; позитивистам предстоит показать міру, как должно пользоваться кооперативным началом для созданія и роста духовных богатств. Исповѣдующіе религію человѣчества должны у всѣх перед глазами основывать свои братства. Жизнь их должна быть переведена из темных тайников индивидуализма в свѣтлый, прозрачный дом позитивной нравственности и стать открытою для взора каждаго. И если член такой общины искренно желает узнать от других оцѣнку своей жизни и своих поступков, он должен открывать им свою душу; исповѣдь перестанет тогда быть частным дѣлом между Богом и человѣком; она станет его обязанностью перед обще-

ством. Такія братства - общины тѣм осуществимѣе, что религія человѣчества, кромѣ нравственных цѣлей, ставит еще необходимость экономических реформ и в корнѣ уничтожает всякія претензіи на частную собственность. Люди, вступающіе в такія братства, будут одушевлены желаніем полнѣе и всестороннѣе осуществить ученіе своей религіи и то, что было трудным, даже невозможным в изолированной жизни, будет сравнительно легким в общинѣ, как школѣ жизни, как духовной семьѣ, в которой можно найти самое полное удовлетвореніе всѣм альтруистическим потребностям человѣка (1).

Чтобы показать всему міру, как должны жить люди, исповѣдующіе религію Человѣчества, Вильям Фрей основал коммуну, в которую звал всѣх, желающих произвести этот опыт.

Три-четыре года назад южная часть штата Канзас служила еще полем кровавой борьбы краснокожих осседжей с американскими піонерами. Краснокожіе были побѣждены и ушли на юг. Правительство приступило к продажѣ земли. За акр великолѣпной дѣвственной преріи взимали, в пользу индѣйцев, 1 доллар 25 центов. Вильям Фрей воспользовался этим и занял под коммуну два сосѣдних участка по 150 акров каждый.

С сердечным трепетом приближался Мачтет к коммунѣ, основанной год тому назад. Здѣсь, наконец, разсчитывал он найти разрѣшеніе всѣх вопросов, бродивших в его юной головѣ. Ему рисовались богатые и блестящіе результаты, достигнутые свободным коллективным трудом идейных людей, преисполненных альтруизма и вѣры.

Коммуна устроилась в четырех милях от только-что возникшаго городка Cedar Vale. Она была немногочисленна, интернаціональна и состояла из пяти душ: Фрея, его жены и дочери, старика американца Бригса и «испытуемаго» Трюмана, повидимому, нѣмецкаго происхожденія. «Конституцію» общины Фрей разработал по лучшим образцам. Согласно ея положеніям, президентом коммуны был избран Бригс, секретарем — Фрей, его жена — казначеем и Трю-

---

(1) С особенною обстоятельностью идеи Вильяма Фрея изложены в обширных письмах его к Льву Ник. Толстому, откуда я извлек выше их сущность.

ман — распорядителем работ; маленькая Белла (дочь Фрея) не занимала пока никакой должности. Вся коммуна вмѣстѣ с гостями ютилась в одной комнатѣ досчатаго небольшого дома, сквозь крышу и щели котораго виднѣлось небо и лил дождь. Работали восемь часов в сутки. С трех часов дня каждый предоставлен был самому себѣ. Такой порядок давал возможность культивировать лишь незначительный огород, поле оставалось необработанным. Ѣли два раза в сутки — крайне скудно; из обихода коммуны принципіально и категорически были изъяты не только вино и мясо, но и сахар, и соль, и чай, и кофе... Хлѣб допускался только «грехэмовскій»: муку смѣшивали с отрубями и запекали без дрожжей. Бригс и Трюман — спириты, люди добрые, но малообразованные, тупые и настойчивые, строжайше преслѣдовали всякое отступленіе от ультра-вегетаріанскаго стола. Всякій протест, малѣйшее несогласіе казались им исходящими от «тупой головы», «себялюбца», «раба грѣховной плоти и похоти»... Куреніе не допускалось в коммунѣ безусловно.

— Я не вѣрю в человѣка, который сознательно, во имя одного только пріятнаго ощущенія, будет отравлять себя никотином — говаривал Бригс многозначительно.

Раздраженіе оффиціально тоже исключалось из обихода коммуны: никто не имѣл права не только сердиться на «брата по духу», но и дѣлать ему в будни замѣчанія. Всѣ неудовольствія друг другом копились до воскресенья. На митингѣ «критицизма» «братья» высказывали друг другу накопившіяся за недѣлю замѣчанія. Отвѣчать на них сразу не полагалось: спокойно обдумав сказанное, каждый имѣл право защищаться только через недѣлю. Фрей и его жена, конечно, стояли головою выше Бригса и Трюмана, но поддавались их фантазіям и упрямству. Одно время сорокалѣтній Трюман — сентиментальный и безобразный — рѣшил быть ближе к природѣ и для того ходил совершенно голым. Община, послѣ тщательнаго обсужденія, признала за ним такое право, но окрестные фермеры, исполненные предразсудков («тупыя головы!») заставили его снова одѣться. Мачтета приняли ласково. Восемь мѣсяцев он выдерживал эту жизнь, работая на коммуну. Правда, он забѣгал частенько на сосѣднія фермы, чтобы съѣсть кусок свинины или вы-

пить стакан кофе... За такіе грѣхи он подвергался, конечно, обстоятельной критикѣ на еженедѣльных митингах... и критика эта оставалась, конечно, без отвѣта, потому что через недѣлю ему предъявлялись новыя обвиненія такого же рода... Но, наконец, даже добродушный Мачтет устал от такой жизни. «Критицизмы», — пишет он, — создавали такую путаницу дрязг, что и сказать трудно!..(1) Помимо физических лишеній и нищенскаго обихода, в коммунѣ, устроенной с цѣлью выработки «идеальнаго строя жизни», царил ужасающій, невозможный деспотизм убѣжденій и мнѣній... Молодой человѣк часто недоумѣвал: ради чего собственно все это дѣлается?..

— Послушайте, — взывал он к Фрею: — неужели так-таки в самом дѣлѣ ухлопать всю жизнь, всѣ силы, энергію, самоотверженіе — на горох и бобы!.. Неужели все только сѣять, садить, поѣдать, — затѣм снова то же самое?!..

— Да, — был отвѣт. — Только на это: на горох и бобы, как вы говорите!

— А люди?

— Люди? Пусть присматриваются к нам и устраиваются по-нашему... Люди страдают потому, что у них нѣт новаго, готоваго идеала другой жизни. Дайте им этот идеал, эту новую форму, покажите им воочію ея пригодность и практичность, и их страданія кончены, и на землѣ наступит рай.

Нужно замѣтить, что к людям иного толка коммуна относилась без особой нѣжности. Недалеко от нея жил с женою русскій — артиллерійскій офицер — когда-то друг Фрея, прибывшій вмѣстѣ с ним в Америку. Он позволял себѣ теперь подсмѣиваться и острить над спиритизмом Бригса и вегетаріанскими абсурдами коммуны. По этому случаю всѣ отношенія с ним были прерваны. В бытность Мачтета в коммунѣ сосѣд серьезно болѣл и выбивался из сил на тяжелой піонерской работѣ. Но в коммунѣ не могло быть и рѣчи о помощи «врагу»...

Через восемь мѣсяцев Мачтет распрощался с коммуною Фрея, не убѣдившись в чудодѣйственном вліяніи на людей «Религіи Человѣчества».

---

(1) Г. А. Мачтет. Американскіе очерки. Община Фрея.

3. МЕЧТЫ О «ЧЕЛОВѢКОБОГѢ».

В «Подпольной Россіи» Степняк (Кравчинскій), изображая освободительное нигилистическое движеніе, как подступ к революціонным событіям семидесятых годов, между прочим пишет:

«Первая битва дана на почвѣ религіи. Но тут она не была ни продолжительна, ни упорна. Побѣда досталась сразу, так как нѣт ни одной страны в мірѣ, гдѣ бы религія имѣла так мало корней в средѣ образованных слоев общества, как Россія. Прошлое поколѣніе держалось с грѣхом пополам церкви, больше из приличія, чѣм по убѣжденію. Но лишь только фаланга молодых писателей, вооруженная данными естественных наук и положительной философіи, полных таланата, огня и жажды прозелитизма, двинулась на приступ, христіанство пало, подобно старому, полуразвалившемуся зданію, которое держится только потому, что никому не вздумалось напереть на него плечом» . . . «Атеизм превратился в религію своего рода, и ревнители этой новой вѣры разбрелись, подобно проповѣдникам, по всѣм путям и дорогам, разыскивая вездѣ душу живую, чтобы спасти ее от христіанскія скверны» . . . «Таким образом, сраженіе было выиграно почти без всяких усилій, выиграно окончательно, безповоротно. Матеріализм стал своего рода господствующей религіей образованнаго класса, и едва ли нужно говорить о том значеніи, которое освобожденіе от всяких религіозных предразсудков имѣло для всего дальнѣйшаго развитія революціоннаго движенія . . . »

Такова была, несомнѣнно, **общая** картина. Но не всѣх поголовно удовлетворяла отрицательная философія Базарова («Отцы и дѣти» Тургенева). Под вліяніем личных несчастій, смерти близких, разочарованія в политической борьбѣ с ея ненавистью, кровью и нетерпимостью, — в жизни многих «реалистов» наступал кризис: вѣра в смысл жизни, в ея гармонію — исчезала; «мір заваливался», и все кругом казалось «дьяволовым водевилем» (Достоевскій) или «глупым обманом»: «вот именно, — говорит Толстой, — что ничего даже нѣт смѣшного и остроумнаго, а просто жестоко и глупо» («Исповѣдь»).

Тогда наступала непреодолимая и мучительная потребность возстановить в своей душѣ гармонію, найти возможность разумно отличать добро от зла, способы устроить свою жизнь согласно с велѣніями совѣсти («так, чтобы жить и счастливо, и спокойно»).

Без вѣры невозможно было связать концы с концами. Но вѣра в Бога в обычных формах церковнаго толкованія казалась непріемлемой для «реалистов».

И вот начинаются мучительныя исканія религіи без Бога, вѣры в божественное начало, живущее в самом человѣкѣ или в человѣчествѣ. Реалисты болѣе земные и спокойные ищут вѣры исключительно в построеніях разума. Реалисты менѣе уравновѣшенные ждут рѣшенія мучающих их вопросов, возстановленія «завалившагося міра» и душевной гармоніи — от вдохновеній, незаурядных, не совсѣм естественных, а иногда и болѣзненных состояній. Но для **всѣх** реалистов складывающееся таким образом міровоззрѣніе (ученіе об отношеніи к міру и людям, называемое ими «религіей») должно быть строго согласовано с послѣдним словом «науки».

К таким исканіям относятся и ученіе Фрея о «религіи Человѣчества», и мечты о «человѣкобогѣ», вложенныя Достоевским в уста Кириллова («Бѣсы»), и «богочеловѣчество» Маликова и Чайковскаго, и даже (как это ни странно на первый взгляд) — «религія» Толстого.

В 1871 году на глазах у всѣх развертывался процесс Нечаева. Как извѣстно, изученіе фактов, связанных с дѣятельностью Нечаева, дало Достоевскому матеріал для «Бѣсов» (1872-73 г. г.). В замѣчательном романѣ выведены, между прочим, два особенных представителя молодежи того времени — Шатов и Кириллов. Оба — бывшіе соціалисты и революціонеры. И оба — «богоискатели». Замѣчательно, что своих героев Достоевскій проводит через искус Америки. Шатов разсказывает: «Третьяго года мы отправились втроем на эмигрантском пароходѣ в Американскіе Штаты на послѣднія деньжишки, чтобы испробовать на себѣ жизнь американскаго рабочаго и таким образом **личным** опытом провѣрить на себѣ состояніе человѣка в самом тяжелом его общественном положеніи. Вот с какою цѣлью мы отправились»... «У эксплоататора, к которому мы нанялись, работало человѣк шесть русских — студенты, помѣщики из сво-

их помѣстій, офицеры — и все с тою же величественною цѣлью . . . » Шатова и Кириллова обсчитывали, били и, наконец, больные, почти без денег, они очутились в маленьком американском городкѣ, гдѣ залегли рядом на полу, на соломѣ и в теченіе четырех мѣсяцев каждый из них предавался горьким думам. В результатѣ наступил душевный кризис. Шатов пришел к убѣжденію, что русскій народ — единственный народ-богоносец и возжелал вернуться в Россію, пріобщиться к народу и увѣровать в его Бога. Позднѣе, уже в Россіи, порвав с революціонерами, он трепетно заявляет: «Атеист не может быть русским. Атеист тотчас-же перестает быть русским...» «Не православный — не может быть русским . . . » Ему страстно хочется попросту вѣрить в Бога, но он не вѣрит.

Кризис Кириллова глубже. Его манит к себѣ образ Христа. Но пріять воскресеніе Кириллов не может, и не хочет простить Богу гибель, «высшаго на землѣ существа».

В своей послѣдней бесѣдѣ он говорит, глядя на образ Спасителя, перед которым горит лампадка:

«Слушай большую идею: был на землѣ один день, и в серединѣ земли стояли три креста. Один на крестѣ до того вѣровал, что сказал другому: «будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этот человѣк был высшій на всей землѣ, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣм, что на ней, без этого человѣка — одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда... А если так, если законы природы не пожалѣли и **Этого,** даже чудо свое не пожалѣли, и заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволов водевиль...»

На этом основаніи Кириллов считает себя «обязанным **увѣровать,** что не вѣрует».

Но, «сколько он ни думает», его заключеніе таково: «в теперешнем физическом видѣ нельзя быть человѣку без прежняго Бога никак».

— Бог необходим, а потому должен быть.

— Но Его нѣт и не может быть.

Теперешнему человѣку страшна полная свобода. Ему нужно нравственное руководство. Но вѣдь если Бога нѣт, то собственная воля («своеволіе») становится высшим руководителем человѣка. Он сам для себя становится Богом.

«Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу выйти. Если нѣт, то вся воля моя...» «Если нѣт Бога, то я бог...»

А так как Бога не должно быть, то необходимо освободить от него человѣка и подготовить к физическим перемѣнам и нравственному своеволію.

Вѣра в Бога держится болью смерти и страхом загробнаго существованія. Научившись побѣждать страх смерти, человѣк освободится от Бога, осмѣлѣет, станет сам для себя богом, возликует, поймет и примет мір и в слѣдующем поколѣніи непремѣнно переродится физически (ибо даст простор и свободу проявленію всѣх человѣческих способностей. Тогда наступит «человѣкобожество» — царство великолѣпнаго и счастливаго **«человѣкобога»** (1).

Мечты об этом примиряют Кириллова с міром и возставливают гармонію в «дьяволовом водевилѣ». Вѣдь в сущности, преступники и преступленія — одно только недоразумѣніе. Люди нехороши потому, что не знают, что они хороши. Когда узнают, то преступников не будет. «Надо им узнать, что они хороши, и всѣ тотчас-же станут хороши, всѣ до единаго...»

Такія мысли явились у Кириллова послѣ того, как его стали посѣщать «минуты вѣчной гармоніи».

«Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда...» «Это не умиленіе, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о, — тут выше любви!..»

Минуты вѣчной гармоніи с нѣкоторых пор приходят к Кириллову часто («в три дня раз, в недѣлю раз»).

---

(1) Есть изслѣдователи, сближающіе мечты Кириллова о «человѣкобогѣ» с позднѣйшею проповѣдью Ницше о грядущем «сверхчеловѣкѣ».

Объ вѣры (и в человѣчество Фрея), и в человѣка (Кириллова) во многих частях своих тѣсно соприкасаются и переплетаются с **религіей богочеловѣчества,** с проповѣдью которой в 1874 г. выступили А. К. Маликов и Н. В. Чайковскій.

4. МАЛИКОВ И «ПЕРВОЕ БОГОЧЕЛОВѢЧЕСТВО».

В началѣ семидесятых годов прошлаго столѣтія в Орлѣ проживал Александр Капитонович Маликов. Он служил в управленіи желѣзной дороги, хотя и числился человѣком «с прошлым» и находился под негласным надзором полиціи. Маликову было в то время лѣт за 30. Выразительное, грубоватое лицо с неправильными чертами, осѣненное буйной растительностью, было изборождено глубокими морщинами. Удивительные, горѣвшіе фосфорическим блеском глаза и пламенное, нѣсколько туманное краснорѣчіе привлекали к нему и покоряли молодежь обоего пола. По происхожденію он был крестьянином, но окончил юридическій факультет московскаго университета, счастливо избѣжав кар, постигших многих студентов за университетскія волненія шестидесятых годов. Разсказывают (1), что во время волненій студенты окружили как-то Побѣдоносцева, который читал в то время в Москвѣ гражданское право и пользовался популярностью. Студенты взволнованно требовали объясненій: почему они не находят поддержки в профессурѣ? Побѣдоносцев отвѣчал с полною откровенностью:

— Вы придали своим желаніям такую форму, — сказал он, — которая не может встрѣтить среди нас сочувствія. Мы люди с положеніем и семейные, не можем бѣгать на сходки, и имѣть столкновенія с полиціей. В этом направленіи, повѣрьте, люди науки не пойдут за вами, и не мы, а вы виноваты в том, что вы остались без поддержки со стороны своего ближайшаго начальства. Вы придали своим ходатайствам характер, при котором вам придется имѣть дѣло с полиціей, а не с профессорами.

Эта смѣлая и искренняя реплика произвела на Маликова, находившагося в толпѣ студентов, такое большое впе-

---

(1) **А. Фаресов.** Один из семидесятников. В. Е., сент., 1904.

чатлѣніе, что он во всѣ трудныя минуты жизни прибѣгал к помощи Побѣдоносцева, увѣряя, что внутренняя связь, раз возникшая между профессором и студентом, должна продолжаться и за стѣнами университета. Побѣдоносцеву льстило, вѣроятно, отношеніе студента и всю жизнь, даже послѣ возвышенія своего в Петербургѣ, он оказывал Маликову ряд весьма цѣнных услуг.

Надобность в помощи обнаружилась очень скоро. По окончаніи курса, Маликов получил мѣсто слѣдователя в Жиздринском уѣздѣ, Калужской губерніи, — в мѣстности, гдѣ были расположены знаменитые Мальцевскіе заводы. На них произошли безпорядки и усмиреніе рабочих военною силою. Молодой слѣдователь принял сторону рабочих. На требованіе губернатора явиться для объясненій, Маликов отвѣчал, что служит в министерствѣ юстиціи и губернатору не подчинен. Предвидя послѣдствія, он воззвал о помощи к Побѣдоносцеву. Тот откликнулся немедленно, но совѣтовал своему корреспонденту бѣжать из Калужской губерніи и искать другого мѣста. Маликов обидѣлся. «Если зло во всей Россіи», — писал он покровителю, — «то куда-же я побѣгу? Зачѣм вы меня хотите обратить в зайца? Я ждал от вас поддержки в борьбѣ со злом, а не в бѣгствѣ от него. Я предпочитаю оставаться на своем посту, как солдат на службѣ, чѣм послѣдовать вашему совѣту».

Он продолжал служить и, конечно, был уволен по 3-му пункту. Наступил момент забыть о строптивости и снова обратиться к покровителю. Побѣдоносцев добился возстановленія Маликова в правах. Ему предоставлено было мѣсто слѣдователя в Холмском у., Псковской губ. Там он женился на крестьянкѣ. Но в 1866 г. Маликов был арестован по каракозовскому дѣлу.

П. Кропоткиным в «Записках революціонера» обрисованы условія возникновенія в шестидесятых годах интеллигентскаго «хожденія в народ», принявшаго впослѣдствіи (уже в семидесятых годах) столь обширные размѣры. Почин в этом дѣлѣ принадлежал каракозовцам, среди которых очень скоро намѣтилось нѣсколько теченій: самые правые думали только о просвѣщеніи народа и культурной работѣ в деревнѣ. Болѣе лѣвая молодежь уже несла крестьянам бунтарскую проповѣдь. Наконец, Ишутин и Каракозов сгруппировали около

себя сторонников немедленных политических выступленій и террористических актов. В этой послѣдней средѣ царило убѣжденіе, что «цѣль оправдывает средства», и дѣятельность носила тот двусмысленный характер, который воспринят был затѣм нечаевцами.

Маликов и его друг Алексѣй Бибиков принимали самое невинное участіе в дѣятельности кружка: их интересовала лишь культурно-просвѣтительная работа среди народа. Вѣроятно, уже тогда в душу Маликова закралось отрицательное отношеніе к чисто политическим насильническим выступленіям, и к безцеремонности примѣнявшихся при этом пріемов. Выстрѣл Каракозова (4 апрѣля 1866 г.) взорвал организацію. Маликов попал в крѣпость. Суд отнесся к нему сравнительно легко. Тѣм не менѣе, бывшій слѣдователь очутился на дальнем сѣверѣ — в уѣздном захолустном городишкѣ (Холмогорах) — под надзором полиціи, без работы и службы. Здѣсь нашло его письмо Побѣдоносцева, уже перебравшагося в то время в Петербург и занявшаго довольно видный пост на правительственной службѣ. В письмѣ дружески сообщалось, что новый Архангельскій губернатор будет проѣздом в Холмогорах, и Маликов может просить его о переводѣ в Архангельск. По переводѣ в этот город Маликову была дана возможность начать работы по изслѣдованію крайняго Сѣвера, а позднѣе занять мѣсто секретаря губернскаго статистическаго комитета. В 1872 г. Маликову разрѣшен переѣзд в Орел. Здѣсь получил он мѣсто в управленіи желѣзной дороги. Конечно, он очень скоро стал членом кружка Чайковскаго. Неизвѣстно, когда и гдѣ познакомились они с Николаем Васильевичем, но уже в то время считались друзьями и были на «ты». В Орлѣ пламенное краснорѣчіе Маликова, его радикальныя убѣжденія, его политическое «прошлое», его опыт в сношеніях с деревней — создали ему совершенно исключительное положеніе среди мѣстной молодежи. Его фигура привлекала к себѣ и иногородних. И не только «чайковцы» заѣзжали в Орел, чтобы повидаться с ним. Лица, постороннія кружку, пробиравшіяся в деревню, сворачивали с дороги, чтобы послушать Маликова и получить от него совѣты, наставленія и рекомендаціи для будущей дѣятельности.

В началѣ 1874 года с Маликовым произошло совершенно неожиданное для окружающих перерожденіе. Собравшаяся к нему, по обыкновенію, молодежь вдруг услышала, вмѣсто радикальных, соціалистических рѣчей, пламенную религіозную проповѣдь. Маликов был в экстазѣ. С необыкновенною страстью, неутомимо, днем и ночью, развивал он проповѣдь новой религіи, которая должна потрясти и воодушевить пришедших в ветхость, усталых, невѣрующих людей. С огненным краснорѣчіем взывал он к слушателям, убѣждая их, что «всѣ люди должны стремиться довести до высшаго развитія религіозное чувство, которое заложено в каждом человѣкѣ и этим путем достигать совершенства». По увѣренію слушателей, когда Маликов произносил свои вдохновенныя проповѣди, казалось, что «искры сыпались» . . . Временами, потрясенный оратор прерывал свои рѣчи слезами и рыданіями.

Новое ученіе названо его творцом «богочеловѣчеством». Маликов утверждал, что человѣк, постепенно совершенствуясь морально, освобождаясь от всѣх своих недостатков и дурных страстей, может достигнуть высокаго, идеальнаго совершенства, может приблизиться к самому Богу, слиться с ним, стать Богом. Не даром человѣк во всѣх религіях боготворил в сущности самого себя. И в самом дѣлѣ, в минуты **религіознаго экстаза** вѣрующій человѣк переживает необычайное, мистическое, чисто божественное состояніе (1). Очищенный человѣк во время религіознаго экстаза ясно ощущает себя лишь атомом огромнаго вселенскаго организма и чувствует всю безсмыслицу борьбы частей великаго цѣлаго между собою. Когда люди поймут это, сами собою исчезнут войны, борьба классов и партій, преступленія и пороки. Мир, гармонія, справедливость будут не только в душѣ каждаго человѣка, но проникнут во всѣ общественныя, соціальныя, международныя отношенія. Революціонеры откажутся от своей разрушительной дѣятельности — къ тому-же совершенно безплодной практически. Вообще лечить зло злом так же безсмысленно, как заливать огонь керосином. Надо бороться с причинами, а не со слѣдствіями. На насиліе всякаго рода

---

(1) **В. Г. Короленко** в «Исторіи моего современника» (т. IV) сочувственно вспоминает о Маликовѣ, с которым встрѣтился в Пер-

надо отвѣчать любовью и проповѣдью очищенія, разъясняя высокое мѣсто и назначеніе человѣка во вселенском организмѣ (1).

5. НА РАСПУТЬѢ.

Работа кружка Чайковскаго быстро расширялась, захватывая все новые и новые провинціальные центры, и к концу 1872 г. достигла наивысшаго развитія.

Петербургскій кружок состоял из чистых людей — рыцарей без страха и упрека. Любя и пламенѣя, они заражали и других своим пламенем. Любви, одушевленія, готовности жертвовать собою — было сколько угодно. Но **цѣли** кружка, праницы его дѣятельности не были строго намѣчены с самаго начала. Общею задачей, которая рисовалась вдали, Чайковскій считал созданіе среди интеллигенціи и, главным образом, студенчества — **истинно-народной партіи в Россіи.** И в началѣ кружок отдавал всѣ силы на объединеніе молодежи и просвѣщеніе ея в опредѣленном направленіи. Направленіе это было соціалистическим, ибо соціализм в то время владѣл большинством передовых умов. Рыцари народничества преисполнены были сознаніем долга интеллигенціи народу и старались привить это сознаніе просвѣщаемому юношеству. Но с самаго начала членам кружка пришлось столкнуться с властями, ставившими всяческія препятствія для развитія их дѣятельности. Аресты, заключенія, преслѣдованія скоро создали среди руководителей дѣла чувство обреченности. Это не уменьшило их энтузіазма. Но была сознана необходимость подготовить себѣ преемников. Сначала их искали среди интеллигенціи. Мало-по-малу, однако, созрѣла мысль, что вѣрнѣе и лучше создать кадры преемников из самого народа — из рабочих и крестьян. Это было уже началом пропаганды на заводах и фабриках. Развивалось движеніе в народ. «Рыцари» перешли к защитѣ

ми в 1880-81 г. г. Но, между прочим, он приводит такой разсказ одного из друзей Маликова, живших в 1874 г. в Орлѣ. Однажды, придя к Маликову, он впервые и неожиданно услышал о новой религіи. Маленькій сынишка Маликова, подпрыгивая на одной ножкѣ, сообщил ему новость:

А папка-м Бог!... А папкам Бог!!...

(1) **Пругавин.** Лев Толстой и богочеловѣки.

слабых. Все сильнѣе проникала в сердца их надежда, окунувшись в крестьянскую толщу, открыть народу ту «настоящую правду, которую он постоянно искал и которая одна могла научить его, как изжить горе и нужду крестьянскую». В то же время преслѣдованія правительства, гибель товарищей, «порабощеніе народа» вызывали в молодежи бунтарскія стремленія, чувства мести, ненависть. Всѣ подготовительные элементы для революціонной работы были налицо. Ея опасности вызывали жертвенный энтузіазм. Все чаще и чаще слышались голоса: «довольно топтаться на одном мѣстѣ — мы должны, наконец, взяться за революціонную работу». Такіе темпераменты, как Софью Перовскую, Кропоткина, Кравчинскаго, — трудно было, конечно, долго держать на культурно-просвѣтительной работѣ: они и многіе другіе члены кружка рвались в бой: они пламенѣли теперь уже не только любовью к народу, но и ненавистью к его притѣснителям... Эта неизбѣжная эволюція кружка (мы видѣли почти то же у «каракозовцев») — заставила серьезно задуматься таких людей, как Чайковскій и Алексѣев. В дружной семьѣ «чайковцев» стал обнаруживаться раскол. Для многих Нечаевское дѣло пріоткрыло завѣсу и показало отрицательныя стороны революціонной дѣятельности.

«Для меня лично», — пишет Чайковскій, — «встрѣча с Нечаевым и нѣкоторыми из его послѣдователей имѣла рѣшающее значеніе — и не столько его іезуитскіе и демагогическіе пріемы агитаціи и организаціи, сколько его ненависть ко всему существующему и его ненасытное властолюбіе. Все, что выяснилось на судѣ по его дѣлу в 1871 г., и что мы воспринимали в момент формированія наших собственных основных убѣжденій, переживалось, как нѣчто абсолютно отрицательное, чего мы не должны повторять в своей собственной дѣятельности. Со своим листком «Расправа» и с эмблемой топора вмѣсто веньетки, он рисовался лично мнѣ уже тогда фанатическим послѣдователем Пугача». Нечаевским пріемам, конечно, не было мѣста в «рыцарском орденѣ» чайковцев. Но... ненависть?.. Без нея невозможна настоящая революціонная работа. А люди типа Чайковскаго и Алексѣева любили угнетенных, но не умѣли злобно ненавидѣть ни прямых насильников, ни угнетателей. При настроеніях, сквозящих в разговорѣ, приве-

денном в началѣ статьи, — дѣятельное участіе в безоглядочной революціонной борьбѣ — почти невозможно...

Началось мучительное раздумье. Что такое в самом дѣлѣ та чудодѣйственная «правда», открыв которую народу, революціонеры мечтали поднять его против угнетателей и освободить? Магическая «правда», на которую полагались, как на богатырскій меч-кладенец, была, при ближайшем разсмотрѣніи, ничѣм иным, как **классовой ненавистью** и **классовой борьбой** без всякаго положительнаго выхода, без всякаго синтеза. Большинство чайковцев совершенно не знало народа и «правды», которою он жил в то время, но им казалось, что проповѣдь классовой ненависти должна неизбѣжно всколыхнуть Россію и произвести то ссціальное чудо, которое предусматривается всѣми соціальными утопіями. Никакія убѣжденія не дѣйствовали. Людям разнаго склада и разных темпераментов невозможно было сговориться. Чайковскаго стала преслѣдовать лютая тоска. Тѣ взгляды, которые он высказывал осенью 1872 г., бесѣдуя с Алексѣевым на скамьѣ Большого проспекта, уже не казались ему теперь столь простыми и ясными. Борись со злом в себѣ, блюди свою нравственную чистоту и этому, только **этому** обѣщай всю жизнь!.. Так, конечно. Но всегда ли есть в душѣ твердое сознаніе, в чем добро и зло? И на чем покоятся понятія об этом? Гдѣ то міросозерцаніе, на которое можно безбоязненно опереться?..

Потеря близкаго человѣка подчеркнула и усилила тягостныя переживанія Чайковскаго и приблизила кризис. Впослѣдствіи он писал об этом времени:

«...Я сложил руки, затосковал и запросился в отпуск. Это случилось в концѣ 1873 г. Для меня было особенно ясно отсутствіе у нас в руках прежде всего ключа к народной душѣ, и я думал, что я смогу его найти, углубившись в самого себя в глуши Черниговской губерніи. Во-вторых, для меня в самом типѣ рыцаря без страха и упрека, до котораго мы доработались, обнаружился важный пробѣл, — это отсутствіе цѣльности, единства міропониманія, вмѣсто которых мы всѣ жили интеллигентским идеализмом с его двойственностью в реальном настоящем и идеальном будущем. За Черниговской деревней послѣдовала Воронежская, за Воронежской — Тульская, а тут настал момент, когда я ска-

зал себѣ: — нѣт, я не могу больше жить для условных полезностей революціонных программ, я должен найти абсолютное Благо и абсолютную Правду, чтобы жить ими. **Нужна новая религія».**

6. КОММУНА В КАНЗАСѢ.

Как раз в это время Чайковскій, по пути в Петербург заѣхал в Орел к Маликову. Новые взгляды друга имѣли на Николая Васильевича рѣшающее дѣйствіе, и он примкнул к «богочеловѣчеству».

Проповѣдь Маликова имѣла успѣх. Молодежь (даже революціонно настроенная) поддавалась гипнозу искренней и пламенной декламаціи новаго пророка. Послѣдователи его начали мечтать о созданіи земледѣльческой общины, в которой, свободно, не отнимая ни у кого куска хлѣба и не завися от «эксплоататоров народа», они могли бы кормиться трудами рук своих и общими усиліями очищать свои души, культивируя в них богочеловѣчество. Явились даже молодые люди, которые понесли в народ проповѣдь новой религіи.

Между тѣм, правительство было крайне озабочено все разраставшимся пропагандистским движеніем в деревню. Слѣдствіе обнаружило дѣятельность интеллигентной молодежи в сельских мѣстностях 36 губерній. Начались аресты. В руки жандармеріи попали многіе представители кружка Чайковскаго. Среди арестованных оказались и два проповѣдника новой религіи. Тогда полиція добралась до Маликова. Его заключили в тюрьму и через нѣкоторое время привезли в Москву, в слѣдственную комиссію. В присутствіи жандармскаго генерала Слезкина, прокурора Жихарева и других лиц Маликов, вмѣсто всяких показаній, произнес пламенную проповѣдь о богочеловѣчествѣ. Он звал жандармов к нравственному совершенствованію, говорил о совершенной необходимости развитія религіознаго чувства, о культивированіи в себѣ божественнаго начала. Рѣчь Маликова произвела большое впечатлѣніе. Слѣдователи очень скоро убѣдились, что в пропагандѣ Маликова совершенно отсутствуют политическіе мотивы. Он выпущен был на свободу и

возвратился в Орел (1). Вскорѣ, однако, Маликова обязали подпиской прекратить проповѣдь, которая, при всей своей божественности, носила явные признаки уклоненія от церковнаго православія и склонности к соціализму.

Для всѣх стало очевидным, что осуществить в Россіи мечты — земледѣльческой религіозной общины — в ближайшем будущем невозможно. Сама собою возникла мысль перенести колонію богочеловѣков — за границу.

В началѣ осени 1874 г. Чайковскій проѣхал в Москву и Петербург, чтобы попытаться привлечь старых товарищей к своим новым вѣрованіям. Но всѣ его усилія оказались тщетными. Кружок, вслѣдствіе все возраставшаго числа арестов, терпѣл большой урон, но вмѣстѣ с тѣм революціонное настроеніе в нем крѣпло. Чайковскій пришел к убѣжденію, что оставаться в Россіи ему незачѣм. За ним слѣдили и выѣхать легально не представлялось возможности. В сентябрѣ 1874 г., мирно распрощавшись с прежними друзьями, он нелегально, при помощи контрабандистов, выбрался за границу — сначала в Швейцарію, а затѣм — в Париж и Лондон. Перейдя на эмигрантское положеніе, Чайковскій дѣятельно занялся пріисканіем мѣста для будущей колоніи «богочеловѣков». Около этого времени в газетѣ «Вперед» появилось письмо Вильяма Фрея, излагавшаго своеобразную коммунистическую теорію, по которой раздѣлу подлежало не только имущество, но и свобода, которою доселѣ люди пользовались далеко не в равной мѣрѣ. Фрей звал ищущую правды интеллигенцію примыкать к основанной уже им и Америкѣ коммунѣ (2). В архивѣ Н. В. Чайковскаго остались слѣды тогдашних его сношеній с русскими, поселившимися в Нью-Іоркѣ, в Канзасѣ, в Калифорніи. Однако, вопрос о мѣстѣ будущей коммуны в то время далеко еще не был рѣшен в пользу Америки. Даже в маѣ 1875 г. Маликов, извѣщая Чайковскаго в слегка законспирированном письмѣ о возможности достать деньги и выѣхать в концѣ лѣта, срав-

---

(1) Проф. Тун («Исторія революціоннаго движенія в Россіи») увѣряет, что Маликов слѣдственной комиссіей признан был сумасшедшим. Это не подтверждается. Рѣчь, повидимому, произвела сильное впечатлѣніе. А в освобожденіи Маликова съиграли роль связи его с Побѣдоносцевым.

(2) **Г. В. Короленко.** Исторія моего современника, т. IV.

нивал достоинства и недостатки «Юга» и «дальняго Запада» (Америки), отдавая впрочем предпочтеніе «Западу». Ведя сношенія с различными русскими людьми за границей, Чайковскій в то же время дѣятельно работал над изученіем исторіи религій, которыя поглощали его вниманіе в то время, над англійским языком и жадно искал в современной научной литературѣ основ для своей богочеловѣческой вѣры (1).

В апрѣлѣ 1875 г. Чайковскій написал из Лондона яркое и сильное письмо другу своему Дмитрію Клеменцу, находившемуся в то время в Берлинѣ. Клеменц, по выраженію Кравчинскаго - Степняка, был одним из самых сильных умов в рядах революціонной партіи. Почти с самаго основанія кружка «чайковцев» он был его членом и вмѣстѣ с ним переживал стадіи пропагандистов и активнаго революціонера. Отлично и всесторонне образованный (в Берлинѣ он страстно увлекался в то время лекціями Гельмгольца), Клеменц отчетливо «чуял» ученіе своего друга и, по свидѣтельству современников, излагал идеи «богочеловѣков» гораздо проще, осязательнѣе и понятнѣе, чѣм Чайковскій и Маликов. Но Клеменц считал этих своих друзей «мечтателями и мистиками» и продолжал твердо идти по революціонному пути. В своем блестящем письмѣ Чайковскій «в послѣдній раз» подвергает критикѣ дѣятельность прежних товарищей («соціальных эскулапов») и пытается развернуть свое новое міросозерцаніе. Письмо полно энтузіазма и вѣры в свои силы. «Кастрація» человѣка à la Фрей — признается уродством. — «Уж коли жить, — пишет Чайковскій, — так жить всѣми силами души, дать всѣм выход и простор; жить не для убѣжденій, не для идеалов каких-нибудь, а для себя в истинном, глубочайшем, а не фальшивом смыслѣ этого слова. Изображать из себя питомник добродѣтели, монастырь факиров или эпикурейцев, дико, безумно, гадко, а главное **узко** и мало. Нѣт, мы сознательно воплощаем в себѣ все человѣчество и весь мір и сумѣем свою жизнь сдѣлать реальным выраженіем этого необъятнаго содержанія человѣческаго; сумѣем уловить всякій новый вздох, всякій плод стосковавшихся в узких рам-

(1) Совершенно исключительное впечатлѣніе произвела на него книга Льюиса «Вопросы жизни и духа» (т. I).

ках стараго міра чувства и мысли теперь, сейчас живущаго человѣчества; сумѣем всосать в себя все способное слиться с нами в полном смыслѣ этого слова, и все это будет дѣлаться рядом с добываніем своими собственными руками себѣ хлѣба, никому не обязываясь, никому не продавая себя. Мы докажем всѣм сомнѣвающимся, что жизнь для себя из грязной, пошлой — может, должна превратиться в свѣтлый, радостный мір обновленія людей» (1).

Наконец, вопрос о мѣстѣ устройства колоніи был рѣшен в пользу Америки, а «богочеловѣки» получили средства и возможность двинуться за границу. Лѣтом 1875 г. (2) Чайковскій выѣхал в Нью-Іорк, гдѣ должен был ожидать товарищей. 26 сентября родилась у него здѣсь первая дочь — Варвара. Осенью «богочеловѣки» прибыли в Америку. В числѣ 15 будущих колонистов находились: Маликов с женой и дѣтьми, Чайковскій с женою, Алексѣев с семьею, Клячко с женой, Хохлов, Брузвич из Орла, брат Алексѣева, Лидія Эйгоф из Саратова... Чайковскій состоял уже в перепискѣ с Вильямом Фреем, который звал новых колонистов присоединиться къ его коммунѣ «La Progressive» в Канзасѣ. Рѣшено было направить к Фрею трех депутатов, в числѣ которых были Маликов и Чайковскій.

В Канзасѣ ждали их первыя разочарованія. Осень стояла холодная и вѣтряная. В дикой мѣстности был перед ними плохо выстроенный дом со сквозными щелями. Снаружи можно было видѣть обитателей, старавшихся, кутаясь, спастись от холода. Навстрѣчу вышел Фрей, одолѣваемый лихорадкой, и его жена со страдальческим выраженіем замученнаго лица. Оба были в солдатских синих шинелях, купленных Фреем на распродажѣ послѣ гражданской войны. Потолка не было и сквозь крышу смотрѣло унылое сѣрое, осеннее небо. Старик Бригс еще недавно измывавшійся над Мачтетом, Трюман и другіе немногочисленные колонисты производили впечатлѣніе малообразованных маньяков, мучавших себя и окружающих всевозможными «принципіальными» пустяками, которые казались им самою сутью коммунальной жизни. Фрей, конеч-

---

(1) Письмо Чайковскаго к Клеменцу напечатано в журналѣ «Голос Минувшаго на чужой сторонѣ», № 3/XVI. (1926 г.)

(2) В автобіографіи, написанной для Британской Энциклопедіи, Чайковскій ошибочно относит это событіе к 1877 году.

но, блистал среди них образованіем, цѣльностью, осмысленным энтузіазмом. Но обстановка говорила за себя: в «прогрессивной» коммунѣ из всѣх углов глядѣла бѣдность и нужда. К ним прибавлялись принципіальныя самоучительства. Никаких успѣхов во внѣ нельзя было подмѣтить. Коммуна обзавелась уже в то время маленькой типографіей и издавала газету для пропаганды окрестным фермерам. Число подписчиков на этот орган никогда не превышало четырех.

Несчастная коммуна Фрея показалась вновь прибывшим злою пародіей на рай, о котором горло мечтали они. Мысль о поселеніи в «La Progressive» была категорически отвергнута. В той же Cedar Vale, близ города Witchita (штата Канзас) богочеловѣки купили землю и принялись за устройство своей собственной коммуны. С теченіем времени Вильям Фрей, его жена и маленькая дочь переселились к ним.

Новых колонистов ожидал «воловій труд», не оставлявшій времени даже на чтеніе газет или книг, и впечатлѣнія «довольно однообразной и бѣдной красками степной природы», которая постоянно грозила им приступами мѣстной маляріи.

«Богочеловѣки» знали друг друга весьма мало. Люди были «не вполнѣ одинаковые». И до такой степени, что один из них, казначей общины, по разсказам Николая Васильевича, в концѣ концов, уличен был «в плутовствѣ» и, послѣ довольно болѣзненной процедуры, должен был удалиться.

Но они весьма мало знали и самих себя. Всѣ оказались весьма мало приспособленными к тяжелому труду піонеров. Они не знали сельскаго хозяйства, хотя искренно и горячо рвались к работѣ. Постройки оказались также плохи, как и в общинѣ Фрея. Дом был неудачно проконопачен и не держал тепла. Земля обрабатывалась поверхностно. Никто не имѣл понятія об условіях мѣстнаго земледѣлія. Коров не умѣли выдаивать и очень скоро испортили. Одежда плохо ладилась в неумѣлых руках. Пищу готовили невкусно. Продуктов не умѣли хранить. И очень скоро стало замѣтно рѣшительное обѣдненіе. Богочеловѣки начали терпѣть холод и голод. В общем то были, конечно, прекрасные люди, старавшіеся стать выше подобных жизненных мелочей. Но среди них жили семейные. И наступил момент, когда одна

из матерей заявила прямо, что ей все равно: пусть десять коммун погибнут, лишь был бы жив ея ребенок. В общинѣ обнаружились несогласія, споры. У нѣкоторых проявилась горячность, «занозливость» . . . В это время в коммуну вступила семья Фрея. С Мэри Фрей случилась бѣда. Балка плохой постройки, при паденіи задѣла несчастную молодую женщину и обезобразила ея лицо. Сам Фрей нимало не терял бодрости. Он импонировал богочеловѣкам всегдашней ровностью, ласковостью, готовностью во всем жертвовать собою ради идеи. Коммуна, по его мнѣнію, была послѣдним словом человѣческой мудрости. Ей принадлежало будущее и в данном случаѣ, во что бы то ни стало, она должна была продолжать свое существованіе.

— Бѣдность и лишенія ? . .

— Но надо обратиться к себѣ самим и сократить свои потребности до минимума, необходимаго для поддержанія жизни и организма. Религія человѣчества учит: жить для других. Это значит жить для большинства, которому излишни и не нужны потребности и предразсудки «культуры» и «цивилизаціи», выдуманные меньшинством. К тому же организму человѣка приносят пользу только естественные дары природы; все искусственно привитое вредно. Надо раз навсегда отказаться от употребленія алкоголя, мяса, чая, кофе, сахара, соли. Все это — излишества, приносящія вред, Для ослабленія жадности к пищи должно меньше заботиться об ея вкусѣ, опраничить работу на кухнѣ и стараться, по возможности, ближе подходить к ѣдѣ продуктов природы в сыром видѣ.

Сам Фрей доводил свой пост до крайних предѣлов. Квашенаго тѣста он не признавал, и дѣлая из простой муки с водой длинную палку, запекал ее. Эту «гигіеническую шишку Фрея», как называли ее общинники, он ѣл по кусочкам и избѣгал другой пищи.

— Болѣзни? лихорадки? глазныя страданія ? . .

— Это ваши грѣхи и заблужденія перешли в болѣзни; освободитесь от них и будете здоровы.

Впрочем, в этом пунктѣ он дѣлал уступки. Он допускал, что в здоровом тѣлѣ живет здоровый дух. Но для леченія нужны не доктора, а простыя средства, близкія к природѣ. Он предлагал дѣлать частыя омовенія и дѣлал это

так: в бочку наливалась вода; в печи накаливались камни, которые опускались в таком видѣ в бочку и горячая ванна была готова...

— Несогласія, препирательства, ссоры?..

— Но почему же не ввести всего этого в рамки, приличныя религіозным людям? Почему не лечить этих уклоненій систематично поставленными всенародными критицизмами и всеобщими исповѣдями?

Вот два факта, характеризующіе Фрея.

Однажды зимою общинники, замерзая в холодном домѣ, толпились поздно вечером около печей.

— Дрова всѣ, — сказал кто то. А ѣхать ночью в лѣс в такой холод и вѣтер жутко. Придется позябнуть до утра.

— Господа! — заявил Фрей, — я ѣду за дровами.

И сколько ни уговаривали его общинники, он подвязал вмѣсто шапки платочек на голову, запряг лошадь и в своей синей солдатской шинели двинулся в лѣс...

Он безумно любил свою маленькую дочку Беллу и всегда сам занимался с нею математикой. Но и тут обычныя задачи, как крайне искусственныя, были устранены. Он задавал ей такія задачи: двадцать пять билліонов, двѣсти милліонов и сто двадцать восемь тысяч, триста пятьдесят три единицы помножить на тысячу двѣсти сорок три билліона, три милліона, сорок девять единиц...

Маликов разсказывал впослѣдствіи:

— Слышим, плачет дѣвочка, а отец ходит из угла в угол по комнатѣ и повторяет:

— Пиши же, Белла: ты знаешь таблицу умноженія, и только не хватает у тебя вниманія и аккуратности. Развивай в себѣ эти стороны и не будь неряхой в работѣ. Теперь ты невнимательна к правилам умноженія и дѣлаешь ошибки; выростешь большая — будешь по привычкѣ невнимательна к правилам жизни и совершать пороки. Теперь ты пачкаешь тетрадь чернилами, а потом будешь пачкать душу свою и поганить ее.

Слышим, дѣвочка еще болѣе рюмит и всхлипывает.

— Белла, — замѣчает Фрей сдержанным голосом: перестань и рѣшай задачу. Право, иначе я вылью на тебя ведро воды.

Белла громко рыдает, и вдруг мы слышим какой то

плеск и тотчас же раздирающій крик дѣвочки. Влетаем в комнату и застаем Фрея с пустым ведром в руках.

— Вы, мистер Фрей, идіот! Вы идіот!

— Господа! должен же я был сдержать свое слово. Иначе, что же ребенок подумает обо мнѣ? Я пригрозил облить ее водой и — сдержал слово.

— Вы — мученик ложной системы и замучили свою жену и дѣвочку.

— Это уж позвольте... Это — мои убѣжденія. В среду, на митингѣ мы займемся критицизмом и тогда публично обвиняйте меня, а я буду защищаться... (1)

Богочеловѣки, конечно, далеко не во всем поддавались идейному столпничеству Фрея. Короленко, со слов Маликова, разсказывает такой эпизод:

— Коммуна голодала, но было существо, которое пользовалось в ней привиллегированным положеніем. Это была большая свинья, которую неизвѣстно зачѣм содержали и кормили. У коммунистов стало назрѣвать преступное намѣреніе зарѣзать эту свинью. Фрей не допускал и мысли о таком ужасном преступленіи. Когда заговор созрѣл и вышел наружу, Фрей долго противился, и, наконец, сказал: «Дѣлайте, что хотите. Я уйду в лѣс, чтобы не присутствовать при вашем канибальском пиршествѣ и чтобы вам не было стыдно». Коммунисты с «циничным смѣхом» заявили, что им и без того не будет стыдно...

Но глубокая вѣра Фрея в коммуну, его энтузіазм, стойкость, самопожертвованіе, несомнѣнно, производили сильное впечатлѣніе и удерживали богочеловѣков вмѣстѣ даже в то время, когда они давно уже готовы были разбѣжаться.

— Что-ж, — говорили они, — коли не дается сразу рай земной, будем искать промежуточной ступеньки с критицизмами, с контролем, с обузданіем своих дурных побужденій...

Они хватались за соломинку (2). А Фрей становился все требовательнѣе. На митингах, во время критицизмов, он развивал неумолимо правила религіи человѣчества. Одно из них

---

(1) **А. Фаресов.** Один из семидесятников. Вѣстник Европы, 1904 г., сентябрь. Автор увѣряет, что в точности передает разсказ Маликова.

(2) Слова Чайковскаго. Архив. Переписка.

предлагало «жить открыто». Отсюда, по мнѣнію Фрея, вытекала обязательность не только публичной исповѣди каждаго в поступках и мыслях: необходимо было, кромѣ того, раз навсегда отказаться от частных, сепаратных разговоров... Ему казалось совершенно неправильным, что, напримѣр, муж и жена отдѣляются от общества и шепчутся между собою...

«Соломинка» не спасла утопавших. Критицизмы, всенародныя исповѣди, контроль — еще больше запутали личныя отношенія. Наступило уныніе. Споры и митинги прекратились. Всѣ замкнулись в себя и замолкли...

А тѣм временем новая болѣзнь подкралась к общинникам. То была нежданная и нечаянная **тоска по родинѣ.** Души богочеловѣков настроены были на космополитическій лад. Но Америка встрѣтила их холодно. Окрестные фермеры сначала насторожились и опасливо поглядывали на коммуну, боясь, как бы русскіе не вздумали проповѣдывать и проводить в жизнь безбожіе и свободную любовь. Убѣдившись, что опасенія эти неосновательны, американцы оставили «чудаков» в покоѣ. Но было ясно, что у коммунистов нѣт никаких точек соприкосновенія с окружавшей их жизнью. Америка оказалась для них холодною и замкнутою мачехой. И вот, на фонѣ нерадостной жизни, в душѣ стали возникать картины прошлаго, образы далекой Россіи. Русскіе люди, родные пейзажи снились общинникам и вызывали слезы на глаза.

Как то раз жена Маликова развернула Лермонтова и прочла вслух:

«Люблю отчизну я, но странною любовью...»

Когда она окончила, общинники, рыдая, выбѣжали из дома, желая остаться наединѣ со своею тоскою. Даже дѣти поблѣднѣли, видя и чувствуя общее волненіе.

При таких настроеніях тянуть дольше унылую жизнь оказалось невозможным. Несмотря на энергичные протесты Фрея, рѣшено было закончить опыт. На послѣднем, прощальном митингѣ раздоры и недоразумѣнія были забыты. Перед открывшимися перспективами пережитыя испытанія блѣднѣли и гасли. Оставались в душѣ хорошія воспоминанія об искренних и безкорыстных чувствах, заставивших участников с такими трудами и лишеніями пытаться проло-

жить новые пути для счастья человѣчества. В товарищах по работѣ всѣ видѣли теперь отличных людей и разставались друзьями.

Через два года послѣ основанія колоніи (лѣтом 1877 г.) большая часть общинников вернулась в Россію. Чайковскій не мог этого сдѣлать: как раз в то время развертывались послѣдніе акты слѣдствія о пропагандѣ в 36 губерніях, множество «чайковцев» томилось в тюрьмах, ожидая суда который и начался в том же году («процесс 193»). Николай Васильевич оставил жену и дочь в колоніи и двинулся по направленію Филадельфіи, гдѣ надѣялся получить заработок.

Вильям Фрей упрямо остался на мѣстѣ, рѣшив «хранить ключи», понемногу хозяйничать и ожидать бѣглецов, возвращеніе в коммуну которых он считал неизбѣжным.

Маликов, несмотря на свою восторженность и экзальтацію, обладал большим, увлекавшим его самого юмором. Разсказы о жизни в коммунѣ записаны с его слов. К тому же слушатели могли передать эти разсказы не вполнѣ точно. Однако, и по документальным данным, опыт коммуны в американской преріи вырисовывается в довольно мрачных красках: он был тяжел и неудачен. В бумагах Чайковскаго приходится встрѣчать жалобы его на «тупое страданіе и безвыходность Канзасской жизни». И Маликов, и Чайковскій главную причину неудачи видѣли в том же самом: общинники не были объединены одинаковым религіозным чувством.

Перед началом опыта, в письмѣ к Клеменцу 1875 г. Чайковскій писал: «Пора человѣку сознательно отдаться своим **инстинктам** и лишь регулировать их наиболѣе полную и всестороннюю работу разсудком, с глубокой вѣрой в их гармоничность и всесиліе».

Эта вѣра не оправдалась в общежитіи: «инстинкты» оказались весьма различными у случайно сошедшихся людей: часто приходили они в столкновеніе; проявленіе инстинктов вело к непреодолимым противорѣчіям. А объединяющих начал, **общей** вѣры во что нибудь высшее, чѣм инстинкты отдѣльных личностей — не обнаруживалось.

«Да, друг, — писал Чайковскій в 1878 году, — мы собирались жить религіозной жизнью, а жили совсѣм

не ей: какая то смѣсь всякой всячины (1) были там, и не было там ни единой іоты религіозности, кромѣ тѣх немногих минут, которыя жизнь вымучила из нас, так сказать. Сказать ли тебѣ, друг? меня мучит это прошлое, как какой то червяк сосет, или как черное пятно на солнцѣ»...

«Душевная бѣдность, безсиліе стать выше узеньких понятій о добрых и злых, дурных и хороших, полезных и вредных поступках и качествѣ людей, увидѣть за этими временными состояніями и свойствами их — их вѣчное живое человѣческое содержаніе — душу живую, увидѣть, говорю, и своей душой почуять біеніе ея пульса, как мать слышит своего ребенка в утробѣ своей, — и создала нам тот **ад кромѣшный,** из котораго мы сколько ни бились, а вылѣзть не могли и, наконец, отступились. Да, друг, минута, когда мы отказались от этой муки, была в сущности минутой безсилія и глубокой, глубокой горечи»...

Замѣчательно, что и Вильям Фрей приписывает неудачи подобных коммун отсутствію у общинников одинаковой религіи (конечно, отсутствію «религіи Человѣчества»).

В 1885 г. в одном из писем ко Л. Н. Толстому Фрей заявляет:

«Иногда индивидуалисты (так называет он людей, не признающих высшаго существа, т. е. «Человѣчества»), уставши от противорѣчій революціонной дѣятельности, кидаются со всею страстностью и искренностью хороших людей на осуществленіе обществ и коммун, основанных на болѣе раціональных принципах производства и распредѣленія богатств...

«Такіе люди могут еще жить вмѣстѣ, в небольшом кружкѣ, тѣсно связанном чувствами личной дружбы и любви; тогда отсутствіе религіознаго чувства как бы возмѣщается у них избытком чисто личных симпатій. Но когда эти лучшіе индивидуалисты собираются в большія группы только во имя долга и общаго дѣла, они неизбѣжно должны отравлять друг другу жизнь и — измучивши и себя и других — разойтись с недоумѣніем, отчего не могли устроить лучшей жизни; — с тайною радостью, что могут, наконец, отдох-

---

(1) В другом мѣстѣ он выражается болѣе рѣзко: «Мы собирались жить религіозной жизнью, а сами жили какой то неопредѣленностью и сумбуром».

нуть от добровольно подъятой пытки» (1).

Это совпаденіе отзывов об основной причинѣ неудачи Канзасской колоніи очень знаменательно. Маликов думал впослѣдствіи почти также, стремясь впрочем опуститься на колѣни не перед «Человѣчеством», а перед «личным Богом живым».

Как бы то ни было, опыт, произведенный в Канзасѣ, не сказал участникам рѣшающаго слова против коммуны вообще. Даже в глубокой старости, во власти совсѣм иных настроеній, Николай Васильевич писал в автобіографіи:

«Чайковскій — как и другіе члены колоніи — приходит к заключенію, что хотя будущее человѣчества и принадлежит такому строю жизни, — но что в настоящем люди еще не готовы к нему, не будучи способными постоянно ощущать в себѣ присутствіе Божества. Без этого же коммунистическая жизнь — ради одних матеріалистических побужденій, — неосуществима» (2).

Интересно отмѣтить, однако, что глубоко искренняя и вѣчно мятущаяся душа Чайковскаго часто совершенно не удовлетворялась «архитекторскими фантазіями» по строительству наилучших форм жизни и современнаго, и будущаго человѣчества. Слѣдующій отрывок из дневника 1878 года возвращает нас к бесѣдѣ молодых людей на скамейкѣ Большого проспекта в Петербургѣ, неопредѣленныя мысли которой изложены в началѣ этой статьи.

— «Нѣт, друзья! Зачѣм обманывать себя и самообольщаться, будем трезвы и в то же время высоки и глубоки. Я прямо и открыто сознаюсь — во мнѣ нѣт силы, нѣт способности жить такой общинной жизнью, которая бы годилась в примѣр, в образец. Не созрѣли мои чувства, мой внутренній огонь для того, чтобы освящать и согрѣвать мои малѣйшія житейскія отправленія. Они не созрѣли для того, чтобы вылиться в гармоничную и устойчивую форму жизни. Да нѣт же и формы то такой, которая годилась бы для них. Дѣлать опыты — значит или повторять зады, то есть **обезьянничать на манер смиренных и чистоплотных послѣдователей Христа,** или щупать и обрываться без вся-

---

(1) **Вильям Фрей.** Письма к Толстому. Русскія Прописи, т. I, стр. 308-311.

(2) Голос Минувшаго на чужой сторонѣ, I, стр. 49.

каго руководящаго начала. В результатѣ во всяком случаѣ и эти формы не годятся для моего нутра и самое нутро не годится для того, чтобы вылиться в законченную форму и пріобрѣсть устойчивость, как не доработанная идея художника, как неакклиматизировавшійся еще или вообще не приноровившійся еще к условіям измѣнившейся среды, организм животный или растительный. Их назначеніе лишь будить, поддерживать жизнь, но не осложнять ее. Во внутреннем чувствѣ это значит обречь себя на горечь и жолчь на то, что у людей не хватает рѣшимости или энергіи вогнать себя в случайную форму и примириться с ней, а в сущности на то, что ты и сам-то за себя **не можешь в глубинѣ души своей поручиться, дѣйствительно ли это то, что тебѣ надо,** дѣйствительно ли ты подавил в себѣ всякій протест против готоваго платья.

«Нѣт, братцы! Правда, у меня есть сила и очень большая сила, но годная не для этого, а для того, чтобы хоть изрѣдка пробуждать и в себѣ, и в других — тот голос, который и нас самих, и все на свѣтѣ перерождает совершенно, а тѣм временем душа-то вѣдь растет, крѣпнет, чувства формируются, заканчиваются, широкій жизненный опыт служит мнѣ строительным матеріалом и пищей. У меня есть сила, говорю, когда меня самого насквозь освѣтит новый всепримиряющій свѣт, гаркнуть так, чтобы мертвые пробудились и почувствовали в себѣ то же, — но и только пока.

«А всеж-таки, жить вѣдь надо — ѣсть надо, трудиться надо и физически, и умственно, надо воспитать свое наслѣдіе... И вот здѣсь то и являются тѣ запросы, какіе уже назрѣли: жить в одиночку не могу, быть рабом невыносимо, быть машиной двигательной или мыслительной — тоже, жить без любви или бросать дѣтей на произвол судьбы — не в силах.

«Из худшаго надо выбирать лучшее, не задаваясь быть образцом, не ожидая полной гармоніи, не обольщаясь результатами, — приходится жить обществом близких тебѣ людей и удовлетворять всему этому по возможности, живя так, как тебѣ нравится, ибо ты не знаешь, как хорошо и как дурнс жить...» (1).

---

(1) Архив Н. В. Чайковскаго. Записная книга (6 іюня 1878 г., то есть почти через год послѣ оставленія Канзаса).

7. В МІРУ И У ШЕКЕРОВ.

Чайковскій, не имѣя возможности «нести повинную родной матери-родинѣ», рѣшил обратиться к «доброволь-но признанной «богочеловѣками» «злой мачехѣ, Америкѣ, у которой под боком они скоротали столько времени, едва имѣя об ней приблизительное понятіе из книжек, да из раз-сказов бывалых людей». С одной стороны его тянул к себѣ широкій мір, гдѣ люди быстрѣе и шире живут; с другой, невыносимо горько было оставаться среди развалин комму-ны, с которой когда-то связывалось столько надежд и меч-таній. Жену и маленькую дочь он оставил временно в об-щинѣ — с тѣм, чтобы выписать их как только будет пріискана работа. Впрочем, надежд на послѣднюю было мало. Кошки скребли у него на душѣ; чувствовал он, на что идет: с плохим знаніем англійскаго языка, с диллетантским зна-ніем плотничьяго ремесла, да с дипломом спеціалиста хи-міи русскаго университета — в Америкѣ далеко не уѣдешь и «всѣ мои надежды заработать деньги, чтобы имѣть близ-ких людей подлѣ меня, — пишет он, — были скорѣй добро-вольным самообманом, чѣм увѣренностью». Однако же, оста-ваться дольше в пустынной степи, с монотонною, фермер-ской жизнью, вѣчной кукурузой да пшеницей, и ждать у моря погоды — мочи не было. В Филадельфіи жил пріятель, обѣщавшій помочь в пріисканіи работы, и вот Чайковскій двинулся на восток. Коммуна могла удѣлить ему от своей бѣдности всего 10 долларов. До Филадельфіи желѣзнодо-рожный билет стоил 20 долларов. Становилось неизбѣж-ным переходить на положеніе бродяги (tramp'a). Бывалые земляки Чайковскаго внушали ему, что проѣхать можно де-шевле в товарных поѣздах, давая на чай кондуктору, а то и просто залѣзая в вагон, коли ловкости и пронырства хва-тит. На свое «пронырство» Чайковскій не особенно пола-гался и потому разсчитывал отчасти сократить свое пѣшее путешествіе при помощи «честнаго торга». Время было лѣт-нее, погода ясная, жаркая. 23 іюля 1877 г. Чайковскій взва-лил походную котомку на плечи и зашагал вдоль желѣзной дороги. Но как раз в тѣ дни произошла грандіозная стачка кондукторов, и товарные поѣзда прекратили движеніе. Путь

Чайковскаго продолжался 23 дня и стоил ему, говоря «без прикрас», десяти лѣт жизни. — «Кто не был в таком положеніи, — пишет Николай Васильевич, — никогда не уразумѣет даже всю глубину униженія, испытаннаго мною. Он не будет имѣть представленія об одиночествѣ, в котором я находился, о подавленности и о состояніи моего ума... Нѣсколько раз я впадал в такое отчаянье, что принимался плакать»... Пришлось «отмахать» 420 миль (530 верст). Жара стояла невыносимая, мучила жажда, воды не было, на фермах встрѣчали «бродягу» подозрительно. — Так, бывало, — разсказывает Чайковскій, — прежде, чѣм дать тебѣ кружку, да указать колодезь, фермер раза три с ног до головы тебя смѣряет — много, мол, вашего брата тут шляется... иной раз плюнешь, да и пойдешь в сторону, — пропадай мол, и с водой то своей — лучше из лужи напьюсь какой-нибудь»... Бывали случаи даже просто травли путешественника собаками...

«Вот то народец, думалось ему, «пополам с горечью»: у них и вода-то в собственность обращена, а куда-же из них живой то человѣк выдохся?..»

И много кой-чего в этом родѣ пришлось ему передумать — особенно по ночам, когда он — невдалекѣ от хороших домов — пытался уснуть на грудѣ шпал, не зная, куда дѣть онѣмѣвшія ноги и укрываясь от утренней росы смѣнной рубахой...

Когда пошли поѣзда, дѣло улучшилось мало. Кондуктора, получив мзду, стремились всячески избавиться поскорѣе от своего пассажира: иногда они пытались сбросить его со ступенек товарнаго вагона; раз ночью кондуктор даже выстрѣлил в него из ружья; часто, когда он засыпал в пустых вагонах, будили его пинками, грозили переломать ребра, если он не уберется сейчас же...

Наконец, он добрался до Филадельфіи, и пріятель достал ему работу корабельнаго плотника на верфи в Честерѣ. Но какая разница работы из под палки со своим, добровольным трудом на Канзасской фермѣ! Здѣсь, в Честерѣ, каждый его шаг находился под контролем надсмотрщика; рабочим не довѣряли ни в чем и этот постоянный караул дѣйствовал угнетающе. Чайковскій хотѣл и мог работать нисколько не хуже всякаго другого. Но состояніе поднад-

зорнаго, в концѣ концов, заставляло его чувствовать себя постоянно виновным в чем-то. И он был счастлив, когда работа кончалась: перед ним были тогда 12 часов полной свободы!..

Случилось так, что его поставили в пару со старым, безсильным ирландцем. Ирландец этот был очень плохим работником и дѣлал постоянныя ошибки; всю вину за них он сваливал на Н. В. Чайковскаго, жалуясь надсмотрщику своим пискливым голосом. Хитрый англичанин, однако, прекрасно разбирался в этих жалобах, но захотѣл воспользоваться тѣм, что Чайковскій, видимо, чрезвычайно дорожил работой. Надсмотрщик предложил Чайковскому поселиться у него за двойную плату. Николай Васильевич ждал пріѣзда в Честер жены с дочерью и не мог согласиться. Тогда, по проискам надсмотрщика, он попал в список 200 увольняемых рабочих. В Филадельфіи на сахарном заводѣ служил знакомый Чайковскаго — молодой нѣмец, очень добрый, но «ужасно глупый». Ему льстила мысль помочь бѣдному русскому семейству. Через этого нѣмца Чайковскому, в качествѣ «русскаго химика», удалось получить свиданіе с руководителем завода.

— Если вы знаете какой-нибудь секрет сахарнаго производства в Россіи, — сказал тот, — сообщите его нам. Тогда мы вас охотно возьмем на работу...

— Вы говорите, что не знаете никаких секретов? Скатертью дорога! Вы нам не нужны.

С Чайковским жила уже семья; деньги выходили и времени терять было невозможно.

Нѣмец предложил ему замѣнить заболѣвшаго рабочаго. И вот в одну холодную ноябрьскую ночь Н. В. явился на работу. Она происходила в нижнем этажѣ, в помѣщеніи, наполненном паром из громаднаго бассейна с горячей водой. Бассейн этот находился в одном из углов помѣщенія. Четверо рабочих должны были сыпать неочищенный сахар в этот бассейн. Сахар находился в бочках, діаметром в четыре фута. Надо было катить такую бочку по двум доскам, брошенным через бассейн, и затѣм высыпать содержимое. На долю Чайковскаго выпало ходить спереди катящейся бочки. Помѣщеніе наполнено было паром, лампы тускло блестѣли; Николай Васильевич сдѣлал невѣрный шаг и очутился в

бассейнѣ, в сахарѣ. К счастью, ему удалось быстро выбраться; толстое платье из полосатаго плиса, привезенное из Лондона, спасло от ожогов. Надсмотрщик пришел в ярость: если-бы Чайковскій сварился или утонул, кому пришлось бы отвѣчать? Он бранился, обвиняя еле спасшагося от смерти Чайковскаго в черной неблагодарности...

Николая Васильевича перевели в другое отдѣленіе, гдѣ промывали фильтровальные шерстяные мѣшки (1).

Но недолго пришлось Чайковскому заниматься этой работой. Испытанія послѣдних мѣсяцев доканали его здоровье, и он свалился в малярійной лихорадкѣ, вывезенной из Канзаса. Наступило отчаянное время: надвигался голод в буквальном смыслѣ слова. Дѣло осложнялось тѣм, что жена Николая Васильевича должна была вскорѣ родить. В этот критическій момент, когда, казалось, всѣ пути к дальнѣйшему существованію были закрыты, совершенно случайно кто-то из соотечественников посовѣтовал Чайковскому поѣхать на работу в религіозную общину шекеров, находившуюся в «Son Yea» в штатѣ Нью-Іорк. Он прибыл туда в началѣ 1878 г. Встрѣченный привѣтливо сектантами, он пробыл у них год, поправился, быстро пришел в себя от испытанных невзгод, много работал и пережил здѣсь духовное обновленіе, возстановившее, углубившее и нѣсколько измѣнившее его богочеловѣческія чувства и теоріи.

В 1878 году Чайковскій писал одному из своих друзей:

«И вот, как видишь, я очутился в религіозной общинѣ шекеров, о которых у нас всякій читающій человѣк слышал, что, мол, это сектанты общинники, живущіе безбрачной жизнью из религіозно-нравственных мотивов, но едва-ли кто давал себѣ труд заглянуть за эту мертвую и мало говорящую вывѣску и вникнуть и в смысл этих мотивов, и в ту жизнь, которая ими порождается. Совершенно естественно у тебя родился вопрос: каким образом, зачѣм я попал к ним и что же это такого в них интереснаго и поучительнаго, на что бы стоило тратить и время, и подвергать себя пыткѣ жить среди людей, с которыми по меньшей

---

(1) Подробности путешествія Чайковскаго и работы в Честерѣ и Филадельфіи заимствованы из писем Ник. Вас. (см. «Архив») и из разсказа его, записаннаго и любезно сообщеннаго нам г. Діонео.

мѣрѣ не имѣешь ничего общаго (в стремленіи к безбрачной жизни меня, имѣющаго семью, ты, конечно, заподозрить не мог). Постараюсь отвѣтить на эти два вопроса так, как они разрѣшились для меня самого в дѣйствительности, — не мудрствуя лукаво...»

Письмо не кончено и нѣт в нем отвѣта на поставленные другом вопросы.

Но в архивѣ Чайковскаго осталась весьма интересная «Записная книга», на которую уже много раз приходилось ссылаться выше. Автор начал ее 2 апрѣля 1878 г. в общинѣ шекеров Son Yea и прекратил в Парижѣ 25 мая 1879 года. Записи не регулярны; между ними — большіе промежутки времени, но онѣ дают отвѣты на многіе вопросы, связанные с новым духовным возрожденіем Чайковскаго. В «книгѣ» есть отвѣты и на поставленные выше вопросы.

«Вчера, 23-го (іюля 1878 г.) был год, как я двинулся из Канзаса в Филадельфію. Что мнѣ дал этот год, начавшійся так печально и таким крутым поворотом от замкнутости в узкой общинѣ к широкой волнѣ общественно-міровой жизни. Смотря на дѣло поверхностно, можно придти к такому заключенію, что, сдѣлавши этот крутой поворот, изстрадавшись, намучившись, я отступился, сознаваясь в своем безсиліи идти об руку с движеніем, реальной жизнью и... опять поворотил в сторону внутренней жизни — движенія, прогресса в себѣ самом с небольшой кучкой людей, что и выразилось фактически в поѣздкѣ к шекерам и в жизни у них вот уже болѣе ½ года... Ну, словом, опять идеализм и бѣгство от реальной жизни и ея роковых требованій и дилемм. — Да, но это только при поверхностном взглядѣ на дѣло. На самом же дѣлѣ — вот каким путем все это дѣлалось.

«Пространствовавши 23 дня.... я стал лицом к лицу с вопросом о кускѣ хлѣба и необходимости всѣ свои силы отдать ему — шансов на то, чтобы и в этой полускотской жизни увидать и почуять зарю ея, ея вѣчное содержаніе, становилось все меньше и меньше — лучше сказать, они **куда-то убѣгали от меня.** Я не переставал вѣрить в то, что она существует и притом в самой реальной жизни и в реальных людях, но для меня становилось все очевиднѣй и очевиднѣй, что я то, и при моих то шансах в этом положеніи до нея не достучусь. Отсюда с одной стороны апатія к продолженію ба-

трачьей канители по разным американским заводам, а с другой, — стремленіе дѣйствительно бѣжать от нея, но не в идеализм, а куда-нибудь на время, пока явится возможность стать в болѣе подходящія условія для того, чтобы в этой же реальной жизни пробивать свою дорогу, только дорогу болѣе широкую, чѣм та, которою поневолѣ приходилось идти в Филадельфіи. живя изо дня в день. Словом, это положеніе было то же, с которым я вышел из Канзаса, только поправленное — то же стремленіе к реальной и широкой волнѣ міровой жизни прежде всего в людях — только при сколько-нибудь благопріятной обстановкѣ. Мнѣ было все равно куда идти — в Канзас, к шекерам, или в Вашингтон — я все равно этому **временному положенію не придавал никакого значенія**. То, что я встрѣтил у шекеров, было вещью совершенно непредвидѣнной... в такой или другой формѣ обновленіе явилось бы, гдѣ бы я ни был — оно как-бы созрѣло из всего прошлаго. Первыя минуты этого обновленія, правда, как-будто отзывали стремленіем уйти от жизни в религіозную общину-секту, когда я говорил: вѣрьте, друзья, нѣт слишком большой жертвы для блаженства минут обновленія и вся наша жертва должна быть приноровлена к этому... Но это только в первую минуту, и то с одной только стороны, потому что самое то это обновленіе и минуты вдохновенія понимались, как что то безконечно широкое, абсолютно противное сектантству, узкому коммунизму, а, напротив, могущее и долженствующее **жить в мірѣ среди всѣх людей** — община в мірѣ с гарантіей цѣлостности нашего внутренняго міра — по прежнему оставалась моим практическим девизом. Этим же самым в сущности опредѣлялось и то, в чем собственно заключается по моему тогдашнему, как и по теперешнему мнѣнію, связь между нами, как единомышленниками и наши отношенія к внѣшнему міру. — **Мы не секта, не партія, и не община,** борющаяся и превосходящая всѣх; мы цѣлое, связанное **только своим внутренним міром** и реализующее эту связь во взаимной душевной поддержкѣ-гарантіи цѣлости этого душевнаго міра и только. В остальном мы живем в том мірѣ. И до сих пор я жду и рвусь в мір, к болѣе широкой, реально-широкой дорогѣ из той теплицы, в которую я попал на время, и гдѣ случайно наткнулся на такіе стимулы, которые вызвали во мнѣ силы, показавшіяся мнѣ и почувствовавшіяся

новыми. **И теперь секта, теплица, отгороженный угол в живом мірѣ душат меня.** Таким образом, если я и воротился от реальной жизни к исканію идеальнаго внѣ ея, в сторонѣ от нея, при исключительных условіях, **то только на один миг.** Что же касается до роли, которую играет для меня мое собственное внутреннее чувство и внутренній голос других, — лучше сказать міровое религіозное чувство, то **я считаю это явленіе новым,** на почвѣ котораго я и должен стоять; в этом случаѣ я воротился не к Канзасу, не к общинѣ или идеализму, а к тому, что во-первых, шире всяких Канзасов и не Канзасов, что по существу своему безгранично и всегда служило и служит основой и источником всякой жизни — **я воротился к религіозной почвѣ, стоявши на которой я еще не был в Канзасѣ».**

Первыя впечатлѣнія от шекеров были смутны. Чайковскій увидѣл сразу, что эти смиренные поклонники Христа, умѣвшіе в то же время отлично устраивать земныя дѣла своей общины, — совершенно чужды ему. А между тѣм «эльдеры» (старшины коммуны) очень скоро начали серьезно интересоваться убѣжденіями новых пришельцев. Один из старшин указывал между прочим, что предстоящее рожденіе ребенка Чайковскаго — вовсе не смутит общину, если взгляды и вѣрованія Николая Васильевича и его жены не отличаются слишком рѣзко от убѣжденій шекеров. В подобных разговорах Чайковскому слышались попытки уловленія его в секту, и он пытался усиленно развивать шекерам свои собственные взгляды — готовясь каждую минуту уѣхать, если вопрос о присоединеніи будет поставлен прямо.

Иногда на Чайковскаго нападали серьезныя сомнѣнія.

«Зачѣм я здѣсь? — восклицал он. — Зачѣм санкціонировать то, что в твоих глазах дряхло с ног до головы? Зачѣм врать? А гдѣ же быть? Развѣ, становясь в какое бы то ни было из существующих положеній, — я не вру? — наемный работник — ложь; самостоятельный фермер — ложь; привилегированный труд — ложь. Но даже все это устранить, гдѣ покой нравственному чувству? — Среди людей и признанія разрушенія? — Не вѣрю, не вѣрю! религія возстает. Так и буду я ее искать гдѣ бы то ни было, хоть среди самаго отжившаго христіанства»...

Мало-по-малу, однако, волненія Чайковскаго успокои-

лись: выяснилось с совершенною очевидностью, что его никто не хочет неволить вступленіем в общину. Эльдер рѣшительно заявил ему, что не шекеризма он добивается от них, а лишь увѣренности в их искренности, чистой жизни и искания правды.

Казалось, с этих пор для Чайковскаго наступили идеальныя условія. Он много и энергично работал физически. Его окружали очень религіозные (по своему) люди, перед которыми он выступал на митингах и все смѣлѣе и смѣлѣе старался проводить свои завѣтныя мысли, облекая их, впрочем, в христіанскія формы — единственно доступныя шекерам. Наконец, он много думал и писал в это время по вопросам, близким его сердцу. Здѣсь пережил он душевное обновленіе — свое «второе богочеловѣчество». Здѣсь пытался он в обширных письмах-трактатах к бывшим товарищам по Канзасу свести концы с концами своего ученія, обосновать его исторически, изложить в опредѣленной системѣ.

И все же окружающая дѣйствительность не могла удовлетворить его.

Общины шекеров в тѣ времена уже потеряли свою первоначальную цѣльность и свѣжесть. Секта, несомнѣнно, вырождалась. Когда-то, в рѣшительном душевном протестѣ против «суеты мірской», цивилизаціи, долларовaго міра, борьбы за **личное** счастье, матеріальное и семейное, — грубые піонеры шекерства бѣжали от желѣзных дорог и сильно населенных мѣст и пытались «соединенными силами» осуществить в своих коммунах христіанскую жизнь, как они ее понимали: в безбрачіи, в отказѣ от личной собственности, в суровом личном трудѣ. Теперь в общинах, наряду с доживавшими свой вѣк стариками, появились шекеры новой формаціи — уступчивые, виляющіе, гораздо болѣе деликатные и практическіе. Появились уступки в первоначальных суровых міровоззрѣніях: секту захватили «бизнесс», стремленіе к комфорту, богатству, появился наемный труд, цивилизація проникла в коммуны вмѣстѣ с постоянными толками о прогрессѣ во всѣх частях человѣческой жизни... Выдѣлились шекеры, вѣдающіе только «бизнесс», а сами работающіе изрѣдка — даже при свободном времени; они считали себя особенной породой и помыкали своими братьями-рабочими. Эти люди соперничали между собою — кто кого перещеголяет «лавочниче-

скими» талантами. У общин оказались земли и фермы на сторонѣ, которыя обрабатывались исключительно наемным трудом. Тысячи долларов лежали в банках. Коммуны во всѣх отношеніях процвѣтали. Женская половина шекеров была гораздо цѣльнѣе мужчин, так как совершенно оторвалась от міра и боялась его. Ровная привѣтливость, одинаковый костюм, проявленія любви и уваженія к старшинам — создали внѣшнее, формальное единство, отдѣлявшее сектантов от остальнаго міра. Однако, в общем, по наблюденіям Чайковскаго, всѣ перечисленныя свойства современных шекеров еще не успѣли убить их религіознаго чувства и высокаго тона их религіозных вдохновеній. Общинники как-то сумѣли строго отдѣлить от мірской суеты свои, в сущности, узкія и устарѣлыя воззрѣнія и донести пламень первоначальнаго религіознаго подъема до настоящаго времени. Неизвѣстно, долго ли удастся им поддерживать огонь на жертвенникѣ, защищая его от дуновеній современной жизни, но пока именно этот огонь религіознаго возбужденія привлекал к ним Чайковскаго и заставлял его все откладывать и откладывать свой отъѣзд, несмотря на полное идейное расхожденіе с шекерами и на явный дуализм их жизни.

Он пишет:

— «Да, несмотря на всю страшную пропасть, раздѣляющую нас, несмотря на то, что в историческом смыслѣ мы далеко дальше их, и даже несмотря на то, что мы не можем жить с ними, тѣм не менѣе они могут помогать нам в наших душевных передрягах. Теперь понятно, что нас держит тут и что заставляет их держаться за нас. И с другой стороны, понятно, почему какая-нибудь Фрейевщина для нас и переломаннаго гроша не стоит сравнительно с их вліяніем: он уже нас, они шире, хотя и отстали; они поднимают нас, он тянет вниз, хотя оба позади нас, и они дальше, чѣм он...»

Однако, в концѣ концов узость и дуализм шекеров неизбѣжно должны были заставить Чайковскаго рѣшиться на отъѣзд. К тому же, как только Николай Васильевич отдышался немного от передряг, испытанных им в Канзасѣ, Честерѣ и Филадельфіи, — он стал мучительно переживать свое добровольное заточеніе в монастырѣ сектантов. Обновленная душа требовала дѣятельной работы на пользу людей. Горячій темперамент, возстановленная энергія толкали его снова

и снова в широкій Божій мір. Чайковскій, по своему обыкновенію, жаждал врѣзаться в самую гущу людских отношеній, и никакія религіозныя вдохновенія, никакія догматическія рѣшенія, вытекавшія из них, не могли остановить его в періоды подъема дѣятельной любви — от помоши угнетенным и страдающим **всѣми** тѣми **средствами,** какія в данный момент были в его распоряженіи.

Очень характерно в этом смыслѣ его отношеніе к революціи. Он ясно сознавал и проповѣдывал безполезность и даже вред революціонной борьбы с точки зрѣнія «богочеловѣческих» идеалов. Во время пребыванія Чайковскаго у шекеров дошли до него вѣсти о первых террористических актах в Россіи. И вот, что он пишет в своем дневникѣ по этому поводу:

30 апрѣля (1878 г.): «...В Москвѣ были безпорядки — до 3.000 студентов и рабочих, повидимому, имѣли схватку с вооруженной силой — 12 убито, 25 ранено; Засулич оправдана. Правительство в тревогѣ... Все это вызвало что-то широкое, необъятная удаль разрушенія и голос свѣтлаго прогресса будущаго послышался из этих строк — неясно, смутно и... чуждо. Это не то, не мое, не родное — был отвѣт внутренняго моего...»

25 августа. «Мезенцев убит на улицѣ русскими соціалистами. Недавно убит кіевскій жандарм. В Одессѣ вооруженное сопротивленіе властям. И все это соціализм в руках цивилизованнаго юношества — партіи новой, без традицій, без устойчивости. Что же будет, когда отрицательное направленіе попадет в руки масс, рабочаго русскаго люда? — страшно подумать! И тѣм не менѣе это неизбѣжно. Существующая дисгармонія — и экономическая, и политическая, и нравственная — дѣло цѣлой цивилизаціи и русскаго общества в частности; она требует жертв, и онѣ будут принесены; вся разница лишь в том, что одни будут принесены в жертву, как герои, как защитники справедливости, свѣтлаго и обиженнаго, а другіе — как гонители, как поборники рутины, себялюбія, узколобія и тьмы»...

Уже из этих слов ясно, на чьей сторонѣ оказался бы Чайковскій при его дѣятельной и энергичной натурѣ, если бы ему пришлось присутствовать при борьбѣ.

Надо сказать, что революцію Николай Васильевич всег-

да «уважал маленько, а подчас и порядочно». Даже в то время, когда писал Клеменцу о безполезности революціонной борьбы (1875 г.): «Старье — сам знаю, ну, да вѣдь скоро то с ним не раздѣлаешься — это мое горькое и больное мѣсто». Раздѣлаться с этим «старьем» Чайковскому не удалось почти до самой смерти.

Очутившись в Европѣ, он очень скоро примкнул к дѣятельности эмигрантов-революціонеров. И на вопрос, работал-ли он вмѣстѣ со своими прежними товарищами, — отвѣчал в 1926 г.: «духовно **нѣт,** хотя физически и политически я часто, по долгу перед родиной, помогал им в том, что они дѣлали по призванію, я же своей души этим дѣлам никогда не отдавал и в первых рядах не выступал»...

В концѣ 1878 г. Чайковскій покинул шекеров. 5-го февраля 1879 г. мы застаем его уже с семейством в Нью-Іоркѣ. Здѣсь ожидает он средств на переѣзд в Европу, которыя собирают ему друзья в Россіи. Весною 1879 года Чайковскій был уже в Парижѣ, а через полтора года, надолго перебрался в Лондон. Еще до отъѣзда из Америки, он получил от Фрея настойчивыя приглашенія остаться и образовать новую коммуну.

Он отвѣчал, между прочим:

«Зачѣм я ѣду в Европу и думаю, что всякому из нас, кто глубоко чувствует потребность полнаго обновленія людей и себя самого, нужно ѣхать туда? В Европѣ вообще запрос на такую работу сильнѣй, настойчивѣй, органичнѣй связан с теченіем самой общественной жизни. Здѣсь (в Америкѣ) оно, сравнительно, дѣло личностей, случайных положеній. — Соціалистическое движеніе имѣет опредѣленныя формы и положеніе среди всяких других элементов общества. Отправныя точки у нас с этим движеніем общія — нас могут понимать. Здѣсь же, говоря одни и тѣ же слова с народом, мы понимаем под ними совершенно разныя вещи. Національныя особенности характеризуют возможность быть понимаемым извѣстной частью русскаго общества. Здѣсь же нѣт такой почвы, а если и есть, то не под силу нашему брату, а мнѣ — в особенности».

8. «БОГОЧЕЛОВѢЧЕСТВО» ЧАЙКОВСКАГО.

Ученіе «богочеловѣчества» никогда не было изложено сколько-нибудь полно и систематически. Чайковскій боялся «доктрины, углубленія в нее, словом, мертвечины». — Из мысли — говорил он, — вѣры никогда не поймешь». Тѣм не менѣе, он не считал себя в правѣ молчать на обращенные к нему вопросы и сомнѣнія единомышленников. И в архивѣ его осталось порядочное количество писем, затрагивающих тот или другой вопрос «богочеловѣчества». Всѣ эти письма и дневник Чайковскаго относятся к 1878-79 г. г., то есть ко времени пребыванія его в общинѣ шекеров. Неудачный опыт Канзасской коммуны и бѣдствія мірской жизни в Честерѣ и Филадельфіи — были уже позади. Он отдохнул, собрался с силами и испытывал вновь душевный подъем.

Мнѣ кажется, есть возможность сдѣлать попытку собрать воедино и привести в нѣкоторую систему мысли, разбросанныя в корреспонденціи и дневникѣ Чайковскаго за указанный період. Нужно замѣтить, однако, что писанія эти отражают высшую точку развитія ученія — то, что Николай Васильевич называл своим «вторым богочеловѣчеством». Начальныя-же стадіи доктрины («первое богочеловѣчество в Россіи и Канзасѣ») можно уловить лишь из полемическаго посланія Чайковскаго к Д. А. Клеменцу, гдѣ мысли Н. В. 1875 года могут быть сведены к таким положеніям:

Господство разсчета, умствованія не может создать ничего, кромѣ рабства, бѣдности и разврата. Пора человѣку сознательно отдаться своим **инстинктам** и лишь регулировать их полную и всестороннюю работу разсудком, с глубокой вѣрой в их гармоничность и всесиліе. Вѣдь человѣк в своей коллективной обособленности — сознательная, **органическая** голова гигантскаго организма — вселенной. Он живет за весь мір, потому что в его тканях, строеніи и свойствах органов и всего цѣлаго организма запечатлѣн міровой опыт всего прошлаго. Человѣк цѣлен и гармоничен, как сам мір. Нечего опасаться, предлагая человѣку быть всегда самим собою, выливать то, что есть в груди, — только ши-

ре, шире, полнѣй! Вѣдь **любовь** (в этом нельзя сомнѣваться!) есть самое дорогое содержаніе наше — и как чувство, и как мысль, и как цѣль жизни. Мир человѣка с самим собою **неизбѣжно** порождает мир и с другими людьми и гармонію в отношеніях к космосу. Относись к себѣ, как к владыкѣ и господину вселенной, к своим побужденіям, желаніям и потребностям, как к святынѣ, не имѣющей себѣ равной, и не бойся захвата души твоей эгоизмом — в том смыслѣ, в каком слово это понимается в обыденной современности: в дѣйствительной, сознательной и святой любви и уваженіи к самому себѣ — неизбѣжно включены высшія проявленія **альтруизма.** Всѣ мечты об исправленіи человѣческаго общества насиліем, пересозданіем форм и учрежденій — должны быть раз навсегда оставлены. Болѣзнь организма не есть злая сила, которую можно вытравить, выкурить или разрушить, — избавиться от нея можно только одним путем: усиливая, развивая работу здоровых сил его, отыскивая в человѣческой натурѣ новыя чувства, которыя могли бы болѣзненный, страдальческій процесс превратить в нормальный, живой.

В этой проповѣди «перваго богочеловѣчества» — еще очень мало элементов религіи. Основными чертами изложеннаго міровоззрѣнія надо признать: **идеи утилитаріанизма** в широком толкованіи их Дж. Ст. Миллем, **любовь к человѣку, вѣру** в то, что мір (космос) является единым, цѣлостным организмом, а человѣк, послѣ его нравственнаго пробужденія, — душою, главою и владыкой вселенной, и надежду на нравственное перерожденіе людей — коль скоро они поймут, какое мѣсто занимают в міроздàніи.

О «втором богочеловѣчествѣ», пользуясь словами самого Чайковскаго, можно сказать гораздо больше. Но прежде, чѣм приступить к изложенію, необходимо отмѣтить, что и в этом ученіи мало-что было от **религіи.** Есть совершенно точныя указанія в источниках, что и Маликов, и Алексѣев, и сам Чайковскій — были атеистами во время Канзасскаго опыта. Поэтому, они могли бы вполнѣ примкнуть к опредѣленію религіи, начертанному впослѣдствіи Л. Н. Толстым: «Истинная религія есть такое согласное с разумом и знаніями человѣка, установленное им отношеніе к окружающей его безконечной жизни, которое связывает его жизнь

с этой безконечностью и руководит его поступками» (1). «Безконечное» — в мистическом смыслѣ — не очень волновало богочеловѣков. Для них это понятіе покрывалось спенсеровским **«непознаваемым».** Они благоговѣйно изучали лишь проявленія «непознаваемаго» в душѣ человѣка.

В сущности — они вѣрили в **человѣка.**

Чайковскій писал:

— До тѣх пор, пока человѣк не сознал, не почувствовал, не понял, что в реальном мірѣ нѣт ничего болѣе дорогого, святого, великаго и сильнаго, **кромѣ человѣка,** то есть **его самого и других людей** в их полной реальности — до тѣх пор он будет бороться и страдать; счастью, дѣйствительному, постоянному, а не воображаемому и временному — не бывать на землѣ; оно вѣчно будет так же призрачно, как призрачны его цѣли, его идолы. Бог небесный, идеи, двигающія человѣческим міром, богатство, власть, наука, всевозможныя формы лучшаго строя и самые идеалы — пустыя слова, не имѣющія никакого смысла и значенія помимо людей и человѣческаго общества; реальнаго существованія они не имѣют, а слѣдовательно и стремленіе к ним — мираж, пустая мечта! А чувство, страсти, одушевляющія человѣка в погонѣ за ними, сами в себѣ заключают отрицаніе самих себя, как и всего существованія человѣка. Онѣ источник и начало противоестественности существующей жизни, отношеній и наслажденій, какими живет современное человѣчество. Жертва человѣком и всѣм человѣческим во имя фикцій и фиктивнаго; долг, обязанность, право, условная нравственность, силящаяся примирить добро со злом, принцип — цѣль оправдывает средство, возмущающій каждаго и в то же время практикуемый всяким в болѣе или менѣе откровенной формѣ, и т. д., и т. д. — все это суть не больше, как дѣти своей матери, живущей в каждом и всяком современном человѣкѣ — порожденія двойственности противоестественности чувств, теперь живущаго человѣка...»

И ото всего этого спасает религія «богочеловѣчества».

«Вчера на митингѣ, — разсказывает Чайковскій, — говорил о своей всеобщей любви и сказал, что я вѣрю, что Вселенная, как отдѣльная личность, имѣет душу и что каж-

---

(1) **Л. Н. Толстой.** Что такое религія и в чем ея сущность.

дый из нас есть частичка этой души. Всякій поступок человѣка — проявленіе ея и счастлив тот, кто чувствует и понимает это и жалок тот, кто не чувствует этого... он мелок, ничтожен. Постоянно видѣть и чувствовать в каждом движеніи человѣка жизнь этой міровой души, находить в себѣ силу для этого — вот моя задача и любить каждаго человѣка, как эту міровую душу, как живую человѣческую душу — вот моя любовь; здѣсь нѣт мѣста ненависти и я не могу ненавидѣть людей».

В исторіи души отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества Чайковскій намѣчает три стадіи развитія: личную, нравственно-общественную и міровую (1).

Личный человѣк — продукт выродившагося христіанства. Христіанство появилось тогда, когда **в себѣ самом** почуял человѣк ту гигантскую силу, которая способна отворить двери лучшей, безконечной жизни, избавить от проклятія, упавшаго свыше на отцов. «Почуял в самом себѣ, как что-то доступное человѣку, управляющее им, любящее его и **всепрощающее** — и рѣшил, что это дух божій, ниспосланный к людям, сыном его, для спасенія их и откровенія истины. Первым из таких людей был Христос, в лицѣ котораго небесный отец людей свое собственное порожденіе человѣка Христа, получившаго Духа от Отца, принес в жертву за грѣх людей и опять вознес на небо. И вот теперь люди остались на землѣ со своею бѣдной, все еще проклятой плотью и вѣрой в то, что **дух** этот, Христос **дух,** то есть сила его міровой страсти, безконечно чистый свѣт его широкаго сердца, способнаго полюбить людей до самопожертвованія и простить им свою смерть, снова придет к людям, если они сумѣют **полюбить Его и в нем всѣх людей** (не живых людей, не реальных, а только духа их, отвлеченнаго в душу одного великаго человѣка Христа.). Это их **любовь.** Он одно с Отцом, а люди, любящіе его и слѣдующіе ему (т. е. его примѣру и во внутреннем состояніи и в жизни) будут составлять одно с ним. Это царство божіе. Это их **надежда.**

---

(1) Интересно сопоставить с этим ученіе Л. Н. Толстого о трех жизнепониманіях: **личном** или животном, **общественном** или языческом **и всемірном или божеском** («Царство Божіе внутри вас», IV. 1893)

«Вот и все. А плоть, бѣдная плоть, над ней тяготѣет проклятіе, она неизбѣжное зло, с которым остается лишь бороться. Здѣсь источник того **дуализма,** который составляет специфическую особенность христіанства и стоил ему таких страшных внутренних мук... Подвижничество, жертва собой, страданіе для Бога — букет христіанских добродѣтелей. Он, как живой, реальный человѣк, лишен и любви, и довѣрія: только через Христа, т. е. его духа он получает их и дает другим, только через что-то третье, какую-то силу, хотя и не чуждую человѣку, но и не тождественную с ним. Что то чуждое живому чувству наслажденія и страданія, радости и горя человѣческаго, что-то роковое, но мертвое или **отвлеченное** тяготѣет над ним и держит в цѣпях рабства. И вот, когда, по общему закону, это религіозное настроеніе начинает вырождаться, мельчать под давленіем накопляющагося житейскаго опыта и провѣрки им выводов из прежняго мірового опыта, по мѣрѣ того, как сознаніе входит все больше и больше в свои права критика, — этот античеловѣческій и дуалистическій характер христіанства выясняется вполнѣ. На мѣстѣ **духа** скоро является **закон** (свобода плюс порядок), а потом и **доллар.** Отвлеченному духу обязаны средніе вѣка своими ужасами инквизиціи, тираніею духовной и свѣтской власти, рыцарством, іезуитскими и тому подобными монашескими орденами и т. д. Смотрите, какая роль выпадает на долю **живого** человѣка во всем этом: быть всюду, всюду жертвой — то духа добра, который всюду усматривает зло и инквизирует его, то духа единой гигантской власти в руках намѣстника Божія на землѣ — папы, то помазанников-царей, императоров и т. п., но вездѣ страдательная, рабская. Даже личная любовь людей и та отравлена, заклеймена, как что-то грѣховное, потому что она не только в духѣ, но и в тѣлѣ. Отсюда понятно, что в христіанствѣ освобожден лишь дух человѣка, а плоть все еще в цѣпях — она и остается таковою до самаго конца, до послѣдних дней долларовaго міра — человѣк раб, хотя дух его и свободен. Явилась реформація, а потом и вѣк возрожденія, проснулась мысль, переправила, подмалевала стараго, порядком поношеннаго христіанина, и вот опять вспыхнул в нем внутренній огонь — он захотѣл свободы для **народа,** для **государства**: ему передается и духовная, и

свѣтская власть, ради него низвергаются цари, ради него крушится все старое, отнимаются всѣ привилегіи у церкви и цѣлой своры, сопровождавшей помазанника в его земном шествіи — дворянства. Интересы народа на первом планѣ. А гдѣ же интересы личности, живой, реальной? Опять то же христіанское противорѣчіе, дуализм — живой человѣк опять жертва высших соображеній, интересов: он свободен и в то же время раб своего коллектива — общества, народа... закон, голос большинства, интерес промышленности, торговли, государства — вот его господа.

Жизнь протестует. Человѣк, каждый человѣк хочет жить — ѣсть, дышать, любить и наслаждаться, а не только радѣть об отвлеченной фикціи — народѣ. И вот, в погонѣ за этим личным счастьем, в борьбѣ за существованіе, на карту ставятся всѣ силы человѣческаго индивида и развиваются до невозможной степени — в то время как все то, что когда то связывало христіан, а потом идеалистов — в общество, коллективное цѣлое — потеряло в его душѣ свои вліянія — христіанская любовь ко всѣм людям и благородное стремленіе принести себя в жертву за добро и благо людей, идеалистическій фантом — свобода, прогресс, порядок, закон — все принесено в жертву золотому тельцу, личному интересу: людей связывает выгода и кулак с другой стороны. Вы видите, как скрытая в самой сути христіанской идеи **нечеловѣчность** шаг за шагом реализуется все в новыя и новыя формы, пока, наконец, не выливается покупательной и мѣновой цѣнностью в **доллар,** в лицѣ котораго люди связаны точно таким же способом, как духом божіим они когда то были связаны во Христѣ. Вся разница только в том, что люди измельчали, размѣняли свое высокое и поэтическое чувство на мелкую монету (1).

Кажется, все кончено: в жизни, кромѣ муки да грязи, ничего не осталось и сердце человѣка способно лишь на самыя узкія и жалкія себялюбивыя движенія.

---

(1) В другом мѣстѣ Чайковскій иллюстрирует эти идеи анализом американской погони за долларом. Часто корыстные мотивы не только не преобладают, но даже прямо отсутствуют в этой погонѣ: с величайшими личными лишеніями человѣк всю жизнь, проявляя невѣроятную энергію, не отрываясь ни на минуту от всевозможных **«изнесов»,** — дѣлает доллары даже внѣ всякой связи с тѣм, что эти доллары могли-бы ему дать.

Но на развалинах изжитаго христіанства просыпается вѣчно обновляющаяся душа человѣческая. На сценѣ жизни появляется свободный **нравственный** человѣк, стремящійся примирить требованія плоти и духа, интересы личные и коллективные, словом, уничтожить созданный христіанством дуализм. Тут то и начинается новая исторія возрожденія души человѣческой. Сначала перед нами человѣк с **личною** (в сущности утилитаріанскою) нравственностью: он проповѣдует счастье в личном трудѣ, в принесеніи пользы людям, не забывая однако себя и своих близких, в просвѣщеніи народа, в замѣнѣ борьбы — кооперацією, в заботах о просвѣтленіи личной нравственности окружающих. Не всѣ и не всегда могут однако удержаться на таких умѣренных позиціях: нравственныя требованія растут в душѣ и мало-по-малу просыпается **общественно нравственный человѣк.** Ему невыносимо наслаждаться и быть покойным, глядя и зная, как другіе мучаются. Какой то новый червяк говорит в нем, наперекор всяким увѣреніям практики и трезваго смысла, что свѣт не передѣлаешь, — он мечется, ищет, страдает, потому что нигдѣ нѣт ему покоя — вездѣ муки, вездѣ ложь, вездѣ коробят его глубоко искреннюю и до конца доходящую во всем натуру. В основѣ его нравственности уже не разсчет, а **общественный инстинкт.** В его душѣ строится новый мір. Он неизбѣжно должен в своей головѣ строить новую жизнь, новыя идеальныя отношенія, к добыванію себѣ которых он и зовет людей. Он идеалист, он непрактиечн, постоянно увлекается, неосмотрителен, для него нѣт личной жизни, нѣт собственности, нѣт семьи, нѣт тихой радости; для него есть одно: людскія страданія, которыя не дают ему покоя. Наука, опыт в исторіи — все пускается в ход для уничтоженія зла в мірѣ. И что же в концѣ концов? Жизнь и опыт мало по малу приводят его к заключенію, что картинками лучшей жизни людей не передѣлаешь... Да, наконец, и сам то он путается, а многих практических вопросов не может рѣшить в своем идеалѣ, а зло в людях, борющихся, обижающих, несправедливых, сильных и т. п. все растет и растет в его глазах и в них, и во мнѣ, и во всяком другом... Наконец, получается вывод: **обновиться должен человѣк, стар он, изношен; внутреннее перерожденіе лишь может спасти его... Нужна, необходима новая религія.** Так возникает **богочело-**

вѣчество — «движеніе новой любви, всепрощенія мира и вѣры». В потрясенной религіозным экстазом душѣ человѣка вырастает образ Бога-Вселенной. Продуктом эволюціи космоса является человѣк, представляющій голову, мозг міроваго организма. Родится **міровой религіозный человѣк.** На основах вѣры в то, что вселенная не может не быть организмом, возникает представленіе о душѣ этого организма — міровой душѣ. Сначала богочеловѣки вѣрят, что міровая душа есть душа человѣка. Позднѣе они склоняются к мысли, что міровая душа обнаруживается во всей своей чистотѣ в душѣ человѣческой лишь в моменты религіознаго экстаза. Еще позже Чайковскій учит, уже в эпоху своего «второго богочеловѣчества» (1878-79 г. г.), что міровая душа существует самостоятельно и лишь проявляется в душѣ человѣка.

Вот подлинныя слова Чайковскаго, в которых он изображает свою собственную духовную эволюцію:

«Исторія моего міросозѣрцанія, насколько я могу уловить и припомнить:

«Послѣдніе годы революціи. Общественный человѣк, подавляющій собою личнаго человѣка.

«Богочеловѣчество (в первый період) (1): Историческій религіозный человѣк, мирящій в себѣ общественнаго и личнаго, который мало по малу превращается в міроваго религіознаго человѣка, — не как замиреніе общественнаго и личнаго, а как абсолютное в себѣ самом. В нем, на опытѣ, внутреннем чувствѣ и мысли — весь мір (потом прибавляли — в его религіозном міровом состояніи опыта). **Мір есть организм, человѣк его сознающій орган; в нем чувствуется и сознается душа цѣлаго міра,** как в головѣ человѣческой чувствуется и сознается цѣлый организм человѣка. **Таким образом человѣк — голова міроваго организма.**

Богочеловѣчество (второго періода) (2). Мір — единый, безконечный и живой организм, имѣющій организованную душу с единством чувствованія и мышленія во всем цѣлом. Человѣк — лишь часть этого организма, орган его и чувствующій и сознающій: его душа только часть міровой

---

(1) В Россіи и Канзасѣ (1874-77 г.г.)
(2) Половина 1878 г. и 79 г.

души при полном единствѣ элементов и законов их жизни. В своем особенно оживленном состояніи она как бы дорастает, сливается в своих объемах с душой цѣлой вселенной и вот тогда то мы и слышим Бога — прежде всего в себѣ самих, а потом уже и в других, и в природѣ, и в небѣ, то есть чувствуем и мыслим **космос, как одно цѣлое.** Дѣйствительно ли мы одно с ним по объему в эту минуту? — И да, и нѣт. Матеріально мы, конечно только часть его, во внутреннем же чувствѣ — да, мы сливаемся с ним, способны отличать тончайшіе оттѣнки и моменты его жизни, проникаться его безконечностью и чувствовать себя на высотѣ его и примирять в своей душѣ всякія субъективныя и объективныя противорѣчія, ибо мы живем безконечной, божественной жизнью. Отсюда совершенно естественно вытекают всѣ явленія религіозной жизни человѣка, вся исторія его жизни.

— Что же даст людям «религія богочеловѣчества»?

— Люди будут находить в органах жизнь цѣлаго организма, в частях — цѣлое, в кусочках жизни — органическіе элементы вѣчнаго и бѣгущаго в безпредѣльную даль и ширь, и глубь потока **міровой жизни.** Они будут знать, что субъективное ощущеніе счастья зиждется на нашей способности объединяться душой с цѣлой безпредѣльной Вселенной или лучше сказать — на органическом единствѣ этой Вселенной, которое в этом случаѣ только чувствуется и сказывается во всей своей полнотѣ в ея органѣ — живом человѣкѣ. Счастье этого объединенія, упоенія связанностью, глубочайшей органической зависимостью всего меня до послѣдняго волоса от цѣлой Вселенной и наоборот — есть вѣчный источник и жизни, и вѣры, и любви... В практической жизни, в объективной работѣ всегда будут цѣли и задачи, вся суть которых реализировать это счастье мірового единства — все полнѣй и совершеннѣй, от частностей доходя до мірового пространства, стремясь в концѣ концов весь реальный мір объять одной цѣльной реакціей внутренняго с внѣшним и вылить в одном цѣльном и кипучем **процессѣ жизни,** полном и вѣры, и любви, и энергіи, которому нѣт конца, нѣт и рамок.

«Нигдѣ нѣт остановки тупого довольства, потому что куда ни прогрессируй, а всего космоса всетаки не захватишь практической дѣятельностью: вѣчно видим горизонт и никогда — сліянія неба с землею. А с другой стороны, вѣчно новыя и вѣчно счастливыя минуты душевной полноты, счастья, единства со Вселенной — продолжают давать импульсы и родить новую и новую энергію — наперекор всѣм неудачам и препятствіям. Одного там не будет и не может быть — отчаянія, смерти душевной, безцѣльности жизни.

«Итак, минуты полноты субъективной жизни суть источники счастья и энергіи. Объективныя цѣли и жизненный процесс суть аттрибуты стремленія в сознательном, дѣятельном реализовать это счастье мірового единства». «...Человѣк пришел к необходимости расширить самое свое представленіе о мірѣ, о безконечном, понять его не в величіи его сокровенной сути и первоисточника, а в величіи его гигантской и реальной цѣлости, гармоничности и самоопредѣляемости.

«Таким образом, вся сознательная жизнь Вселенной в лицѣ людей (а, конечно, и безсознательная в лицѣ других форм органической и неорганической природы) сводится к безконечному стремленію ея органов жить и работать объединенными, связанными с их органическим цѣлым — с **Міровым Богом живым — Вселенной,** которую они сами со всѣми своими особенностями и составляют, как организованное цѣлое, и вѣра в возможность этого; энергія жизни безпрерывно возрождается из субъективных ощущеній в себѣ самом, в самой индивидуализировавшейся живой ткани, в безконечном опытѣ прошлаго — уже существующаго и сознательно еще не реализированнаго единства. Это высшая цѣль существованія. Формы ея безконечно разнообразны.

Сравнительно с этими высокими перспективами, идеалы нравственно-общественнаго человѣка кажутся Чайковскому значительнѣе уже богочеловѣческих. Он пишет:

«Рѣзкое очевидное отличіе мірового человѣка от общественнаго человѣка — их представленіе о желательном лучшем, положительно возможном.

«Возможность удовлетворить свои потребности матеріальныя, эстетическія, общественныя и нравственныя, не нарушая интересов других и будучи гарантирован от дав-

ленія и насилія в мнѣніях и дѣйствіях со стороны других, то есть иначе — сыт, одѣт, в теплѣ, в скромном комфортѣ, дѣятелен на пользу общую, интеллигентен и знающ, окруженный довольством подобных же людей извнѣ — вот общій тип человѣка, который с такими или другими уклоненіями туманно рисуется всякому и мирному и немирному соціалисту нашего времени.

«Стремящійся обладать и обладающій возможностью пользоваться всѣми богатствами природы в цѣлом мірѣ, всѣми ея красотами и разнообразіем, всѣми силами и способностями и талантами всѣх людей и своими собственными, всѣм геніем человѣческой и всякой другой природы, всей суммой разнообразных способов труда, творчества, мысли, воспитанія, дѣятельности, всей безграничной творческой и разрушительной силой своей собственной натуры во имя, на пользу, ради красоты, чистоты и безграничной гармоніи живого, мірового человѣка, индивидуально-коллективно-вселенскаго; во имя личности, сливающейся в своем страстном порывѣ жизни и дѣятельности, со всѣми людьми, со всей реальной природой и их требованіями, нуждами, порывами... Вот тип новый, мірової, религіозный. Ему узка семья, узок ограниченный комфорт, узка работа для себя, узка и дѣятельность на пользу других людей; ему нужны цѣли, освященныя прямо мірової волей, требованіем, необходимостью цѣлой Вселенной — живой в его необъятном порывѣ, широком и страстном мірovом чувствѣ».

Основой «богочеловѣчества» Чайковскій считал **религіозное состояніе.** Объясненіе, примиреніе и освѣщеніе наукой, требованіями жизни — приходят потом и стоят на втором планѣ.

«Религіозное состояніе» у современнаго, «переходнаго» человѣка не может держаться постоянно. Это дѣло **религіознаго экстаза,** очень напоминающаго «минуты вѣчной гармоніи» у Кириллова («Бѣсы» Достоевскаго). Чайковскій описывает свои экстазы так: «Ты опять слышишь в себѣ пульсацію и дыханіе цѣлой Вселенной и опять за обыденным сырым фактом видишь и в людях, и в жизни —

вѣчное, безконечное, примиряющее собою всю противорѣчивость сырья». — «Да, безуміе думать, что новая, коллективная жизнь людей возможна на какой-нибудь почвѣ кромѣ того живого, вѣчно движущагося и обновляющаго чувства, состоянія, настроенія или как хотите, которое мы теперь чуем в себѣ лишь по временам, минутами, так что-то экстренное, случайное и даже неестественное; мы, конечно, не можем считать естественной ту лихорадочную экзальтацію, которой для нас эти минуты сопровождаются, но это дѣло времени — дорога суть этих состояній. И сладко-то тебѣ дышать этой широкой, безконечно свѣтлой и всепрощающей волной и в то же время страшно воротиться опять в ту тьму, мертвящую путаницу житейскаго сора, в отвѣт на который из твоей души слышатся только какіе то отрывочные, рѣжущіе ухо, дикіе звуки, что-то болит, сжимается в тебѣ, молит о пощадѣ, о покоѣ и, не получая его, рѣзко, отчаянно протестует.

«Ты чувствуешь, что тебя что-то тянет вниз, какой-то безпорядок появляется в твоей головѣ, на свѣтѣ только-что пережитых высоких минут появляются темныя пятна — сомнѣнія, страх, упадок энергіи и горечь, горечь без конца наполняет твое сердце. Иначе и быть не может — терять то, чѣм **только и красна** твоя жизнь (не только твоя — всѣх людей во всѣ времена) — равнодушно нельзя. Но почему же она не цвѣтет постоянно, почему мы не можем вѣк оставаться в этом свѣтлом, чистом состояніи, которое так легко, просто и в то же время без конца широко рѣшает и понимает всевозможныя житейскія трудности и понимает, чует за дрязгами, смущающими в это время душу — нѣчто глубокое, человѣческое, живое, — видит за ними **живую душу человѣка,** а не бездушную силу, которая достойна за свои поступки лишь мертваго судейскаго приговора по буквѣ и духу закона»?

Религіозные экстазы необходимо сопровождаются у Чайковскаго ощущеніем міровой гармоніи и чувством всепрощенія: дурных поступков, преступленій не существует, нравственной распущенности — тоже; в так называемых преступниках видит он «глубоких трагиков» — и только.

«Если человѣк сам думает, что его поступок дурен, он ошибается, не чует и не сознает того освѣщенія, из кото-

раго вытек поступок, а оно непремѣнно есть и рано или поздно будет сознано и сдѣлается новым свѣтом для человѣка. Да и в этой неспособности почуять свою правоту — все глубокое несчастье этих людей. Они жили бы полной и высокой жизнью, если бы могли сознавать и вѣрить в правоту всякаго своего поступка, в святость и неприкосновенность велѣній души человѣческой» (1).

Но чувства гармоніи и всепрощенія возникают лишь во время религіозных экстазов. В промежутках ощущается упадок, особенно часто и сильно проявляющійся в міру.

«Дѣло очевидное, что меня дѣлает таким инертным, безпомощным среди цѣлой стихіи мертваго старья, среди царства доллара, и что меня заставляет искать сообщества друзей, лично-общинной жизни. Это моя непригодность к этой формѣ выраженія своего содержанія и внесенія его в жизнь. Прожить, просуществовать я там (в міру), конечно, смогу, но этого мало. Уже одна эта **жалость жизни душит меня,** а между тѣм все остальное задавлено, не живет, потому что оно слабо: оно не в силах идти напролом, рѣзать с плеча правду всякому и вездѣ, не прислушиваться к окружающему, не обращать вниманія на стоны и проклятія людей»...

И вот в душѣ Чайковскаго зрѣет сознаніе, что жить в міру, с подавленной психикой, осуждая людей и борясь с ними, без надежды на близкое обновленіе души религіозным экстазом, — вовсе не его дѣло: — «Я могу вносить в движеніе свою долю только не этим путем — у меня нѣт смѣлости и отваги для этого, а отсюда очевидно и умѣнья быть самим собой, не прилаживаясь и не подчиняясь окружающему. Ко всему этому нѣт той ясности мысли, художественной образности выраженія, быстроты и находчивости, которыя необходимы для этого. Мое дѣло жить среди своих людей и писать в тот мір — вот и все».

Но такая программа требовала устройства коммуны. И Чайковскій, дѣйствительно, вновь и вновь возвращается к мысли выбрать «из худшаго лучшее» и создать — не прежнюю, Канзасскую, сборную коммуну, а «семью — общину

---

(1) Совершенно как у Кириллова: «Надо им узнать, что они хороши, и всѣ тотчас-же станут хороши, всѣ до единаго...»

единомышленников». Он надѣется, что там болѣе часты будут его религіозные экстазы. Он даже знает и описывает чисто внѣшнія условія, которыя могут сдѣлать появленіе религіозных вдохновеній болѣе обычными.

Мечты о жизни в общинѣ единомышленников и о постоянном духовном обновленіи среди них в религіозных экстазах — были чрезвычайно дороги Чайковскому.

«Я не могу, — писал он, — не жить этими чувствами и этими мыслями, когда только в них я и чувствую себя самим собою, чѣм-то без конца высоким, сильным и чистым; за них я уважаю, горячо и широко люблю себя. Не могу, говорю, и не хочу»...

Слова эти начертаны в письмѣ к другу, который уговаривал Николая Васильевича спустить с неба на землю его заоблачныя мечты и сдѣлать их пріемлемыми для людей.

И, несомнѣнно, ученіе Чайковскаго нуждалось в этом. Что касается «семьи - общины единомышленников», то вѣдь и она состояла-бы все же из **людей**. Они неизбѣжно должны были принести с собою свои особенности, свое прошлое, свои различные темпераменты, различные оттѣнки понимания «богочеловѣчества». И **в лучшем случаѣ** в жизни такой общины необходимо должны были возникать постоянно хотя-бы только тѣ недоразумѣнія, которыя так обычны во всякой семьѣ. На фонѣ подобных разногласій трудно было бы всегда поддерживать «жизнь высоким тоном».

Но и помимо того, в самой идеѣ предаться в богочеловѣческом монастырѣ религіозным вдохновеніям — Чайковскій не мог не видѣть коренного порока. И в самом дѣлѣ, он писал:

«Отрываться от пуповины того общества, тѣх людей и тѣх воззрѣній, которые породили нас на свѣт Божій, безнаказанно нельзя. И как бы ни была велика и жизненна наша внутренняя творящая сила, создающая новыя формы жизни, ея одной мало. Из ничего творить нельзя. Нужна обстановка, нужны люди, короче говоря, нужны впечатлѣнія, которыя, будучи уподоблены и переработаны, давали бы новые психозы и живыя настроенія, а слѣдовательно и новые толчки для дальнѣйшей жизни...»

Община (даже идеальная) могла бы дать лишь времен-

ный отдых. И обновленная душа Чайковскаго неизбѣжно вновь потребовала бы возвращенія в мір и активной работы на пользу людей.

9. ЭПИЛОГ.

3 января 1878 г. Лев Толстой писал Страхову: «У меня живет учителем математики кандидат Петербургскаго Университета, прожившій два года в Канзасѣ, в Америкѣ, в русской колоніи коммунистов. Благодаря ему, я познакомился с тремя лучшими представителями крайних соціалистов, тѣх самых, которые судятся теперь. Ну, и эти люди пришли к необходимости остановиться в преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозной основы (1).

Толстой говорит о В. И. Алексѣевѣ, жившем в Ясной Полянѣ с осени 1877 г. Воротясь из Америки, Алексѣев «буквально голодал». Знакомые предложили рекомендовать его Толстому на должность домашняго учителя. Испугавшись графскаго титула, Алексѣев отказался наотрѣз. Но его уговорили. Прибыв в Ясную Поляну, он поселился сперва на деревнѣ, откуда ходил на уроки в усадьбу; позднѣе он перебрался во флигель. С Толстым у Алексѣева установились довольно теплыя отношенія. Он прожил в Ясной до 2 іюня 1881 г. Прожил-бы и дольше... но по отношенію к нему у гр. Софьи Андреевны разыгралась (в малом масштабѣ) ревность вродѣ той, которую она испытывала впослѣдствіи к Черткову. Толстой переживал в то время самые тяжелые моменты душевнаго кризиса, в котором Софья Андреевна не могла и не хотѣла принять участія. Тихій, кроткій и весьма деликатный учитель обратил на себя вниманіе великаго писателя. Они сблизились, и Толстой охотно дѣлился с Алексѣевым своими переживаніями. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать Василія Ивановича «разлучником» в представленіи Софьи Андреевны. К тому-же Алексѣев вел крайне «опрощенную» жизнь: старался все дѣлать для себя сам, — шил платье, точал сапоги, не брезговал никаким физиче-

---

(1) Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПБ. 1913, стр. 140

ским трудом и, помогая бѣдным, старался «не откупаться от них двугривенным», а помогать им собственными руками. Все это не только очень нравилось Льву Николаевичу, но и заражало его, вызывало подражаніе. Повидимому, именно Алексѣев натолкнул Толстого на шитье сапог и обучал его этому дѣлу на первых порах. «Юродства» подобнаго рода чрезвычайно раздражали Софью Андреевну, и раздраженіе это переходило на личность Алексѣева. Сам Толстой очень точно изображает роль, которую сыграл в его жизни Алексѣев, — в одном письмѣ к нему конца 1881 г.:

«Спасибо вам за хорошее письмо, дорогой В. И.! Мы как будто забываем, что любим друг друга. Я не хочу этого забывать — не хочу забывать того, что я вам во многом обязан в том спокойствіи и ясности моего міросозерцанія, до котораго я дошел. Я в вас узнал перваго человѣка (тронутаго образованіем) не на словах, а в сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала ясным и непоколебимым для меня свѣтом. Это заставило меня вѣрить в возможность того, что смутно всегда шевелилось в душѣ. И потому вы, как были, так и останетесь (мнѣ) всегда дороги» (1).

Хотя в том же письмѣ Толстой и радуется, что у них с Алексѣевым «вѣра одна», но это относится, конечно, не к первоначальному православію Толстого, не к его нападкам на церковь, ни тѣм менѣе — к «богочеловѣчеству» Алексѣева. Послѣдній к тому же был весьма мало ортодоксальным «богочеловѣком» даже в 1878 г. и, хотя готов был признать значеніе яснаго пониманія «мірового человѣка», но никак не мог себѣ его представить (2). Очевидно, Толстой имѣет в виду общее настроеніе «богочеловѣков» и многочисленныя нити, которыми переплеталось их ученіе со складывавшимися новыми его взглядами. Толстой чрезвычайно интересовался «богочеловѣчеством»; он познакомился, видѣлся не раз и переписывался с Маликовым. К сожалѣнію, письма его к Маликову не сохранились. Чрезвычайно интересовался Толстой и Чайковским. Он постоянно разспрашивал о нем всѣх пріѣзжих из-за границы и в 1880 г. даже заѣзжал в Петербургѣ к Лорис-Меликову, прося его разрѣшить Чай-

---

(1) Письма Л Н. Толстого, I, М. 1920, стр. 136.
(2) Архив Чайковскаго. Письма В. И. Алексѣева.

ковскому въѣзд в Россію. Но диктатор отнесся к этой просьбѣ довольно холодно. Николай Васильевич познакомился в Парижѣ с Тургеневым и, когда Иван Сергѣевич в концѣ апрѣля 1880 г. пріѣхал в Ясную уговаривать Толстого принять участіе в Пушкинских торжествах, Лев Николаевич немедленно принялся разспрашивать о Чайковском. Тургенев очень рельефно очертил Николая Васильевича, но разводил руками и «ничего не понимал».

— Спрашиваю его о воспитаніи: какое нужно воспитаніе?

— Говорит: Не знаю.

— А какія нужны учрежденія?

— Не знаю.

— Так чего-же вы желаете?

— Как мнѣ прожить хорошо...

Толстой был в восторгѣ.

Между прочим, Тургенев очень живо описал наружность Чайковскаго. Алексѣев был удивлен только тѣм, что, по словам знаменитаго беллетриста, у Чайковскаго было «длинное лицо и борода клином». Но Алексѣев, вѣроятно не узнал-бы своего друга при свиданіи. С портрета 1880 года смотрит уже не тот молодой человѣк, котораго он знал, не типичный интеллигент начала семидесятых годов, преисполненный энтузіазма и задора. — Нѣт! перед нами — зрѣлый муж пасторскаго вида — спокойный и вдумчивый. Жизнь провела уже по этому прекрасному лицу глубокія морщины. А сильно похудѣвшія щеки, обрамленныя большою, солидною бородою, дѣйствительно, дают **впечатлѣніе** удлиненнаго овала...

Между ученіем Толстого, созидавшимся в то время, и «богочеловѣчеством» — много точек соприкосновенія. Толстой, правда, относился совершенно равнодушно к вѣрѣ во вселенскій организм, в міровую душу, в мірового человѣка и т. п. Все это замѣнялось у него неопредѣленным понятіем чего-то «невидимаго, безтѣлеснаго, без начала и конца, которое дает жизнь всему существующему и без котораго ничего бы не было». Это непостижимое для людей на-

чало называет он «Богом». Велѣнія «Бога» или «воля Пославшаго» ощущаются и могут быть познаны лишь душою человѣка — точнѣе — его разумом и совѣстью. Поэтому Толстой, как и послѣдователи Маликова, вѣрил **в реальнаго человѣка,** был убѣжден, что в душѣ каждаго — абсолютное добро, соединяющее людей любовью. Любовь эта является частицею любви, разлитой в мірозданіи. Человѣк может падать духовно; тогда он лишается высшаго счастья, возможнаго на землѣ. Но бороться с пороками нужно, неся людям **разумѣніе** их истиннаго счастья, а отнюдь не насиліем. Из этих основных положеній — общих обоим ученіям — вытекали многіе практическіе выводы — также весьма близкіе. Вспомним желаніе жить трудом рук своих, не отнимая ничего от народа, земледѣльческія колоніи, отношеніе к собственности и многое другое. В одном, впрочем, Толстой разошелся рѣшительно с «богочеловѣками»: он вѣрил только в **душу** человѣка, проповѣдуя энергичную борьбу с «похотями тѣла». В этом он стоял безусловно на почвѣ христіанскаго «дуализма», а «богочеловѣки» ждали откровеній истиннаго житія от вольнаго развитія, во всю ширину и глубину, **всѣх инстинктов** человѣка, оставляя на долю разсудка лишь регулировать наиболѣе полную и всестороннюю работу этих инстинктов. Всякій дуализм они отрицали, вѣруя в **цѣльнаго человѣка,** душа и плоть котораго представлялись им — одинаково продуктом и высшим достиженіем міровой эволюціи. Совсѣм не по толстовски относились богочеловѣки и к **наукѣ,** которую почитали с юношеских лѣт и стремились всегда найти в ней данныя для обоснованія своих вѣрованій ея «послѣдними словами».

В этом отношеніи они гораздо ближе стояли к «религіи Человѣчества». За то проповѣдью борьбы с «похотями тѣла» — «Фрейевщина» тѣснѣе смыкалась с ученіем Толстого.

Сам Фрей додержался в Америкѣ лишь до 1884 г. Вмѣстѣ с семьею и вѣрными послѣдователями он прибыл в Англію и здѣсь, на окраинах Лондона, — основал религіозную коммуну позитивистов. Коммуна устроила типографію. Когда дѣло не пошло, создана была пекарня грэхэмовскаго вегетаріанскаго хлѣба. Но дѣла шли все хуже и коммуна еле существовала, доводя потребности своих участников до минимума. Тѣм не менѣе, Фрею в 1885 г. удалось раздобыть денег для

поѣздки в Россію. Он отправился туда для пропаганды религіи человѣчества. В Петербургѣ он познакомился с запрещенными сочиненіями Толстого, узнал, какую роль Лев Николаевич играл в духовной жизни русскаго общества, и рѣшил во что бы то ни стало сдѣлать Толстого проповѣдником Контовской религіи. Одно смущало Фрея: фразеологія Толстого, его постоянные разговоры о Богѣ, его приверженность к евангелію — заставляли яраго позитивиста опасаться, что Лев Николаевич стоит еще на «теологической» или «метафизической» ступени развитія. Тѣм не менѣе, Фрей написал для Толстого подробное изложеніе принципов религіи Человѣчества и, отправляя в Ясную этот трактат, умолял великаго писателя отказаться от христіанства и стать под знамена ученія Огюста Конта.

Получив блестящее, почтительное, но смѣлое письмо Фрея, Лев Николаевич немедленно пригласил автора в Ясную. Здѣсь в октябрѣ 1885 г. провели они пять дней в мирной и любовной бесѣдѣ. Толстой успокоил Фрея: «воля Бога» — говорил он, — в его писаніях употребляется, как синоним и замѣна слов: «законы природы»; в словах Христа он, Толстой, видит «ряд простых, очевидных, ясных, несомнѣнных нравственных истин, которыя выдѣляются из хаоса ложных и обманчивых людских сужденій... и если бы Лев Николаевич «нашел такія истины у Каткова, он сейчас же невольно их принял...» (1). Опасенія Фрея относительно «метафизичности» и «теологичности» сужденій Толстого — отпали. Но все же сговориться не удалось. Фрей написал еще ряд писем Толстому и протокол их свиданія. По просьбѣ его, Лев Николаевич начертал ряд любопытных замѣчаній на полях Фрейевских трактатов. Но он не только не сдѣлался проповѣдником религіи человѣчества, но при втором свиданіи с Фреем (в Москвѣ) — прочел ему только-что написанную главу XXX своей новой работы («Так что-же нам дѣлать?»), в которой он весьма сурово критиковал позитивную философію и Огюста Конта.

---

(1) По мнѣнію Толстого, дѣло вовсе не в том, чтобы создавать схемы нравственности, нужны только указанія на то, что если человѣк бьется «головой об стѣну, у него будут шишки на головѣ» (Замѣчаніе Толстого на полях одного из писем Фрея) («Русскіе Пропилеи, т. I, стр. 320).

«Все это было очень хорошо, — писал он о позитивизмѣ, — одна только была ошибка, а именно та, что все это зданіе было построено на пескѣ, на произвольном утвержденіи о том, что человѣчество есть организм. Утвержденіе это было произвольно потому, что для того, чтобы принять существованіе не подлежащаго наблюденію организма человѣчества, мы имѣем ровно столько же права, как признать троичнаго Бога и тому подобных теологических положеній! Неправильно же было это утвержденіе потому, что к понятію человѣчества, то есть людей, неправильно было присоединено опредѣленіе организма, тогда как в человѣчествѣ отсутствует существенный признак организма — центр ощущенія или сознанія...»

Огорченный Фрей уѣхал в Англію. Он умер в Лондонѣ 5 ноября 1888 г. от болѣзни сердца и почек. Перед смертью он писал своим русским друзьям: «Через нѣсколько дней я сольюсь с человѣчеством»; и просил их, из любви к послѣднему, читать письма к Толстому, в которых им, Фреем, сдѣлано все возможное для привлеченія хороших людей к религіи Огюста Конта. Личныя встрѣчи с Вильямом Фреем оставили в Толстом самыя пріятныя воспоминанія (1).

А. К. Маликов, по возвращеніи в Россію, испытывал медленный процесс духовнаго перерожденія. Его уже не удовлетворяла прежняя философія «богочеловѣчества», и он искал болѣе реальнаго и дѣйствительнаго Бога. Алексѣев жалуется Чайковскому, что «теологія Капитоныча» (Маликова) «становится ему вовсе не по плечу», а письма основателя религіи богочеловѣчества кажутся иногда «приторными и несоотвѣтственно восторженными». Слог Маликова и его пафос вообще очень своеобразны и, чтобы дать о них понятіе, я приведу здѣсь одно из писем Александра Капитоновича того переходнаго періода:

---

(1) Письма Фрея к Толстому напечатаны у Эльпидина (Женева, 1887 г.) и в I томѣ «Русских Прописей» Гершензона. Біографія Фрея написана Рейнгардтом и выпущена в Казани в 1889 г. под названіем «Необыкновенная личность». О сношеніях Фрея с Толстым см. статьи П.И. Бирюкова.

«Хотѣл-было отложить на нѣсколько дней отвѣт к тебѣ, друг Николай, да нѣт, сердце не терпит — хочется говорить с тобою сейчас-же по полученіи твоего письма. Твердыми и гигантскими шагами идешь ты к Богу безконечному. Этих слов твоих я никогда не забуду уже: «Родился я (міровой человѣк) и моею душою немыслим я больше ни в семьѣ, ни в корпораціи, ни в партіи, ни в націи... шире-шире, как сама міровая душа, дайте мнѣ сферу жизни, иначе я — не я, а призрак!» — Великія, святыя слова! О, одинокая, о, тоскующая, рвущаяся к свѣту и Богу душа наша! Да, Николай, жизни, жизни необъятной, дѣятельной нужно нам, иначе не выдержит голова, сгорит сердце, как сказал я в предыдущем письмѣ. Не помню гдѣ-то Бог говорит своим людям: «не жертвы хочу от вас, а вѣры», вѣры в Мою силу, в Мое могущество, любовь и правду. Боже мой! неужели может быть такое счастье? не святотатствую ли уж я, когда я слышу, какую бурю поднимает этот бездонный океан души моей при этих словах — бурю, в которой я слышу всю неизмѣримую глубь, чую все могущество воли Божіей, как воли цѣлой вселенной. Нѣт, не святотатство то, потому что горячія слезы готовы брызнуть из глаз моих и я слышу все счастье отдаться в руки Божіи. Да, тысячу раз да, я жажду, я жадно молюсь, чтобы чуяла и слышала душа моя волю Божію. «Не жертв я хочу от вас, а вѣры». И какой вѣры, Николай? Той вѣры, которая говорит мнѣ, что я со всѣми необъяснимыми своими Богочеловѣческими силами — лишь незамѣтная точка в океанѣ безконечной божественной жизни; та вѣра, чрез которую нынче царит в душѣ міровая тоска и горе, завтра блестит величайшее Солнце Божіей правды, — вѣры, которая говорит: нынче ты слѣп и слаб и жалок, а завтра гигант; вѣры, которая безсмертна, как безсмертна жизнь, которая есть тот могучій гул, долетающій до нашего сознанія того безбрежнаго, бездоннаго, необъятнаго океана, который называется человѣческой душою. И вот она-то — эта вѣра повергает меня на колѣни перед моим Богом и заставляет меня молить, молить Его о счастіи повѣдать тайны Божіи, и склониться во благоговѣніи перед неизвѣданными глубинами этих тайн. Живи же каждый во всю силу того, во что исповѣдуешь и вѣришь, живи искренно и чисто и тогда все исполнится по слову того великаго богочеловѣческаго сердца, того истиннаго

Сына Божія, который сказал: бремя мое легко есть, блаженны чистые сердцем, так как тѣ Бога узрят; тогда исполнится, что и грош, один жалкій грош, бѣдной вдовицы будет равен милліонам богача. Итак, что бы ни было, как бы ни велик был труд, как бы ни велика была тоска и горе жаждущаго, страждущаго, томящагося человѣчества, — океан взволнуется наконец, и вѣра хлынет из его живой и страдающей души — хлынет и зальет его горе, просвѣтит тьму и загорится солнце любви и правды Божіей на новое поприще иной жизни!.. Руку же, руку твою, друг мой, брат мой, товарищ мой дорогой, и да исполнятся слова Божіи, да придет царство и воля Его!..» (1)

В 1881 г., при исключительно трагических обстоятельствах, описанных Короленко (2), скончалась в Перми вторая жена Маликова — прелестная К. С. Пругавина (сестра извѣстнаго изслѣдователя раскола). Она совершенно раздѣляла воззрѣнія мужа и была с ним в Канзасѣ.

Эта неожиданная утрата произвела на Маликова потрясающее впечатлѣніе и, вѣроятно, ускорила его обращеніе в православіе. Как бы то ни было, однажды он, по собственному разсказу (3), «перепугал всѣх своих домашних восторгом и радостью», когда вдруг громко провозгласил молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныніа, любоначалія и празднословія не даждь ми. Дух же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви даруй ми, рабу Твоему». С этих пор он почувствовал себя православным. «Отче наш» и Символ вѣры — сдѣлались его философіей; он познал Бога-Отца, Сына-Христа и Духа Святого, а через них свои обязанности к людям.

Маликов служил в разных частях Россіи — преимущественно на желѣзных дорогах. В трудныя минуты его карьеры неизмѣнно приходил ему на помощь старый благопріятель — Побѣдоносцев.

Маликов в 1904 году состоял при постройкѣ Полоцк-Сѣдлецкой линіи агентом по отчужденію имуществ. Разъѣзжая по деревням Виленской губерніи, он заразился сыпным

---

(1) Архив Н. В. Чайковскаго. Письмо А. К. Маликова от 27 апрѣля 1878 г.

(2) **В. Г. Короленко.** Исторія моего современника, т. IV.

(3) **А. Фаресов.** Один из семидесятников. В. Е. 1904, сентябрь.

тифом и скончался через двѣ недѣли послѣ этого (8 марта 1904 г.).

В. И. Алексѣев, оставив Ясную Поляну, «сѣл на землю» и долго жил в Самарском имѣніи Толстого, арендуя у него нѣсколько десятин. Позднѣе он вернулся к обычным интеллигентским условіям существованія. В 1914 г. он посѣтил могилу Толстого и В. Ф. Булгаков дал в своем дневникѣ (1) описаніе этого посѣщенія. Алексѣев был в то время уже директором коммерческаго училища и жил с большою семьею в полном достаткѣ в Нижнем Новгородѣ. По впечатлѣніям автора, друг молодости Чайковскаго сохранил «душу живую и совѣсть чуткую». Он очень трогательно разсказывал, что в старости у него одно чувство: **благодарности** и благодарности за жизнь тому, кто ее дал.

— «Моя жизнь такая была разнообразная! — говорил он. — Мнѣ Бог дал все испытать, всего попробовать: хочешь этого — возьми это, хочешь того — возьми то!.. Я иду по улицѣ и вижу безногаго нищаго. И я спрашиваю: почему он, а не я? Почему **меня** Бог сохранил? За что мнѣ это?!.

Приближаясь к концу, он чувствовал, что «одно только ясно: надо жить по Его высшей волѣ».

В 1918 году (уже при большевиках) он оставался еще во главѣ училища.

Разнообразная, бурная жизнь Чайковскаго разсказана другими авторами на страницах этого сборника. В послѣдніе годы покойный исповѣдывал православіе.

Внѣ всякаго сомнѣнія, религія «богочеловѣчества», и послѣ распаденія Канзасской коммуны, еще долго согрѣвала сердца своих послѣдователей. Но ея специфическія особенности мало-по-малу блѣднѣли и гасли. Едва ли очень долго могли сохраниться фантастическія представленія о вселенском организмѣ, о міровой душѣ, об ея эманаціи — душѣ

---

(1) **В. Ф. Булгаков.** В осиротѣвшей Ясной Полянѣ. Голос. Мин. на чужой сторонѣ, 1928, № 6.

мірового человѣка и т. п. Отпали, вѣроятно, надежды и на второе пришествіе, то есть на эволюцію христіанства, которое должно освободить **плоть** от проклятія, принося **цѣльному** человѣку счастье на землѣ...(1).

Но несомнѣнно в сердцах «богочеловѣков» остались навсегда интуитивныя, нравственныя основы, на которых покоились их «религіозныя» мудрствованія.

Л. Н. Толстой в глубокой старости спросил себя как то: «вѣрю ли я? Точно-ли вѣрю в то, что смысл жизни в исполненіи воли Бога, воля же в увеличеніи любви (согласія) в себѣ и мірѣ, и что этим увеличеніем, соединеніем в одно любимаго, — я готовлю себѣ будущую жизнь? — И невольно отвѣтил, что не вѣрю так, в этой опредѣленной формѣ. Во что же я вѣрю? — спросил я. И искренно отвѣтил, что вѣрю в то, что надо быть добрым, смиряться, прощать, любить. В это вѣрю всѣм существом» (2).

Так же мало осталось, вѣроятно, в концѣ концов, и от религіи «богочеловѣчества». Послѣдующая жизнь ея адептов переносит нас к той бесѣдѣ двух русских юношей, которая происходила в 1872 г. на скамейкѣ Большого проспекта, в Петербургѣ. «Завѣты юности» вытекали из интуитивных чувствованій, которыми полны были сердца идеалистически настроенных молодых людей. Эти чувствованія были навѣяны вовсе не мимолетным настроеніем: они отражали любящія, свободолюбивыя и экзальтированныя натуры и, дѣйствительно, сдѣлались завѣтами поведенія на всю жизнь.

Но пришла минута, когда Чайковскій затосковал по **«абсолютной правдѣ»** и **«абсолютному добру».** Туманныя интуиціи уже не удовлетворяли. Явилась потребность «совмѣстить живое, непосредственно-живое чувство с широким философским пониманіем».

Декламація Маликова послужила Чайковскому исходным пунктом. С необычайным энтузіазмом Николай Васильевич развивал самостоятельно дальше идеи новой религіи. Онѣ оставались всегда нѣсколько туманными — быть может, по-

---

(1) Тема эта, как извѣстно, разработана впослѣдствіи совершенно самостоятельно в блястящем трактатѣ Д. С. Мережковскаго «Л. Толстой и Достоевскій», т. .т. I и II.

(2) Дневник. Запись 30 августа 1900 г.

тому, что проповѣдник был прежде всего **лириком** и привык **изливаться,** а не учить (1).

Как мы видѣли, стремленіе к познанію абсолютных истин, притяженіе к религіозным вопросам — вовсе не было исключительным достояніем «богочеловѣков». Даже в семидесятых годах, среди реалистически настроенной передовой молодежи обнаруживались попытки созданія новой религіи, основанной на разумѣ, близкой к наукѣ, с вѣрой в человѣка и, по возможности, без мистики и без Бога.

Выше приведены примѣры подобных теченій. Но Чайковскій в попыткѣ такого рода не был ни «придавлен своей идеей», как Вильям Фрей, ни «раздавлен» ею, как Кириллов у Достоевскаго.

Он оставался всегда живым и ищущим человѣком. Его сила была в его интуиціях. Его внутреннее чувство опредѣляло его поведеніе.

Перед смертью, оглядываясь на свою долгую жизнь, он понял, какое рѣшающее значеніе имѣла для него всегда **интуиція** и как мало вліяли на его поступки — сознательно выработанныя схемы, программы и религіозныя мудрствованія.

И одно из поздних писем (от 25 октября 1925 г.) он кончает таким замѣчаніем: «было это, очевидно, потому, что, как сказано у ап. Павла в посланіи к Коринѳянам:

«Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну».

Тихон Полнер.

---

(1) Так думал о себѣ сам Чайковскій.

В ЭМИГРАЦІИ.

I.

В этом очеркѣ я хочу разсказать про період жизни Н. В. Чайковскаго, обнимающій болѣе тридцати лѣт. Я не собираюсь дать подробную исторію этих тридцати лѣт, а остановлюсь только на выдающихся моментах. В теченіе этих тридцати лѣт Н. В. Чайковскій, как будто бы, мѣнял свои воззрѣнія: он был богоискателем, народовольцем, анархистом, соціалистом-революціонером и народным соціалистом. И эти кажущіяся измѣненія должен прежде всего объяснить тот, кто знакомится с душевной жизнью Н. В. Чайковскаго Объясненіе, мнѣ кажется очень просто. В Ник. Вас. Чайковском **всегда** жила только **одна** индивидуальность: искателя, имѣвшаго постоянно перед собою лишь одну цѣль. У Дидро в его Interprétation de la Nature есть искатель, пытающійся темной ночью выбраться из густого лѣса. Искатель этот точно знает, куда он идет; он знает также, зачѣм ему надо идти, но он колеблется, какую именно тропинку в чащѣ надо выбирать. Таким именно искателем всю жизнь был Н. В. Чайковскій. Он знал ту цѣль, к которой стремился, но желая скорѣе добраться до нея, он пробовал много извилистых тропинок. Он шел ими, убѣжденный, что онѣ ведут его из лѣса к той цѣли, которую Чайковскій точно знал. Но тропинки иногда приводили к непроходимой топи, а иногда терялись в непролазном терновникѣ. Но утомленный искатель не останавливался. Убѣдившись, что ошибся тропинкой, Н. В. Чайковскій рѣшительно сворачивал на новую тропинку, глубоко убѣжденный, что именно она выведет из лѣса к желанной цѣли, к **единственной** цѣли. Кто только знал Н. В. Чайковскаго, легко мог убѣдиться, что

по разным тропам шел один и тот же страстный искатель, желавшій возможно скорѣе добраться до цѣли, до Истины, до Справедливости. Н. В. Чайковскій не мѣнялся никогда. Богоискатель, анархист, народоволец, соціалист-революціонер или народный соціалист — всегда один и тот же. Даже в тѣ годы, когда он, повидимому, стал раціоналистом, мы легко найдем в нем того же страстнаго мистика искателя желающаго совершенства в жизни, совершенства в людях. Искатель этот, стремясь к цѣли, не признает для себя никаких компромиссов. Перед нами совершенный рыцарь духа. Для него общественные и этическіе идеалы тѣсно и неразрывно сплетены..

Этическіе взгляды Н. В. Чайковскаго базировались на безконечном правѣ каждаго на жизнь, как выражается он в одном письмѣ. «Это ощущеніе новой жизни в себѣ, это ощущеніе своего права на новую жизнь и составляет ту силу, которая двигает мірами». «В душѣ нашей безконечная любовь, безконечный свѣт. Сомнѣваться в этом — значит не вѣрить в человѣка, в всегдашнюю способность и стремленіе его души найти то воспринимающее начало, которое рѣшает всѣ житейскія запутанности и которое совершенно не под силу холодному уму, не имѣющему под собою живого, обновляющаго чувства вѣры и любви... Природа наших міровых состояній ясна. На них и на освященіи ими жизни, как на истинно религіозном тайникѣ мы только и можем строить свое будущее». Н. В. Чайковскій постоянно горѣл и страстной потребностью вылить и реализовать все, о чем он думал. Отсюда вытекала настоятельная необходимость постояннаго общенія с людьми. «Жить в одиночку среди людей, только на половину тебя понимающих — для меня невыносимо», — говорит Н. В. Чайковскій в письмѣ. Как вѣчный искатель, пытавшій постоянно новыя тропы для достиженія опредѣленной цѣли, Чайковскій тепло относился к другим искренним искателям. «Что касается людей чуждых мнѣ, то и тут я знаю по опыту — стоит мнѣ услыхать, что за поступком человѣка стоит глубокое чувство, вѣра в свою правоту — и я ему прощу все и подам руку, хотя и не стану дѣлать одного и того же. Вот когда он мертв, холоден, лжив, и сам не чует в себѣ своей святыни, не вѣрит, а дѣлает, — тогда я не могу и не должен подавать ему ру-

ку. Мнѣ остается одно — сожалѣть его. Это все, до чего меня может возвышать мое обновленное состояніе. Я буду готов подать ему помощь, лишь только замѣчу хоть малѣйшую искру человѣчности и искренности в нем. Тогда между нашими внутренними мірами опять есть мост, по которому возможно сообщеніе».

По мнѣнію Н. В. Чайковскаго, существует извѣстная комбинація условій, при которых всякій душевный процесс глубок и энергичен. Эти условія: «1) Большое количество людей, при чем происходит сложеніе нервных токов и усиленіе их друг другом. 2) Одинаковый музыкальный тон нашей души, что достигается подходящей музыкой и пѣніем. 3) Дѣятельное состояніе всего организма. 4) Сносныя условія работы, пищи и жилья. 5) Чистота и порядок в жизни».

«Вот, — говорит Чайковскій, — условія для того, чтобы наша жизнь могла быть и в своем внутреннем строѣ чиста и свѣтла». Н. В. Чайковскій глубоко убѣжден, что «нарождается вторая генерація новых людей. Просыпается **общественно-нравственный человѣк**. Ему невыносимо наслаждаться и быть спокойным, глядя или зная, как другіе мучаются. Какой то новый червяк говорит в нем наперекор всяким увѣреніям практики и трезваго смысла, что свѣта не передѣлаешь, — он мечется, ищет, страдает, потому что нигдѣ нѣт ему покоя. Вездѣ муки, вездѣ ложь, вездѣ коробят его глубоко искреннюю и до конца доходящую во всем натуру. В основѣ его нравственности уже не разсчет, а общественный инстинкт. В его душѣ строится новый мір. Он неизбѣжно должен в своей головѣ творить новую жизнь, ловя идеальныя отношенія, к добыванію себѣ которых он и зовет людей. Он идеалист, он непрактичен, постоянно увлекается, неосмотрителен, для него нѣт личной жизни, нѣт собственности, нѣт семьи, нѣт тихой радости. Для него есть одно: — людскія страданія»... Спасеніе «в переработкѣ себя и других путем ежедневной житейской практики, в нравственном зеркалѣ, в тяжелом трудѣ, в вѣрности своему убѣжденію до послѣдняго конца, в истребленіи в себѣ всего слабаго, колеблющагося, инстинктивнаго».

Таково первое замѣчаніе, которое я должен сдѣлать, приступая к моему очерку. Мнѣ надо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Я буду говорить о тридцати слишком годах жизни

Н. В. Чайковскаго в эмиграціи. Когда я присматриваюсь к русским эмигрантам, пригнанным в разныя времена к суровым берегам Англіи, мнѣ все вспоминаются картины, которыя в юности наблюдал на крайнем сѣверо-востокѣ Сибири. Весною, когда полярная рѣка играет, вода в верховьях Колымы подрывает лѣвый «заливной» берег. В воду падают громадныя лиственницы. Онѣ плывут по теченію, покуда не застрянут гдѣ нибудь на песчаном осередышѣ, и здѣсь их застанет ранняя зима, наступающая уже в сентябрѣ. Лиственница сохранила еще всѣ вѣтви, корни и почти всю кору. В іюлѣ слѣдующаго года трогается рѣка. Громадныя льдины аршина в четыре толщиной образуют временный затор на осередышах, но затѣм вольная вода прорывает плотину и уносит и льдины, и застрявшія в прошлом году лиственницы. От путешествія среди льдов дерево сильно страдает. Льдины ломают его вѣтви, дробят корни и сдирают кору. Лиственница похожа на страстотерпца, осужденнаго на колесованіе и на то, чтобы с него живого сдирали кожу. До осени дерево плывет по рѣкѣ или безчисленным притокам ея. Затѣм оно снова застревает на середышѣ, уже гдѣ нибудь в низовьях громадной полярной рѣки. Происходит новая продолжительная зимовка. В іюлѣ, с ледоходом, начинается для дерева дальнѣйшее путешествіе, и слѣдуют новыя мученія среди льдов. Льдины ломают уже послѣдніе остатки вѣтвей. Затѣм наступает новая зимовка уже гдѣ нибудь за Нижне-Колымском, на громадных осередышах Стадухинской протоки, у Кабачкова или у Погромнаго, градуса на три сѣвернѣе полярнаго круга. Чѣм ближе к устью, тѣм больше деревьев зимует на осередышах и на песчаных лайдах. И вот наступает еще ледоход. Вода наносит деревья, упавшія в воду под Верхне-Колымском, или еще выше, на Коркодонѣ, Балычыганѣ или Заимчанѣ, в океан. Волны суроваго океана выбрасывают изуродованные стволы деревьев на мрачный шиферный берег. Здѣсь они лежат высокой, длинной, мертвенно-сѣрой дюной. Лиственницы, из которых составлены эти валы, уже не имѣют ни коры, ни вѣтвей, ни корней. Остается только сѣрый ствол с ранами, обозначающими обломанные вѣтви и корни. Такія деревья на сѣверѣ называются — плавник.

И, присматриваясь к русским эмигрантам, прибитым не-

погодой к холодным берегам Англіи, мнѣ все вспоминаются обломанныя, искалѣченныя, исковерканныя лиственницы. Трагизм картины не уменьшается от того, что берег Ледовитаго океана темно-сѣрый, от цвѣта шифера, тогда как берега Англіи бѣлы, как саван. Мертвый цвѣт преобладает и там, и здѣсь. Сколько было с шестидесятых годов русских эмигрантов, представлявших собою плавник. Они тоже были вырваны с корнями во время водополья. И им тоже льдины ободрали кору. Русскіе эмигранты тоже зимовали на разных «осередышах», покуда их прибило к англійскому берегу. Они лежали здѣсь, тоскливо думая: «Придет ли когда нибудь вольная лѣтняя вода? Поднимет ли она плавник?» Настоящій плавник имѣет громадныя преимущества перед плавником фигуральным: лиственницѣ не надо ѣсть, затѣм она может обойтись даже без покровов. И необходимость имѣть насущный хлѣб создает в эмиграціи много драм.

Н. В. Чайковскій пробыл в эмиграціи болѣе тридцати лѣт; за это время у него было много тяжелых испытаній, но термин «плавник» к нему совершенно не подходит, напротив даже. Как в библейском разсказѣ жезл Аарона пустил побѣги и расцвѣл, так Н. В. Чайковскій в эмиграціи проявлял каждый раз новую, интенсивную душевную силу. В самые тяжелые моменты своей жизни, он всегда пламенѣл духом, он всегда был искателем.

II.

Въ маѣ 1878 года Чайковскій высадился в Ливерпулѣ с женой и двумя маленькими дочерьми, «как блудный сын Стараго Свѣта», — по выраженію Николая Васильевича. Он не задержался тогда в Англіи, а направился вскорѣ в Париж. Его влекла туда возможность литературной работы для какого нибудь русскаго изданія. Затѣм то, что во Франціи жили старые друзья Ник. Вас. Н. В. Чайковскій поселился в деревнѣ под Парижем. «Мнѣ приходится много заниматься и дѣтьми, и тряпками, и стряпней», — пишет Н. В 5 августа 1879 года к родителям. Он устроился в деревнѣ недорого. «За 3 свѣтлыя, чистыя и сухія комнаты с кой-какой мебелью — 30 фр. в мѣсяц... Житье в мѣсяц нам обхо-

дится около 150 фр.», — сообщал Чайковскій. Это, конечно, не большія деньги, но их надо было выработать. «Я употребляю все свободное от домашних обязанностей время на литературную работу, которая должна доставить мнѣ и средства к существованію». «Нужно правду сказать, до сих пор взятки с нея довольно гладки, отчасти потому, что и времени то мало остается на работу», — прибавляет Чайковскій. Литературная работа нашлась, но крайне случайная, чрезвычайно плохо оплачиваемая. Та литературная работа, которую Чайковскій писал тогда с особой любовью, совсѣм не оплачивалась. Я говорю о статьях для революціонных изданій. Судя по письму М. Морозова (Кларан, 10 іюля 1880 г.), Чайковскій прислал замѣтки для «Исторіи революціоннаго движенія», которую задумал очень молодой в то время политическій дѣятель. «Ваши воспоминанія войдут в «Исторію» почти цѣликом, — сообщал Морозов. — Я позволил себѣ вычеркнуть только два небольшія мѣста и передѣлал кое-гдѣ слог, для однообразія и послѣдующаго изложенія». В бумагах Н. В. Чайковскаго сохранилось нѣсколько отрывочных черновых біографических набросков на англійском языкѣ. Наброски эти совершенно не отдѣланы; иногда не докончены даже фразы. То даже не автобіографическія замѣтки, а скорѣе конспект задуманной, но никогда не выполненной работы. «В Парижѣ в то время не было недостатка в старых друзьях, — читаем мы. — Почти всѣ они были террористами и принадлежали к «Народной Волѣ». Для меня оказалось гораздо труднѣе, чѣм я думал, войти в колею этого движенія. Политическая борьбы в Россіи тогда свелась к ожесточенному поединку (an acute duel) между Исполнительным Комитетом Народной Воли и Правительством. Я не видѣл тогда надобности, при подобных условіях, в моей поѣздкѣ в Россію. К тому же у меня снова появились припадки степной лихорадки, которою я заболѣл в преріи, в Канзасѣ. И друзья меня посылали в Лондон, гдѣ жизнь была покойнѣе и болѣе правильна и гдѣ предвидѣлось дѣло». Попытаюсь выяснить здѣсь, в чем именно состояло дѣло, вызвавшее переѣзд Н. В. Чайковскаго в Англію, с которой связаны тридцать лѣт его жизни. Двадцать третьяго января (ст. ст.) 1880 года арестован был в Парижѣ эмигрант Лев Гартман, участник подкопа под полотно желѣзной дороги и по-

кушенія под Москвой в ноябрѣ 1879 г. Послѣ усиленной агитаціи в Парижѣ, Гартман был освобожден и выслан в Англію. Как человѣк энергичный и живой, Гартмав быстро завел многочисленных и вліятельных знакомых в Англіи, гдѣ всѣ интересовались тогда знаменитым «нигилистом». Повидимому, как человѣк с пылким воображеніем, Гартман слишком переоцѣнил временный интерес, вызванный им.У Гратмана явилась мысль устроить на широких началах в Лондонѣ Комитет русских революціонеров для сбора пожертвованій в пользу русскаго революціоннаго движенія, затѣм одновременное изданіе в трех центрах еженедѣльной газеты «Нигилист». Широкіе планы эти изложены в письмах Л. Гартмана, сохранившихся в архивѣ Н. В. Чайковскаго. О своих планах, пишет Гартман старому другу Чайковскаго — Клячко (5 мая 1880 г.), он говорил много раз с Карлом Марксом, с Рансимэном и его другом — редактором двух еженедѣльных изданій. Первую мысль о Комитетѣ русских революціонеров подал англичанин Кокер. Гартман развил ее и придал грандіозные размѣры. По первоначальному плану цѣлью «Комитета» являлся сбор пожертвованій на помощь русскому соц.-рев. движенію, ссыльным, заключенным и т. д. «Помимо непосредственнаго сбора пожертвованій надо вести публичныя лекціи о Россіи, о соціалистах, о народѣ, о взаимных отношеніях между ними и правительством русским», — писал Гартман Клячко. По мнѣнію Гартмана, англичане охотно будут платить за вход на такія лекціи «по 5, по 10 ф. ст.» «Этими путями можно в теченіе двух-трех недѣль получить десять тысяч ф. ст.». В Комитетѣ, по указанію Гартмана, должны участвовать Засулич, как предсѣдатель, потом Лавров, сам Гартман, Кропоткин, проживавшій тогда в Женевѣ, и Чайковскій, жившій под Парижем. Л. Гартман сообщает дальше, что «вечер третьяго мая, весь день четвертаго мая и весь слѣдующій день употребил на бѣготню по Лондону: был у двух близких знакомых редакторов, был у Маркса, у Юнга и у пяти лиц еще». Ему хотѣлось выяснить, «насколько бы удобно было, полезно для соціалистов в Россіи, в денежном отношеніи, издавать в Лондонѣ газету, примѣрно, под названіем «Нигилист». «Нигилист» — слово, интересное Западу, — поясняет Гартман, — а потому желательно употребить его. Газета должна быть еженедѣльною. При газетѣ образу-

ется «бюро» для пожертвованій. Впослѣдствіи, через два, три мѣсяца, когда ожидается перемѣна политических обстоятельств в Англіи, или при удобном моментѣ, вызванном дѣлами в Россіи, бюро преобразуется в комитет и организует публичныя лекціи», — пишет Гартман. Такія же бюро, как агентство газеты «Нигилист» и как мѣста для сбора пожертвованій утверждаются в Парижѣ у П. Л. Лаврова и в Женевѣ при анархической газетѣ «Révolté». «Газета **Нигилист** есть агент русской соц.-рев. партіи». Об этом должно быть опубликовано в газетах Парижа, Лондона и Женевы. Газета имѣет цѣли и чисто денежныя — на помощь революціонному дѣлу в Россіи, на помощь сосланным и заключенным, на изданіе теоретических и народных книг и періодических изданій, внутренних и заграничных. «Нигилист» должен показать Западу «истинную картину состоянія Россіи, ея классов, партій, взаимных отношеній и т. д. Газета должна, вмѣстѣ с тѣм, преслѣдовать цѣль — вызвать сочувствіе Запада к соціалистам». «Она должна ударять на чувства людей». По замыслу Гартмана, «Нигилист» должен поставить себя так, «чтобы Запад видѣл в нем близкій к русскому движенію орган, а также лучшій, правдивѣйшій источник свѣдѣній о Россіи; необходимо, чтобы Запад черпал всѣ новости о Россіи, особенно революціонныя, не от своих петербургских корреспондентов, а от «Нигилиста». На этом еще не останавливается проект. При «Нигилистѣ» выходят гравюры и литопрафированныя карточки, изображающія наиболѣе бьющія на чувство минуты жизни соціалиста, крестьянина, рабочаго и т. д. «Нигилист» выходит одновременно, «и даже в один час», в Лондонѣ, Парижѣ и Женевѣ. Л. Гартман пишет Клячко, что переговорил со многими и «единогласное мнѣніе» всѣх таково. «Нигилиста» должна редактировать Засулич. «Под ея подписью выйдут первыя брошюры первыя статьи газеты». Передовицы будет составлять Кропоткин, который, как окончательно рѣшено, пріѣдет в Лондон к 5 іюля. Засулич пріѣдет к 20 іюля. Ближайшими сотрудниками «Нигилиста» Гартман намѣчал Лаврова, Кропоткина, Дейча, Стефановича, Морозова, Плеханова и Клячко. Переводчиками («Нигилист» должен был выходит по англійски) Гартман намѣчал Клячко, Чайковскаго, Кропоткина и дочь Карла Маркса. «Самая важная часть — это, чтобы тон, характер статей соотвѣтствовал духу ан-

глійскому, — пишет Гартман. В этом отношеніи, успокаивает он, «желающіе получат помощь Маркса», который «дал положительное обѣщаніе». Помогать «Нигилисту» будет также и Энгельс. «Особенно свѣтлыми очами смотрит на дѣло Маркс; впрочем, — прибавляет Гартман, — нѣт человѣка, который бы сомнѣвался в успѣхѣ газеты». «Маркс говорит, что «Нигилист» вызовет к себѣ интерес и что первый номер надо сдѣлать стереотипным и выпустить в 15 тыс. экз.». «Маркс же, — пишет Гартман, — первый поднял вопрос о средствах». «Я долго говорил с Марксом по поводу средств на изданіе. Вопрос об этом поднял сам Маркс. Он просил меня составить поскорѣе примѣрную смѣту изданія и прислать поскорѣе ему. Из сего вижу, что он разсчитывает достать нам средства у Энгельса».

Л. Гартман запрашивает Клячко, «будет ли Чайковскій в состояніи пріѣхать в Лондон, если это понадобится». Повидимому, затѣвалось громадное дѣло. Больше того, из писем Гартмана вытекало, что все уже готово; машина построена, и надо только пустить ее в ход. Из «Нигилиста» ничего не вышло. В 1883 году в Парижѣ вышло 2 номера журнала под этим названіем. «Нигилист» представляет собою крошечную брошюрку, написанную, изданную и, кажется, даже набранную эмигрантом Сидорацким.

Н. В. Чайковскій, повидимому, плохо вѣрил в возможность существованія газеты, в которую входят столь противоположные по взглядам своим сотрудники. Кропоткин был настроен болѣе оптимистически. «В успѣх дѣла я вѣрю, но в ограниченном смыслѣ, — писал Кропоткин Чайковскому в августѣ 1880 г. — Мечтать, что через это соберем деньги — иллюзія. Если бы доходы превышали расходы, то понятно, что надо было бы восполнить предпріятіе. Цѣль — повліять на общественное мнѣніе Зап. Европы, а через него на правительство. Это — должно быть вродѣ «Под Суд» Герцена. Начнут поступать деньги — ладно, но это не должно быть цѣлью газеты. Газета может полезно повліять на англійских республиканцев — их больше, чѣм думают — и отчасти на рабочих. Для Россіи же польза несомнѣнная». Чайковскій, как близкій друг Кропоткина, знал, что у него не может быть совмѣстнаго дѣла с Марксом. Но в то же время революціонная борьба в Россіи достигла чрезвычайнаго напряженія. Она

породила много жертв. Тюрьмы были наполнены, равно как и всѣ мѣста ссылки. Требовалась помощь, и революціонерам казалось, что именно в Лондонѣ можно организовать «Красный Крест». Тот англичанин Кокер, о котором говорит Гартман, как писал также Лаврову, предлагал свое содѣйствіе для организаціи подобнаго Комитета Краснаго Креста. Кокер указывал, что членами комитета должны быть непремѣнно русскіе, хорошо извѣстные не только своим согражданам, но и иностранцам. Кокер предполагал, что так как борьба в Россіи вызывает большой интерес в Англіи и так как всѣ симпатіи англичан на сторонѣ революціонеров, то можно надѣяться на денежную помощь. Англичане, не желая вмѣшиваться в политику другого государства, не будут помогать активным революціонерам, но охотно поддержат тѣх, которые стали жертвами борьбы.

И рѣшено было устроить в Лондонѣ Общество Краснаго Креста. В силу этого рѣшенія Чайковскій прибыл в Лондон, гдѣ и жил с тѣх пор постоянно, если не считать непродолжительных поѣздок на континент. В 1881 году прибыл в Лондон из Швейцаріи на международный анархическій конгресс старый друг Чайковскаго П. Кропоткин. Н. В. Чайковскій тогда по убѣжденіям своим во многом сходился с анархистами. Вмѣстѣ с Кропоткиным он принимал участіе в конгрессѣ. Кропоткин, как и Чайковскій, получил предложеніе от Народной Воли собирать в Англіи деньги для революціоннаго Краснаго Креста. «Я и Кропоткин люди разных темпераментов, поэтому мы часто расходились с ним в вопросах о соціальных теоріях, но братскія узы и любовь, связывавшія нас, были всегда сильны, — пишет Н. В. Чайковскій в своих набросках. — Я увѣрен, что так же прочны будут эти связи до конца нашей жизни». В 1882 г. Крапоткин был арестован в Ліонѣ, и начался процесс анархистов, кончившійся приговором к пятилѣтнему заключенію. Чайковскій тогда принял горячее участіе в своем другѣ. Он задумал агитацію среди рабочих организацій в пользу заключенных и сообщил свой план Льву Мечникову. «Мы не можем ждать благопріятных результатов от предлагаемой Вами мѣры, — отвѣтил извѣстный соціолог, — вдобавок еще сам Петр Алексѣевич рѣшительно не согласен, чтобы его выдѣляли из категоріи товарищей, приговоренных с ним вмѣстѣ. Пугаться пятилѣтняго срока

заключенія, нам кажется, не слѣдует потому, что не такія теперь времена во Франціи, когда можно загадывать на нѣсколько лѣт вперед. Очень важно, чтобы во Франціи и Англіи была теперь сильная журнальная агитація против нелѣпости и безчеловѣчности этого приговора вообще. Надо обезпечить Кропоткина работой». (Письмо от 23 января 1883 г.) В письмѣ от 1 февраля 1883 года Мечников совѣтует Чайковскому поднять агитацію среди англійских литераторов в пользу освобожденія П. А. Кропоткина, ссылаясь на слабость здоровья осужденнаго. Через двадцать пять лѣт такая же агитація, но в гораздо болѣе широкой формѣ, шла среди англійских общественных дѣятелей в пользу Н. В. Чайковскаго, пребывавшаго тогда в Петропавловской крѣпости.

Любопытен манифест, выпущенный англійскими анархистами при содѣйствіи Н. В. Чайковскаго ко дню ліонскаго процесса 11 января 1883 года. «Мы, анархисты, представляем собою граждан, которые в вѣк, когда свобода мнѣнія проповѣдуется всюду, считают своим правом и своим долгом отстаивать безграничную свободу. Таких, как мы, тысячи, а, быть может, даже милліоны в мірѣ. Наша заслуга в том, что мы громко высказываем, что массы думают про себя. Милліоны рабочих требуют абсолютной свободы, ничего, кромѣ свободы, свободы полностью. Мы требуем свободы, то есть, мы требуем для каждаго человѣческаго существа права и средств дѣлать все, что он хочет и ничего другого, кромѣ того, что желает; свобода эта должна быть ограничена только естественными препонами невозможнаго, а также потребностями ближняго, которыя должны быть уважаемы. Мы требуем свободы... Мы требуем хлѣба для всѣх, знанія для всѣх, работы для всѣх, а затѣм также для всѣх независимости и справедливости». (Англійская прокламація основана на прокламаціи, выпущенной в Ліонѣ и подписанной 46 подсудимыми, с Кропоткиным во главѣ).

«В 1884 году прибыл в Англію из Италіи Сергѣй Кравчинскій, или «Степняк», послѣ того, как появился англійскій перевод самаго извѣстнаго его произведенія «Подпольная Россія», — читаем мы в черновых автобіографических набросках Чайковскаго — «Перевод появился при содѣйствіи W. B. Heny, оцѣнившаго литературный талант Степняка до того, как он напечатал что нибудь по англійски. Степняк тогда еще

не писал по англійски, и издатели (Smith and Elder) сами нашли переводчика с итальянскаго. Успѣх, который имѣла в Англіи «Подпольная Россія», убѣдил Степняка в том, что я давно говорил ему, а именно то, что его писанія наиболѣе подходят для Англіи. Мы были очень дружны с Сергѣем — продолжает Чайковскій — но я должен сказать слѣдующее. Я всегда, и без всяких оговорок, горячо любил его; но он никогда не мог простить мнѣ «временнаго бѣгства от русских дѣл», как он называл мою поѣздку в Америку. Он никогда не говорил мнѣ об этом, но я это чувствовал». В 1886 году прибыл в Лондон и поселился здѣсь еще один ветеран русскаго революціоннаго движенія Феликс Волховскій. Он прибыл кружным путем, так как бѣжал из Восточной Сибири через Японію и Америку. Таким образом, возникло в Лондонѣ ядро старой эмиграціи, задумавшей потом Фонд Вольной Русской Прессы, «Летучіе Листки», и принимавшей дѣятельное участіе в изданіи на англійском языкѣ ежемѣсячнаго журнала «Free Russia». К этому ядру присоединились потом старый друг Чайковскаго еще по Петербургу Леонид Шишко, Е. Лазарев, а впослѣдствіи и Лазарь Гольденберг, прибывшій в Лондон послѣ десятилѣтняго пребыванія в Соединенных Штатах.

Восьмидесятые годы были безконечно тяжелы для Н. В. Чайковскаго в матеріальном отношеніи. Письма того времени свидѣтельствуют о безпрерывных поисках случайной литературной работы. Он искал хоть переводов, но ему совѣтовали «переводить на уру», не заручившись предварительным согласіем издателей. Одно время он занялся исторіей ирландскаго движенія и партизанами. На Ирландію указал ему, кажется, Стефанович, предложившій написать статью для «Чернаго Передѣла». «Русская молодежь чрезвычайно интересуется происходящим в настоящее время (1880-1881 г. г.) движеніем», — писал Стефанович. Статья была написана, исправлена в редакціи и напечатана. «Существенный недостаток статьи — это невыясненность слѣдующаго вопроса, — писал Стефанович — представляет ли ирландское движеніе — движеніе главным образом крупно-фермерское или народное в самом истинном смыслѣ слова. Послѣ прочтенія статьи не выносишь яснаго представленія, какова настоящая цѣль аграрной лиги: раздѣл ли земли в мелкую собствен-

ность между всѣм населеніем или имѣется в виду преимущественно удовлетвореніе крупных фермеров». Об Ирландіи Н. В. Чайковскій писал потом в «Русскія Вѣдомости». Там же появилась его большая работа о чартистах, начатая в 1884 году для «Отечественных Записок» по совѣту П. Л. Лаврова. Когда работа была готова, «Отеч. Зап.» уже не существовали. Тогда работа о чартистах появилась, тоже при содѣйствіи П. Л. Лаврова, в «Русских Вѣдомостях», во времена «весны» 1904 года, работа эта была перепечатана в Россіи отдѣльной книжкой и имѣла большой успѣх. Всѣ эти работы носили случайный характер. Оплачивались онѣ грошами. На литературный заработок тогда с трудом существовали даже эмигранты с большими литературными талантами, с огромной работоспособностью и умѣньем свободно писать на нѣскольких языках, как, напр., Степняк. Вот, напр., что писал он Чайковскому в 1881 году. «Мою Russia Sutteranea хвалят... В Италіи я расцвѣл и распустился это так, но пока плодов ощутимых никаких, удобосъѣдомых, по крайней мѣрѣ. Чтобы показать тебѣ всю глубину моей чисто итальянской матеріи, достаточно тебѣ факта, что для одного издателя я сдѣлал исторію русской литературы в четыре печатных листа формата «Дѣла» и «Отечественных Записок», как бы ты думал, за сколько? За 50 фр., т. е. не за лист, а вся работа за 50 фр. Двѣнадцать с половиной франков за печатный лист».

Полная матеріальная необезпеченность дѣйствовала угнетающим образом на Чайковскаго, так как на руках его была все увеличивавшаяся семья. «Признаюсь, я в ужас пришла, когда узнала из твоего письма, какую ты каторжную жизнь ведешь, — писала ему в 1883 году старая знакомая по революціонной дѣятельности — боюсь, дорогой друг, что ты подорвешь себя. Развѣ можно с твоими нервами так безбожно мало спать при такой отчаянной работѣ? Мнѣ положительно страшно за тебя. Не сердись, если я тебѣ скажу, что ты черезчур много сил и забот посвящаешь своим дѣтям. Право, эти миленькія и маленькія созданія становятся при этом еще эгоистичнѣе, воображая себя центром вселенной».

В письмах Н. В. Чайковскаго можно найти множество указаній на то, каким нѣжным отцом был он. В одном из

ранних писем к родителям он сообщает из Парижа: «Теперь о дѣтках. Мы, да и не только мы, не нарадуемся на них. Варюшкѣ теперь — 3 года 10 мѣсяцев, а Вѣрушкѣ — 1 год 1 мѣсяц. Первая по росту, по крѣпости и развитію... вся в нашу породу, да и по характеру — чистый родитель — такая же выносливая, мягкая и покладистая. Ну, про Вѣрку — этого не скажешь... Насчет характера — вся в мать... (Париж, 5 августа 1879 г)». Дальнѣйшія письма свидѣтельствуют об еще большем отцовском чувствѣ.

Но надо сказать, что дѣти Н. В. Чайковскаго безконечно цѣнили нѣжность отца. Для них он был всегда величайшим авторитетом, а потом — объектом культа. Дѣти Н. В. были надѣлены разными характерами и разными темпераментами, но для всѣх их отец был высшим существом, к которому питали безграничную любовь. Отец для своих дѣтей был сперва сказочником, потом учителем, руководителем и другом. Отец этот был, помимо всего, так же разносторонен, как герой Швейцарскаго Робинзона. Он не только мог объяснить все, но показывал мальчикам, как строить дом, как вязать сѣть для перепелов, как паять, как огородничать. Н. В. Чайковскій был, помимо того, мастер на всѣ руки. Всякое мастерство в руках его спорилось. «Я вѣдь не могу двум вещам отдаваться, потому что отдаюсь цѣликом», писал Н. В. Чайковскій в 1884 г. И эти слова вѣрны для всего, что он ни дѣлал: писал ли он книгу, занимала ли его революціонная дѣятельность или он работал физически, — он отдавался цѣликом. Борьба за кусок хлѣба была очень тяжела; он не мог себѣ даже представить такой шаг, какой сдѣлал его старый знакомый эмигрант Цакни, возвратившійся в Россію в началѣ девяностых годов по ходатайству. В концѣ 1894 года мать Чайковскаго написала ему, умоляя сдѣлать такой же шаг. «Из 45 лѣт — двадцать лѣт я провел при обстоятельствах, в которых было очень много горькаго и тяжелаго, но мое человѣческое достоинство всегда оставалось при мнѣ, — писал Чайковскій матери — Вы думаете, что меня удерживают заблужденія. Я Вам могу лишь сослаться на покойнаго старика нашего, который, бывало, когда ему совѣтовали ради каких нибудь удобств или выгод по службѣ и т. п. поступиться одним из его основных правил жизни, говаривал: «Ну уже этого я дѣлать не стану, что бы там ни было!»

Так же и я отвѣчаю на предложеніе писать разныя прошенія: Нѣт, уж я этого дѣлать не стану, что бы и как бы там ни было! А то вѣдь мнѣ придется, пожалуй, краснѣть перед своими собственными дѣтьми. Развѣ для этого я ростил их и посвящал им добрую половину своей жизни».

III.

Англія вообще оказывала большое вліяніе на тѣх русских эмигрантов, которые умѣли наблюдать и присматриваться к окружающему: мы начинали цѣнить политическую свободу, тогда как раньше нам казалось, что она нужна только буржуазіи и является, в сущности, только словом, помогающим богатым классам держать в подчиненіи трудящихся. В Англіи абстрактныя теоріи подвергались пересмотру под вліяніем окружающей жизни. И тогда происходило слѣдующее: русскіе эмигранты, во всяком случаѣ тѣ, которые умѣли наблюдать, приходили к заключенію, что политическая свобода является первым устоем, на котором строится демократическое общество. Диктатура представляет собою ядовитое растеніе, погибающее на англійской почвѣ. Напомню нѣсколько основных фактов. А. И. Герцен вынес смертный приговор дряхлому міру и предвѣщал, что «современное государственное устройство падет под протестом соціализма», так как силы буржуазіи истощены. «Что оно (т. е. старое общество) могло дать, оно дало; теперь оно поддерживается на счет собственной крови и плоти, оно не в состояніи ни дальше развиваться, ни остановить развитіе; ему нечего ни сказать, ни дѣлать». И в той самой книгѣ, в которой Герцен предсказывает Западу не суд, не расправу, а катаклизм, великій публицист заявлял своим друзьям, что не может ѣхать в Россію, ибо научился цѣнить свободу. «Я слишком жил свободным человѣком, чтобы снова позволить заковать себя, — писал Герцен. — Я привык к свободной рѣчи и не могу вновь сдѣлаться крѣпостным ни даже для того, чтобы страдать с вами». «Борьба и мученія пріемлемы, но не безплодное молчаніе и повиновеніе». «Свобода лица величайшее дѣло; на ней и **только на ней** (курсив Герцена) может вырости дѣйствительная воля народа. В себѣ са-

мом человѣк должен уважать свою свободу и чтить ее не менѣе, чѣм в ближнем, как в цѣлом народѣ». Когда А. И. Герцену пришлось формулировать практическую программу для Россіи, он выставил: «Освобожденіе слова — от цензуры; освобожденіе крестьян — от помѣщиков; освобожденіе податного сословія — от побоев». В том самом 1857 г., когда формулирована эта программа, Н. П. Огарев посвящает Искандеру крайне характерное стихотвореніе, из котораго приведу первую и послѣднюю строфу:

Когда я был отроком пылким и нѣжным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрастѣ зрѣлом, со старостью смежном, —
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово :
Свобода ! Свобода !

. . . . . .

А если-б пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я с надеждой и вѣрою нынѣ;
Но в миг предсмертный — в спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мнѣ послѣднее слово :
Свобода ! Свобода !

Князь Петр Долгоруков в своей довольно сумбурной книгѣ «La Verité sur la Russie» может ясно формулировать одно: высокое превосходство свободы над деспотизмом. Автор умѣет доказать тезис, остающійся правильным до настоящаго момента: чрезвычайная политическая полиція, на которую опирается деспотизм, отстаивает прежде всего **свои** интересы, а не интересы государства и даже не интересы своего повелителя. «Величайшей наивностью русскаго правительства является предположеніе, что политическая полиція сообщает ему все, что происходит в государствѣ и в обществѣ, — говорит кн. Долгоруков. — Правительство пребывает в глубоком заблужденіи. Шпіоны берут деньги, но сообщают только то, что находят выгодным для себя». (Prince P. Dolgoroukow: «La Verité sur la Russie». 1861, vol. II, p. 147).

Значеніе политической свободы кн. Долгоруков понял вполнѣ послѣ пребыванія в Англіи. В семидесятых годах начинают прибывать в Англію русскіе эмигранты, относившіеся совершенно отрицательно ко всему, что может дать буржуазный строй. Нѣкоторые из них признают только программу уничтоженія стараго строя, формулированную в нечаевской «Народной расправѣ»: «Мы имѣем только один отрицательный неизмѣнный план — безпощаднаго разрушенія». «Мы беремся сломить гнилое общественное зданіе», говорят они, прибавляя, что считают «безплодной всякую исключительно теоретическую работу ума». В 1873 году в Лондонѣ начинает выходить русскій революціонный журнал, — представлявшій ту попытку теоретической мысли, которую нечаевцы считали совершенно безплодной. «Вперед» (я говорю об этом журналѣ) выдвигает на первый план соціальные вопросы. «Вопрос **политическій** для нас подчинен вопросу соціальному и в особенности экономическому, — читаем мы в первом номерѣ журнала. «Всѣ политическія партіи с их конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями с другими центрами и другими законами — все это нам враждебно в своем основном строѣ и **индиферентно для нас в своем** проявленіи». И вот замѣчательный теоретик, человѣк огромнаго ума и широкаго образованія, стоявшій во главѣ журнала, присматривается к политической жизни Англіи и замѣчает, что могут дать массам свободныя учрежденія. И мы видим, как мало-по-малу философ все сильнѣе и сильнѣе начинает интересоваться эволюціей демократіи. П. Л. Лавров (я говорю, конечно, о нем) становится на много лѣт лондонским корреспондентом «Русских Вѣдомостей». Лавров был не случайным сотрудником газеты, посылающим отдѣльныя статьи, а ея постоянным участником, работавшим в опредѣленном отдѣлѣ, — читаем мы в сборникѣ статей «Русскія Вѣдомости», вышедшем в 1913 году, ко дню пятидесятилѣтняго юбилея газеты... — Писал он в газету охотно и много... Уже с чисто количественной стороны сотрудничество Лаврова в «Русских Вѣдомостях» представляет собою крупный факт его

біографіи. Если бы собрать и издать отдѣльными книгами его газетныя статьи, составилось бы, вѣроятно, томов около восьми обычнаго журнальнаго объема. Да и по содержанію эти статьи являются весьма важными для пониманія всего міросозерцанія Лаврова; в них ему приходится касаться самых разнообразных явленій политической, соціальной и общественной жизни, говорить о литературных и научных новинках. Преобладающее мѣсто в письмах из Лондона Лаврова отведено вопросам политической, а в частности, парламентской жизни. (Сборник «Русскія Вѣдомости». Москва. 1913 г. Стр. 99-100) *). И в политических статьях П. Л. Лаврова, помѣщенных в «Русских Вѣдомостях», проводится мысль, что в свободной демократической странѣ, как Англія, Парламент, избранный всѣм населеніем, может разрѣшить много трудных и самых сложных политических и соціальных вопросов. П. Л. Лавров, конечно, не ошибся. Творческая работа в дѣйствительно демократической странѣ идет **внѣ зависимости** от того, какая политическая партія находится в данную минуту у власти. В самом дѣлѣ: консервативная партія осуществила в Англіи второй билль о реформах, дала трэд-юніонам хартіи свободы, выкупила землю в Ирландіи, а теперь провела закон о пенсіи вдовам и сиротам.

Тот же процесс воздѣйствія Англіи на русских политических эмипрантов, в смыслѣ пріученія их цѣнить политическія права, продолжался и послѣ П. Л. Лаврова. В Лондон попадает старый друг Н. В. Чайковскаго и его многолѣтній сотоварищ по политической дѣятельности в Лондонѣ — быв-

---

*) П. Л. Лавров писал потом «Письма из Лондона», — проживая в Парижѣ. Из писем Пе́тра Лавровича к Чайковскому, находившемуся в Лондонѣ, можно судить, как внимательно слѣдил он за всѣми литературными новинками, о которых сообщал «Рус. Вѣд.» Вот, напр., по пунктам порученія Н. В. Чайковскому: 1) Купите и вышлите мнѣ под бандеролью новую книгу Дарвина о земляных червях (The Formation of Vegetable Monld trough the Action of Worms). **Это самое спѣшное.** 2) Тоже относительно номера «Mind», гдѣ есть статья Грэнт Аллена о развитіи зрѣнія и обоняніе у позвоночных. 3) Что за изданіе «Knowledge», недавно начатое Проктором? 4) Я читал гдѣ то, что Кассель начал издавать всеобщую иллюстрированную исторію. Пришлите два выпуска на образец. 5) Что за изданіе «Social History of the Mankind»? И т. д. Каждое письмо Лаврова к Чайковскому того времени неизмѣнно заканчивается подобными вопросами.

шій земледолец Ф. В. Волховскій. Его ранніе взгляды формулировались, вѣроятно, так же, как в программѣ «Земля и Воля». «Отнятіе земель у помѣщиков и бояр, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣх представителей государства и учрежденіе казачьих кругов, т. е. вольных автономных общин с выборными отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была неизмѣнно программа народных революціонеров-соціалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаем и мы, революціонеры-народники». В своих ранних стихотвореніях, написанных в народном стилѣ, Ф. В. Волховскій воспѣвал эту «Разиновскую программу». Поэт говорит, что до сих пор народ «под дудку барскую плясал». «Не пора ли на своей дудкѣ сыграть?».

Пусть теперь попляшет это воронье.
Растрясет маленько черево свое!

В стихотвореніи «Удаль» — тот же мотив. «Эх ты, удаль, развернися, раззудись, мое плечо! — Эй вы, пьявки, сторонится, вам придется горячо!»

Ф. В. Волховскій присматривается к англійской жизни и начинает высоко цѣнить политическія права, хотя бы и маленькія. Волховскій в брошюрѣ, изданной Фондом русской вольной прессы, писал по поводу конституціи Лорис - Меликова, напечатанной тогда в Лондонѣ: «Всякое, даже микроскопическое, даже временное, расширеніе прав, всякое фактическое послабленіе свободѣ дѣйствій — есть прямой выигрыш для дѣла освобожденія, ибо, помимо всего прочаго, дает большей или меньшей массѣ населенія тот опыт, тѣ ощущенія, тѣ психическія привычки, которыя дѣлают из пассивнаго недовольнаго — сознательнаго борца за опредѣленныя пріобрѣтенія, и, в случаѣ новой реакціи, вѣчно и помимо воли человѣка, будут требовать удовлетворенія и толкать его к новым и новым завоеваніем человѣческих прав». Самыя интересныя перемѣны во взглядах на политическую свободу под вліяніем англійской жизни мы наблюдаем у С. М. Кравчин-

скаго-Степняка. Большой литературный талант его развился до пріѣзда в Англію. Дальнѣйшія литературныя произведенія Степняка, написанныя в Англіи, свидѣтельствуют не только о талантѣ и широком образованіи, но также и о большом государственном умѣ. В своей книгѣ, вышедшей на французском языкѣ в 1886 году, Степняк доказывает, что нигилизм, в основѣ своей, стремился к завоеванію свободы. «Нигилистическое движеніе, начатое лѣт пятнадцать назад восторженной группой юных соціалистов, проявляет стремленіе теперь, под вліяніем внутренних причин и растущаго недовольства в странѣ, превратиться в патріотическую партію, состоящую из людей, хотя с мнѣніями разных оттѣнков, но объединенных общим желаніем разрушить тиранію. Эти люди стремятся замѣнить деспотію національным правительством, при котором всѣ получат возможность мирно работать для блага страны. Трудно представить что-нибудь болѣе умѣренное и болѣе справедливое», — заканчивает Степняк. (Stepniak. «Le Tzarisme et la Révolution». Paris. 1886, p. 14). Лучшим источником для опредѣленія взглядов Степняка, сформировавшихся в Англіи, служат брошюры: «Что нам нужно» и «Начало конца», изданныя Фондом вольной русской прессы в 1892 году. Степняк исходит из положенія, что соціализм — величайшая нравственная сила современнаго общества. Упрятать ее под спуд, — говорит Степняк, — означало бы убивать то, что составляет душу и жизнь революціоннаго движенія в Россіи, но в вопросѣ проведенія в жизнь соціализма мы — постепеновцы, по-заграничному, эволюціонисты. Мы рѣшительно не вѣрим в возможность перестройки экономических отношеній одним натіем революціоннаго вдохновенія. Это огромная работа, которая потребует много усилій ума многих людей, много подготовки, много практических опытов и поправок, а стало быть, и не мало времени». Степняк признает важность рѣшенія рабочаго вопроса, и протестует против укоренившагося обычая пріурочивать политическую свободу к рѣшенію соціальнаго вопроса. Автору кажется «оскорбительным предположеніе, что революціонеры смотрят на свободу, лишь как на орудіе для чего то другого». «Как будто чувства и потребности свободных людей чужды нам», — говорит Степняк, обнимая под этим «мы» своих лондонских друзей-эмигрантов.

«Как будто за обязанностями к народу мы не понимаем обязанностей к самим себѣ, к человѣческому достинству». Дальше слѣдует заявленіе, вся справедливость котораго выяснилась только теперь. «Мы не вѣрим в возможность облагодѣтельствовать народ путем декретов и распоряженій свыше, а соціализм царскій либо якобинскій оба сводятся к одному: к аракчеевщинѣ». Приведу из брошюры Степняка еще одно мѣсто, насыщенное современностью. Автор доказывает, что только при условіи общей свободы, допускающей участіе всего народа в обсужденіи и рѣшеніи общественных вопросов, «разумѣя под народом націю, а не одних представителей физическаго труда», поясняет Степняк, — только под таким условіем возможно успѣшное проведеніе в жизнь каких-нибудь новых идей и начал, в том числѣ перестройка экономических отношеній на началах соціализма. Из этой предпосылки слѣдует вывод: «Мы за распространеніе свободы вширь и вглубь, в центрах и переферіях общественнаго тѣла, за мѣстное и областное самоуправленіе, за феодализм, при котором всѣ племена и земли, входящія в состав государства, стали бы ея хозяевами. Нам дороги интересы свободы всѣх русских без различія партій, и мы готовы защищать ее во имя того общаго внѣклассоваго чувства гражданской солидарности, которое существует во всѣх передовых странах в тѣм большей степени, чѣм онѣ культурнѣе». Эти взгляды на Россію составляли также взгляды и Н. В. Чайковскаго.

В настоящее время мы видим, как теоретики в Россіи развивают такой любопытный тезис: «свобода мысли это широкое, полное, неотъемлемое право всѣх думать так, как в данный момент признает правильным правительство». Мы видим, как тѣ же теоретики коммунизма оправдывают гоненіе не только на всѣх инакомыслящих буржуа, но даже на коммунистов, толкующих установленное ученіе не совсѣм так, как приказывает начальство. В началѣ девяностых годов XIX вѣка Степняк высказывает от имени своих самых близких друзей, как Н. В. Чайковскій, Ф. В. Волховскій и Л. Э. Шишко, мысли, которыя теперь могут быть цѣликом вставлены в программу всѣх демократов, борющихся с деспотизмом всякаго рода и во всѣх проявленіях его. «Только гарантируя свободу нашим противникам, мы обезпечиваем свою собственную. Наука свободы вовсе не в том, чтобы умѣть

дѣлать и говорить то, что нам пріятно или выгодно, — это всякій умѣет, не учившись, — а именно в выработкѣ способности переносить непріятное, даже прямо вредное, раз оно является результатом пользованія общими с нами правами. Эти цѣнныя мысли извѣстны были еще Радищеву. «В области истины, в царствѣ мысли и духа не может никакая темная власть давать рѣшенія, и не должно, не может того правительство... Муж, явно творяй правду и твердый в правилах своих, допустит всякій глагол о себѣ. Он ходит во дни и творит себѣ на пользу клевету своих злодѣев. Откупы в мыслях вредны». (Радищев. «Путешествіе»). Дальше С. М. Кравчинскій переходит к вопросам политической тактики. Тут выступает на время русскій революціонер - теоретик. И тут опять мысли Кравчинскаго соотвѣтствовали мыслям Н. В. Чайковскаго. Этими мыслями объясняются симпатіи Н. В. Чайковскаго к народовольцам и его близкое участіе впослѣдствіи в партіи Соціалистов-Революціонеров. «В политикѣ — мы революціонеры не только до прямого народнаго возстанія, но до военных заговоров, до ночных вторженій во дворец, до бомб, до динамита». И тут же Степняк прибавляет, что, сидя за границей, нельзя посылать других в Россію на террор. Нельзя науськивать людей на дѣйствія, опасность которых не раздѣлялась. Но всѣ подобныя дѣянія нравственно оправдываемы. «Мы готовы защищать их и признавать свою нравственную солидарность с ними, раз они будут вызваны», говорит С. М. Кравчинскій.

Крайне интересно, что даже анархист П. А. Кропоткин, стоявшій в сторонѣ от организаціи, в которой участвовали его самые близкіе старые друзья, тоже отчасти поддался вліянію Англіи во взглядах на политическія права. «Мы не станем утверждать, хотя это и говорится во время споров, чтобы политическія права не имѣли для нас никакой цѣны, — говорит, напр., П. А. Кропоткин в одной из своих брошюр. «Мы превосходно знали, что в Западной Европѣ со времени уничтоженія крѣпостной зависимости, а тѣм болѣе в концѣ XVIII вѣка, народ пріобрѣл и нѣкоторыя весьма цѣнныя права. Крестьянин и рабочій перестали быть безправными рабами; западно-европейскаго крестьянина никто не посмѣет сѣчь, как сѣкут крестьян по сію пору в Россіи... Даже русскій крестьянин, с уничтоженіем крѣпостной зависимости, пріобрѣл

нѣкоторыя личныя права, настолько цѣнныя, что вполнѣ оцѣнить их может только тот, кто сам когда то нес крѣпостное право.

В отношеніи к Россіи, П. А. Кропоткин цѣнил политическія права, как цѣнит их каждый русскій демократ со времени Радищева. В отношеніи к своей родинѣ П. А. Кропоткин был не анархист, а прямой идейный потомок декабристов. Пишущій эти строки отчетливо помнит свое первое посѣщеніе П. А. Кропоткина в 1896 году. Петр Алексѣевич с необыкновенным чувством читал своей маленькой дочери «Дѣдушку» Некрасова:

Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол;
Волю да землю им дали...
...Воля и труд человѣка
Дивныя дивы творят.

Мнѣ кажется, я привел достаточно фактов для доказательства того тезиса, что на англійской почвѣ результатом наблюденія над жизнью настоящей демократіи — в міровоззрѣніи русских эмигрантов является значительный переворот. В особенности мѣнялся взгляд на значеніе политических прав.

IV.

В концѣ 1887 года началась новая политика русскаго правительства в отношеніи к политическим ссыльным. В октябрѣ 1887 года партія административно-ссыльных была жестоко избита прикладами в иркутской тюрьмѣ. Двадцать перваго марта 1889 года произошла бойня политических ссыльных в Якутскѣ. Послѣдствіем был военный суд и три казни (7 августа 1889 г.). Шестого ноября 1889 г. на Карѣ наказана розгами политическая ссыльная Надежда Сигида, скончавшаяся через три дня. При извѣстіи о ея смерти отравились на мужской и женской Карѣ 18 политических заключенных, из которых умерли, Калюжная, Смирницкая, Ковальская, Колюжный, и Бобохов. Когда сообщеніе об этих ужасах достигло до Западнаго міра, оно вызвало ряд протестов в Соед. Штатах и в Англіи. Негодующія статьи по-

явились тогда в «Times», в « Fornightly Review» и в «New Review». По иниціативѣ С. М. Кравчинскаго в Англіи возникло тогда Общество Друзей русской Свободы, во главѣ котораго стал президент Либеральной Федераціи Великобританіи доктор прав Роберт Спенс Уотсон. /Общество это имѣло цѣлью «способствовать дѣлу политической и религіозной свободы въ Россіи всѣми законными средствами».

«Общество Друзей русской Свободы имѣет цѣлью: 1) доставлять публикѣ точныя свѣдѣнія о таких дѣлах, совершающихся в Россіи, которыя тамошній полицейскій надзор старается (и часто — успѣшно) укрыть от общественнаго глаза — читаем в программѣ организаціи; 2) поддержать дух русских либералов в их борьбѣ, давая им видимое доказательство того, что остальной цивилизованный мір сердцем своим — за одно с ними; 3) не давать ослабѣвать общественной бдительности и тѣм предотвращать постоянно грозящую Европѣ и Америкѣ опасность — сдѣлаться невольными сообщниками или подстрекателями в звѣрствах, к которым онѣ могуг чувствовать только ужас; 4) оказывать русским политическим ссыльным в Сибири такую поддержку, которая могла бы придать им бодрость в попытках вернуть себѣ свободу посредством побѣга». С этой цѣлью Общество начало, между прочим, издавать на англійском языкѣ ежемѣсячный журнал «Free Russia». В Англіи журнал этот просуществовал почти восемнадцать лѣт. Первым редактором журнала был С. М. Кравчинскій, затѣм редакторами «Free Russia» были В. Ф. Волховскій и будущій член парламента Ф. Грин. Перед нами старый и вѣрный друг Н. В. Чайковскаго. Грин был англиканским священником, затѣм сложил с себя сан, так как стал скептиком. Он много лѣт был соціалистом и революціонером, очень внимательно изучая Россію и принимая близкое участіе в русских дѣлах. Большевицкій переворот толкнул Грина направо. Оставаясь другом Н. В. Чайковскаго, Грин с теченіем лѣт стал тори-демократом и таковым вступил в Парламент. От 1889 до 1893 г.г. «Free Russia» выходила также и в Америкѣ. Журнал представлял собою печатный орган Американскаго Общества Друзей русской Свободы и издавался Л. Б. Гольденбергом. Такое же изданіе «Free Russia» выходило в теченіе нѣсколькихъ мѣсяцев в Швейцаріи на нѣмецком языкѣ.

Н. В. Чайковскій принимал участіе в «Free Russia» с первых же номеров; но вскорѣ у него нашлось в Лондонѣ еще болѣе близкое и родное дѣло — «Фонд вольной русской прессы». Организація эта возникла в Лондонѣ в 1891 году. Цѣлью «Фонда» было — «удовлетвореніе ощущаемой в настоящую минуту в Россіи потребности в свободном печатном словѣ». «Считая будущее русскаго народа результатом всѣх существующих попутных теченій и мнѣній в Россіи, — заявляла организація «Фонда» — издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіем только своих личных воззрѣній». «Фонд» ставил себѣ, в значительной степени, тѣ же задачи, как Герцен и Огарев, когда они устраивали в Лондонѣ первую Вольную типографію. Мотивируя перепечатку запрещенных в Россіи изданій, «Фонд» повторял аргументы, приведенные Герценом и Огаревым в предисловіи к сборнику «Потаенная литература». «Обращеніе запрещенной литературы среди русских обывателей, — писал «Фонд», — полезно не только пропорціонально достоинству ея политическаго содержанія, но и само по себѣ, просто как повод к нарушенію полицейскаго запрета, тиранническаго и унизительнаго для человѣческаго достоинства личности. Чѣм чаще и настойчивѣе совершается такое нарушеніе, тѣм скорѣе запрет превратится в мертвую букву. Всю Россію нельзя ни арестовать, ни сослать. А между тѣм только практика подобных ежедневных нарушеній превращает забитых обывателей в свободных граждан. «Фонд», слѣдуя этому принципу, распространял оппозиціонныя и революціонныя изданія различных партій (народовольческія, соціал-демократическія, драгомановскія, толстовскія, кромѣ того, «Фонд» скупил у Трюбнера остатки Герценовских изданій, распространял и их). «Фонд» издал болѣе 25 книг и брошюр: «Подпольную Россію», «Андрей Кожухов», «Новообращенный» Степняка, «Воспоминанія о Н. Г. Чернышевском», «Чудная» Короленко, «Конституцію» Лорис-Меликова, «Ходатайство русских литераторов», «Гоненія на духоборов», «Азбуку соціальных наук» Флеровскаго, «Кто чѣм живет» Дикштейна. с 25 декабря 1893 года «Фонд» стал выпускать «Летучіе Листки». Он же издал в 1897 г. ставшій классическим Сборник «За сто лѣт», составленный Бурцевым.

«Фонд» был основан Н. В. Чайковским, С. М. Кравчин-

ским, Л. Э. Шишко, В. Ф. Волховским и М. В. Всѣ основатели, кромѣ В., были люди, отлично знавшіе друг друга и связанные старинной, многолѣтней дружбой. В. был человѣк чужой. Обладая большим честолюбіем, он желал быть в «Фондѣ» всегда на «первых ролях». Не будучи совершенно литератором, он хотѣл играть выдающуюся роль в «Летучих Листках». И на этой почвѣ у него возникали безпрерывные споры с Ф. В. Волховским, причем примирителем являлся Н. В. Чайковскій.

Н. В. Чайковскій по добротѣ своей, по выдержанности характера и по вліянію на окружающих, всегда бывал посредником, исповѣдником и примирителем. Так было в Петербургѣ, так было в Канзасѣ, так было и в Парижѣ. В 1888 году, напр., Л. Тихомиров «исповѣдался» раньше всѣх перед Н. В. Чайковским, открыв ему, что перемѣнил свои взгляды. «Ты умѣл нѣсколько раз в жизни думать по своему» — писал Тихомиров Чайковскому 18 апрѣля 1888 года. «Я теперь безусловно **один** — читаем мы в том же письмѣ. — Я имѣю против себя **всѣх,** реакціонеров и революціонеров всяких направленій... Я вполнѣ сознаю, что вѣроятнѣе всего меня съѣдят. Я пишу **тебѣ.** С массой ничтожностей я не стану объясняться». К посредничеству Н. В. Чайковскаго обращались, когда возникали недоразумѣнія в Фондѣ. Он отвѣчал с чисто ангельским терпѣніем даже на наполненныя бранью письма вродѣ слѣдующаго. «Ваша группа, очевидно, имѣет тенденцію превратиться в ближайшем будущем в антисектантскую секту — писал 26 іюня 1893 года Фонду нѣкій Баранов. — Вы относитесь к здѣшней публикѣ с презрѣніем и высокомѣріем чисто сектантским и Ваша увѣренность, что только Ваша группа обладает истиной и одна вступила на историческій путь опять-таки чисто сектантская». Нетерпѣливые члены Фонда, как Волховскій, совѣтовали отвѣчать на такія письма рядом «полемических красот», но Н. В. Чайковскій отвѣчал спокойно, по существу. Посредником и миротворцем Н. В. Чайковскій выступал, когда выходили недоразумѣнія у Фонда с Флеровским и с В. Л. Бурцевым по поводу сборника «За сто лѣт». «Миротворчество» Н. В. Чайковскаго всегда давало положительные результаты; но даже он ничего не мог сдѣлать, когда возникли недоразумѣнія между Волховским и В. В 1894 году послѣдній выбыл из комитета Фонда, в состав котораго всту-

пили страые друзья Н. В. Чайковскаго и Ф. В. Волховскаго Е. Е. Лазарев и Л. Б. Гольденберг. Первый бѣжал из Сибири, тогда как второй возвратился в Лондон послѣ десятилѣтняго пребыванія в Соединенных Штатах. Е. Е. Лазарев вскорѣ уѣхал в Швейцарію, тогда как Л. Б. Гольденберг стал самым дѣятельным членом комитета. Лазарь Борисович Гольденберг был далеко не заурядный человѣк. В шестидесятых годах он был студентом Петербургскаго Технологическаго института; он пугал слушателей страшными датами, вродѣ слѣдующих: «Когда мы в 1868 году устроили сходку по случаю похорон Д. И. Писарева» . . .

— Гольден, а вы Святополка Окаяннаго помните? — непочтительно спрашивала его дочь П. А. Кропоткина.

Лазарь Борисович был одним из любимых студентов Менделѣева, который желал оставить его при институтѣ, но тогда чистая наука не могла захватить всецѣло молодежь. Послѣ студенческих волненій 1869 года, Л. Б. Гольденберг был арестован и сослан в Кадников, откуда потом был переведен в Петрозаводск. В 1877 году Гольденберг, резонно рѣшив, что достаточно прожил в ссылкѣ, бѣжал за границу. Основной чертой характера Гольденберга была практичность и дѣловитость. Он, вслѣдствіе этих качеств, стал незамѣнимъ при устройствѣ типографій сперва в Швейцаріи, а потом в Лондонѣ, гдѣ печатался журнал «Вперед». Вслѣдствіе своей дѣловитости и независимости, Л. Б. Гольденберг с перваго же дня, как попал в ссылку, отказался жить на средства родных или на партійный счет, а родные у него были очень состоятельные. Л. Б. был единоутробный брат извѣстнаго профессора финансоваго права, а впослѣдствіи — крупнаго чиновника И. И. Кауфмана. За границей Гольденберг поступил рабочим на красильный завод, и тут сказалась талантливость его, как технолога. Менделѣев не даром хотѣл оставить его при институтѣ. Л. Б. Гольденберг сдѣлал открытіе на заводѣ и быстро пошел в гору. В 1882 г. послѣ одной прокламаціи, напечатанной «Народной Волей», с которой ни в коем случаѣ не мог согласиться, Гольденберг уѣхал в Америку, гдѣ пробыл 10 лѣт. Одно изобрѣтеніе свое, которое он там продал, дало ему средства на всю жизнь, тѣм болѣе, что до конца Л. Б. Гольденберг сохранил и манеры и нетребовательность стараго нигилиста шестиде-

сятых годов. Когда возник «Фонд вольной русской прессы», Н. В. Чайковскій позвал его в Европу. Л. Б. Гольденберг немедленно ликвидировал свои дѣла и пріѣхал в Лондон, чѣм, между прочим, ужасно обрадовал дѣтей Ник. Вас. Для них он был «дядя Гольден», изобрѣтатель столь чудесных сказок, что дочери Ник. Вас. Чайковскаго постоянно писали ему в Америку, прося разсказать сказку, «хотя бы в письмѣ». Как человѣк дѣловой и как большой организатор, Л. Б. Гольденберг взял на себя всю хозяйственную сторону Фонда, при котором немедленно устроил русскую типографію. Наборщиком и метранпажем был старый поляк Вержбицкій, политическій бѣженец 1863 года, работавшій еще у А. И. Герцена в «Колоколѣ». Другим видным членом Фонда был старинный друг Ник. Вас. Чайковскаго Ф. В. Волховскій. Он прибыл в Лондон послѣ побѣга из Сибири через Японію и Америку, о котором удивительно интересно разсказывал англичанам в своих лекціях. То был очень экспансивный, веселый и остроумный человѣк, с неправильным, умным лицом и живыми глазами. Он пересыпал свою рѣчь украинскими прибаутками и поговорками. (Родом он был из Полтавы, гдѣ отец его был почтмейстером). В. Ф. Волховскій в совершенствѣ разсказывал украинскіе анекдоты, так как обладал большим сценическим талантом. Как человѣк общительный и пріятный, Феликс Вадимович имѣл многих близких друзей в разных кругах англійскаго общества. И не тольло англійскаго. Его друзьями были и индусы, и впослѣдствіи знаменитый китайскій доктор Сун-Ят-Сен. Для англичан, когда приходилось, Волховскій писал дѣльно, сдержанно, придерживаясь мудраго правила, чтобы «словам было тѣсно, а мыслям просторно». Как русскій публицист, Волховскій усвоил манеру, выработанную нелегальной печатью за границей и перенесенную теперь в Россію, гдѣ совѣтскіе публицисты усовершенствовали и углубили ее. Манера эта заключается в том, что сильныя мысли замѣняются сильными словами. Эту манеру Н. В. Чайковскій очень не любил и называл «заушеніями Феликсовыми». Приведу выдержку из статьи Ф. В. Волховскаго в «Летучих Листках» по поводу Ходынской катастрофы. Ник. Вас. тогда очень возражал против «заушенія», но Волховскій отстоял форму своей статьи. «Слава русскому царю, слава его приспѣшникам! Назвал гостей не ка-

ких-нибудь, а все вѣнценосных, да звѣздоносных, а наварили такого пива, какого еще никто не варивал: с того пиза четыре тысячи восемьсот человѣк русскаго народа без хмѣля пьяны стали, да так пьяны, что, гдѣ легли, там больше и не встали... Большіе господа в это время плясали, друг другу комплименты говорили, царя утѣшали, потому, видите-ли, царь шибко огорчился, слезы проливал, а господин Власовскій, как сказывают, застрѣлиться хотѣл! О, будьте вы всѣ, пьявки русскаго народа, семижды семьдесять раз прокляты со всѣми вашими крокодиловыми слезами, с вашими іудиными тысячами «пострадавшим семьям», которыми вы думаете откупиться от отвѣтственности за ваше подлое легкомыслiе... Как вы смѣете говорить о ваших слезах?» и т. д. («Летучіе Листки», 30 іюня 1896 г.). Волховскій был человѣк умный, образованный, талантливый, умѣвшій писать серьезно (доказательством, напр., является брошюра «Чему учит конституція гр. Лорис-Меликова», изданная Фондом вольной русской прессы), но это «заушеніе» представляло собою выработанный тогдашней заграничной печатью «обязательный стиль». О литературном талантѣ Ф. В. Волховскаго можно судить по сборнику «Случайныя пѣсни», вышедшему в 1907 году в Москвѣ. Точнѣе говоря, не по оригинальным стихотвореніям, а по переводам из иностранных поэтов, помѣщенным в сборникѣ. Вот, напр., выдержка из извѣстнаго стихотворенія Томаса Гуда «Золото» в отличном переводѣ Ф. В. Волховскаго:

Золото ! Золото ! Золото ! Золото !
Ясное, твердое, вѣчно холодное,
Лито и кованo, плющено, колото...
Все кабалящее, вѣчно свободное...
Коплено, мѣняно, крадено, теряно,
Занято, роздано, быстро промотано,
Ты, что добыто цѣною злодѣйства,
Всяких страданій, холода, голода, —
Благо иль ужас милльонов семейств, —
Золото ! Золото ! Золото ! Золото !

V.

«Фонд вольной русской прессы» пріобрѣл большую извѣстность. Он безпрерывно посѣщался самыми разнородными пріѣзжими из Россіи. На 15, Августус роад заглядывали вообще россіяне, желавшіе узнать, что дѣлается на бѣлом свѣтѣ и... в Россіи. Самодержавіе, конечно, стояло тогда в милліон раз тверже на ногах, чѣм совѣтская власть послѣ десятилѣтняго существованія. Пріѣзжим из Россіи, а в особенности из провинціи, незыблемость самодержавной власти казалась аксіомой. Со стороны, т. е. из Лондона, во всем монументальном зданіи видны были глубокія трещины. Н. В. Чайковскій, бесѣдуя с пріѣзжими, убѣждал их, что Россія гораздо ближе к перевороту, чѣм казалось им, вырвавшимся из темнаго лѣса провинціи. Свой взгляд на «трещины» Н. В. Чайковскій формулировал в статьѣ «Новыя силы», помѣщенной в «Летучем Листкѣ» за 30 іюня 1896 г. Автор указывал на явленія громадной исторической важности, постоянно обозначавшіяся в теченіе послѣдняго времени: «Это почти безпрерывный ряд стачек на фабриках и заводах, запрос на образованіе и чтеніе в массѣ городского и даже сельскаго населенія и необыкновенно быстрый рост раціоналистическихъ сект в народѣ, несмотря на безчеловѣчныя, чисто византійскія репрессіи». Всѣ эти явленія, по мнѣнію Н. В. Чайковскаго, несомнѣнно представляли собою «полную наличность симптомов пробужденія народнаго самосознанія во всѣх сферах жизни». Россіяне, заглядывая в «Фонд», обязательно запасались книжками. Пріѣзжіе пробирались в «Фонд» со страхом и трепетом, «бочком», чуть ли не ползком, нахлобучив шляпы и втянув головы в поднятые воротники пальто. Им всюду мерещились шпіоны, производящіе фотографическіе снимки, которые потом, как corpus delicti, представлены будут жандармам в Волочискѣ. И когда два извѣстных русских общественных дѣятеля попали, вмѣстѣ с Н. В. Чайковским, на обѣд по подпискѣ в честь Томсона, редактора популярной в то время радикальной газеты Reynolds' Newpaper, они нырнули под стол, когда было объявлено, что сейчас всѣх снимут. Надо сказать, что россіяне, желавшіе посѣтить Фонд, тогда трепетали все-таки куда

меньше, чѣм дрожат теперь обыватели, вырвавшіеся на время из самой свободной республики. Эти вообще запуганы до родимчика еще раньше, чѣм попадут в Лондон. Русскіе интеллигенты, поступившіе на службу к совѣтскому правительству, запугивают путешественников. Пріѣзжему из счастливой страны свободы разсказывают про поразительную бдительность совѣтских соглядатаев, которым «рѣшительно все извѣстно». И трепещущій пріѣзжій, усматривая повсюду агентов своего рабочаго и крестьянскаго правительства, боится самой невинной встрѣчи даже со старыми друзьями, с которыми работал много лѣт. Такого великаго трепета не было в самыя мрачныя времена стараго режима.

Заглядывали затѣм в Фонд русскіе, привозившіе с собою документы для опубликованія за границей. Таким образом, напримѣр, доставлено было всеподданнѣйшее прошеніе русских писателей и «Записка о нуждах печати» опубликованныя Фондом. Из 149 писателей и ученых, подписавших прошеніе, многіе умерли, но многіе еще здравствуют, пребывая, в большинствѣ, за рубежом. Когда они писали: «Государь! В составѣ ваших подданных есть цѣлая профессія, стоящая внѣ правосудія, профессія — литературная», — они не подозрѣвали, конечно, что придет время, когда их объявят совершенно внѣ закона и прекратят в Россіи всякую литературу, кромѣ казенной. Таким образом, это пріѣзжіе из Россіи привезли Фонду Замѣтки диктатора 1880 года, напечатанныя в 1883 году особой брошюрой под названіем «Конституція графа Лорис-Меликова». «Настоящая брошюра почти цѣликом состоит из документов, впервые появляющихся в печати и драгоцѣнных для самых различных партій русской оппозиціи, — говорит «Фонд» в предисловіи к «Конституціи». — Что касается политических взглядов автора, оцѣнки событій и всего освѣщенія предлагаемаго историческаго матеріала, то издатели отвѣтственности за них на себя не принимают и высказываются по этим предметам в особой брошюрѣ». Брошюра эта была написана потом Ф. В. Волховским и выпущена в 1894 году Фондом под заглавіем «Чему учит конституція гр. Лорис-Меликова». Появленіе замѣток гр. Лорис-Меликова в го время, конечно, имѣло большое значеніе. Надо сказать, однако, что в Россіи

тогда циркулировали болѣе разработанные проекты конституцій, чѣм доклад Лорис-Меликова. Один такой проект, напримѣр, был доставлен Фонду и напечатан приложеніем к № 11 «Летучих Листков». По проекту этому, новая Россія, сохраняя во главѣ своей императоров, строится по принципу областничества. Законодательная власть в Россіи принадлежит палатѣ народных представителей, выбранных посредством народнаго голосованія лиц по одному на 300.000 населенія. «Россійская имперія раздѣляется на области, в которых учреждаются сеймы. В землях, присоединенных к имперіи послѣ 1850 г., учрежденіе сеймов может быть пріостановлено, с предоставленіем нѣкоторых из функцій областным совѣтам. В Царствѣ Польском учреждается особый сейм на правах областного. Проект конституціи, разработанный очень тщательно и с большим знаніем, был доставлен Фонду, кажется, через посредство извѣстнаго в свое время юриста и общественнаго дѣятеля Л. А. Куперника, отца писательницы Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Россіяне привозили для обнародованія и неизмѣримо болѣе секретные документы. Так в «Летучем Листкѣ» за 12 ноября 1895 года напечатан любопытный Журнал засѣданія особаго совѣщанія, образованнаго по высочайшему повелѣнію для выслушиванія объясненій министра путей сообщенія, гофмейстера, тайнаго совѣтника, А. К. Кривошеина. Особое совѣщаніе разсматривало слѣдующія нареканія, падавшія на А. К. Кривошеина. «По поводу возстановленія дровянаго отопленія на южном участкѣ Либаво - Роменской желѣзной дороги», «По поводу распоряженій инженера Ходоровскаго в отношеніи поставки лѣсных матеріалов на Полѣсскія желѣзныя дороги», «По поводу порубки лѣса кемергера Струкова для Полѣсских желѣзных дорог», По поводу постройки Гадячской желѣзнодорожной вѣтви», «По предмету сдачи типографіи князя Мещерскаго типографских работ Управленія Казенных желѣзных дорог и желѣзных дорог Балтійской, Псковско-Рижской, Николаевской и С.-Петербургско - Варшавской», «По поводу покупки Шкловскаго имѣнія и возникшаго из эгой покупки процесса А. К. Кривошеина с евреями - лѣсоторговцами». Лицо, доставившее «Журнал» для напечатанія, сдѣлало такую приписку: «На обвиненія, выдвинутыя против него на особом совѣщаніи, Кривошеин не

мог представить никаких удовлетворительных объясненій. Тогда министр внутренних дѣл И. Н. Дурново, состоящій должником Кривошеина, попробовал свои силы для спасенія. У Кривошеина нашелся и болѣе могущественный защитник: вдовствующая императрица. Дѣло было прекращено по высочайшему повелѣнію. Кривошеин возвратил Дурново его векселя».

Пріѣзжали также в Фонд россіяне, привозившіе с собою послѣдніе анекдоты о дѣятельности цензоров (напр., Одесскаго О. І. Ламкерта), или мѣстных щедринских «Пафнутьевых». Наибольшее количество таких анекдотов касалось дѣятельности ген. П. А. Зеленаго, когда-то, в ранней юности, плававшаго на «Палладѣ» вмѣстѣ с И. А. Гончаровым. (Это тот самый мичман П. А. З., который при каждом случаѣ «распѣвал басом: «Не бил барабан»), а потом состоявшаго одесским градоначальником. По совѣту Н. В. Чайковскаго, длинный список «зеленовских анекдотов» был помѣщен в «Летучих Листках» от 20 мая 1895 г. под общим названіем «Похожденія Камаринскаго мужика». К слову сказать, Ник. Вас. удивительно владѣл великорусским языком. Чайковскій знал массу прибауток, поговорок и красочных словечек, которыя умѣл употреблять кстати в разговорѣ. Крайних молодых марксистов, начавших появляться в Лондонѣ в самом концѣ XIX вѣка, Ник. Вас. назвал «долбежниками». Одного яраго долбежника он опредѣлил так: «Стоит Ермак, на нем колпак, ни шит, ни крыт, ни поярковый». Этот изумительный народный язык, воспринятый в дѣтствѣ в деревнѣ, Н. В. Чайковскій сохранил и в университетѣ, и в долгіе годы скитаній за рубежом. «Зеленовскіе анекдоты», свидѣтельствовавшіе о великом самодурствѣ и о безпредѣльном безправіи, не имѣли ничего равнаго себѣ, покуда не явились неизмѣримо болѣе странные и в то же время еще болѣе глупые «совѣтскіе анекдоты», **никогда** не имѣющіе «счастливаго конца», который иногда имѣли анекдоты про ген. П. А. Зеленаго. Столь же забавны анекдоты о цензорѣ Ламкертѣ, помѣщенные в «Летучих Листках», хотя этот цензор никогда не дошел до того, чтобы вычеркнуть слово «Петрографія» и замѣнить его словом «Ленинграфія», как это сдѣлал совѣтскій Фрейганг. Пріѣзжали в Фонд и представители молодой Россіи, привозившіе для напечатанія брошюры или книги. Так, в 1900 го-

ду пріѣхал из Галле молодой, русоволосый студент, посланный кружком молодежи, мечтавшей о политической борьбѣ. Кружок этот рѣшил перевести на русскій язык «Записки Революціонера» П. А. Кропоткина. Переводчиком книги был пишущій эти строки, а печатал ее «Фонд». Русоволосый юноша с типичным русским лицом, пріѣхавшій для конспираціи под фамиліей Брауна, был Н. Д. Авксентьев.

В Фонд иногда являлись из Россіи странные типы. Пріѣхал, напр., страшно законспирировав себя, чрезвычайно нервный, вытянувшійся, как тычина, молодой человѣк лѣт восемнадцати, и сейчас же, размахивая руками и крича на весь дом, стал сообщать, что задумал «центральный террористическій акт», при чем допытывался, «как это сдѣлать». Ему сказали, что Фонд такими дѣлами не занимается, и что вообще про них говорить не надо. Пріѣзжали столь же юные и столь же нервные прожектеры, доказывавшіе, что революцію в Россіи «можно сдѣлать хоть завтра», если имѣть только 500 рублей, не больше. Всѣх этих полубезумных и совсѣм безумных чудаков принимал обыкновенно Л. Б. Гольденберг, обладавшій терпѣніем, большим остроуміем и огромным запасом невозмутимой «bonhomie». Страшный террорист, получив в подарок послѣдній номер «Летучаго Листка», успокаивался и через четверть часа уже забывал про свой кровавый проект. Заглядывала и другая публика, точно знавшая, чего хотѣла. Я говорю о шпіонах. В сущности говоря, вся дѣятельность «Фонда» не представляла ничего страшнаго, так как ограничивалась печатаніем внѣпартійных книг, брошюр и «Летучих Листков», тоже стоявших внѣ партій; но, судя по любопытному «Царскому листку», изданному редакціей журнала «Былое», в Парижѣ, в 1909 году, Николай II очень интересовался лондонской организаціей. Государю доносили и про то, кто редактирует «Летучіе Листки», и про каждое маленькое недоразумѣніе между главными сотрудниками, и про перехваченныя письма Фонда *). Информатором

*) «В Департаментѣ полиціи получено агентурным путем письмо от извѣстнаго члена фонда лондонской вольной русской прессы Феликса Волховскаго к проживающему в Болгаріи эмигранту Гавріилу Баламазу, — читаем мы в Царском листкѣ. — Сообщая послѣднему о настоящем положеніи дѣла фонда, Волховскій указывает, что фонд, ослабленный отъѣздом на континент таких дѣятельных членов, как Лазарев и Шишко, нуждается в зна-

Департамента Полиціи относительно Фонда, как выяснилось впослѣдствіи, был молодой человѣк, бывшій офицер, Лев Бейтнер, состоявшій в большой дружбѣ с эмигрантом, работавшим для лондонской организаціи.

VI.

В этом очеркѣ нѣсколько раз уж были упомянуты «Летучіе Листки», издававшіеся Фондом до 1899 года, когда на смѣну внѣпартійному свободному журналу явилась партійная газета Э. А. Серебрякова «Накануунѣ». Издавать «Летучіе Листки» было не очень легко. В замѣткѣ «Pro domo sua», помѣщенной в «Летучем Листкѣ» от 1 декабря 1891 г., мы читаем. «Мы не задавались ни сроками, ни объемом, ни рубриками, мы не собирались никого поучать. Наше честолюбіе не шло дальше крика: «Кто есть в полѣ жив человѣк, откликнись!», и стремленія подѣлиться с «жив человѣком» тѣми доходящими до нас отрывочными свѣдѣніями, не могущими найти себѣ мѣста в легальной прессѣ, которыя могут быть ему не безполезны. «Жив человѣк» откликнулся. Он стал сообщать нам общеинтересныя свѣдѣнія и помог нести расходы по изданію». При изданіи каждаго номера «Листка» неизмѣнно возникал вопрос об «общеинтересных свѣдѣніях», и о средствах. Не всегда, когда было надобно, набѣгал россіянин с таким интересным документом, который напечатан, напр., в «Летучем Листкѣ» от 22 марта 1896 года. Документ этот совершенно довѣрительное письмо Дурново к Побѣдоносцеву с предложеніем похода против воскресных школ *). Матеріалы собирали Н. В. Чайковскій, Ф. В. Вол-

---

чительной мѣрѣ в матеріальных средствах, в особенности для изданія Летучих листков, имѣющих, по его словам, возрастающій успѣх в Россіи... Далѣе Волховскій сообщает, что ведет переговоры с одним россіянином об изданіи газеты «Земскій Собор» Информатор царскаго листка сообщает даже, что знает, кто этот «Россіянин».

*) Документ этот начинается так: «Свѣдѣнія, полученныя в теченіе послѣдних лѣт, свидѣтельствуют, что лица, неблагонадежныя в политическом отношеніи, а также часть учащейся молодежи извѣстнаго направленія, по примѣру шестидесятых годов, стре-

ховскій или кто либо другой; но средства всегда добывал Л. Б. Гольденберг. Когда оба «элемента» «Листка» были в наличности, начиналось печатанье. Процесс этот происходил довольно медленно, так как весь набор производился одним человѣком, Вержбицким, завѣщанным, так сказать, еще Герценом, а потом, когда поляк угодил в тюрьму, вмѣстѣ с В. Л. Бурцевым, по дѣлу об изданіи террористическаго журнала «Народоволец», — мальчиком, котораго разыскал и обучил Л. Б. Гольденберг. Когда «Летучій Листок» бывал отпечатан, начиналась отправка его в Россію по адресам, которые хранил в большом секретѣ Л. Б. Гольденберг. Вкладывать листки в конверты одно время помогал полуэмигрант Ш-о, человѣк вполнѣ надежный, но котораго пришлось устранить за своеобразную «проказливость», которая была бы к лицу пятнадцатилѣтнему мальчику, а не пожилому человѣку с сѣдой бородой. Ш-о, по своей иниціативѣ, тайком от Л. Б. Гольденберга, вкладывал в конверты, вмѣстѣ с «Летучими Листками» брошюру «Житіе преосвященнаго Владиміра». К брошюрѣ приложен портрет архіерея. На заглавном листкѣ значилось: «Москва. Печерская типографія П. Правдолюбова. 1895 г.», а на оборотѣ: «Дозволено цензурою. Москва. Марта 2-го 1895 г.». Всѣ эти отмѣтки представляли собою только отвод глаз. Брошюра была напечатана не в Россіи, а в Соединенных Штатах; не в Москвѣ, а в Лос-Анджелосѣ, и содержала несказуемыя обвиненія против бывшаго епископа Алеутскаго и Аляскинскаго Владиміра, пребывавшаго потом викарным епископом Воронежским. В эти обвиненія мы входить не будем. Владимір, усмотрѣв в том, что молодые люди подали в Калифорнійскій суд жалобу против него, «руку

мится к поступленію в воскресныя школы в качествѣ преподавателей, лекторов, библіотекарей и т. д. Такое систематическое стремленіе, не оправдываемое даже изысканіем способа пріобрѣтенія средств для существованія, так как всѣ обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явленіе представляет собою одно из средств борьбы на легальной почвѣ, с существующим в Россіи государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов». Совѣтскіе вельможи, изучавшіе дѣятельность Дурново и Побѣдоносцева, осуществили в области школы то, о чем мечтали вожди черной реакціи.

эмигранта, доктора Николая Русселя» (стараго товарища Н. В. Чайковскаго — Судзиловскаго), послал ему бумагу, в которой говорилось между прочим: «Вы бѣжали из Кіевскаго университета за границу, потому что подлежали русскому суду за нигилистическія убѣжденія и крамольныя дѣйствія против русскаго правительства и церкви, и свободный въѣзд в Россію вам, как преступнику, закрыт»... «В силу правила, Божественною властью мнѣ даннаго... за вышеизложенныя преступленія... да будет человѣк, называющій себя Николаем Русселем, анаѳема маранафа до дня пришествія Господа нашего Іисуса Христа, да будет предан во власть сатаны на муку вѣчную, да будет лишен права называться православным христіанином, да будет лишен таинства св. церкви и христіанскаго погребенія. Всѣм истинным христіанам Аляскинской епархіи запрещается общеніе с ним, согласно древнему обычаю православной церкви под страхом вѣчнаго Божьяго наказанія за преступленія». Преданный анаѳемѣ Руссель, послал всѣ документы, с приложеніем несказуемых обвиненій против Владиміра, К. П. Побѣдоносцеву. Как только бумаги прибыли в Петербург, от св. Сунода получилась в русском генеральном консульствѣ г С.-Франциско телеграмма: «Анаѳема, произнесенная Владиміром над Николаем Русселем, признана Сунодом недѣйствительной и несуществующей. Можете объявить об этом в мѣстных газетах». Побѣдоносцев, кромѣ того, лично телеграфировал Русселю (своему бывшему слушателю): «Письмо получено. Отвѣчаю по почтѣ. Епископ отозван. Чего хотите еще? Процесс был бы непріятен для всѣх. Побѣдоносцев». Обер-прокурор св Сунода имѣл в виду обвиненія против Владиміра в дѣяніях, за которыя когда-то погибло два библейских города. Все изложенное здѣсь вкратцѣ, подробно разсказано в брошюрѣ «Житіе преосвященнаго Владиміра», которую Ш-о, тайком от Л. Б. Гольденберга, пытался вкладывать в конверты вмѣстѣ с «Летучими Листками». По проказливости Ш-о вкладывал также эту брошюру в конверты, разсылаемые аѳонским монахам. Эти конверты поручено было Ш-о надписывать. Ш-о никак не мог понять, почему разсердился Л. Б. Гольденберг, когда дѣло раскрылось, и почему он отказался от помощи проказника.

VII.

Н. В. Чайковскій был усердным сотрудником «Летучих Листков». Я упомянул уже, что Ник. Вас. постоянно воевал с стремленіем Ф. В. Волхозскаго «заушать». В присутствіи пишущаго эти строки Чайковскій напомнил своему товарищу, любившему рѣзкую полемику, тѣ слова Іоанна IV в трагедіи А. К. Толстого, которыя царь произносит, когда ему читают письмо Курбскаго:

За безопасным сидя рубежом,
Ты лаешься, как пес из-за ограды!

В своих статьях, помѣщенных в «Летучих Листках», Н. В. Чайковскій внимательно присматривается или к событіям англійской жизни, или же к тому, что происходило в Россіи. Он пытался угадать значеніе явленія и часто проявлял удивительную проницательность. Укажу, напр., на чрезвычайно интересную статью его «Что нам дѣлать», которою начинается тридцать девятый номер «Летучаго Листка» (20 мая 1897 года). Н. В. Чайковскій говорит о новом тогда явленіи в Россіи: о выступленіи государства в роли крупнаго предпринимателя. «На русское правительство приходилось нападать за пристрастіе к крупной фабричной промышленности в ущерб интересам массы потребителей и мелких производителей», — писал Н. В. Чайковскій. — «Теперь же на наших глазах с неимовѣрной быстротой растет и с каждым днем крѣпнет цѣлая экономическая система»... Правительство теперь не только охраняет крупных фабрикантов и заводчиков от конкуренціи извнѣ и извнутри, но «прямо идет к отождествленію экономических интересов русскаго государства с интересами крупной промышленности, которую оно под видом «урегулированія» и «упорядоченія» организует в небывалую еще на свѣтѣ систему **государственнаго капитализма** и таким образом фатально создает совершенный механизм для эксплоатаціи рабочаго народа бюрократіей за одно с капиталистами». Статья В. Н. Чайковскаго встрѣтила горячій отклик со стороны П. А. Кропоткина. «Идея о государственном капитализмѣ и нова, и вѣрна», — писал тогда

Петр Алексѣевич Чайковскому... — «Я подходил к ней, говоря о Германіи, по поводу амурничаній соціал-демократов с Вильгельмом II при его вступленіи на престол, но она путалась у меня с «государственным соціализмом» и «цезаризмом». Многіе нападали тоже на соціал-демократов в Германіи за их поклоненіе государственному производству и сосредоточію, к которому они стремятся, — почты, желѣзных дорог, банков, винной продажи и т. д. в руках государства, чѣм и вызваны были протесты, особенно Бебеля, как бы их не смѣшали со сторонниками Бисмарка в его объединеніи государственнаго страхованія и государственнаго заправленія рабочими союзами». П. А. Кропоткин прибавляет, что эти протесты, «конечно, только политическія слова». К вопросу о государственном капитализмѣ подходили другіе, — продолжает в своем письмѣ Кропоткин; «но этой простой, ясной и вѣрной формулировки — **государственный капитализм** — я никогда не встрѣчал. А между тѣм, одно названіе бросает совершенно новый свѣт на все, что теперь происходит и, как всякое умное опредѣленіе, полно массы послѣдствій». П. А. Кропоткин вполнѣ согласен с Н. В. Чайковским, когда тот прилагает основное положеніе о государственном капитализмѣ к явленіям русской хозяйственной жизни. «Дѣйствительно, Россія становится страной государственнаго капитализма. К этому стремилась и до-революціонная Франція, стремился и Бисмарк. Но нигдѣ он не мог осуществиться так, как в Россіи: 1) двѣ трети земли — государственныя (в Сибири); 2) желѣзныя дороги принадлежат государству; 3) промышленность в руках у государства не только косвенно, но и прямо (теперь регулируют сахарное дѣло). Косвенно же, прибавь пособія, ежегодно выдаваемыя тѣм или другим заводчикам, без которых (пособій) желѣзное дѣло на Уралѣ не могло бы существовать.

Государство — главный банкир. Оно занимало для желѣзных дорог и с теченіем времени скупит их всѣ.

Сто двадцать восемь отдѣленій государственнаго банка выдают милліарды ссуд под хлѣб, товары и торговые векселя. Нервная система производства в его руках».

П. А. Кропоткин пишет дальше, что Н. В. Чайковскій может нарисовать превосходную картину того, как развивается государственный капитализм. «Меня глубоко радует,

что ты так поставил дѣло», — заканчивает Кропоткин свое большое письмо. — «Борьба с государственным капитализмом во имя народнаго хозяйства — понятная формула, которая включает и экономическую и политическую свободу. На нее отзовутся честныя сердца в Россіи, и она объединит их».

VIII.

«Летучіе Листки» имѣли вначалѣ очень скромныя заданія. Для безмолвной Россіи они должны были замѣнить только листок «Под суд», являвшійся когда то приложеніем к «Колоколу». Такой характер носили многія замѣтки, появившіяся с перваго же номера. «Летучіе Листки» имѣли значительный успѣх в Россіи и это заставило расширить их программу. Ф. В. Волховскій полагал, что «расширеніе» должно состоять в большей «ѣдкости» статей, освѣщающих событія в Россіи, тогда как Н. В. Чайковскій, как мы видѣли, думал, что «расширеніе» должно состоять в тщательном изученіи того новаго, что происходит в русской жизни и которое не может быть достаточно опредѣленно выяснено в русской подцензурной печати. Должен появиться новый, свободный орган печати, по возможности, выражающій стремленія всѣх партій, желающих обновленія Россіи. О такомъ печатном органѣ мечтали члены Фонда с 1893 года, а, в особенности мечтал С. М. Кравчинскій. О большой газетѣ или хоть еженедѣльном журналѣ говорили всѣ либерально настроенные русскіе, пріѣзжавшіе в концѣ XIX вѣка в Лондон. Они мечтали о свободном журналѣ, отстаивающем, главным образом, политическую программу. О большой политической газетѣ подобнаго рода — «Земскій Собор» — велись в 1895 г. переговоры и С. М. Кравчинским и старыми друзьями его. Катастрофа оборвала эти переговоры. Двадцать третьяго декабря 1895 года в 10 часов утра в квартирѣ Волховскаго было назначено собраніе членов Комитета «Фонда вольной русской прессы» для окончательнаго рѣшенія вопроса об изданіи в новом году политической газеты «Земскій Собор» подъ редакціей Кравчинскаго-Степняка и при ближайшем участіи Чайковскаго. Степняк жил в разстояніи десяти минут ходьбы от квартиры Волховскаго. По дорогѣ предстояло пере-

сѣчь большой пустырь, гдѣ проходит линія желѣзной дороги. Волховскій часто говорил разсѣянному Кравчинскому, что надо быть осторожнѣе, переходя желѣзнодорожную линію. У необыкновенно крѣпкаго и сильнаго С. М. Кравчинскаго было глубокое презрѣніе к паровозу круговой дороги.

«Да какой это локомотив! Это самовар!», — бывало, отвѣчал он. — «Да я этот самовар мизинцем опрокину!» «Самовар» этот в жизни Степняка сыграл роль «бѣл-горюч камня» в судьбѣ Василія Буслаева. В началѣ 11-го утром 23 декабря Кравчинскій оставил свою квартиру, здоровый, веселый, со словами: «Выступать, так выступать». Он отправился к Волховскому, гдѣ ждал уже Н. В. Чайковскій, рѣшив окончательно вложить всѣ силы в будущую газету «Земскій Собор», которая должна была замѣнить «Летучіе Листки». По обыкновенію Кравчинскій был очень разсѣян и, переходя через желѣзнодорожную линію, не замѣтил приближающагося «самовара». По показаніям работавших у линіи землекопов, С. М. Кравчинскій имѣл вид человѣка, поглощеннаго упорной мыслью или чтеніем. Повидимому, покойный только в послѣдній момент замѣтил приближеніе поѣзда: он повернул лицо и был убит на мѣстѣ ударом в голову. С. М. Кравчинскій пользовался огромной популярностью и большим уваженіем в Англіи. Не только всѣ либеральныя, радикальныя и соціалистическія газеты помѣстили тогда прочувствованные некрологи, но даже «Таймс» и консервативный «Стэндард» отдали дань уваженія почившему патріоту и большому писателю, оказавшему значительное вліяніе на формулировку в Англіи мнѣнія о Россіи. Засѣданіе у коронера, опредѣляющаго в Англіи, в случаѣ насильственной смерти, причины ея, открылось рѣчью самого судебнаго должностного лица. Он в прочувствованных словах указал на общественное значеніе С. М. Кравчинскаго, отмѣтил всеобщее уваженіе, которым тот пользовался в Англіи, и упомянул про литературную извѣстность покойнаго.

Со смертью Степняка замерла мысль о «Земском Соборѣ», но не о вольной газетѣ в Лондонѣ вообще. В 38 номерѣ «Летучаго Листка», вышедшем 12 марта 1897 года, мы находим такое «заявленіе», подписанное Н. Чайковским: «В началѣ апрѣля мѣсяца в Лондонѣ имѣет появиться № 1 новаго періодическаго политическаго изданія «Современник»,

редакція котораго по нѣкоторым обстоятельствам принуждена оставаться анонимной. Во избѣжаніе недоразумѣній и толков с удовольствіем исполняю желаніе лично мнѣ извѣстной редакціи и удостовѣряю ея безусловную политическую честность, хотя сам и не участвую в ней». «Редакція» и всѣ сотрудники «Современника» было одно лицо — довольно извѣстный литератор того времени — Тверской, бывшій предводитель дворянства в одном из уѣздов Тверской губерніи, эмигрировавшій в Соединенные Штаты, откуда писал очень интересныя корреспонденціи в «Вѣстник Европы». Тверской был человѣк с значительными средствами, и поэтому не только сам писал весь номер «Современника», но и печатал его исключительно на свой счет в типографіи «Фонда вольной русской прессы». «Современник», носившій столь претенціозное названіе, представлял собою тоненькую брошюрку в 32 долю листа. О журналѣ ни в коем случаѣ нельзя было сказать: «мал золотник — да дорог». Убійственную, но справедливую критику журнала мы находим в интересном письмѣ П. А. Кропоткина к Н. В. Чайковскому.

«Сейчас получил «Современник» и не могу не написать тебѣ сію же минуту. Да что же это? Точно на либералах лежит печать проклятья. Послѣ мѣсяцев сбора, разрѣшиться этой пустяшною брошюркою! Как студенческое упражненіе на заданную тему, ничего, баллов 9 можно поставить! Но неужели это можно назвать заграничным органом либералов? Просто срам. И как это никто не посовѣтовал ему потерпѣть, чѣм выступать с такою брошюркою. Вѣдь вот Тверской писал, как человѣк, работал, когда писал об американском рабочем движеніи. Куда же все это дѣлось? Кѣм он окружен, с кѣм знается, что никто не посовѣтовал ему поработать сперва. Вѣдь кромѣ общих мѣст, ни слѣда работы **над каким бы то ни было** вопросом русской жизни. Меня берет охота ему написать. Но что за человѣк он? Просто болтает, или всерьез? И, наконец, как это можно взять да выдать руками свою **полнѣйшую** изолированность, напечатав из Россіи эти крошечныя извѣстія? Неужели Тверской такой «самомнѣнный» человѣк, что он ни с кѣм и в Россіи не совѣтовался, не списывался, не сносился раньше, чѣм выступить с этой несчастной брошюркой. Любой либерал в Россіи сказал бы ему: «жидко». Неужели он этой азбуки

журналистики не знает, что **одинокій** человѣк в журнальном дѣлѣ, ничего не стоит? Будь он сам Герцен, **в одиночку** он ничего не подѣлает. Просто обида и зло берет. А между тѣм, с силами — главное с круговой помощью — какой прекрасный, хотя бы даже либеральный орган можно создать. Но теперь — ниже всяких ожиданій. Напиши ты ему, а если хочешь, можешь и это письмо послать. Если человѣк хорошій — не обидится. Ты скажи ему все, на чистоту». Послѣ 4 или 5 тетрадок, Тверскому надоѣл его журнал, и «Современник» прекратился.

О заграничном изданіи бесѣдовал с Чайковским либеральный чиновник министерства земледѣлія В. Ѳ. Нагорскій. побывавшій в 1899 г. за границей. Повидимому, либеральные чиновники гораздо болѣе пылко относились к изданію такого рода, когда пребывали за границей, чѣм когда находились в Петербургѣ. «Сейчас же по возвращеніи из-за границы, я начал зондировать разных знакомых насчет их мнѣнія о необходимости имѣть за границей русскій орган, — писал в 1894 году Н. В. Чайковскому В. Ѳ. Нагорскій. (Дѣло шло об осуществленіи проекта, занимавшаго за четыре года до того Кравчинскаго, т. е. об изданіи газеты «Земскій Собор») — Говорилось также о необходимости поддерживать такой орган как матеріалом, так и деньгами. Говорил я это в средѣ либеральных чиновников, как и я грѣшный. Отношеніе встрѣчалось неопредѣленное — какое то вялое, тупое. «Да, хорошо бы, но удастся ли, пойдет ли, как гарантирована будет безопасность сношеній?» Жизнь таких либеральных чиновников, дрожавших за безопасность ея была, повидимому, очень «притѣснительная», если судить по другому письму того же Нагорскаго к Чайковскому (Страсбург, 3 ноября 1899 г.) «Хотя мы в Россіи пріобрѣли иммунитет ко всему, затупѣли в живости чувства всего этого гнета, но по временам бывает страшно как гадко. Это, конечно, мечтанія, неосуществимыя, но по временам у меня возникает мысль — не перебраться ли со всей семьей в Канаду на вѣчное поселеніе. Однако же, удерживает боязнь не приспособиться к новым условіям и возможность тоски по родинѣ. Заглушаешь здѣсь горечь существованія лишь упорною работою (Я по прежнему служу в министерствѣ земледѣлія) в наиболѣе возможно-справедливом направленіи, т. е.

в направленіи максимума пользы работы, но... очнувшись, всегда чувствуешь, что воздвигаешь работу на пескѣ, что работа может пропасть по капризу министра или по его политическим соображеніям, чтобы не раздражить того или другого из своих коллег, чтобы не навести уныніе слишком мрачным изображеніем положенія страны на царя и т. п. Моя радость здѣсь состоит в статистическо-экономических изслѣдованіях относительно скотоводства, а поскольку послѣднее служит основою сельскаго хозяйства — то и в этом отношеніи. Выводы ужасны».

В самом началѣ XX вѣка в Лондон пріѣхал старый друг Н. В. Чайковскаго — Д. А. Клеменс. И между друзьями снова поднят был вопрос о большом политическом органѣ в Лондонѣ. «Программа журнала в трех словах: современный строй ни для кого и ни к чему не годен, — писал потом Клеменс Чайковскому из Швейцаріи. — Не только для соціалиста, революціонера, крайняго демократа, но для простого умѣреннаго либерала. Он не дает даже личной безопасности, не говоря уже о других условіях общежитія — сносной юстиціи, цѣлесообразной администраціи, возможности получить образованіе... Свобода слова в Россіи выиграет не от блеска статей, а от того, что статьи, разоблачающія крупный скандал, нелѣпость какого нибудь мѣропріятія не могут быть больше замолчаны; что вопросы, разбираемые в журналѣ, прочтут все равно в Россіи... Мнѣ говорили не один раз в Россіи о заграничном журналѣ. Я и высказал, что из всѣх заграничных групп я знаю только одну, на которую мог бы положиться в смыслѣ добросовѣстности, уваженія к чужому мнѣнію и достаточно широкаго взгляда на вещи. Я разумѣл, конечно, вашу группу».

Тот заграничный журнал, о котором мечтали русскіе, осуществился в началѣ XX вѣка не в Лондонѣ, а Штутгардтѣ. Я говорю об «Освобожденіи».

IX.

Четырнадцатаго февраля 1897 года А. С. Суворин внес в свой дневник: «Сегодня в Боголѣпова стрѣлял мѣщанин Карпович, бывшій студент Московскаго университета. Ра-

на в шею». И тут же отмѣтил, что по распоряженію министра внутренних дѣл никаких подробностей печатать не надо. «Какіе глупцы сидят на министерских мѣстах», — энергично комментировал автор дневника это распоряженіе... — «Причины покушенія, повидимому, не исходят из личной мести, а есть результат извнѣ навѣяннаго фанатизма». Причины убійства объяснил сам Карпович в «Письмѣ к друзьям» наканунѣ суда.

«Когда получилось первое извѣстіе, что 60 человѣк сдано в солдаты, во мнѣ поднялась такая буря, в которой я совсѣм не мог разобраться. Дней пять происходило во мнѣ броженіе, потом понемногу стало улегаться, оставив, конечно, извѣстный осадок. Мнѣ и тогда приходило в голову покушеніе на Боголѣпова, но я ни к какому рѣшенію не пришел. Желаніе жить, жить для борьбы, превозмогло. Получилось извѣстіе в газетах, уж истинное. Тут старыя раны вскрылись; правда, не так остро было чувство, но зато глубже. С этой поры и начинается процесс. Много я пережил за это время. Медленно, но вѣрно подвигался я к рѣшенію. Извѣстіе в нѣмецких газетах о смертном приговорѣ рѣшило все. Теперь оно для меня не имѣет значенія, и я почти навѣрное могу сказать, что слух не вѣрен. Но вѣдь это возможно! Я и раньше все это знал, знал головой, а это извѣстіе дало мнѣ пережить всѣм моим существом, над какой пропастью ходят сотни людей, лучших людей Россіи. И я рѣшил отомстить». («Альбом борцов за свободу». Часть I. Нагасаки. Типографія «Воли». 1907 год. стр. 71). Письмо это свидѣтельствует, что П. В. Карпович дѣйствовал только по личной иниціативѣ. Так как революціонная борьба при помощи террора тогда уже не велась нѣсколько лѣт, го выстрѣл Карповича произвел огромное впечатлѣніе в эмигрантских кругах. Н. В. Чайковскій находился в Роттердамѣ, когда произошло убійство Боголѣпова. Об этом террористическом актѣ Ник. Вас. писал Волховскому в Лондон.

«П. Карпович, стрѣлявшій в Боголѣпова — берлинскій студент, но русскій, не состоявшій ни в каких организаціях, террорист и взрослый человѣк. Хоть одна ласточка весны не дѣлает, но при том страстном, нервном напряженіи, которое теперь, очевидно, господствует в Россіи — это «Первое предостереженіе Николаю Романову» едва ли не бу-

дет фатальным началом новой террористической эпохи. Есть уже голоса, требующіе «выдѣленія боевой организаціи», т. е. Испол. Ком. № 2.

Вскорѣ возникла Партія Соц.-Рев., в которой Н. В. принял дѣятельное участіе. Терроризм Чайковскаго правильно, что довольно странно, был оцѣнен еще в 80 годах... Львом Тихомiровым. Он высказал это в любопытном письмѣ к Чайковскому от 5 марта 1888 г. «Я считаю, что террор развратил русское движеніе. В наше время в этом движеніи не было ума, но было богатое чувство; не прибавив ни на волос ума, террор испортил чувство... Замѣть, что это система, которую я ненавижу и презираю, выставляет **меня** своим представителем. Молодежь вербуется в нее моим именем. Еще в 1885 году я приготовил для пятой книжки Вѣстника Народной Воли прощальную статью, гдѣ заявил, что считаю, что террор погубил русское движеніе: эту тему я доказываю подробно. Лавров и другіе сотоварищи по Вѣстнику заявили мнѣ, что я едва ли имѣю право говорить такія вещи в «В. Н. В.». Я подчинился и взял статью назад... О твоем терроpѣ, анархизмѣ и пр. я не говорю. У тебя это религія и поэзія. Если бы у тебя был еще Бог (личный) и жизнь за гробом — я бы даже считал тебя и твоих coreligionnaires — **людьми будущаго** соціальнаго строя, будущей цивилизаціи. Во всяком случаѣ, то, что я говорю не относится к тебѣ, хотя думаю, что без указанных мною атрибутов настоящей, сильной религіи, твоя свобода выродится неизбѣжно в какую нибудь систему бездушную».

Свое отношеніе к террору в 1897 году Н. В. Чайковскій высказал в статьѣ: «Террор без террористов», помѣщенной в сороковом номерѣ Летучих Листков (28 іюля 1897 года). «В заграничной вольной печати опять поднялось боевое террористическое знамя, но по странному недоразумѣнію оно претендует на всю ту новизну и свѣжесть, которую имѣло, когда было выкинуто на Липецком съѣздѣ в 1879 году», — писал Чайковскій и указывал, что поднявшіе знамя за границей совершенно напрасно ссылаются на С. М. Кравчинскаго (Степняка), ибо послѣдній утверждал, что «терроризм», как система отжил свой вѣк и воскресить его невозможно». «Мы говорим не затѣм, чтобы воевать с террористическим принципом, — продолжает дальше Чайковскій. До тѣх пор,

пока самодержавіе будет цѣпляться в Россіи за народное невѣжество и совершать ежедневныя и ежечасныя насилія не только над отдѣльными личностями, но и над цѣлой націей — террористическому принципу в ней всегда будет мѣсто, в критическіе моменты он всегда будет единственным возможным революціонным оружіем. Н. В. Чайковскій указывает на то, что всѣ революціонныя теченія в Россіи, начиная с шестидесятых годов, в концѣ концов, фатально приводили к террористическим попыткам в той или иной формѣ. Весь вопрос был лишь в том, как выступали террористы. Одни, как Каракозов, двигались исключительно своим энтузіазмом, не справляясь с мнѣніем и одобреніем своих товарищей по организаціи, наносили гораздо больше вреда себѣ и своим ближайшим сосѣдям, чѣм врагам. Другіе, как Нечаев, начинали с того, что распространяли террористическій принцип прежде всего на своих же товарищей и тѣм внушали к себѣ отвращеніе даже со стороны друзей, т. е. лишали свое дѣло всякаго нравственнаго престижа, не успѣвши создать для него сколько нибудь прочной организаціонной устойчивости или политическаго значенія. И, наконец, третьи, как все движеніе семидесятых годов, включая соціалистов-народников, землевольцев и народовольцев, приходили к терроризму путем широкаго десятилѣтняго опыта, и цѣлаго ряда попыток идейной пропаганды и организаціи положительнаго характера, движимые той волной энтузіазма, которая охватывала тогда всѣ лучшія интеллигентныя силы всего русскаго народа. Особенностью заключительнаго акта движенія семидесятых годов, по мнѣнію Н. В. Чайковскаго, навсегда останется, что «Народная Воля», как и все глубокое и серьезное в жизни народов, **выросла** вмѣстѣ со своим вѣком, с его идеалами, его методами, а **не была сфабрикована**... Террор не может быть ничѣм иным, как самым послѣдним аргументом народнаго движенія, которому грубая сила готова перерѣзать горло. И чѣм дольше оно находит возможным не прибѣгать к этому послѣднему аргументу, тѣм больше его шансы на побѣду, потому что тѣм оно сильнѣе, тѣм оно нравственно крѣпче. Н. В. Чайковскій признает вполнѣ возможным, что нарастающее в Россіи движеніе, разросшись в еще болѣе глубокую и широкую народную волну, чѣм в семидесятых годах, в концѣ концов также бу-

дет принуждено взяться за террористическое оружіе. «Мы убѣждены, однако, — заканчивает Чайковскій, — что это будет сдѣлано **не вслѣдствіе пропаганды терроризма,** из-за границы, а по сознательному и неизбѣжному рѣшенію русских революціонных организацій». Поступать иначе, т. е. пропагандировать террор из-за рубежа, значило бы не только пытаться «давать второе представленіе на историче**ской сценѣ** (выраженіе принадлежит Степняку), но и давать его сзаду наперед, начиная с послѣдняго акта». Взгляды, выраженные Н. В. Чайковским в статьѣ, написанной в 1897 году дѣлают совершенно ясным, логичным и понятным, почему он присоединился к народившейся, вмѣстѣ с двадцатым вѣком, партіи соціалистов - революціонеров и почему он принимал дѣятельное участіе в ней в теченіе шести лѣт. Террористическіе акты и революціонное движеніе казались тогда вполнѣ естественными и неизбѣжными даже людям, не принадлежавшим к лагерю прогрессистов. Приведу только один примѣр. Второго апрѣля 1902 года убит был Д. С. Сипягин. В дневникѣ А. С. Суворина мы находим такую отмѣтку: «Покойный не был умен и не знал, что дѣлать. Его поставили на трудный пост во время чрезвычайно трудное, когда сильному уму трудно найти путь в самодержавном государствѣ. Надо бы свободы совѣсти, личности, печати. Но какая может быть свобода при самодержавіи министров, поддерживающих самодержавіе. Идеалисты славянофилы находили, что это возможно, но они говорили, что необходимо убрать средостѣніе между царем и народом. А как уберешь это средостѣніе?.. Нѣт, мы подошли к стѣнѣ, которую лбами и усердіем пробить нельзя. Революціонное настроеніе растет, и как оно кончится, сказать трудно». За четыре недѣли до выстрѣла Балмашева, 5 марта 1902 г., А. С. Суворин вносил в дневник сообщеніе о стихійном революціонном движеніи среди крестьян Харьковской и Полтавской губерній, за которым послѣдовало жестокое усмиреніе. «Усмиреніем заняты пять пѣхотных полков и казаки. Экзекуціи и порки немилосердны, — писал Суворин. — Харьковскій губернатор кн. Оболенскій падал в обмороки, присутствуя при расправѣ, но не оставлял ее». Партія соціалистов - революціонеров пользовалась широкими симпатіями лиц, не принадлежавших к револю-

ціонному движенію, а террористическіе акты, направляемые против тѣх, которых всѣ в Россіи считали устоями стараго режима, оправдывались. «На днях был у Витте, — заносит в дневник Суворин послѣ убійства Плеве. — Яростно говорил о Плеве. «Зачѣм о нем пишут? Отчего не пишут о кучерѣ?! — кричал он. «И погиб Плеве отвратительно. Сипягин был ограниченный человѣк, но он умер благородно». Четвертаго августа 1904 г. А. С. Суворин заносит в дневник: «Муравьев представил государю его (Плеве) деспотом, который пользовался именем государя, чтобы дѣлать невозможныя вещи. И он представил доказательства... В бумагах Плеве нашлась груда писем выдающихся администраторов с помѣтками государя. Это все перехваченныя письма, которыми Плеве занимал императора». В программу моей работы совершенно не входит исторія борьбы соціалистов-революціонеров с самодержавіем в період 1900 - 1905 г. г. Я хочу только опредѣлить, почему Н. В. Чайковскій присоединился к ней. В программѣ партіи соціалистов-революціонеров, утвержденной на съѣздѣ в декабрѣ 1905 г., в котором принимал участіе и Н. В. Чайковскій, мы находим такіе пункты. «Партія будет отстаивать, поддерживать или вызывать своей революціонной борьбой... в политической и правовой области: признаніе неотъемлемыми слѣдующих прав человѣка и гражданина: полная свобода совѣсти, слова, печати, собраній и союзов; свобода передвиженія, выбора рода занятій и коллективных отказов от работ (свобода стачек); неприкосновенность личности и жилища; всеобщее и равное избирательное право для всякаго гражданина не моложе двадцати лѣт без различія пола, религіи и національности, при условіи прямой системы выборов и закрытой подачи голосов, — установленная на этих началах демократическая республика с широкой автономіей областей и общин, как городских, так и сельских; возможно бо-

лѣе широкое примѣненіе федеративных отношеній между отдѣльными національностями, признаніе за ними безусловнаго права на самоопредѣленіе; пропорціональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, смѣняемость во всякое время и подсудность всѣх должностных лиц, включая депутатов и судей; безплатность судопроизводства; введеніе род-

ного языка во всѣ мѣстныя, общественныя и государственныя учрежденія; установленіе обязательнаго, равнаго для всѣх общаго свѣтскаго образованія на государственный счет; в областях со смѣшанным населеніем право каждой національности на пропорціональную своей численности долю в бюджетѣ на культурно-просвѣтительныя цѣли и распоряженія этими средствами на началах самоуправленія; полное отдѣленіе церкви от государства и объявленіе религіи частным дѣлом каждаго; уничтоженіе постоянной арміи и замѣна ея народным ополченіем». С нѣкоторыми измѣненіями в отдѣльных пунктах, эта программа **всегда** опредѣляла основные политическіе взгляды Н. В. Чайковскаго.

Н. В. Чайковскій, живя в Англіи, принимал дѣятельное участіе в борьбѣ соціалистов-революціонеров с самодержавіем. Он стремился мобилизовать англійское общественное мнѣніе так, чтобы оно стояло на сторонѣ русскаго народа. Семнадцатаго октября 1905 года многим и в том числѣ Чайковскому казалось, что отнынѣ подпольная борьба в Россіи становится излишней, так как мѣры, необходимыя для развитія русскаго народа, будут обсуждаться отнынѣ в печати и в Думѣ. Иллюзіи эти быстро разсѣялись. Значеніе манифеста 17 октября было «разъясненс» погромами, а первая Дума, открытая 27 апрѣля 1906 года, была разогнана 10 іюля того же года.

Партія соціалистов-революціонеров отправила тогда в Соединенные Штаты Н. В. Чайковскаго, чтобы выяснить населенію Соединенных Штатов истинный характер событій, развертывавшихся в Россіи. Вмѣстѣ с Н. В. Чайковским в Соединенные Штаты поѣхал тогда депутат Первой Думы, представитель партіи трудовиков, А. Ф. Аладьин, стремительно выдвинувшійся за 2 мѣсяца существованія перваго русскаго народнаго собранія и также быстро забытый. До революціи 1905 года А. Ф. Аладьин жил в Лондонѣ и хорошо был извѣстен Чайковскому. Тогда Аладьин был соціалистом, взгляды котораго сформировались под вліяніем англійских дѣл. В тѣ времена в Аладьинѣ невозможно было еще предвидѣть того крайняго «націоналиста», который объявился во время гражданской войны.

X.

Мистер Прайс в письмѣ к Вар. Ник. Чайковской (Нью-Іорк, 15 ноября 1927 года) вспоминает о пребываніи Н. В. Чайковскаго в Нью-Іоркѣ. «Я помню очень хорошо то сильное впечатлѣніе, которое он произвел на нас всѣх в 1907 году. Я знал тогда очень мало, или даже точнѣе, ничего не знал о положеніи Россіи. Я очень мало интересовался борьбой за освобожденіе, покуда не встрѣтился с Чайковским на завтракѣ, который устроил мистер Флай в его честь. На этом завтракѣ Чайковскій произнес рѣчь. Картина Россіи, которую он нарисовал тогда, поразила нас всѣх. Немедленным послѣдствіем тогда было возникновеніе Общества Друзей Русской Свободы, при энергичном содѣйствіи котораго Чайковскій выступал всюду в Америкѣ». Мистер Флай тоже сообщил Вар. Ник. Чайковской свои воспоминанія о пребываніи Николая Васильевича в Соединенных Штатах (Нью-Іорк, 15 ноября 1927 г.). «Чайковскій лектировал в Лигѣ Политическаго Воспитанія во время зимы 1906-1907 г. г. Слышавшіе его навсегда сохранили воспоминанія о патріархальной фигурѣ, о высоком, крайне скромном человѣкѣ с длинной, сѣдой бородой. Ни манеры Чайковскаго, ни то, что он говорил не согласовались с обычным нашим представленіем о революціонерѣ. Он не обладал особенным даром краснорѣчія, а англійскій язык его иногда бывал не чужд ошибок, но пріобрѣтал друзей всюду. Он с перваго момента производил впечатлѣніе необыкновенно благороднаго человѣка, одушевленнаго самыми высокими мотивами. Для каждаго, слышавшаго его не подлежало сомнѣнію, что этот человѣк скажет правду даже тогда, когда в его интересах умолчать о ней. Вслѣдствіе этого все то, что Чайковскій говорил, пріобрѣтало особую вѣскость и значительность. Всюду по Соединенным Штатам сопровождал его тогда представитель Друзей Русской Свободы Келлог Дерланд, теперь уже давно скончавшійся. О том, что имснно говорил Н. В. Чайковскій в Соединенных Шатах, можно судить по слѣдующей выдержкѣ из чикагской газеты «Tribune», озаглавленной «Лекція проф. Чайковскаго».

«Со времени обнародованія царскаго манифеста 17 ок-

тября 1905 года всѣ свободы, обѣщанныя на бумагѣ, были взяты обратно. С тѣх пор в Россіи идет гражданская война между бюрократіей и всѣм остальным населеніем. Теперь правительство держится только на военной силѣ. В теченіе послѣдних мѣсяцев обычные законы в Россіи перестали дѣйствовать. Полиція не защищает больше ни собственности, ни жизни граждан. Выборы в Думу происходят при дѣйствіи военных законов. По распоряженію начальства, вывѣшаны на стѣнах зданій, гдѣ происходят выборы в первой стадіи, списки лиц, которыя не должны быть избраны. И если населеніе все-таки выбирает этих нежелательных правительству кандидатов, их арестовывают и ссылают без суда, в административном порядкѣ, в отдаленныя губерніи Европейской и Азіатской Россіи. Избирателям же приказывают остановиться на каком нибудь другом кандидатѣ. В настоящее время в Россіи около ста тысяч политических заключенных, содержащихся в ужасных условіях. Их держат заложниками на случай какого нибудь нападенія на правительство. Тысячи политических заключенных пребывают за полярным кругом. Они были сосланы в эти ужасныя мѣста без суда и оставлены там без теплаго плагья и почти без пищи. Таким образом этим ссыльным угрожает смерть от голода и холода. Значительная часть русской арміи находится на границѣ открытаго мятежа. В каждом почти полку есть много недовольных. Послѣ казни лейтенанта Шмидта, 140 морских офицеров Черноморскаго флота подали в отставку. Около сорока из этих офицеров эмигрировали. Тѣло лейтенанта Шмидта было вырыто из могилы и брошено в море, потому что сотни людей совершали паломничество к этой могилѣ. Чиновников и полицію, нарушивших закон, невозможно привлечь к суду. Правительство не только систематически защищает их, но часто даже награждает. Казачій офицер Абрамов, пытавшій Марію Спиридонову в тюрьмѣ и вызвавшій своим звѣрским поведеніем общее негодованіе, был судим военным судом, оправдан и награжден. Он только что убит неизвѣстным. И это убійство радостно привѣтствовано всюду в Россіи.

Когда Дума снова соберется, большинство депутатов навѣрное, прежде всего, потребует отмѣны военных законов, а затѣм провозгласит Палату — Учредительным Собраніем.

Царское правительство несомнѣнно отвѣтит репрессіями, быть может, разгоном Думы и арестом наиболѣе крайних депутатов. Конфликты между народными представителями и правительством неминуемы. Значительная часть арміи, вѣроятно, откажется от исполненія приказаній и соединится с народом против правительства. В маѣ или в іюнѣ 1907 года можно ожидать возстанія крестьян. Можно предполагать, что войска присоединятся к крестьянам. Послѣдует, по всей вѣроятности, партизанская война. Она будет продолжаться до тѣх пор, покуда падет нынѣшнее правительство, послѣ неудачных попыток снова обмануть населеніе уступками на бумагѣ. Когда это случится, назначено будет временное правительство, а затѣм состоятся выборы в Учредительное Собраніе на началах всеобщаго голосованія. Послѣдній внѣшній заем, заключенный царским правительством, по всей вѣроятности, не будет признан Учредительным Собраніем. Учредительное Собраніе выработает новую конституцію, основанную на хартіи подобной американской Declaration of independence. Возникнет, вѣроятно, Русская Федеративная Республика, в которой Польша, Финляндія и Кавказ получат автономію. Евреи получат равноправіе и возможность вырабатывать свою собственную культуру. Теперь же каждый день существованія стараго режима знаменует агонію страны, сотни тысяч жертв и рѣки крови».

Таково общее содержаніе лекціи Н. В. Чайковскаго. Ни он, никто другой не мог думать даже, что наступит время, когда порядок так краснорѣчиво описанный Чайковским, покажется почти идеальным в сравненіи с тѣм, что будет. Дорога Чайковскому в Америкѣ проторена была Брешковской, пріѣхавшей вмѣстѣ с Житловским в 1905 г. и произведшей громадное впечатлѣніе на американскую публику. Еще в 1905 году, напр., в Чикаго вышла книжка Эрнеста Пуля «Katharine Breshkovsky», из которой я приведу нѣсколько строк. «Немногіе вѣрят в политическія убійства, — сказала Брешковская Эрнесту Пулю — Нашей единственной цѣлью является революція, произведенная всѣм народом. И время такой революціи близко. Японская война оставила послѣ себя такую горечь, которой русскій народ никогда еще не испытывал. К 664.000 жизней, потерянных в теченіе ста лѣт безполезных войн, надо теперь прибавить еще сто тысяч

жизней. В каждой русской деревнѣ будут оплакивать убитых. И 400 тысяч русских рабочих призовут многомилліонныя массы к возстанію за свободу. Оружіе? Есть масса оружія. Почему во время недавних мятежей солдаты отказывались стрѣлять в толпу? Потому это всюду и арміи, как среди солдат, так и офицеров, многіе сочувствуют революціи. Кромѣ оружія есть и умы, чтобы руководить возстаніем. В университетах и в рядах каждой профессіи есть умные, рѣшительные люди, способные удержать дикія страсти мятежа. В земствах тоже есть сотни служащих, горячо сочувствующих нам. В этом (1905) году революціонное движеніе стремительно наросло. Всюду есть тысячи людей, которым мечта о свободѣ замѣняет сон и пищу. Нам нужна свобода мысли и слова! Свобода труда! Нам необходима справедливость и правосудіе для всѣх. Чтобы защищать необходимость этих идеалов у нас, я буду путешествовать три мѣсяца по Соедин. Штатам. Я буду взывать к свободным американцам»*). О том, какое глубокое впечатлѣніе произвела Брешковская на американцев, свидѣтельствует, между прочим, портрет ея, выпущенный с такими стихами:

Honour to those whose words or deeds
Thus help us in our daily needs:
And by their overflow
Raise us from what is low!

Один из памфлетов, выпущенных тогда, озаглавлен «Современная святая и героиня». «Мы живем в одну из самых героических эпох в исторіи, — читаем мы в болѣе позднем памфлетѣ, посвященном Брешковской и выпущенном в маѣ 1917 года, но основанном на книжкѣ, вышедшей в Америкѣ зимой 1906-1907 г. — Мы, конечно, стоим слишком близко к событіям, чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе их. Никто еще не в силах вполнѣ уразумѣть значеніе доблести, дѣлающей для всѣх жизнь возможной. Жизнь Катерины Брешковской может быть поставлена наряду с дѣятельностью Жанны д'Арк, Флоренс Найтингэйл, Джузеппе Мадзини, Джона Брауна и Авраама Линкольна».

---

(1) Katharine Breshkovsky. Chicago. 1905. p. 29.

Для американца не может быть высшаго сравненія, как с Линкольном.

В Соединенных Штатах Н. В. Чайковскій внимательно присматривался также к русским, или, точнѣе, русско-еврейским эмигрантам. Он нашел с.-рев. организаціи, возникшія под вліяніем лекцій Х. Житловскаго, пріѣхавшаго в Соед. Штаты в 1905 году вмѣстѣ с К. К. Брешковской. В разгарѣ агитаціи Житловскаго начались еврейскіе погромы в Россіи. «Мѣстная еврейско-соціалистическая пресса настолько увлеклась національно-еврейским протестом и негодованіем против погромов, что скоро дошла до проклинанія всего русскаго и обвиненія партіи русских соціалистов-революціонеров (газеты эти бундовскія или соціал-демократическія) в соучастіи в возбужденіи погромов, — пишет Н. В. Чайковскій из Нью-Іорка в мартѣ 1907 г. — Шансы с.-ров быстро пошли на убыль и требовался немедленный отвѣт. Тогда Житловскій предложил план самоопредѣленія евреев, как и всякой другой народности в Россіи. Партія с.-ров в аграрной своей программѣ дает евреям право на надѣленіе землей. Отсюда возможность разрѣшенія еврейско-русскаго вопроса в самой Россіи, в смыслѣ сосредоточенія еврейскаго населенія в одной мѣстности Россіи и образованія из него автономной области, входящей в состав будущаго русскаго государства на началах федеративнаго союза. Для меня нѣт сомнѣнія, — прибавляет Чайковскій, что в еврействѣ существует стремленіе к расовому возрожденію, с которым всякому передовому движенію, как наше, нужно считаться... На пространствѣ соціализированной области, при возникновеніи еврейскаго земледѣльческаго класса, развитіе еврейской культуры под контролем сильной соціалистической партіи может стянуть в эту область большое число разбросаннаго еврейства и развивать кооперативное производство и организовать народоправленіе снизу вверх, входя в федеративный Русский Союз, как автономная часть его». Через пятнадцать лѣт этим проектом воспользовались большевики, испортив его совершенно ради своих партійных интересов.

Н. В. Чайковскій в Америкѣ, как и всюду во время своей долгой жизни, был искатель. Он всегда имѣл перед собою одну цѣль, но, чтобы добраться скорѣе до нея, постоянно пробовал новые пути. В Соединенных Штатах, ког-

да Чайковскій лектровал, ему уяснился план политической борьбы, который он изложил, как только возвратился в Европу. В то же время, разъѣзжая по земледѣльческим штатам, Ник. Вас. внимательно присматривался к тому, как ведут сельское хозяйство американскіе фермеры в степях, гдѣ, как в Россіи, бывают продолжительныя засухи. Ник. Вас. Чайковскій присматривался, изучал и собирал спеціальную литературу. Шестого іюня (по старому стилю) 1907 года Н. В. Чайковскій оставил Соединенные Штаты, гдѣ пріобрѣл многочисленных друзей и почитателей.

XI.

Когда Н. В. Чайковскій вернулся из Америки, у него был готов новый план кампаніи, который он и изложил в письмѣ к друзьям от 3 іюля 1907 г. Проект был порожден правительственным террором, свирѣпствовавшим в Россіи. Н. В. исходит из утвержденія, что «настала пора для безпощадной критики самих себя, необходимо найти рѣшеніе задачи, или в наши идеалы перестанут вѣрить». «Наши методы борьбы устарѣли и требуют радикальнаго пересмотра». Н. В. указывает, что методы эти были выработаны в подготовительный період, требованіям котораго отвѣчали тогда. Но теперь методы не годны, так как «настала пора для самаго боя». «Когда врагъ вышел в открытое поле и опирается не на тайныя только свои силы, но и на войска, которыя употребляют для полицейской службы, — одних выступленій против личностей администраторов, хотя бы даже и самыми сильными средствами, уже недостаточно, приходится наносить удары не только тайным и административным силам врага, но и военным в открытом и полуоткрытом бою. «Теперь революціонеры только растрачивают силы. Революціонеры, убѣгая за границу, обречены на томительное бездѣлье в проголодь, или же засасываются тамошней буржуазной средой и теряются в движеніи. В Россіи «в самом лучшем случаѣ революціонеры заботятся о том, чтобы привлечь к работѣ рабочія и крестьянскія силы, о тѣх же полусознательных, из которых и состоит главным образом сочувствующая масса, никто даже не задумывается, и ей приходится повторять по годам одно и то

же «ждите, пока не будем готовы к общему выступленію». Чайковскій указываєт, что потребность в новом методѣ оказалась еще во время послѣдняго декабрьскаго совѣта партіи. Боевая организація не есть этот искомый метод. «При современных обстоятельствах и сто Боевых Организацій не могут поднять престижа партіи по той причины, что их оружіе притупилось и не отвѣчает болѣе запросам дня. Требуется нѣчто болѣе сильное не только по своей смертоносности, а по самому объекту дѣйствія, и также по количеству сил, необходимых для приведенія его в дѣйствіе. Необходимо оружіе, которым бы можно было наносить удары не только администраціи с ея тайной организаціею, а самой арміи, потому что только такая сила может импонировать массам, может возродить в них вѣру в силы революціи против главной опоры порядка. Такое оружіе это — партизанская война, начатая сразу во многих пунктах страны. Партизанскіе отряды должны состоять, главным образом, из солдат, под командой умѣлых, т. е. подготовленных к этому дѣлу офицеров. Подобные отряды могут в теченіе мѣсяцев ускользать от преслѣдованія многих тысяч войск, нанося им в то же время то тут, то там очень чувствительные удары. Пратизаны своими успѣшными атаками и быстрыми исчезновеніями, по мнѣнію Н. В. Ч., не только поднимут престиж революціи, но и «создадут вокруг ея имени ореол славы и величія в глазах масс». Партизаны могут держаться долго в губерніях, гдѣ существуют естественныя загражденія, как горы, лѣса и в особенности мелкая поросль, какою покрыты огромныя площади наших сѣверных, западных и восточных губерній, «не говоря об таких удобных мѣстностях, как Урал, Валдай, Кавказ и нѣкоторыя мѣста Польши и Прибалтійскаго края».

Н. В. Чайковскій предвидѣл ряд крайне важных послѣдствій от появленія партизанских отрядов: 1) поднимется вообще революціонный дух, 2) усилится дезертирство из царских войск, причем солдаты будут присоединяться к партизанам; партизанскія партіи «будут тѣми ядрами революціонных армій, которыя будут расти, как катящійся шар снѣгу, в самом процессѣ борьбы»; 3) всѣ неиспользованныя теперь революціонныя силы найдут приложеніе своим рукам, сами организуя и поддерживая подобныя «народныя бан-

ды» на мѣстах; 4) раз в странѣ явится новая реальная сила, политическая атмосфера сейчас же измѣнится, все прогрессивное, все враждебное гнилому порядку, в каком бы то ни было отношеніи, поднимет голову и начнет тяготѣть к революціи, а не к власти, как теперь. «Революція получит скелет, к которому прикрѣпятся ея мышцы и нервы и перестанет колыхаться, как былинка слабая вѣтрами буйными». Будь в Россіи готова подобная сила, утверждал Н. В. Чайковскій, — «кадеты» не заворачивали бы вправо, и черная сотня не озорничала бы, да и наши собственные то молодчики-голубчики не баловались бы с экспропріаціями, ибо, как не верти, а грѣх то максимализма вѣдь на нас же лежит, от нашей же вѣдь плоти они пошли». Настоящее живое дѣло уничтожило бы «болѣзнь вѣка — максимализм и анархизм, пересаженный на русскую почву». Не слѣдует ни минуты ждать с партизанскої войноїї; «по крайней мѣрѣ надо начать теперь же набирать и готовить банды», писат Н. В. Чайковскій. Исполненіе плана не представлялось ему трудным. Нужен десяток, другой обученных офицеров. «Надо в пяти или десяти мѣстах набрать из готовых дезертировать солдат по сотнѣ или около того, гдѣ можно с лошадьми, а гдѣ нельзя — пѣшком, дать им по парѣ хороших дальнобойных револьверов: шинели они и казенныя могут унести. Вот и вся экипировка, так как им придется драться только в рукопашную, на коротких разстояніях, от большого же огня всегда уходить». Партизанскій отряд совершает быстрые переходы в десять, пятнадцать верст; он появляется, гдѣ его не ожидают, и гдѣ он может перехватить и сжечь поѣзд или обоз, разнести полицію, разграбить арсенал, уничтожить вражій отряд. Затѣм он опять исчезает, оставаясь неуловимым. «Понятно само собою, что такое дѣло должно быть безпартійным», — прибавляет Н. В. Чайковскій. По мнѣнію его, отряды могут начать дѣйствовать тѣм же летом 1907 года, а к зимѣ «уйти в крѣпости». Партизаны постараются настолько усилиться за лѣто, чтобы быть в состояніи взять хоть бы нѣсколько из них и «оттуда предписать Столыпину с компаніей новый избирательный закон для Учредительнаго Собранія». Вот в чем заключался новый план кампаніи. «Случись такое выступленіе у нас до осени, — писал Н. В. Чайковскій, — нам в Америкѣ обѣ-

щана серьезная поддержка самыми разнообразными слоями: рабочія организаціи только ждут от нас опредѣленнаго заявленія, что нам от них на это дѣло нужно то-то, и они обязались обложить себя налогом с головы. Буржуазія... обѣщает не отстать: на китайскій голод они нынѣ собрали три с половиной милліона долларов».

XII.

Партія соц.-рев. начала склоняться послѣ первой революціи влѣво, что заставило Н. В. пересмотрѣть свои отношенія к партіи.

«Выслушал много нареканій на партію, — пишет Рубанович Чайковскому весною 1906 года. — Склоняются к максимализму. Поскольку послѣдній является развитіем **революціоннаго соціализма,** я ему сочувствую, как необходимому теченію, гарантирующему нас от увлеченія парламентаризмом. Но поскольку максимализм претендует выступить с особой ultra террористической тактикой и собственными лозунгами, он вреден, ибо растворяет всякую организацію». Дальше Рубанович сообщает Ник. Вас. о втором съѣздѣ партіи соц.-рев., на котором «Бабушка (т. е. К. Брешковская) страстно напала на экспропріацію и для спасенія партіи требовала «ампутировать гангрену, т. е. выбросить немедленно за борт всѣ виды экспропріаціи». Рубанович прибавляет, что принятая резолюція есть компромисс, без котораго был бы раскол».

Другой старый знакомый Н. В. Чайковскаго Руссель (Судзиловскій) в письмѣ с Гавайских островов (28 іюня 1906 г.) тоже рекомендовал план кампаніи, основанный на выступленіи безчисленных партизанских отрядов, которые должны поддерживать себя экспропріацією. «Денег и оружія для веденія этой войны надо искать и можно найти достаточно в казначействах и арсеналах в самой Россіи», — прибавляет Руссель.

Николай Васильевич думал, что экспропріація есть всегда экспропріація; по этому вопросу компромисса быть не может. Наступил один из тѣх моментов, когда Н. В. Чайковскій почувствовал, что надо искать новую дорогу. Но чтобы

найти ее, надо сперва опредѣлить, что такое представляет собою Россія. И, придя к такому выводу, Ник. Вас. сдѣлал рѣшительный шаг.

Весною 1907 года Н. В. Чайковскій поѣхал в Россію. Он не видал родину тридцать лѣт и, сознавая, что за это время в ней произошли громадныя перемѣны, рѣшил изучить ее сперва, прежде чѣм рѣшить, как работать для нея. У меня в руках интересное письмо англичанина, описывающаго свое путешествіе на пароходѣ из Гуля в Финляндію вмѣстѣ с Ник. Вас. Чайковским. «Я познакомился с ним, когда ѣхал в Гельсингфорс, только что окончив Кембриджскій университет. Мнѣ была предложена в Гельсингфорском университетѣ кафедра лектора англійскаго языка. На пароходѣ из Гуля во втором классѣ, кромѣ меня, был только один пассажир: высокій, сѣдобородый джентльмэн, назвавшій себя профессором Шмидтом из Чикаго. В теченіе четырех с половиной дней мы были вмѣстѣ с Николаем Чайковским (I should as soon think of calling him «Mr» as to speak of «Mr... Julius Caesar», — прибавляет англичанин (1). «Конечно, я очень интересовался той страной, куда ѣхал. Интересовался я еще больше общественным движеніем в Россіи. Мой попутчик, не имѣя другого собесѣдника, сообщил мнѣ ужасно много об исторіи Россіи и о внутреннем положеніи страны». По словам англичанина, то был университетскій курс, прочитанный в четыре с половиной дня аудиторіи, состоявшей из одного студента. Все то, что англичанин услыхал, было так ново и так значительно, что весь «курс» он изложил в рядѣ писем к университетскому другу. На пятый день утром вдали показались берега Финляндіи. «Я наблюдал моего знакомаго, с которым успѣл подружиться, и был поражен волненіем, отразившимся на его строгом лицѣ, — говорит англичанин — и тогда мнѣ показалось, что пора раскрыть тайну «профессора Шмидта».

«Слушайте, — сказал я — безполезно скрывать больше. Вы не Шмидт. Кто вы? Вы можете довѣриться мнѣ».

Он помолчал нѣсколько мгновеній, потом пытливо взглянул на меня и спокойно отвѣтил: «Я Николай Чайковскій...

---

(1) «Я не могу прибавить к его имени слова «Мистер», как не могу говорить о «господинѣ Юліѣ Цезарѣ».

Когда мы высадились в Гельсингфорсѣ, то я потерял из вида моего попутчика. Затѣм я встрѣтил его через нѣкоторое время в Гельсингфорсѣ. Чайковскій познакомил меня с финскими соціалистами-революціонерами, между прочим, с г-жей Айно Малмберг, с которой потом я близко подружился». Когда англичанин снова встрѣтил Чайковскаго, то замѣтил, что Н. В. выкрасил сѣдую бороду, чтобы казаться моложе (1). Пріѣзжая в Гельсингфорс, Чайковскій останавливался в том же пансіонѣ, гдѣ жил его знакомый англичанин, автор письма, успѣвшій к тому времени жениться. «Вспоминаю, — продолжает англичанин — что моя жена тогда очень интересовалась бородой Чайковскаго, которая была выкрашена нѣсколько «любительски». Не раз поэтому моя жена за завтраком трагическим шопотом говорила Чайковскому: «У вас краска на щекѣ»...

Знакомство с Чайковским произвело сильное и длительное впечатлѣніе. «Я безконечно счастлив, что знал его, — пишет англичанин, — я всегда думаю о нем, когда читаю шекспировскую трагедію «Юлій Цезарь» и дохожу до сцены, гдѣ выступает Брут».

Н. В. Чайковскій уѣхал в Россію, в Поволжскія губерніи. Его тянули к себѣ, прежде всего, родныя мѣста, которыя он знал с дѣтства. Здѣсь, как и в других мѣстах, которыя он посѣтил, его прежде всего и больше всего интересовали крестьяне. Н. В. Чайковскій нашел, что самосознаніе крестьян сильно развилось за тридцать лѣт, но матеріальная культура их нисколько не улучшилась. Методы землепользованія, напр., были совершенно примитивные. Кооперація была почти неизвѣстна. То же самое он нашел и на Уралѣ. Так Н. В. Чайковскій знакомился с новой Россіей в теченіе пяти мѣсяцев. Н. В. Чайковскій пріѣхал в Петербург из провинціи в концѣ октября 1907 года, нанял квартиру и прописался в полиціи по паспорту Никифорова. Не замѣчая за собою слѣжки, Чайковскій «думал, что может так же свободно выѣхать из Петербурга, как и пріѣхал, но это оказалось не так». 11 ноября 1907 г. Н. В. Чайковскій расплатился въ гостиницѣ и поѣхал на вокзал. «Тут швейцар очевидно заранѣе

---

(1) В паспортѣ было указано, что «профессору Шмидту из Чикаго сорок два года, Чайковскому было 57 лѣт.

приготовил извозчика-шпіона, — читаем мы в рукописных замѣтках Чайковскаго, озаглавленных «Арест». По пріѣздѣ на Финляндскій вокзал извозчик, вѣроятно, дал сигнал жандарму, который тотчас же арестовал Н. В. именем Охраннаго отдѣленія, как только Чайковскій направился к кассѣ. По дорогѣ в тюрьму Чайковскій рѣшил «уклониться от отвѣтов, но не лгать», когда какой-нибудь отвѣт сдѣлается необходим. Н. В. повезли сперва в Охранное Отдѣленіе.

— Кто вы такой? — спросил помощник начальника Охраннаго Отдѣленія у Чайковскаго.

— Пока мнѣ не предъявлены опредѣленныя обвиненія — не считаю нужным отвѣчать на этот вопрос, — сказал Н. В.

— Но вѣдь мы все равно узнаем.

— Не сомнѣваюсь, что узнаете, только не мое дѣло помогать вам в этом.

В Охранном Отдѣленіи Чайковскаго продержали три дня. Он открыл свое настоящее имя.

— Это лондонскій эмигрант? — спросил начальник Охраннаго Отдѣленія.

— Да.

— А, вот что!

Н. В. Чайковскаго перевезли в Петропавловскую крѣпость, в Трубецкой равелин. «Начался томительный, тяжелый мѣсяц моего пребыванія в тюрьмѣ, монотонный, составленный из дней, как цѣпь из звеньев, одно, как другое, — читаем мы в замѣтках Чайковскаго — Будь это первый опыт, он вѣроятно подѣйствовал бы на меня гораздо сильнѣе. Но так как я испытал русскую политическую тюрьму уже дважды в юности, то и принял ее на этот раз, как одну из неизбѣжных деталей общественной обязанности в Россіи»... На допрос не водили полтора мѣсяца; за это время нервы улеглись, и мысль Н. В. начала все чаще и чаще обращаться к общественным темам. Тогда только явилась потребность в чтеніи. А чтеніе в свою очередь вызвало новый ряд мыслей. Явилось желаніе изложить их письменно. Таким образом народились в крѣпости тѣ литературныя произведенія, о которых дальше.

XIII.

«Я понял с первых же дней ареста, что мои заграничныя связи и обстоятельства, при которых я работал за границей для русской свободы будут играть важную роль и повліяют на исход процесса, — читаем мы в статьѣ Н. В. Чайковскаго «My Prison Story», напечатанной в нумерѣ журнала «Outlook» от 29 октября 1910 г. — С самаго начала я рѣшил, что единственно правильным будет сражаться с врагом на открытом мѣстѣ. Этим открытым мѣстом должна служить моя заграничная дѣятельность. Вслѣдствіе этого, когда меня вызвали на первый допрос, я сказал допрашивавшим меня, что мое дѣло состоит из двух частей. Первая часть касается моей дѣятельности в Россіи, тогда как вторая — дѣятельности за границей. Относительно второй части я рѣшил ничего не скрывать. Живучи за границей, я дѣйствовал согласно законам страны, гдѣ пребывал. Что же касается нѣсколькихъ мѣсяцев моего пребыванія в Россіи, то отказываюсь дать какія бы то ни было показанія. Пребывая внѣ предѣлов родины в теченіе тридцати лѣт, я при возвращеніи, убѣдился, что политическая борьба все еще ведется подпольно. Таким образом, давая показаніе, я должен буду или говорить неправду, или компрометировать кого-нибудь, говоря правду. И так как я не желаю ни того, ни другого, то я отказываюсь отвѣчать на вопросы, что я дѣлал в Россіи».

«Эта система защиты оказалась вполнѣ правильной, — продолжает Н. В. Чайковскій. — Когда прокурор на первом допросѣ предъявил мнѣ обвиненіе в том, что я в 1890 году принял участіе в организаціи Англійскаго Общества Друзей Русской Свободы (English Society of Friends of Russian Freedom), я отвѣтил — Да, совершенно вѣрно. Я могу сказать вам больше: я недавно принял очень дѣятельное участіе в возрожденіи Общества Американских Друзей Русской Свободы в Соединенных Штатах. Лучшіе элементы американскаго народа присоединились к этому обществу. При его содѣйствіи я лектировал всюду в Соединенных Штатах; от Бостона до Денвера и от Вашингтона до Мэдисона, встрѣчая вездѣ сильнѣйшее сочувствіе к освободительному

движенію в Россіи. Я горжусь тѣм, что принимал участіе в этой работѣ!» Н. В. Чайковскій отвѣтил таким же образом, когда ему предъявлено было обвиненіе в участіи в организаціи Фонда Вольной Русской прессы в Англіи и в выпускѣ цѣлаго ряда изданій. Н. В. Чайковскій указал, что «Фонд» лѣйствовал открыто, согласно англійским законам. Всѣ книги и брошюры, выпущенныя Фондом, были регистрированы и распространены точно таким же образом, как вообще печатныя произведенія в Англіи. Англійское Общество Друзей Русской Свободы возникло в 1889 году, как непосредственный протест против бойни в Якутскѣ и против наказанія розгами Надежды Сигиды на Карѣ. Лучшая часть англійскаго общества сочла эти трагическія событія нарушеніем всѣх законов культурнаго міра. Цѣлью общества было снабжать друзей русской свободы свѣдѣніями о том, что происходит в Россіи и что там не может появиться в печати. Общество дѣйствовало согласно точным международным законам. Оно никогда не собирало денег на поддержку русской революціи, но неоднократно устраивало подписку в пользу, как голодающаго русскаго народа, так и жертв преслѣдованія за политическія убѣжденія. Помогало оно также стачечникам, ибо считало забастовку націнальным бѣдствіем. Допрашивающіе стремились выяснить возможно больше политическіе взгляды Н. В. Чайковскаго. «Жандармскій генерал и прокурор указывали мнѣ, что я член партіи соціалистов-революціонеров. Как член этой партіи, я принял участіе в организаціи Общества Друзей Русской Свободы и Фонда Вольной Русской Прессы в Лондонѣ. Как член также этой партіи, я разъѣзжал по восточным губерніям с цѣлью революціонной агитаціи, — пишет Н. В. Чайковскій в статьѣ «My Prison Life». — На первое обвиненіе я отвѣтил, что не мог быть членом партіи соціалистов-революціонеров за одиннадцать лѣт до основанія ея. Прокурору стало, повидимому, неловко и он сказал: «Совершенно вѣрно, мы ошиблись». Тогда выдвинуто было второе обвиненіе в разъѣздѣ по Россіи с цѣлью революціонной агитаціи. «Я потребовал предъявленія мнѣ конкретных обвиненій в веденіи террористической пропаганды во время переѣздов на пароходах или по желѣзной дорогѣ. Мнѣ отвѣтили, что эти доказательства прибудут в свое время. Послѣдовало указаніе на то, что я, будучи револю-

ціонером, навѣрное вел революціонную пропаганду во время разъѣздов по Россіи.

— Неужели вы в самом дѣлѣ думаете, — отвѣтил я, — что каждый революціонер в любой момент готов взобраться на тумбу, чтобы выкликать с нея: «Aux armes, citoyens!» Я указал, что теперь положеніе дѣл обстоит так. Колесо исторіи вертится. Тѣ, которых вы называете агитаторами, похожи на мух, сидящих на этом колесѣ. Онѣ жужжат, потому что колесо вертится, но колесо исторіи вертится совсѣм не потому, что мухи жужжат, как вы очевидно полагаете.

— О чем вы говорите! — с жаром воскликнул жандармскій генерал. — Колесо русской исторіи вертят евреи.

Я разсмѣялся и сказал: «Вот образчик дѣйствительной государственной мудрости». Тогда допрашивающіе перемѣнили тему и спросили, как я отношусь к роспуску второй Думы. Я отвѣтил, что разгон этот противорѣчит прямым желаніям народа и является посягательством на совѣсть его.

— Что бы **вы** сдѣлали в подобных условіях?

— Выполнил бы программу, намѣченную первой Думой в отвѣт на Тронную рѣчь, и сдѣлал бы все для увеличенія продуктивности народнаго труда, — отвѣтил я.

Послѣдовала нѣмая картина. Жандармскіе генералы сидѣли, раскрыв рот» (1).

Правительство выдвинуло, наконец, своего самаго важнаго свидѣтеля, нѣкоего Паутека. То был свѣтловолосый молодой человѣк в арестантском халатѣ, с характерным «тюремным» цвѣтом лица.

— Тот ли это человѣк, о котором вы говорили вчера? — спросил прокурор, указывая на Николая Васильевича. Свидѣтель бросил бѣглый взгляд на Чайковскаго и отвѣтил: «Да, тот самый». Н. В. Чайковскаго увели и снова позвали через нѣсколько минут. Свидѣтеля уже не было. Прокурор объяснил, что когда наканунѣ Паутека вызвали по другому дѣлу в качествѣ обвиняемаго, ему показали фотографію Чайковскаго. Паутек узнал в ней того «старика», представителя центральнаго комитета революціонной партіи, котораго свидѣтель дважды видѣл в 1906 году, в октябрѣ и в ію-

---

(1) My Prison Story, «The Outlook», 29 October 1910, p.p. 498-499.

ябрѣ, в Петербургѣ. Было это раз в Электротехническом Институтѣ, куда старик пришел на свиданіе с другими вождями революціонной партіи и для полученія от них отчета о ходѣ дѣла. В другой раз Паутек видѣл старика на курсах Лесгафта, на собраніи боевиков революціонной партіи. Собраніе это было созвано в одной из аудиторій, чтобы выслушать доклад старика о необходимости усилить террористическія выступленія. Старик доказывал, что необходимо больше убивать администраторов и чаще устраивать экспропріаціи.

На эти обвиненія Н. В. Чайковскій отвѣтил, что никогда не видѣл Паутека и никогда не был ни в Электротехническом институтѣ, ни в зданіи Лесгафтских курсов. На этом закончился самый главный допрос Н. В. Чайковскаго.

«Обдумывая свое положеніе, — пишет Н. В. Чайковскій в своих ненапечатанных набросках «Арест» — я сознавал, что при существующих условіях правосудія в Россіи мое будущее было совершенно неопредѣленно, но в чем я не мог сомнѣваться, — это в том, что мнѣ придется пробыть в крѣпости не мало времени: два-три года предварительнаго заключенія до суда в Россіи считается в серьезных дѣлах обычным сроком. Я же имѣл основаніе думать, что мое дѣло будет разсматриваться, как серьезное». Н. В. Чайковскій, первым дѣлом, составил календарь на шесть мѣсяцев, гдѣ стал отмѣчать всѣ событія своей тюремной жизни: свиданія, письма, допросы. Потом он составил сравнительныя мѣры разных стран, что было необходимо для работ, о которых дальше. Затѣм Н. В. Чайковскій начал вносить в особыя тетрадки выписки из каталога и писем, так как их скоро уносили. «Я имѣл на своем столѣ чистую тетрадь с прошнурованными страницами, перо и баночку ужасных чернил. С этим нововведеніем моя жизнь сдѣлалась полнѣе. До сих пор все, что я вычитывал из книг и что во мнѣ вызывало чтеніе их, оставалось лишь в моей довольно не острой памяти». Тетради замѣток пріобрѣтали для Чайковскаго все большую и большую цѣну. Там были его мысли, практическія соображенія и, наконец, — научныя работы. «Читаю, думаю, хожу, хожу, — хожу, думаю, читаю». Так формулировал в письмах к своей женѣ Н. В. Чайковскій свою жизнь в камерах №№ 41, 42 и 55. Чтеніе книг составляло главное

занятіе; он успѣвал прочитывать 90-100 страниц в день убористой печати научнаго содержанія.

В сумерки, когда утомляло и чтеніе и хожденіе из угла в угол, Н. В. Чайковскій придумал своеобразное развлеченіе: «концерты». «Начинаешь насвистывать или напѣвать в полголоса (громче запрещают) всѣ мотивы, какіе приходят в голову, затѣм нападаешь на какую нибудь музыкальную фразу и начинаешь ее разрабатывать на разные лады, увлекаешься и переходишь в импровизацію часто из лирическаго, минорнаго мотива в плясовую или в воинственную эпопею à la Бетховен, или трагедію à la Peer Gynt. Не раз случалось мнѣ плакать от своей собственной музыки или приходить в такой экстаз, что послѣ часа такой работы, падаешь на койку в изнеможеніи».

XIV.

Извѣстіе об арестѣ Н. В. Чайковскаго произвело тяжелое впечатлѣніе на англичан. «Безчисленные друзья Чайковскаго в Англіи с глубоким сожалѣніем узнали об его арестѣ, — читаем мы в передовой статьѣ самой вліятельной радикальной газеты. — Чайковскій является одним из основоположников русскаго освободительнаго движенія; он создал когда то кружок молодых людей, пожертвовавших всѣм, — иные даже жизнью, — чтобы идти в народ». Газета дальше указывает Столыпину, что арест и наказаніе Чайковскаго «невыгодны». «Наказаніе произведет самое тягостное впечатлѣніе в Европѣ и в Америкѣ, гдѣ Чайковскій пользуется глубоким уваженіем». (Manchester Guardian, January 1, 1908).

Зная насколько русская бюрократія считается с общественным мнѣніем Зап. Европы, Н. В. Чайковскій понимал, что его обширныя связи в Англіи и Соед. Штатах сыграют важную роль в его дѣлѣ; но он не подозрѣвал даже, какой отклик найдет оно за границей. Результатом громадной популярности Н. В. Чайковскаго было то, что ему скоро дали свиданіе и переписку с родными, разрѣшили печатанье научных трудов и выпустили на поруки до суда.

Через полтора мѣсяца послѣ ареста Н. В. Чайковскій получил увѣдомленіе от коменданта крѣпости, что В. А. Чай-

ковской (женѣ) и П. Н. Чайковскому (сыну) дано разрѣшеніе на свиданіе с заключенным. «Я не знал, что и подумать, так как не мог вѣрить, что моя жена и сын в Петербургѣ — говорит Н. В. Чайковскій в статьѣ «My Prison Story» — Вслѣдствіе этого я думал, что произошло какое то недоразумѣніе». «Я не понимаю изъѣщенія, — писал Н. В. к дочери. — Не может быть, чтобы кто нибудь из вас был уже в Петербургѣ». Но «невѣроятное» оказалось дѣйствительностью. Свиданіе с женой состоялось, а потом свиданіе и с сыном. От них при первом свиданіи Н. В. узнал, что его арест произвел глубокое впечатлѣніе в Англіи. Жена сказала ему, что англійскіе друзья хлопочут об освидѣтельствованіи его независимыми врачами, так как распространился слух, что Н. В. сильно болен. Начальство, повидимому, согласно на разрѣшеніе такого осмотра. Вар. Ал. Чайковская сообщила также мужу, что за границей составляют адрес к русскому премьер-министру об ускореніи суда (1). Все это показало Чайковскому, что он был совершенно прав, возлагая надежды на свои связи за границей. Он ощутил в себѣ новыя силы и воспрянул духом. Позднѣе Ник. Вас. узнал, что англійскіе друзья хлопочут о выпускѣ его под залог.

---

(1) Вскорѣ послѣ ареста русскій посланник в Лондонѣ граф Бенкендорф получил слѣдующій «меморіал»:

«Мы, нижеподписавшіеся, озабочены состояніем здоровья Николая Чайковскаго, пребывающаго в заключеніи в Петропавловской крѣпости в Петербургѣ. Мы желаем указать на то, что г. Чайковскій в теченіе тридцатилѣтняго пребыванія в Англіи и Соединенных Штатах заслужил крайне высокое уваженіе лиц, принадлежащих к разным политическим партіям. Судьба такого человѣка не может быть безразлична для стран, которым он хорошо извѣстен. Мы хотим по крайней мѣрѣ надѣяться, что при обращеніи с ним приняты будут во вниманіе его возраст, слабое здоровье и возможность припадков маляріи». Под меморіалом подписи девяти лордов, десяти епископов, состоящих членами Верхней палаты, пяти настоятелей, 44 членов Нижней палаты, затѣм академиков, судей деканов, профессоров, врачей, адвокатов и писателей. Мы видим также в числѣ подписавших меморіал генералов, полковников и прославленных граждан. Тут англичане, принадлежащіе к разным политическим партіям: консерваторы, либералы, радикалы и соціалисты, как основатель Независимой Рабочей Партіи Кейр Гарди. Тут даже представители крупной промышленности, как напримѣр, предсѣдатель Манчестерской Торговой Палаты Эдуард Эрнтсн. Этот список знаменитых имен показал русскому правительству, какую огромную массу вліятельных друзей имѣл Н. В. Чайковскій в Англіи. Подписи поразили даже англичан.

Петербургскій корреспондент «Daily Telegraph», послѣ свиданія с Столыпиным, прислал большую корреспонденцію о Чайковском, в которой русское правительство, повидимому, старалось объяснить англійскому обществу свой поступок.

«В 1904 году Чайковскій принял участіе в конгрессѣ соц.-рев., состоявшемся в Женевѣ. В 1905 году он проживал в Стокгольмѣ, гдѣ вел переговоры о тайном ввозѣ оружія в Россію через Финляндію. Чайковскій также помогал в снаряженіи парохода «Джон Графтон», который вез оружіе и динамит для русских революціонеров. Пароход этот взорвался потом в шхерах у финских берегов. В том же самом году Чайковскій, вмѣстѣ с другими видными революціонерами, в числѣ которых были Чернов и Брешковская, стал членом Русскаго Крестьянскаго Союза. Он разъѣзжал тогда по Россіи и вел разрушительную пропаганду, подговаривая крестьян к террористическим выступленіям против помѣщиков. В февралѣ 1907 г. Чайковскій, вмѣстѣ с Брешковской, участвовал в конгрессѣ соціалистов-революціонеров в Таммерфорсѣ. На конгрессѣ этом Чайковскій и Брешковская произносили болѣе пламенныя рѣчи, чѣм всѣ другіе участники, доказывая необходимость насильственнаго свержения государственнаго строя и династіи. В том же году Чайковскій часто наѣзжал для свиданія с революціонерами в Москву и для той же цѣли посѣтил Урал. Полиція, — продолжает корреспондент, — считает Чайковскаго самым вліятельным революціонным агитатором. В министерствѣ корреспонденту сообщили даже про вѣроятную судьбу Н. В. Чайковскаго. Его, конечно, ждут осужденіе и наказаніе от ссылки на поселеніе до каторжных работ на четыре года.

Корреспонденція эта, конечно, излагает, что правительство тогда намѣревалось сдѣлать с Чайковским.

Англійскіе друзья время от времени напоминали заключенному, что помнят о нем. К Пасхѣ, напр., Н. В. Чайковскій

«В высшей степени интересен список подписей под обращеніем к русскому послу в Лондонѣ, — читаем мы в «Birmingham Evering Despatch», от 24 февраля. — Подписавшіеся представляют собою цвѣт англійской культуры. Человѣк вызвавшій к себѣ столько симпатіи, должен испытывать справедливую гордость».

получил из Англіи около тысячи открытых писем с надписью: «Христос воскресе».

О глубоком впечатлѣніи, произведенном в Англіи арестом Чайковскаго можно судить по запросу в Парламентѣ. Министр иностранных дѣл отвѣтил, что Британское правительство не может вмѣшиваться в данном случаѣ, так как Чайковскій не натурализовался в Англіи. Тѣм не менѣе, британскій посол в Петербургѣ навел оффиціально справки о Н. В. Чайковском, дружески указав на то, что им сильно интересуются в Англіи. Послу изобразили в самых радужных красках жизнь Чайковскаго в крѣпости. Заключенный имѣет «великолѣпную, свѣтлую камеру, пользуется правом продолжительных прогулок и имѣет разрѣшеніе видѣть всѣх своих друзей. В этих справках оказалась значительная доля воображенія. Н. В. Чайковскаго перевели, послѣ запроса посла, в лучшую камеру, разрѣшили гулять полчаса, вмѣсто 7 минут, как раньше, но свиданія он имѣл только с женой и дѣтьми, а не «со всѣми друзьями».

Предпріимчивый корреспондент «Daily News», добрался до товарища министра внутренних дѣл Макарова и так описал interview с ним. «Я просил г. Макарова сказать мнѣ, что русское правительство имѣет против Чайковскаго.

— Он соціалист-революціонер и враг существующаго правительства, — отвѣтил товарищ министра.

— Имѣются ли против него опредѣленныя обвиненія?

— Он принимал участіе в революціонных заговорах.

— В каких заговорах?

— Этого я вам не скажу.

— Англичане не понимают, каким образом держат Чайковскаго без суда в тюрьмѣ вот уже шесть мѣсяцев. Когда состоится этот суд?

— Не знаю; но постараюсь, чтобы суд состоялся скорѣе. Надо опросить свидѣтелей в Москвѣ и в Ростовѣ на Дону, а для этого требуется время.

Я указал г. Макарову на то уваженіе, которым Чайковскій пользуется в Англіи.

— Вполнѣ возможно, что в Англіи он жил тихо, — отвѣтил Макаров, — но, по всей вѣроятности, возвратившись

в Россію и встрѣтив старых друзей, Чайковскій снова стал молод и не мог устоять против искушенія вмѣшаться в политику». (Daily News, May 22, 1908).

***

Письма Н. В. Чайковскаго из крѣпости очень цѣнны не только для ьыясненія настроенія его в то время, но и вообще для пониманія личности его. Письма эти, адресованныя к женѣ В. А. и к дочери Вар. Ник. рисуют нам знакомую цѣльную натуру, всегда оптимистическую, всегда пытливую, всегда ищущую и всегда думающую не только просто о работѣ, но о работѣ, могущей быть полезной для родины. Оптимизм Н. В. Чайковскаго выясняется, между прочим, когда заключенный сообщает свои впечатлѣнія от прочтенія произведеній Чехова. «Читаю между прочим Чехова, котораго я, живя за границей, почти не знал, пишет Н. В. 17 октября 1907 года. — Большой талант, но совершенная безыдейность, какой то замѣчательно искусный рисовальщик с натуры, который послѣ долгаго чтенія его оставляет в душѣ какой то осадок чего то сѣраго, горькаго и безпросвѣтнаго; нѣт ни одного положительнаго типа, всюду одни противорѣчія, пошлость и рутина, а выхода никакого, и мнѣ сдается, что сам он его не видѣл и ни во что не вѣрил (не в религіозном смыслѣ, а вообще). Какой то запоздалый талант, которому по его содержанію слѣдовало явиться в шестидесятых годах, а не в восьмидесятых и девяностых, но, может быть, восьмидесятые годы он собою представляет, выработавшись в их атмосферѣ». К Чехову Н. В. Чайковскій возвращается в письмѣ от 31 декабря 1907 года. «Чехова читать бросил, перечитавши кажется большую часть. Удивительно безпросвѣтный писатель. Гоголь тоже не очень веселыя картинки рисовал, а тѣм не менѣе из его писаній мы в юности выносим дѣятельное желаніе бороться со всей неправдой и уродством русской жизни. Чувствовалась вѣра и тепло автора к природѣ, к русской натурѣ, которой недостает только свѣта и рѣшимости, чтобы распорядиться. А тут какое то брюзжаніе, невѣріе в свои силы чувствуется. Всѣ люди или наркотики (пьяницы, картежники, развратники) или надломленные Гамлеты; всѣ женщины — или лжи-

выя и развратныя, или глупыя и пустыя. Единственный тип, к которому у автора очевидно лежит душа это сектант, но и то в самом банальном смыслѣ слова; он даже не пытается прослѣдить этот сектантскій тип в разных слоях общества, напр. интеллектуальнаго сектанта, который играет в нашей жизни большую роль. Чехов как будто задался цѣлью изучить и вывести русскаго человѣка в тѣх слоях, которые не тронуты другими беллетристами — ну и ничего при всем своем талантѣ рисовальщика с натуры не нашел». В письмѣ от 17 ноября, непосредственно послѣ отзыва о Чеховѣ, Чайковскій писал: «Я очень интересуюсь кооперативным вопросом и намѣтил писать по нему, как только получу возможность». Всегда бодрый Н. В. Чайковскій утѣшает любимую дочь, сокрушающуюся об его участи. Он узнает, что Вар. Ник. оставила клинику. «Очень мнѣ было бы больно, если бы это оказалось результатом тѣх волненій и огорченій, которыя тебѣ причинило мое приключеніе здѣсь, — читаем мы в письмѣ от 31 января 1908 г. — Видно всѣ мои старанія с самаго начала убѣдить тебя и всѣх вас, что во всем этом (т. е. арестѣ) нѣт ничего страшнаго, и что я чувствую себя вовсе недурно — не привели ни к чему, хотя все, что я писал тебѣ, была сущая правда. Если бы ты сама побывала теперь здѣсь, ты убѣдилась бы, что тут человѣк не считается вполнѣ порядочным, если он в тюрьмѣ не побывал. Так уж вся жизнь построилась. И тот, кто имѣет какое либо касательство и интерес к общественным дѣлам, должен отсидку в тюрьмѣ считать частью своего гражданскаго долга. Хорошаго в этом, конечно, ничего нѣт; напротив, это только доказывает, до какого уродства доведена русская жизнь. Но раз я с ней связан такими тѣсными узами, что вырвать их из моего сердца нельзя, — приходится относиться к этой гражданской обязанности хладнокровно». В письмах из крѣпости раскрывается глубокая любовь Н. В. Чайковскаго к родинѣ. О ней он думал постоянно, и каждое новое сильное впечатлѣніе, каждая новая прочитанная книга измѣрялись так: «Что из этого можно извлечь для Россіи». «Повидал я тѣ мѣста, гдѣ провел свое дѣтство и юношество, повидал людей, с которыми они связаны, и почувствовал больше, чѣм когда нибудь, желаніе отдать остаток своих сил своей родной странѣ, — читаем мы в письмѣ к Вар. Ник. Чайковской

от 14 февраля 1908 года. Ближе всего и понятнѣе всего были Н. В. Ч-скому крестьяне. И о них он чаще всего думал в крѣпости в связи с своим чтеніем.

«Ты как то говорила о моей способности к хлѣбопашеству, — пишет Н. В. дочери 11 февраля 1908 года. — Мама доставила мнѣ ту американскую книгу, которую я собирался перевести на русскій язык, ну и она совсѣм увлекла меня, и я увѣрен, что из этого дѣла выйдет толк, потому что то, что пишется в ней, приложимо во многих мѣстах в Россіи; а написаны там очень умныя и практическія вещи, которыя скоро сдѣлаются понятными и самым простым людям. Я теперь только ожидаю разрѣшенія сдѣлать этот перевод здѣсь же. И если получу его, живо сдѣлаю». Дѣло идет о книгѣ W. H. Cambell «Manuel of Scientific Soil Culture». В Нью-Іоркѣ, весною 1907 г., американскіе друзья Н. В. Чайковскаго указали ему на интересные агрономическіе опыты в Западных Штатах. Дѣло шло о том, что американскіе агрономы называют dry farming system. «Меня это сразу тогда поразило, как нововведеніе, крайне пригодное для черноземной полосы в Россіи и рѣшил тщательно изслѣдовать вопрос при первой возможности», — пишет Н. В. Чайковскій в упомянутой уже статьѣ «My Prison Story». Эту систему Н. В. Чайковскій наблюдал в Денверѣ и тогда же собрал литературу вопроса.

«Одно из самых тяжелых впечатлѣній, какое я вынес из своего двухмѣсячнаго путешествія по Россіи, было при видѣ до удивленія жалкой обработки прекрасной черноземной земли в восточных губерніях, — писал Н. В. Чайковскій из крѣпости 21 апрѣля 1908 года, — такой жалкой, что меня прямо щемило за сердце, глядя на нее. И это рядом с полуразвалившимися хатами русскаго, башкирскаго и черемисскаго крестьянскаго населенія. Из разговоров же с крестьянами я вывел, что их понятія о земледѣліи буквально тѣ же, что были и 30 лѣт тому назад. Вся разница лишь в том, что у болѣе состоятельных крестьян у ворот изрѣдка стоят жнеи и косилки, да иногда видны слѣды от работы молотилки. Но все это ни на іоту не измѣнило самаго главнаго — обработки пашни и **сѣвооборота,** а в этом все дѣло».

«Очутившись потом в тюрьмѣ и имѣя в моем распоряженіи всѣ 24 часа в сутки, я рѣшил, что это самое подходя-

щее время для изученія «dry farming system», чтобы познакомить с ней моих соотечественников». Сперва Н. В. Чайковскій рѣшил было просто перевести книгу Кэмпбелля, но потом пришел к заключенію, что цѣлесообразнѣе будет изложить систему в крайне популярной формѣ, дабы сдѣлать ее понятной крестьянам. И Н. В. Чайковский с увлеченіем приступил к этой работѣ. «Она до такой с... поглотила все мое вниманіе, что я забыл даже про тюремную обстановку, — читаем мы в «My Prison Story». «У меня в руках было нѣчто полезное и дѣйствительно новое, чтобы предложить моим соотечественникам». Книга была написана. Н. В. Чайковскій получил разрѣшеніе напечатать ее, и она нашла многочисленных читателей. Заключенные в крѣпости вообще не имѣли права печататься. Исключенія дѣлались в шестидесятых годах для Д. И. Писарева и для Н. Г. Чернышевского, но потом эти исключенія были забыты. П. А. Кропоткин сидя в крѣпости, закончил большую работу об орографии Сибири; но она очутилась в архивѣ «Департамента Полиціи» из котораго извлечена была потом только через много лѣт. Таким обрзом, для Н. В. Чайковскаго было сдѣлано исключеніе, не практиковавшееся почти пятьдесят лѣт. Сам Н. В. Чайковскій в «My Prison Story» разсказывает, как это случилось. Закончив свою книгу, Ник. Вас. послал ее Директору Департамента Полиціи с просьбой передать рукопись послѣ просмотра Варварѣ Александровнѣ Чайковской для напечатанья. Через нѣсколько дней Департамент Полиціи возвратил рукопись с извѣщеніем, что, по правилам, она напечатана быть не может, покуда автор находится в заключеніи. Недѣли через три послѣ этого Н. В. Чайковскаго вызвали на допрос. «Я взглянул на груду бумаг, относящихся к моему дѣлу и наваленную на столѣ, — пишет Чайковскій.

— Какими пустяками занимаетесь вы, господа! — сказал Н. В., обратившись к допрашивающим.

— О чем вы говорите? — спросил прокурор.

— Я хочу сказать, что вы собираете против меня все безполезных документов. В то время, как Россія стоит на рубежѣ голода и ежедневно происходят грабежи, пороженные крайнею нищетой, вы расходуете послѣднія народныя средства на собираніе груды безполезных бумаг. И одно

менно вы держите в тюрьмах сотни людей, вмѣсто того, чтобы разрѣшить им дѣлать полезную работу.

— Что вы бы сдѣлали, будь вы на нашем мѣстѣ? — спросил прокурор. — Он взглянул на меня, повидимому, в ожиданіи горячей политической рѣчи.

— Я, [illegible], попытался бы увеличить продуктивность народнаго труда, — отвѣтил я, — напримѣр, я написал книгу, указывающую, как утроить урожаи в черноземной полосѣ, а вы запрещаете мнѣ печатать ее.

Прокурор попросил изложить письменно, вкратцѣ, содержаніе книги. Он указал, что Директор Департамента Полиціи, отказав мнѣ, придерживался общих правил. На слѣдующій день я послал прокурору содержаніе книги, а через недѣлю получилось разрѣшеніе министра внутренних дѣл на печатанье рукописи» (1).

С большим интересов читал также Н. В. Чайковскій в крѣпости книгу Lester Word'a «Psychological Factor of Civilisation». «Она доставила мнѣ большое удовольствіе, — сообщал он дочери. — Очень совѣтую тебѣ прочесть ее, а потом послать Илику (сыну, скончавшемуся потом в Канадѣ), которому пора же составить себѣ понятіе об этих вещах. Она во многом напоминает «Mutual Aid» (П. А. Кропоткина) и приходит почти к тому же; только разница в том, что Петр (т. е. Кропоткин) шел путем біолого-антропологическим к соціологіи, а Word путем біолого-психологическим. Поэтому они и дополняют друг друга: один видит новое начало, которому суждено в концѣ концов побѣдить, в **общественности,** а другой в **творческом** интеллектѣ. Эти два элемента дѣйствительно и составляют два главные реформирующіе фактора, которыми характеризуется будущее, да и настоящее уже... Без яснаго пониманія значенія двух сил нельзя оріентироваться в совершающемся на свѣтѣ». Совершенно разочаровал Чайковскаго проф. James, трудами котораго Н. В. впервые познакомился в крѣпости. В этих трудах Чайковскій усматривает «еще одну безплодную попытку придти к чему нибудь метафизическим

---

(1) «The Outlook», 29 October 1910, p.p. 493-494.

методом **самонаблюденія.** Результат: — на послѣдней страницѣ Джемс сам признается, что **не вѣрит** в свою науку. И не удивительно.

***

Работая над популяризацією Dry farming system, Н. В. Чайковскій постоянно останавливался над вопросом, что важнѣе, что необходимѣе сейчас для народа: узнать, спер-ва, как лучше добывать хлѣб, или получить политическую свободу? Не атрофирует ли отсутствіе политической свободы даже желаніе улучшать свое матеріальное положеніе? О занимающих его вопросах Н. В. Чайковскій сообщает дочери, Варварѣ Ник., причем в письмѣ, по цензурным условіям слово «свобода» замѣнено псевдонимом «обстановочка». «В Россіи 80 милліонов десятин чернозема, с которого собирается крестьянами в среднем 31 пуд с десятины, и помѣщиками немного больше, скажем до 50 пудов, — пишет Н. В. Чайковскій 6 марта 1908 г. — А американцы на таком же черноземѣ ухитряются собирать в среднем до 150 пудов. Мы голодаем, а они не знают, куда дѣвать богатства . . . Конечно, все дѣло в **обстановочкѣ.** Вот тут то точка с запятой и стоит: не знаешь что нужнѣе, — хлѣб ли голодному или «обстановочка». . . Вот и теперь тут сижу, казенный хлѣб ѣм, 30 коп. на одну ѣду полагается, и народу тут занято с нами тьма тьмущая — вмѣсто того, чтобы дѣлом заниматься и время, и деньги, и силы тратят на сущіе пустяки. А все из-за «обстановочки». Крѣпостная камера была для Чайковскаго, в извѣстном смыслѣ, Clearing House мыслей. Она дала ему возможность пересмотрѣть заново цѣлый ряд вопросов, занимавших его всю жизнь. Натурѣ Чайковскаго свойственно было устраивать время от времени подобные генеральные смотры своим мыслям и наблюденіям. Об этом он сам говорит в письмѣ к дочери, датированном 13 марта 1908 г. «В твоей душевной жизни повторяется многое из того, что и мнѣ приходится переживать. Это бѣганіе от житейской сутолоки от времени до времени в самого себя и как бы обновленіе послѣ них, углубленіе и расширеніе кругозора, выясненіе себѣ многаго из того, что второпях житейской суеты сваливается в сыром видѣ в свой ум

ственный и моральный амбар, а послѣ, мол, разберем — все это мнѣ хорошо знакомо и высоко дорого для меня. Это тѣ минуты очищенія и просвѣтлѣнія, в которыя наши неудовлетворенные запросы вызываются наружу и освѣщают нам новым свѣтом дальнѣйшій путь. Уравновѣшенные англичане это едва ли знают — они с малых лѣт и до смерти идут в тѣх же оглоблях, а мы — неуравновѣшенные, «истеричные», как они нас зовут, безпрестанно выскакиваем из оглобель. Это потому, что и вся то наша русская жизнь такова, в ней бродит множество неудовлетворенных запросов, которые, скопляясь на днѣ души, нѣт-нѣт да и вырвутся в видѣ вулканическаго изверженія, наперекор всему. Вѣдь не попади я в этот мѣшок, . . . я бы не работал теперь так, как я работаю».

Новыя мысли приходили неожиданно. «Мысль человѣческая, как кокетливая красавица, — когда она тебѣ нужна для немедленнаго приложенія, — она не идет к тебѣ, прячется; избѣгает тебя, — писал Н. В. Чайковскій 24 марта 1908 года своей дочери, Вѣрѣ Ник. Бреси. — А когда ты ее совсѣм не ждешь, и думаешь, кажется, о совсѣм другом, вдруг она откуда ни возьмись, как молнія, тебя осѣняет, и точно ты уже дѣлаешься ея послушным рабом: ты к ней ходишь на свиданія, ждешь с нетерпѣніем, когда настанет время, что ты сможешь остаться с ней наединѣ и забыть для нея все, что тебя окружает. И все это, когда ты связан в четырех каменных стѣнах и не можешь сдѣлать из нея никакого примѣненія. И я очень боюсь, что, как только явится к тому возможность, эта красавица измѣнит мнѣ».

Что именно говорила эта «красавица» Чайковскому во время посѣщенія его камеры, мы узнаем, между прочим, из письма от 5 мая 1908 года, в котором Ник. В. выясняет дочери значеніе для XIX вѣка книги Word'a. В половинѣ XIX вѣка, — указывает Чайковскій, — в період увлеченія непреложными законами природы и естественными науками — законы неумолимой животной жизни в природѣ положительно заволокли собою весь горизонт научнаго міровоззрѣнія. «Теорія Дарвина и борьба за существованіе сдѣлались азбукой жизни для цѣлаго поколѣнія. Против этой гегемоніи біологіи в жизни протестовала одна человѣческая суть, подсказывающая людям моего поколѣнія, что в этом не вся жиз-

ненная правда, что есть в природѣ и другіе факторы, которые не только борются с біологическими силами, но и побѣждают их. Это было новое возстаніе человѣческаго духа против притязаній матеріи на исключительное господство. Эта же тенденція пробралась и в общественное движеніе, и в науку об обществѣ человѣческом, и в главныя теченія мысли. Матеріальный прогресс завладѣвал умами и подавлял сердца людей; меркантилизм и капитализм наполняли собою всю атмосферу цивилизаціи: рабочая масса, ремесленник, крестьянин стонали, и одни соціалисты ободряли их надеждой на грядущее избавленіе. Но на чем же могли они сами то соціалисты — опирать свою вѣру и свою идеологію? Естественная наука как будто оправдывала survival of the fittest. В лицѣ Дарвина, Гексли, Спенсера, Гекеля, Клода Бернара и других, за которых цѣплялись экономисты-манчестерцы и мальтузіанцы, а за этих и Captains of Industry... Соціалисты были вынуждены на компромисс. И вот в лицѣ Карла Маркса и его школы и олицетворяется это половинчатое матеріалистическое теченіе в передовом движеніи и овладѣвает умами масс. Маркс берет основныя положенія своего экономическаго ученія о цѣнности у Рикардо и А. Смита и проповѣдует первенство и господство в общественном прогрессѣ **матеріальных** интересов и производительных отношеній. Всѣ мы кому дорог моральный и человѣческій инстинкт и чувство справедливости напрасно протестовали против такого компромисса, напрасно искали в наукѣ твердаго опорнаго пункта для своих идеалов. Моральные доводы, как бы они ни были основательны и естественны, оказывались безсильны против положительной науки survival of the fittest. Мы были за флагом. Отсюда попытка Петра (П. А. Кропоткина) обосновать соціализм на общественном инстинктѣ самосохраненія вида. Но и тут самый этот инстинкт не был достаточно убѣдителен, да самое его существованіе можно было оспаривать. И вот является Word с психическим фактором, который рѣшает вопрос безповоротно и объясняет вѣковыя противорѣчія «необходимости» и «справедливости»; «силы» и «права»; «долга» и «человѣчности»; короче — животнаго и человѣка...» Н. В. Чайковскій говорит дальше, что ему трудно подобрать достаточно сильныя слова, чтобы объяснить всю громадную важность этого положенія для міропониманія на-

шего вѣка. «Оно вѣроятно будет имѣть громадное вліяніе. Конкуренція перестаиет быть верховным трибуналом жизни и идеал возстановляется в своем величіи, но только не на **личной,** а на **общественной подкладкѣ».**

В крѣпости Н. В. Чайковскій еще болѣе сознает огромную важность в жизни людей одного фактора, который для него опредѣлился еще в самой ранней юности: значеніе радости, доставляемой трудом, в который вложено сознательное индивидуальное начало. Н. В. Чайковскій высказывает по этому поводу интересныя мысли. «Я очень рад, что ты испытываешь joy of life в созидательном трудѣ, — пишет Н. В. Чайковскій к дочери Вар. Ник. (31 іюня 1908 г.) — Но имѣй в виду, что природа такова же, как и земля: разводишь ли ты хлѣбныя растенія или птиц, или животных, воспитываешь ли дѣтей, культивируешь ли человѣческое общество, занимаешься ли опытной наукой — вездѣ твой успѣх зависит от того, насколько ты сумѣешь вызвать к жизни своими созидательными усиліями творческія силы природы. Все дѣло в правильном отношеніи к ней и к жизни. Оно всегда состоит в отношеніи акушера к чреватой новою жизнью природѣ; его дѣло всегда любовно помогать ей разрѣшиться возможно легче и скорѣе, создавая для этого самыя благопріятныя условія. Тебѣ это хорошо извѣстно по настоящим родам, которые навсегда останутся прототипом всѣх творческих кризисов в природѣ и в жизни людей. Разница только в том, что у людей в их общественной жизни большею частію происходят осложненія, — нѣсколько кризисов переплетаются вмѣстѣ, напримѣр, кризис мысли с кризисом в учрежденіях, а иногда и в ростѣ производительных сил, и получается нѣчто подобное родам, осложненным какими нибудь функціональными болѣзнями, что и дѣлает теченіе кризиса таким сложным, трудным и болѣзненным, а исход невѣрным. С землею это вовсе гораздо проще и результаты нашего акушерскаго воздѣйствія на нее гораздо очевиднѣе». Н. В. Чайковскій дальше противопоставляет «пассивное отношеніе ремесленника к своей работѣ, за которую он получает столько то денег, отношенію матери к своему дѣтищу, выношенному, вскормленному и взлелѣянному ею с любовью и трепетом. Жизнь тогда только и пріобрѣтает свой

полный смысл для нас, — продолжает Чайковскій, — когда мы так относимся к каждому нашему дѣлу».

XV.

Н. В. Чайковскій попытался передать в образах и символах тѣ соціальныя и философскія мысли, которыя занимали его в крѣпости. Таким образом явился нѣсколько туманный очерк «Новый Гулливер», напечатанный потом в русском ежемѣсячном журналѣ. Очерк этот остался неоконченным. В статьѣ «My Prison Story» Н. В. Чайковскій разсказывает, как у него зародилась мысль о «Новом Гулливерѣ» и дает также комментаріи к нему. «Когда я чувствовал потребность в творческой работѣ, я оставлял мою книгу о dry farming... Я задумал изложить мое тогдашнее пониманіе соціальных проблем в рядѣ писем к дочери, чтобы таким образом провести их через цензуру. Я остановился на формѣ аллегоріи. Мою работу я назвал «Новый Гулливер двадцатаго вѣка», подразумѣвая под Гулливером олицетвореніе новаго соціальнаго строя, создающагося уже на наших глазах. Такой предмет требовал, конечно, критики существующаго порядка и объясненія происходящих перемѣн. Ни о том, ни о другом невозможно было говорить открыто. Я задумал изложить мои мысли в формѣ пяти картин. Первая из них изображает мощнаго центавра, мчащагося полным галопом к золотой горѣ, освѣщенной лучами заходящаго солнца. Путь центавра лежит через дикую страну. Дорога загражденa разными препятствіями, как острыя скалы и глубокіе овраги. Мчащійся центавр тащит за собою громадную черепаху, опрокинутую на щит. Она все время шевелит лапами, стараясь перевернуться, чтобы стать твердо. Черепаха эта прикована к Гулливеру толстой цѣпью из золотых и желѣзных колец. Центавр этот двуликій. Лицо, смотрящее вперед, представляет американскаго милліардера и похоже на Рокфеллера. Взор его вперен в золотую гору, а лицо — выражает рѣшительность и страшную энергію. Лицо центавра, глядящее назад, нѣсколько напоминает Рузвельта. Оно выражает смущеніе и даже нѣкоторый страх по поводу стремительнаго бѣга центавра. На препятствіях, загражданющих путь к золо-

той горѣ, видны надписи: «Голод», «Безработица», «Эпидеміи», «Локауты», «Старость», «Пьянство». Из-под лат черепахи видны болѣе или менѣе взволнсванныя лица вождей различных соціальных движеній, как Соціализм, Трэд-Юніонизм, Кооперація, Феминизм, Свободомыслiе, Гуманитаризм. В подписи значится, что центавр очень хорошо освѣдомлен о затруднительном положеніи, в котором находится черепаха, но он страстно желает добраться до золотой горы, вопреки препятствіям. Он легкомысленно поэтому думает про себя: «Ничего, я увѣрен, что она доживет, покуда золотая гора будет достигнута. Как только доберусь до горы, я обойдусь и без черепахи». Центавр в началѣ пути слышал, что в этих мѣстах бродит тѣнь лорда Шэфтсбери и смазывает опасные выступы из масленки, на которой значится: «Фабричные законы» и «Статистика министерства торговли и промышленности». Но тѣнь лорда Шэфтсбери ошиблась во времени, как часто ошибаются идеалисты. И случилось слѣдующее. Когда солнце стало закатываться, центавр, не замѣчая того, заснул. Второе лицо погрузилось в глубокій сон праведника и даже стало храпѣть». Эта «первая картина» была пропущена цензором. Вторая картина, являющаяся продолженіем первой, тоже была пропущена. Но третья картина, в которой Н. В. Чайковскій изобразил аллегорически борьбу вольных городов с баронами в средніе вѣка застряла у прокурора. На этом закончилась серія аллегорических картин. Впослѣдствіи Н. В. Чайковскій, как я сказал, переработал эти картины и помѣстил их в журналѣ «Образованіе». В письмѣ к Вар. Ник. (5 іюля 1908 года) Чайковскій дает такія подробности своей аллегоріи. «Из-под брюшного щита черепахи стали выползать лилліпуты, таща за собою кто плуги, кто пилы, кто насосы, кто швейныя, сапожныя, ткацкія, прядильныя, печатныя, музыкальныя и другія машины и разставлять и пристраивать их по всему лицу земли. А Гулливер, не долго думая, стал отковыривать от желѣзо-золотой цѣпи своими ноготками мизинцев по прядкѣ двойного металла и прицѣплять ко всѣм этим машинным станкам, плугам. Когда все было налажено, построивши дома, города и деревни, и люди размѣстились по своим мѣстам около этих машин. Гулливер радостно улыбнулся и крикнул своим зычным голосом центавру, отчего вздрогнула земля, закачались де-

ревья, вспорхнули всѣ птицы, нырнули в рѣках всѣ рыбы: «Now go-on, my boy!» Центавр было рванулся, думая, что ему опять дана прежняя «свобода контрактов» и надѣясь снова ускоренным галопом взбѣжать на золотую гору, которая виднѣлась вдали и вознаградить себя за потерянное время. Однако же тяжесть, которая тянет, оказалась прикрѣпленной к цѣпи, была не чета черепахѣ, и потребовала всѣх его сил, чтобы только-только двигаться вперед равномѣрным шагом. При этом всѣ станки, плуги, машины и инструменты начали работать с такой быстротой, что лилипуты едва успѣвали управлять ими и смѣнять друг друга, по истеченіи 3-4 часов для отдыха, ѣды, развлеченія, обученія, прогулок с дѣтьми и пр., и пр. В сутки каждому и каждой из них приходилось смѣниться таким образом два раза. Ты спросишь, откуда взялся Гулливер? А я сам, право, не знаю, — вижу только, что его фигура выступает с каждым годом все яснѣе и яснѣе из предвѣчнаго тумана — то в видѣ кооперативов, то в видѣ unearmed increment в городском управленіи. то как то иначе у англичан называется special assossment, то в видѣ центральных совѣтов рабочих организацій, какія существуют теперь при парламентах во Франціи, Бельгіи, Италіи, Австріи, Новой Зеландіи и скоро вѣроятно будут существовать и в Англіи, и в Соединенных Штатах и других странах, то в видѣ Consumers' Leagues в Соединенных Штатах, или Женских Гильдій в Англіи, — а больше всего и главнѣе всего в ростѣ рабочаго движенія и расширенія их кругозора. Все это указывает на то, что складывается новое общественное тѣло с сознаніем своих нужд и своих прав, общественных прав, а не индивидуальных каждаго в отдѣльности. Это то они давно знали. Нѣт — а вот прав солидарнаго и общественнаго «body» (тѣла) во всѣх странах на пользованіе желѣзно-золотой цѣпью центавра и своих прав обуздывать его и заставлять работать на всѣх, а не на немногих. Вот кто такой Гулливер и откуда он берется — из самой жизни, из тайников человѣческой души, но не в видѣ обольстительных картинок будущаго царствія небеснаго или земного, не в видѣ отвлеченных доктрин или принципов, а в видѣ конкретнаго и сильнаго «body». Гулливер раз в пять посильнѣе центавра и способен одним прикосновеніем к цѣпи остановить его бѣшеный бѣг.

XVI.

Главным свидѣтелем правительства протиз Чайковскаго был упомянутый уже Паутек. Кромѣ перваго показанія о том, что он видѣл Чайковскаго на революціонных митингах, Паутек сообщил еще слѣдующее. Он, Паутек, хорошо знает, что Чайковскій, живя за границей, организовал в Россіи «шайку», спеціальностью которой было доставлять через Финляндію оружіе русским революціонерам. Это показаніе не было ничѣм подтверждено. Впослѣдствіи выяснилось, что тайная полиція, в отвѣт на запрос жандармскаго офицера, допрашивавшаго Чайковскаго, дала письменно такую аттестацію Паутеку. «Он изобличенный лжесвидѣтель, присужденный к смертной казни за убійство и экспропріацію. Приговор этот был смягчен и замѣнен каторжными работами. Паутек вызвался давать показанія в нѣсколькихъ дѣлах, выступая, как свидѣтель со стороны обвиненія. Как выяснилось, он дѣлал это только для того, чтобы оттянуть отправку на каторгу, ибо боялся, что там его убьют тѣ, которых он выдал.Тайная полиція сообщала дальше жандармам, что она против дальнѣйшаго замедленія отправки Паутека на каторгу. Несмотря на это, главный свидѣтель обвиненія выступил и давал показанія, когда судили Н. В. Чайковскаго. Когда предварительное слѣдствіе закончилось, Н. В. Чайковскаго вызвали в Жандармское правленіе и разрѣшили ему прочитать его дѣло. Просмотрѣв документы, Н. В. убѣдился, что против него нѣт ни одной вѣской улики и что у обвиненія нѣт сколько-нибудь серьезных свидѣтелей. Чайковскій потребовал вызова нѣкоторых проживающих за границей свидѣтелей, могущих доказать его alibi. Он потребовал также, чтобы к дѣлу пріобщены были американскія газеты за 1907 год с отчетами о лекціях Ник. Вас. Эти отчеты свидѣтельствовали о том, что Чайковскій был в Соединенных Штатах, когда он, по показаніям Паутека, агитировал будто бы в Россіи. Жандармы рѣшительно отклонили это ходатайство Чайковскаго.

Друзья Н. В. в Англіи, в Соед. Штатах и во Франціи ходатайствовали между тѣм о том, чтобы заключенный был выпущен под залог до суда. Правительство согласилось, но по-

требовало колоссальный с русской точки зрѣнія залог в пятьдесят тысяч рублей. В самое короткое время этот залог был собран в Англіи энергичной дочерью Н. В. Чайковскаго и внесен. Чайковскій тогда был освобожден до суда.

18 января 1910 года англійскіе общественные дѣятели послали слѣдующее письмо Столыпину:

«Его Высокопревосходительству, г. первому министру.

Милостивый Государь,

Мы имѣли честь обратиться в 1908 году к Вашему Высокопревосходительству с ходатайством в пользу Николая Чайковскаго, пребывавшаго в то время в заключеніи в Петропавловской крѣпости. Нынѣ мы с великой благодарностью получили сообщеніе о том, что Чайковскій выпущен под залог.

Теперь, узнав, что день суда приближается, мы рѣшаемся напомнить Вашему Высокопревосходительству, что судьбой Чайковскаго сильно заинтересованы за границей. Мы выражаем поэтому увѣренность, что дѣло его, согласно Вашему заявленію, будет разбираться открыто компетентными судьями и в согласіи с общими принципами всѣх цивилизованных государств».

Письмо подписали шесть свѣтских лордов (Lindsay, Eversley, Courtney of Penwilth, Kinnaird, Aberdare и Llangattock), два духовных лорда (епископ Экзетарскій и епископ Ньюкэстельскій) и три епископа, не засѣдающих в Верхней палатѣ (епископ Ричмондскій, епископ Степнейскій и епископ Страдфордскій). Затѣм под письмом имѣлись также 21 подпись коммонеров, радикалов, либералов и консерваторов. Заступничество Зап. Европы и Соединенных Штатов повліяло даже на Столыпина. Женѣ Н. В. Чайковскаго было объявлено, что мужа ея выпустят до суда, если будет внесен залог в 50 000 рублей. Этот залог был в самое короткое время собран дочерью Н. В. — Варварой Николаевной Чайковской. Нѣкоторые из англичан, внесших наиболѣе крупныя суммы, дали знать Варварѣ Николаевнѣ, что «ничего не будут имѣть, если залог пропадет». Другими словами, они предлагали Чайковскому бѣжать, но Ник. Вас. дал слово другим поручителям, что не уклонится от суда. И слово это было сдержано. Послѣ суда залог был возвращен поручителям, из которых многіе только по имени знали Николая Васильевича.

На судѣ правительство могло выставить только одного свидѣтеля — Паутека. Из показаній этого свидѣтеля выяснилось на судѣ, что Паутек выступает, так сказать, постоянным свидѣтелем по политическим процессам. На судѣ, к своим прежним показаніям, Паутек прибавил еще слѣдующее. Он, свидѣтель, знает, что Чайковскій, когда жил за границей, «организовал в Россіи шайку разбойников, дабы снабжать из-за рубежа через Финляндію революціонеров оружіем». Это утвержденіе было до такой степени голословно, — писал Н. В. Чайковскій в американском журналѣ «Outlook», — что подорвало всякое довѣріе суда к показанію свидѣтеля.

Суд кончился оправданіем Н. В. Чайковскаго и сравнительно мягким приговором для одновременно судившейся Брешковской.

Діонео.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ.

Мое знакомство с Н. В. Чайковским началось довольно скоро послѣ возвращенія Н. В. из эмиграціи в Россію. Насколько я помню, впервые мнѣ привелось встрѣтиться с Н. В. в редакціи «Русскаго Богатства». Послѣ того мы не раз встрѣчались и в том же «Русском Богатствѣ», и в нѣкоторых других мѣстах,но встрѣчи эти долго были рѣдкими и болѣе или менѣе случайными. Отчасти этому, быть может, содѣйствовало и то обстоятельство, что Н. В. в тѣ годы с головой ушел в кооперативное движеніе, я же стоял тогда сравнительно далеко от кооперативных кругов и ничѣм практически с ними не был связан. Как бы то ни было, наше знакомство при всем глубоком уваженіи, какое внушал мнѣ Н. В., оставалось в теченіе нѣсколькихъ лѣт в сущности поверхностным и не создавало между нами какой-либо близости.

Болѣе близким стало оно уже послѣ того, как разразилась революція 1917 г. Очень скоро послѣ вспышки революціи состоялось сліяніе трудовой группы, к которой принадлежал Н. В., и трудовой народно - соціалистической партіи, членом которой был я, в одну партійную организацію, сохранившую имя трудовой народно - соціалистической партіи. При этом сліяніи оба мы были избраны в центральный комитет объединившейся партіи и в его президіум. В раскаленной атмосферѣ тѣх дней, среди вихря несшихся одно за другим событій на центральный комитет нашей партіи, как и всѣх других, падало много забот и работы. Чуть не каждый день перед партійными организаціями вставали новые вопросы, для которых надо было возможно быстрѣе находить рѣшенія, причем рѣшенія эти нерѣдко являлись крайне отвѣтственными. Для того, чтобы эти рѣшенія были согласованы с дѣйствительностью и могли быть проводимы

в нее, приходилось поддерживать связь с рядом других политических организацій. В то же время партія быстро обростала новыми членами, которых надо было воспитывать в партійной психологіи и вводить в рамки партійной дисциплины, а наряду с этим предстояло вести пропаганду партійных взглядов и в болѣе широких кругах. Все это требовало напряженной работы руководящих органов партіи и почти непрерывнаго общенія входивших в них лиц. И в этой то совмѣстной работѣ, в этом непрестанном общеніи я смог приглядѣться к Н. В. Чайковскому, больше узнать и глубже оцѣнить его душевныя свойства ближе сойтись с ним.

Сліяніе двух организацій, хотя бы и близких по своим принципіальным основам, но ведших в теченіе нѣкотораго времени раздѣльное существованіе, почти никогда не обходится без треній. Каждая организація, болѣе или менѣе долго просуществовавшая отдѣльно и самостоятельно, неизбѣжно вырабатывает в средѣ своих членов не только общіе взгляды, но до извѣстной степени и общую психологію. Члены такой организаціи привыкают к извѣстной близости, пріучаются понимать друг друга с полуслова. И, когда двѣ подобныя организаціи сливаются в одну, между их членами на первых порах естественно не оказывается такой близости и такого пониманія. Отсюда сами собой почти неизбѣжно возникают недоразумѣнія и поднимаются споры, иной раз по существу даже лишенные серьезнаго содержанія и тѣм не менѣе ведущіеся с немалым упорством, а на почвѣ таких споров создаются и болѣе или менѣе чувствительныя тренія.

В извѣстной мѣрѣ это происходило и при сліяніи трудовой группы и народно - соціалистической партіи. Наличіе в рядах получившейся послѣ сліянія партіи недавно еще существовавших отдѣльно «трудовиков» и «народных соціалистов» порою давало себя чувствовать довольно остро и во всяком случаѣ нерѣдко вело к страстным спорам, для которых послѣ сліянія как будто не имѣлось в сущности серьезных основаній, и которые однако порождали иногда немалыя тренія. Но я не запомню, чтобы когда-либо такія тренія возникали в связи с Н. В. Чайковским и его выступленіями. Наоборот, его роль в этих случаях всегда была прямо противополжной. Неизмѣнно корректный и спокойный, неизмѣнно благожелательный ко всѣм товарищам по партіи, он

умѣл во всяком разногласіи видѣть только его идейную сторону и только на ней сосредоточивать вниманіе других, нисколько притом ея не преувеличивая. И его спокойный, серьезный и вдумчивый подход к предмету разногласія, свободный от какого бы то ни было личнаго или кружкового пристрастія, нерѣдко помогал ставить вещи на принадлежащія им мѣста, устраняя ненужные споры и предотвращая возможныя тренія.

Наряду с этим в совмѣстной работѣ с Н. В. чрезвычайно ярко выступала и другая его черта — его способность беззавѣтно отдаваться взятому на себя дѣлу. Человѣк далеко уже не молодой, по своему возрасту превышавшій всѣх своих товарищей по центральному комитету партіи, он был среди нас одним из наиболѣе неутомимых работников. Без отказа принимал он всѣ обращенныя к нему дѣловыя просьбы и порученія товарищей, без всяких признаков утомленія высиживал, когда это было нужно, долгія, затягивавшіяся иногда на нѣсколько часов, засѣданія. При этом сам он почти никогда не выступал в таких засѣданіях с длинными рѣчами и вообще не любил пространных разглагольствованій, но всегда с неослабным вниманіем слѣдил за ходом обсужденія разбиравшихся вопросов и умѣло выдѣлял в развертывавшихся преніях их дѣловую сущность. С таким же вниманіем относился он и ко всѣм вообще видам партійной работы, посвящая ей всѣ свои силы и почти не давая себѣ отдыха.

Политическая работа партіи имѣла в это время в глазах Н. В. крайне важное значеніе. Убѣжденный соціалист с давних пор, с лѣт своей юности, он с момента возникновенія міровой войны считал русских соціалистов обязанными защищать родину против Германіи, которая, по его мнѣнію, являлась виновницей войны, затѣянной ею из-за стремленія к міровому владычеству. Побѣда Германіи была бы, в его пониманіи, серьезной угрозой для мирнаго и безпрепятственнаго развитія европейской культуры. Не измѣнил он этому взгляду и тогда, когда в Россіи разразилась революція. И, трезво оцѣнивая то неимовѣрно тяжелое положеніе, в каком оказалась страна, во время жестокой и изнурительной войны пережившая внутреннюю революцію, он считал необходимым направить всѣ усилія к поддержанію русскаго государственнаго организма и к созданію та-

кой власти, которая могла бы, продолжая войну, вмѣстѣ с тѣм подготовить и установить в странѣ порядок, согласный с началами народовластія, и довести ее до Учредительнаго Собранія. Это заставляло его являться непримиримым противником той демагогической пропаганды, которая получила широкое распространеніе сейчас же послѣ вспышки революціи и которую затѣм с особой энергіей и беззастѣнчивостью повели большевики. Он не уставал звать к твердой и рѣшительной борьбѣ с этой пропагандой и в такой борьбѣ видѣл одну из главных задач партіи, в которую он вошел. В рядах послѣдней его призывы и не остались безплодными — подавляющее большинство трудовой народно-соціалистической партіи всецѣло раздѣляло это настроеніе Чайковскаго и было вполнѣ солидарно с ним. Правда, сама то наша партія была слишком малочисленна и не могла оказывать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ход событій, а наряду с этим в других, болѣе сильных соціалистических партіях господствовали иныя настроенія. Но это обстоятельство не подрывало энергіи Н. В. и не убивало в нем вѣры в возможность счастливаго исхода завязавшейся борьбы.

Тѣм временем мои личныя дѣла сложились таким образом, что я вынужден был значительную часть второй половины 1917 года провести внѣ Петербурга и не был в нем ни во время іюльскаго выступленія большевиков, ни в момент октябрьскаго переворота. Мнѣ не пришлось поэтому быть свидѣтелем тѣх попыток борьбы с большевиками непосредственно послѣ произведеннаго ими переворота, в которых участвовал Чайковскій, и я знаю об этом его участіи только из разсказов других. Послѣ переворота я вернулся в Петербург лишь к февралю 1918 г. и, пробыв здѣсь около мѣсяца, переѣхал, согласно выраженному комитетом партіи пожеланію, в Москву, куда к этому времени перебралось новое большевицкое правительство и перенесен был центр политической жизни страны. Одновременно со мною, по тѣм же основаніям, переѣхало в Москву и еще нѣсколько членов нашего комитета, в числѣ их и Н. В., и нам снова пришлось работать вмѣстѣ.

Теперь работѣ этой предстояло идти в существенно иной обстановкѣ и в иной атмосферѣ сравнительно с тѣм, что было полгода назад. Та опасность, которую предвидѣл

и противъ которой предупреждал Н. В., стала грозной дѣйствительностью. Увлекши за собой массы демагогической пропагандой, большевики путем насильственнаго переворота захватили власть и, жестоко подавляя всѣ попытки сопротивленія, приступили к своей разрушительной работѣ, именуя ее немедленным введеніем соціализма. Вмѣстѣ с тѣм, стремясь удержать власть в своих руках, они окончательно разложили фронт, и заключили с императорской Германіей Брест-Литовскій мир, который в их собственной средѣ получил названіе «похабнаго» и который, в случаѣ полнаго осуществленія его условій, должен был возвратить Россію чуть не к положенію стараго Московскаго государства, обративъ ее одновременно в покорнаго вассала Германіи. Перед тѣми, кто не мог и не хотѣл примириться с таким положеніем, кто живо ощущал позор, легшій на Россію, и ясно видѣл несчастія, нависшія над русским народом, был теперь, казалось, только один путь — путь борьбы, направленной к свержению насильственной власти большевиков.

Далеко не всѣ противники большевиков готовы были однако вступить на этот путь. Быстрая побѣда большевиков над Временным Правительством, захват ими власти и успѣшное подавленіе первых попыток борьбы с ними на многих произвели глубокое, чтоб не сказать подавляющее, впечатлѣніе. Очень многіе из людей, враждебно относившихся к большевикам и считавших пагубными их теоріи и дѣйствія, признавали однако безумієм всякую новую попытку прямой борьбы с ними в данный момент. Нѣкоторые разсчитывали при этом, что увлеченная большевиками масса очень скоро разочаруется в них, и тогда они падут сами собою. Другіе надѣялись, что, очутившись у власти, большевики «образумятся», поймут абсурдность своих дѣйствій и планов, откажутся от демагогіи и перейдут к болѣе разумной политикѣ. В соотвѣтствіи с этим порою и в печати того времени раздавались голоса, призывавшіе интеллигенцію отказаться от непримиримаго отношенія к большевикам и пойти на совмѣстную работу с ними.

Рядом с этим было и иное настроеніе. Оно, между прочим, господствовало в народно - соціалистической партіи и в ея рядах одним из наиболѣе послѣдовательных его выразителей являлся Чайковскій. Он видѣл в большевиках людей,

обманом и насиліем захвативших власть над народом, отнявших у него свободу и установивших свою тиранію и, вмѣстѣ с тѣм, в момент жестокой борьбы с внѣшним врагом предавших родину в руки послѣдняго. Он считал поэтому необходимым сдѣлать все возможное для того, чтобы уничтожить вновь создавшуюся насильственную власть, поработившую себѣ народ, и одновременно вернуть Россіи ея самостоятельность и ея мѣсто среди объединившихся против Германіи союзников. Борьба с большевиками в его пониманіи сливалась с борьбой против Германіи и утвержденіе начал свободы и демократіи внутри страны соединялось с возстановленіем «восточнаго фронта». Но, ставя перед собою такую задачу, он, конечно, не представлял себѣ, что она может быть разрѣшена силами какой-либо одной организаціи или партіи. Для ея разрѣшенія, по его убѣжденію, необходим был возможно болѣе широкій и прочный союз демократических партій и организацій, который мог бы силою своего вліянія и воздѣйствія поднять массовое народное движеніе.

Эти взгляды и это настроеніе, как я уже сказал, объединяли собою в тот момент всѣх видных дѣятелей народно-соціалистической партіи. Но тѣ же взгляды и то же настроеніе проявлялись и в рядѣ других партій и организацій, хотя и не с таким единодушіем. В результатѣ весною и лѣтом 1918 года в Москвѣ предпринят был ряд шагов, направленных к практическому осуществленію этих взглядов. В другом мѣстѣ я разсказывал об этих шагах, выразившихся сперва в попыткѣ сговора центральных комитетов нѣскольких партій, а затѣм в созданіи особой организаціи, получившей имя «Союза Возрожденія Россіи», и сейчас не буду повторять этого разсказа. Скажу только о той роли, какая принадлежала в этих шагах Н. В. Чайковскому.

Попытка сговора партій очень скоро потерпѣла крушеніе — между прочим, благодаря взаимному недовѣрію, существовавшему между дѣятелями различных партій, и их нежеланію сколько-нибудь поступиться своими позиціями. Эти же причины сильно затрудняли на первых порах и образованіе надпартійной организаціи в видѣ «Союза Возрожденія Россіи». И, если перговоры о созданіи Союза все же сравнительно скоро закончились успѣшно, то в немалой мѣ-

рѣ результат этот был достигнут благодаря участію в них **Н. В. Чайковскаго.** Проявив в них большую выдержку, спокойствіе и настойчивость, он не уставал вносить в среду участников переговоров дух взаимной уступчивости и примиренія, старательно сглаживал всѣ острые углы, стремился устранить возникшія в процессѣ сговора разногласія и в большинствѣ случаев успѣвал добиться соглашенія. И здѣсь не было с его стороны оппортунизма, как не было в его выступленіях и той словесной эквилибристики, при помощи которой иногда остающіяся в полной силѣ разногласія прикрываются чисто внѣшними согласительными формулами. Нѣт, Н. В. искал настоящаго, подлиннаго соглашенія и искал его не на почвѣ отказа от своих основных принципов. Во имя поставленной большой задачи — освобожденія родины — и необходимаго для нея объединенія сил он считал себя и других обязанными идти на всѣ возможныя уступки друг другу. Поэтому, не поступаясь основным существом своих политических взглядов, он находил возможным дѣлать уступки во всем, что не затрагивало этого существа или же не имѣло в данный момент большого реальнаго значенія.

По этому пути Н. В. шел тѣм увѣреннѣе, что глубокій идеализм соединялся у него с весьма трезвым, практическим складом ума, не позволявшим ему вообще придавать черезчур большое значеніе словесным формулам и заставлявшим всегда видѣть за ними реальныя жизненныя явленія. Это побуждало его и в той борьбѣ с большевиками и Германіей, ради которой затѣвался «Союз Возрожденія Россіи», выдвигать на первый план общій дух, общій принцип этой борьбы, как борьбы за народную свободу и за независимость Россіи, и не настаивать на предварительном разрѣшеніи всѣх частностей в точном согласіи с общим принципом. Он самым рѣшительным образом возставал против выдвигавшагося в переговорах частью их участников проекта противопоставить большевикам, в качествѣ національной власти, военную диктатуру. И вмѣстѣ с тѣм он сам указывал, что в условіях междуусобной борьбы не всегда возможно будет соблюденіе всѣх требованій, вытекающих из начал нормальнаго демократическаго правопорядка. Но это только заставляло его отказываться от черезчур ригористических формул, которыя могли бы оказаться в противорѣчіи с реальными задачами будущей власти,

и побуждало искать такого компромисса, какой обезпечивал бы за этой властью характер силы, несущей населенію на мѣсто произвола и рабства свободу и гражданскій порядок. Точно также, когда шла рѣчь о необходимости для возобновленія войны с Германіей прямой помощи со стороны союзников, и участники переговоров старались найти для этой помощи такую формулу, которая предупредила бы возможность вмѣшательства союзников во внутреннія дѣла Россіи, Н. В. указывал, что в извѣстных предѣлах такое вмѣшательство неизбѣжно уже потому, что союзникам придется, по крайней мѣрѣ, на первых порах помогать противобольшевицким силам в их борьбѣ с большевиками, опирающимися на поддержку со стороны Германіи. И в этом случаѣ он разсчитывал больше на общій дух заключаемаго соглашенія и на добрую волю его участников, чѣм на вперед составленныя, во всѣх деталях продуманныя формулы, которыя, по его мнѣнію, не могли предусмотрѣть всѣх конкретных условій будущаго.

Когда переговоры закончились, когда была окончательно выработана платформа «Союза Возрожденія Россіи», опредѣлилось первоначальное ядро его членов, и он начал свою дѣятельность, Н. В. явился одним из наиболѣе энергичных его работников. Он добывал для Союза средства, пользуясь для этого главным образом связями в русских кооперативных кругах, хранил и расходовал эти средства, являясь как бы казначеем Союза, участвовал в организаціонной работѣ, вел иногда сношенія с отдѣлами Союза в других городах и не было вообще такого дѣла, такой работы в Союзѣ, к которым нельзя было бы привлечь Н. В. Без громких слов, без всякаго внѣшняго пафоса, спокойно, дѣловито и точно исполнял он всѣ принимаемыя на себя обязанности, но в этом спокойствіи чувствовалась напряженная, страстная и непоколебимая энергія. Одновременно он продолжал с такой же энергіей работать и в партіи. К этому времени народно-соціалистическая партія успѣла уже привлечь к себѣ неблагосклонное вниманіе большевиков и начала подвергаться преслѣдованіям, правда, еще не носившим систематическаго характера. Что касается «Союза Возрожденія Россіи», то он был в полном смыслѣ слова нелегальной, подпольной организаціей и обнаруженіе его существованія и принадлежности к нему, естественно, должно было вызвать со стороны большевицкой власти самыя край-

нія репрессіи. Но сознаніе этого нимало не нарушало спокойствія Н. В. и не измѣняло сколько-нибудь существенно его поведенія. Он принимал, конечно, необходимыя мѣры конспираціи, но этим и ограничивался, и я не помню случая, когда бы он из соображеній осторожности не пришел на условленное совѣщаніе или не выполнил взятаго на себя порученія. Висѣвшая над ним опасность, видимо, совершенно не отражалась при этом на его самочувствіи, хотя она со дня на день становилась все болѣе реальной.

В концѣ лѣта 1918 года Н. В. должен был однако покинуть Москву. К этому времени центральный комитет «Союза Возрожденія Россіи», признававшій наиболѣе подходящим способом образованія противобольшевицкой власти созданіе директоріи, которая состояла бы из нѣсколькихъ лиц, нашел нужным с своей стороны намѣтить кандидатов в такую директорію и в качествѣ одного из этих кандидатов был единогласно указан Н. В. Чайковскій. Подчиняясь возложенной на него миссіи, он выѣхал на сѣвер, разсчитывая оттуда пробраться за Волгу, гдѣ уже шла вооруженная борьба с большевиками и — предполагалось — возникнет та или иная всероссійская власть. Случилось иначе, проѣхать на восток ему не удалось и, хотя на Уфимском совѣщаніи его заочно выбрали в состав директоріи, которой предназначалась роль всероссійскаго правительства, он остался на сѣверѣ, в Архангельскѣ, гдѣ возглавил собою Сѣверное правительство, а затѣм был послан послѣдним в Париж. С своей стороны я вскорѣ послѣ отъѣзда Н. В. из Москвы тоже уѣхал из нея, но уѣхал на юг и благодаря этому временно потерял Н. В. из виду и узнавал кое-что об нем и об его дѣятельности только из случайных газетных сообщеній.

Прошло около года, и я стал получать из Парижа письма от Н. В. В этих письмах он сообщал, как стоит русское дѣло за границей, дѣлился своими надеждами и опасеніями и развивал свои планы насчет того, как слѣдовало бы вести борьбу с большевиками и какой характер должна была бы имѣть государственная власть в освобожденных от них мѣстностях. По прежнему его вниманіе было всецѣло поглощено шедшей в Россіи борьбой, по прежнему он стремился вложить в эту борьбу всѣ свои силы и настойчиво искал для нея таких форм, в которых был бы ясен ея основной смысл, как

борьбы за свободу против насилія, и по прежнему он был полон вѣры в то, что борьба эта должна закончиться побѣдой и освобожденіем Россіи от тиранической власти большевиков.

В дѣйствительности однако борьба шла далеко не так, как это представлялось желательным и необходимым Чайковскому, а вмѣстѣ с тѣм и вѣрѣ его не суждено было оправдаться. В концѣ 1919 года громкіе успѣхи Добровольческой арміи смѣнились тяжкими пораженіями. Докатившись почти до Орла, она вынуждена была затѣм к поспѣшному отступленію, и это отступленіе быстро обратилось в катастрофу. К началу 1920 года главная масса противобольшевицких сил юга Россіи была отброшена на Кубань, и вмѣстѣ с тѣм внутри этих сил воцарился глубокій разлад. Генерал Деникин старался еще поправить дѣло. Онъ пытался реорганизовать свое правительство, пытался вновь сблизиться с отшатнувшимися от него руководителями кубанскаго казачества, но для внимательных наблюдателей было ясно, что эти попытки уже не могут дать серьезных результатов.

Тѣм временем Н. В. не усидѣл в Парижѣ и пріѣхал в Екатеринодар, пріѣхал как раз в этот момент надвигавшейся и уже дававшей себя чувствовать грозной катастрофы. Выѣзжая из Парижа, он знал о начавшихся неудачах Добровольческой арміи, но не представлял себѣ, что онѣ могут дойти до таких размѣров, какіе ему пришлось увидѣть своими глазами. И однако то, что он увидѣл, не повергло его в отчаяніе и не убило в нем вѣры в возможность новаго поворота счастья и конечнаго благополучнаго исхода борьбы. У него была еще эта вѣра, были и опредѣленныя надежды. Проѣзжая через Варшаву, он видѣлся и бесѣдовал с Пилсудским, и эта бесѣда дала ему увѣренность в возможности союза между Польшей и русскими противобольшевицкими силами, который, по его мнѣнію, мог в значительной мѣрѣ укрѣпить положеніе послѣдних. С другой стороны, он надѣялся на возможность такой перестройки южно-русскаго правительства, которая сдѣлала бы послѣднее популярным в широких массах, привлекло бы к нему новыя силы и открыло новыя перспективы и тѣм самым облегчило бы арміи ея борьбу. И, когда ген. Деникин обратился к нему лично с предложеніем войти

в состав правительства, он увидѣл в этом предложеніи доказательство именно такой возможности.

На этот раз настроеніе Н. В. рѣшительно разошлось с настроеніем окружавших его товарищей. Находившіеся в тот момент в Екатеринодарѣ члены народно - соціалистической партіи, равно как и не принадлежавшіе к ней члены «Союза Возрожденія Россіи» совершенно иначе расцѣнивали создавшееся положеніе. Мы имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія о настроеніях и планах польских правящих кругов и в связи с этими свѣдѣніями весьма скептически относились к проекту союза с Польшей. Вмѣстѣ с тѣм мы гораздо мрачнѣе, чѣм Н. В., смотрѣли и на положеніе Добровольческой арміи. Присмотрѣвшись уже в теченіе довольно долгаго времени к тому, как шли дѣла в ней, и как дѣйствовало правительство ген. Деникина, мы не питали никакой вѣры в то, что в момент надвинувшейся катастрофы это правительство может путем той или иной перестройки быстро пріобрѣсти довѣріе населенія и вдохнуть в него бодрость и волю к борьбѣ, да не очень вѣрили и в серьезность затѣянной перестройки.

Нам не удалось убѣдить Н. В. Он заявил нам, что он смотрит на вещи болѣе оптимистично, чѣм мы, и во всяком случаѣ не считает себя вправѣ в переживаемый трагическій момент отказать в своей помощи дѣлу, в котором он видит единственную надежду на спасеніе родины. Поэтому, хотя мы с ним несогласны, он все же чувствует себя обязанным принять сдѣланное ему предложеніе войти в южно-русское правительство, но войдет в него, учитывая наше разногласіе, не как член партіи и не как участник «Союза Возрожденія Россіи», а в индивидуальном порядкѣ, за свой личный страх и риск. Мы с своей стороны не возражали против такого рѣшенія. Теперь, как и тогда, я думаю, что правда в этом спорѣ была на нашей сторонѣ. Думаю, что послѣдовавшія событія должны были скоро убѣдить в этом и самого Н. В. Но вмѣстѣ с тѣм теперь, как и тогда, я вполнѣ понимаю руководившія им побужденія. Не пережив того остраго и глубокаго разочарованія, какое пришлось пережить нам, непосредственным свидѣтелям того, что происходило на югѣ Россіи во время гражданской войны, он сохранял еще вѣру в то, что Добровольческая армія может продолжать свою борьбу, и не находил возможным для себя отойти от дѣла, которое пред-

ставлялось ему неразрывно связанным с владѣвшей всѣми его помыслами идеей освобожденія родины и родного народа от насилій и надругательств большевицкой власти. Понимая это настроеніе, мы и не стали мѣшать Н. В. идти избранным для себя путем.

Вскорѣ послѣ того Н. В. уѣхал с южно-русским правительством в Крым и затѣм, когда это правительство было распущено ген. Деникиным, вернулся в Париж. Вновь встрѣтиться с ним мнѣ довелось уже только через два с половиной года, за границей, куда большевицкое правительство выбросило в 1922 г. нѣсколько десятков признанных им неудобными на родинѣ русских людей, в число которых попал и я. И при этой встрѣчѣ Н. В. был все так же поглощен мыслью о родинѣ, об ея благѣ и свободѣ. С жадным и скорбным вниманіем слушал он разсказы о том, что дѣлается в Россіи, и не уставал думать о том, как можно было бы придти ей на помощь. К этому моменту гражданская война затихла уже на всем пространствѣ Россіи и усталое, измученное населеніе как будто окончательно покорилось большевицкой власти, но Н. В. упорно не разставался с надеждой, что внутри страны скоро возникнет движеніе, направленное к ея освобожденію. Он издавал в то время журнал, посвященный Россіи и русским дѣлам и призывавшій к такому движенію, и сумѣл завязать связи с существовавшей внутри Россіи противобольшевицкой организаціей, которая распространяла там этот журнал. Прошло однако нѣкоторое время, и большевицкая полиція открыла и разгромила эту организацію, а вмѣстѣ с тѣм порвалась у Н. В. и прямая связь с Россіей. Послѣ того он, насколько я знаю, отошел от активной политики и уже не возвращался к ней до своей смерти.

Лишь очень небольшая часть богатой событіями жизни Н. В. Чайковскаго прошла на моих глазах и очень недолговременно было мое болѣе близкое общеніе с ним. Но это сравнительно недолгое общеніе оставило у меня незабываемое впечатлѣніе встрѣч с человѣком большой душевной силы, исключительной чистоты и благородства и рѣдкой глубины чувства. Стоило лишь немного ближе подойти к Н. В.,

чтобы за его внѣшней сдержанностью и спокойствіем увидѣть горячій энтузіазм. Но этот энтузіазм не вспыхивал ярким фейерверком пафоса, а горѣл ровным, непрерывным пламенем и сообщал неотразимую привлекательность всей фигурѣ Н. В. Неутомимый общественный работник, никогда не выдвигающій себя на первый план и всегда готовый взяться за любое посильное ему дѣло, нужное в данный момент, страстный искатель правды и стойкій борец за нее, соединяющій в себѣ глубокій идеализм с трезвым умом и большой практической сметкой, убѣжденный демократ и соціалист, чуждый доктринерства и сектантства, умѣющій сочетать жажду общественной справедливости с уваженіем к человѣческой личности, наконец, человѣк, у котораго широкое гуманистическое міровоззрѣніе свободно и легко уживалось с горячей, стихійной любовью к родинѣ и родному народу, — таким я знал Н. В. Чайковскаго и таким он неизмѣнно встает в моей памяти.

В. Мякотин.

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ.

От попытки дать общую характеристику покойнаго Николая Васильевича я должен был по многим причинам отказаться. Портрет такого необыкновеннаго и удивительнаго человѣка, как Чайковскій, неотдѣлим от его біографіи, а весь біографическій матеріал по періодам хорошо и подробно использован в статьях других участников сборника. К тому же, слишком недавно ушел от нас Николай Васильевич и слишком связаны с настоящим дѣла его послѣдних лѣт. Но главное, пожалуй, не в этом: главное в том, что очень трудно подойти к жизни и личности Чайковскаго с обычными критеріями раціональнаго характера и почти невозможно говорить о нем, не поднимая самых основных вопросов человѣческаго существованія. А для этого небольшая статья, конечно, не годится.

Чайковскій был послѣдовательно анархистом, соціалистом-революціонером, народным соціалистом. Он увлекался «богочеловѣчеством» и увлекался кооперацією. Он проповѣдывал партизанскую войну при П. А. Столыпинѣ и был министром в правительствѣ генерала Деникина. Для тѣх, кто хорошо его знал, несомнѣнно душевное единство Николая Васильевича во всѣ періоды его жизни. Но строго логически изложить «послѣдовательную эволюцію» его взглядов очень трудно.

Я думаю, что и подход к нему в ранніе годы его жизни возможен преимущественно художественный. Что такое представляет собой хотя бы «кружок чайковцев»? В статьѣ Д. М. Одинца дана с исчерпывающей полнотой внѣшняя исторія этого кружка. Изслѣдователи русскаго общественнаго движенія и теперь спорят о политических взглядах чайковцев.

«Они были анархисты», — говорит один изслѣдователь. — «Славянофилы», — возражает другой. — «Радикалы», — указываег третій. — «Конституціоналисты», — находит четвертый. Спор, быть может, довольно праздный, если вспомнить, что вождю кружка было двадцать лѣт. Но для художника-беллетриста кружок чайковцев был бы истинным кладом. Кто может судить о нем, не видав его собственными глазами? Да и то надо было умѣть видѣть. Степняк-Кравчинскій, человѣк выдающійся и даровитый, был профессіональным революціонером и всю жизнь прожил среди революціонеров. Л. Н. Толстой не имѣл к революціи никакого отношенія и только прошел мимо нѣкоторых второстепенных ея дѣятелей: с одним поговорил, на других мимоходом взглянул. Но сравните портреты революціонеров в «Подпольной Россіи» и в «Воскресеніи»! На чьей сторонѣ жизненная правда, — незачѣм говорить о художественных достоинствах...

Так же трудно расцѣнивать в философском или в политическом отношеніи и Маликова, и богочеловѣчество. Недоброжелательный изслѣдователь может при желаніи найти матеріал для сатиры в том, что в молодости окружало Николая Васильевича: в кружкѣ чайковцев, гдѣ ради борьбы с предразсудками ѣли собачье мясо; в американской коммунѣ, гдѣ «жили публично», питались «гигіеническими шишками Фрея», заставляли дѣтей помножать двадцать пять билліонов на тысячу двѣсти сорок три билліона и в случаѣ упрямства ученика выливали ему на голову ведро хололной воды. Едва ли нужно говорить, что для самого Николая Васильевича все это было совершенно не характерно.

В его собственных политических увлеченіях были порою крайности, — их не надо понимать буквально. У многих выдающихся дѣятелей освободительнаго движенія иногда проскальзывали мысли, перед осуществленіем которых они, конечно, остановились бы в ужасѣ. Осуществили — другіе. Пестель вел «счет сей ужасный» всѣх, подлежащих истребленію, членов царской семьи; но невозможно представить себѣ Пестеля убійцей в подвалѣ Екатеринбургскаго дома. Сам Н. В. Чайковскій в результатѣ жизненнаго опыта совершенно освободился от утопических или сверх-революціонных мыслей. В своей короткой правительственной дѣятельности, еще позднѣе в эмиграціи, он был разумным политиком

в лучшем и благороднѣйшем смыслѣ этого слова. В его работѣ и тогда могли быть ошибки, но за них несем отвѣтственность мы всѣ. Если Чайковскій ошибался, то с ним (за рѣдкими исключеніями) ошибалась почти вся «государственно мыслящая» интеллигенція Россіи.

Для профессіональнаго политика он был слишком правдив. Николай Васильевич не мог лгать или хотя бы скрывать свои мысли, даже если-б находил это нужным. С профессіональными политиками ему было нелегко имѣть дѣло. В пору парижской конференціи он вел переговоры с вершителями судеб міра. Если не ошибаюсь, президент Вильсон только его одного и слушал тогда из русских. Но его переговоры с Ллойд-Джорджем или с Клемансо, конечно, осложнялись полным отсутствіем общаго моральнаго языка. Быть может, вредила в политическом отношеніи Чайковскому и его впечатлительность. Он относительно легко поддавался чужим вліяніям, и вліянія — от Маликова до Савинкова — были разныя. Николай Васильевич всегда увлекался: то человѣком, то книгой, то новой идеей, то политическим планом. Он был порою слишком довѣрчив. Тѣм не менѣе и как политик Чайковскій был совершенно незамѣнимым на всѣх постах, на которые в старости ставила его судьба.

В этой работѣ послѣдняго десятилѣтія его жизни мнѣ приходилось безпрестанно видѣть Николая Васильевича. В ней неизмѣнно сказывались его высокія достоинства. Энергія Чайковскаго, его неутомимость, его способность к увлеченію дѣлом, граничили с чудесным. Вмѣстѣ с ними он вносил в работу разум и опыт много видѣвшаго человѣка, безупречное джентльменство, совершенно исключительное благородство тона.

Послѣдняя черта была особенно характерна для Чайковскаго, точно так же, как его постоянная внутренняя серьезность, неизмѣнно высокій строй души и мыслей. Черты эти в нем чувствовались всѣми и внушали уваженіе людям, весьма далеким от него в политическом отношеніи. Столь частое в политической борьбѣ подшучиванье над противником обычно само собой прекращалось в присутствіи Николая Васильевича. Этому способствовала и самая его внѣшность, так шедшая в его духовному облику: «только поверхностные люди не судят о человѣкѣ по наружности»...

Сам он не раз говорил, что своим истинным дарованіем считает способность к интуиціи. Со свойственной ему скромностью, он только это дарованіе за собой и признавал. Что такое интуиція? Толстой интуитивно узнавал душу каждаго человѣка: «уж я его, звѣря, знаю»... Ллойд-Джордж интуитивно угадывает замыслы других политических интриганов: «у него в общеніи с политическими дѣятелями как будто больше чувств, чѣм у обыкновенных людей», — говорит человѣк, хорошо знающій знаменитаго министра. Надо ли говорить, что у Николая Васильевича не было интуиціи ни в том, ни в другом смыслѣ слова. То, что он называл интуиціей, было в сущности инстинктом порядочности, доведенным до исключительной высоты. Этот инстинкт, врожденная красота души, в любой обстановкѣ, во всяких обстоятельствах подсказывали ему образ дѣйствій, вѣрный если не в практическом, то в моральном отношеніи. Люди, неизмѣнно за ним слѣдовавшіе, не были застрахованы от политических ошибок, но от сколько-нибудь непорядочнаго поступка они были застрахованы прочно. Недаром его так часто выбирали в повѣренные личных секретов. Эти секреты с ним и умерли. Помню, он как-то сказал мнѣ, что с ним, еще юношей, говорила «на чистоту» Софья Перовская: по прошествіи почти шестидесяти лѣт Николай Васильевич не счел возможным коснуться содержанія их разговора.

Под конец своей жизни Н. В. Чайковскій стал остывать к политикѣ. Ненависть к большевикам заполняла его душу, поддерживала его долгіе годы. Но не было человѣка, менѣе созданнаго для ненависти, чѣм Николай Васильевич. «Злобою сердце питаться устало, много в ней правды, да радости мало»... Политическіе взгляды его не измѣнились. До послѣдняго отъѣзда из Парижа (в Англію) он принимал участіе в работѣ эмиграціи. Однако, прежняго увлеченія больше не было. Быть может, и здѣсь сказалась практичность умудреннаго жизнью человѣка, непонятно совмѣщавшаяся в нем с тѣми свойствами, о которых я говорил выше: он стал отходить от политической жизни эмигрантов именно в ту пору, когда эта политическая жизнь начала напоминать толченіе воды в ступѣ. На восьмом десяткѣ лѣт жизни Чайковскій нашел для себя новую дорогу. Фаустовское начало было очень сильно в Николаѣ Васильеви-

чѣ. Религія в болѣе тѣсном смыслѣ слова заняла прочное мѣсто в его душѣ. «Небо принадлежит людям, которые думают», — говорит французскій философ.

«Есть отдѣльные люди», — писал престарѣлый Чайковскій, — «которые сомнѣваются даже в возможности счастія вообще. Но это уж очень надорванные и больные люди, потому что пока человѣк продолжает жить на землѣ как бы то ни было, — и не прекращает своего существованія насильственно, — он продолжаег вѣрить в какое-то благо, хотя бы и очень ограниченное, а, слѣдовательно, имѣет какое-то понятіе и о счастіи. Поэтому говорить о проблемѣ счастія даже и с такими людьми все-таки можно и должно.

«Для огромнаго большинства обыденных людей «счастье» — это то же, что удача в жизни, — в своей семьѣ, в дѣлах, в службѣ, выигрыш 200.000 в лотереѣ или полученіе неожиданнаго наслѣдства и, наконец, завершеніе всего своего земного существованія с позолоченною помпою среди почета и уваженія друзей... Чего можно еще желать?..

«Но, конечно, это не счастье, а ряд внѣшних случайностей, стоящих почти совершенно внѣ самого человѣка и его внутренняго содержанія. Такое «счастье» не имѣет ничего общаго с его духовной жизнью и не только не пробуждает ея, а даже напротив усыпляет. Такой «счастливой» жизнью могут прожить цѣлыя поколѣнія людей, не оставив по себѣ никакого слѣда и не подвинувшись вперед ни на единый шаг, ни к «свѣту», ни в глубину. Такое «счастье» есть застой и духовная смерть. Оно недостойно «человѣка», ради котораго двѣ тысячи лѣт тому назад умер на крестѣ Богочеловѣк. Это квинтэссенція коснаго мѣщанства, при отсутствіи всякой духовной жизни. Для нас, спиритуалистов, счастье не может быть дѣлом случая или внѣшних обстоятельств — оно прежде всего в нас самих, и связано с самыми высокими моментами нашего существованія на землѣ.

«Для спиритуалистов же, вѣрящих в духовное единство вселенной, истинное счастіе не может быть ничѣм иным, как дѣятельным переживаніем этого Единства в нас самих, как осуществленія нашей міровой любви во всѣх ея формах — абсолютной истины, абсолютной справедливости, красоты, внутренней духовной правды, свободы и т. п., приближающих нас к абсолютному Началу Міра и Жизни — к Богу.

«Но дѣло в том, что в мірѣ матеріальном, т. е. в царствѣ Кесаря всѣ вещи абсолютны и условны. Онѣ безотносительны и абсолютны только в мірѣ духовном, т. е. в царствѣ Божіем. А потому вышепоименованныя духовныя цѣнности могут быть поняты, и обычно понимаются, как цѣнности относительныя, матеріальныя, и в таком случаѣ онѣ являются предметами торговли, условнаго блага, а не полнаго счастья, которое принадлежит к міру духовному — и по самому существу своему — переживается нами, как нѣчто безграничное и безусловное.

«Можно любить человѣка за его или за ея временную красоту, нравящіяся нам черты характера, которыя отвѣчают нашим, и в близости к которым мы находим длительное удовольствіе... Но истинная любовь всегда жертвенна, а жертвовать собою можно только изъ-за чего нибудь высшаго, чѣм пріятныя ощущенія. И это есть душа человѣка, которая не требует критики и покоряет нас себѣ помимо нашей воли, безповоротно и безусловно. И с другой стороны это дѣлается точно так же безсознательно, помимо его или ея воли, навсегда и безусловно. Это и есть истинное счастье, а не торговля любовью. То же самое и с красотой, со служеніем ей, как относительной и как вѣчной цѣнности, и с истиной, вѣчной и абсолютной истиной, которую мы даже не способны постичь разумом, а постигаем только чувством-интуиціей, и истиной научно-опытной, относительной, которую мы постигаем разумом. То же самое и с правдой, внутренней Божьей правдой, которую ни спрятать, ни исказить нельзя, ибо она рано или поздно все равно окажется, — и правдой условной, которую показывают в судах, пишут в уличных и агитаціонных газетах».

Очень трогателен образ этого человѣка, так твердо убѣжденнаго в том, что лишь ненормальные люди могут не вѣрить в счастье. В этих вѣрованіях он и умер. В его прощальном письмѣ я читаю:

«...Приходят послѣднія минуты. Если Богу угодно, ухожу с легкой душой и благодарю за все, что я пережил в этом мірѣ. Он вѣчно движется вперед, все совершенствуясь и все больше и больше одухотворяясь, приближаясь, таким образом, к своему Творцу. В сліяніи же с Ним цѣль всей міровой жизни, а в ней часть и нашей»...

Мнѣ прежде казалось, что только в Россіи могли являться люди, подобные Чайковскому. И в самом дѣлѣ для созданія таких людей, как он, нужно было имѣть внизу духоборов, наверху «аристократов, захотѣвших в сапожники». Но, может быть, здѣсь особенное значеніе имѣют обстоятельства времени, а не мѣста. Та эпоха, в которую получил воспитаніе Чайковскій, удивительна во многих отношеніях. Вѣра в торжество справедливости, в неуклонность нравственнаго прогресса, в совершенное благородство человѣческой природы, в неизбѣжность всеобщаго счастья на землѣ, тогда были много сильнѣе, чѣм в восемнадцатом вѣкѣ. Шопенгауер прошел в сторонѣ от большой дороги мысли своего времени, а Шпенглер и вообще был бы тогда невозможен. Восемнадцатый вѣк был слишком разсудочен и слишком злобен, — недаром небызалой кровью и кончился. Не в духѣ этого вѣка и то необыкновенное по мудрости и разуму изреченіе, которое так любил Николай Васильевич: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну»...

Банальны слова: «таких людей больше не будет». В примѣненіи к Николаю Васильевичу Чайковскому я их повторяю с полной увѣренностью: разумѣется, не будет, — откуда же им теперь взяться? Этот революціонер и не подозрѣвал, в какой мѣрѣ он был человѣком старой Россіи.

М. Алданов.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ДРУЗЬЯМ.

Дорогіе друзья.

Вам угодно было почтить меня особым вниманіем по случаю моего 75-лѣтія со дня рожденія 26-го декабря 1850 г., назначивши на сегодняшній день публичныя собранія по этому поводу в Парижѣ, Прагѣ и Варшавѣ. За невозможностью для меня по случаю серьезной болѣзни присутствовать ни на одном из этих собраній лично, считаю для себя долгом обратиться к вам с этим письмом по поводу возникновенія в Россіи в началѣ 70-х годов прошлаго столѣтія так называемаго «Кружка Чайковцев». Если мое имя с тѣх пор сдѣлалось извѣстным болѣе или менѣе широким кругам русских людей, то это именно благодаря тому, что, как говорит большинство мемуаристов этого начальнаго періода народничества, я был одним из основателей этого кружка, оставил ему это историческое имя, а сам отошел в 1874 г. в сторону от этой организаціи. Так говорят П. Кропоткин, Л. Шишко и другіе. Причина этого ухода еще никогда мною в печати объяснена не была и вызывала в свое время самые разнообразные толки.

Поэтому я считаю, что в настоящій момент наступающаго конца моей общественной карьеры на мнѣ лежит долг перед русской общественностью выяснить, почему 52 года тому назад я сам перестал быть чайковцем.

В существующей литературѣ о кружкѣ есть еще довольно много недосказаннаго, неяснаго. Но браться за исправленіе этих пробѣлов в настоящую минуту в кратком письмѣ было бы совершенно невозможно, и я надѣюсь еще сдѣлать это в другом мѣстѣ и по другому поводу. Обязательным же для себя теперь считаю сказать двѣ вещи: чѣм, по-

моему, был этот кружок в данной исторической обстановкѣ? и почему я отошел от него?

Леонид Шишко в своем прекрасном очеркѣ личности С. М. Кравчинскаго и «Кружка Чайковцев» совершенно правильно излагает его возникновеніе весною 1869 года из библіотеки студентов военно-медицинской Академіи в лицѣ двух избранных библіотекарей ея В. Александрова и — не названнаго им по соображеніям момента — Марка Натансона. Затѣм присоединеніе к ним в первый же момент в качествѣ представителей других высших учебных заведеній Петербурга Н. Чайковскаго от университета, Н. Лопатина (не названнаго им) от Технологическаго Института и Анатолія Сердюкова от той же Медицинской Академіи *). Также правильно излагается Л. Шишко первоначальная цѣль кружка, как она понималась тогдашними основателями: созданіе среди русской интеллигенціи и преимущественно среди лучшей части студенчества, как тогда выражались, истинно-народной партіи в Россіи. С этой цѣлью первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества и так называемыя коммуны, т. е. общежитія, состоящія уже из болѣе тѣсно связанных между собой товарищей. Затѣм излагается, как с тою же цѣлью первоначальными основателями кружка было начато так называемое «Книжное Дѣло» и каковы были его первоначальные успѣхи. Приводится длинный список книг, которыми оперировал кружок, и говорится о преслѣдованіях, которым «Дѣло» подвергалось со стороны тогдашняго правительства в період наибольшаго его развитія в 1871-72 г. г., когда кружок взялся уже и за свои собственныя изданія нужных ему для его дѣятельности сочиненій. В теченіе этого періода в кружкѣ уже произошли перемѣны: в началѣ 1871 г. Александров был командирован за границу, для постановки там своей собственной тайной типографіи, и там умер. Приблизительно в это же время произошло сліяніе кружка медицинской библіотеки с женским кружком сестер Корниловых, Ольги

---

(1) Была и другая попытка образовать в то время подобный же комитет из студентов разных высших учебных заведеній для руководства студенческим движеніем, а именно в группѣ Нечаева-Ткачева.

Шлеснер, Софьи Перовской, Александры Ободовской и еще кое-кого из тогдашних курсисток, основанным параллельно с нашим, главным образом усиліями Ольги Шлеснер, личнаго друга Марка Натансона, сдѣлавшейся впослѣдствіи его женой. Для ближайшаго ознакомленія друг с другом двух кружков и для выработки согласованнаго пониманія своих задач было рѣшено воспользоваться наступающим лѣтом 1871 г. для того, чтобы поселиться на большой дачѣ под Петербургом и устроить там нѣчто вродѣ перманентнаго большого кружка самообразованія. Это и было сдѣлано в Кушелевкѣ, на Выборгской сторонѣ. Факт этот упущен и у Шишко, и у Кропоткина, вѣроятно потому, что ни тот, ни другой тогда в кружок еще не входили, а между тѣм это общежитіе сыграло довольно важную роль в исторіи кружка. Не лишено было также значенія то обстоятельство, что еле мы успѣли переѣхать на дачу в числѣ болѣе двадцати человѣк мужчин и женщин, как нагрянула полиція с обыском, под предводительством знаменитаго в то время сыщика Филипеуса, и нас не только всѣх переписали, но и заставили на другой день явиться в Третье Отдѣленіе для легонькаго допроса, а по пути, вѣроятно, и для сфотографированія. Руководящую роль в этом кружкѣ самообразованія играл несомнѣнно Марк Натансон, получившій свое революціонное крещеніе еще в гимназическіе годы во время польскаго возстанія 1863 г. в западном краѣ и поэтому отличавшійся сравнительно большей зрѣлостью политической мысли и впослѣдствіи всегда носившій на себѣ в революціонной практикѣ отпечаток польской конспиративности. В теченіе этого лѣта было прочитано много докладов по разным отраслям знанія и между прочим реферирован т. I «Капитала» К. Маркса по только что полученному нѣмецкому оригиналу и обсужден цѣлый ряд программных и организаціонных вопросов. За лѣто члены обоих кружков друг для друга естественно выяснились, подружились и уже в эту раннюю пору сдѣлались живыми частями одного цѣлаго. Слѣдует отмѣтить, что в это же лѣто в Петербургѣ в Верховном Судѣ публично разбиралось «Нечаевское Дѣло». И понятно, что каждая деталь этого разбирательства дѣлалась для нас предметным уроком для нашей собственной будущей дѣятельности. В засѣданіях Кушелевскаго общежитія принимали участіе не только тѣ, кто

жил там, но и многіе будущіе или настоящіе члены кружка, приходившіе из Петербурга (напримѣр, Дмитрій Клеменц, Анатолій Сердюков и др.).

Одним словом, к осени образовалась довольно большая группа людей, болѣе или менѣе одинаково мыслящих, одинаково устремленных и уже связанных кое-какими общими дѣлами. Осенью 1871 года основана была первая штаб-квартира кружка, а через мѣсяц или два Натансон был арестован и вскорѣ сослан в г. Бобров, Воронежской губерніи. Все «Книжное Дѣло» осталось у меня на руках. С этих пор кружок начинает называться «Кружком Чайковцев», и отнюдь не вслѣдствіе моего лидерства (мнѣ было тогда всего 21 год), а главным образом по дѣловым книжным сношеніям с книгопродавцами и издателями, для которых у меня имѣлись нѣкоторые практическіе навыки. Другія отрасли этого дѣла по сношеніям с провинціальными группами, по выработкѣ программ самообразованія, по участію в работѣ мѣстных петербургских групп и т. д. распредѣлялись среди других членов кружка. Вся эта работа давала немедленные и замѣтные результаты. И тѣм не менѣе, в этот уже ранній період конца 1872 г. общее настроеніе было таково, что у всѣх замѣчалась склонность покончить с работой в интеллигентной средѣ и перейти, как можно скорѣе, к сношеніям с рабочими как заводскими, так и фабричными, из которых признавалось необходимым создать кадры пропагандистов среди крестьянской массы. А затѣм скоро — уже в 1873 г. — все сильнѣе и сильнѣе начало сказываться нетерпѣніе самим окунуться в крестьянскую толщу, в надеждѣ почерпнуть там как бы особую чудодѣйственную силу. И это, несмотря на то, что еще на Кушелевкѣ был намѣчен план извѣстной постепенности в этой работѣ, и прежде всего необходимости для нас, во что бы то ни стало, заранѣе обезпечить себя прочной организаціей преемников. Поэтому теперь становилось все безполезнѣе и безполезнѣе убѣждать людей в том, что, не доведя до конца одного дѣла, нельзя браться за другое: в отвѣт получалось, хотя и очень добродушное, но неотразимое для меня возраженіе: «довольно этого топтанія на одном мѣстѣ — мы должны, наконец, взяться за революціонную работу». «У тебя, Николай, нѣт злобы к существующему, из тебя никогда не выйдет революціонера». И это было недалеко от

правды: злобы в себѣ я, дѣйствительно, не чувствовал, и потому умолкал. Могу даже сказать больше — я никогда не мог мириться с классовой ненавистью и сторонился от нея, хотя и не возставал против нея формально.

Леонид Шишко в своей брошюрѣ о кружкѣ говорит, что особенностью всего революціоннаго движенія начала 70-х годов, и в частности кружка Чайковцев, было не единство или характер его революціонной программы, а исключительно интенсивность его субъективнаго настроенія и преобладаніе в нем этических мотивов служенія народному дѣлу над всѣми остальными. И это была правда. Дальше, по его мнѣнію, в основѣ этого настроенія лежала утопически-соціалистическая идея, усвоенная нашим поколѣніем уже из литературы 60-х годов, на почвѣ которой (идеи) и развивалась, и росла революціонная дѣятельность кружка. Человѣк дѣлался прежде всего соціалистом-утопистом и в силу этого уже становился революціонером: он возставал не столько в защиту своих политических прав, сколько **во имя прав экономически и политически** порабощеннаго народа.

В «Воспоминаніях Синегуба» (1) о первых сношеніях кружка с фабричными рабочими говорится, что «нашей главной цѣлью было открыть народу ту **«настоящую правду», которую он постоянно искал, и которая одна могла научить его, как изжить горе и нужду крестьянскую».** Это уже нѣчто другое. Это уже не формула, отзывающая марксистской доктриной, а скорѣе, как утверждал потом Богучарскій в своей книгѣ о народничествѣ, остатки славянофильства. И мнѣ всегда казалось, что истина была посерединѣ. Мы не были тогда ни будущими, ни настоящими марксистами, ни славянофилами, а самолѣльным, на русской почвѣ выросшим, **рыцарским орденом.** Нам казалось, что на нас самой исторіей была возложена миссія открыть народу **какую-то правду,** которую знали только мы одни, и тѣм произвести соціальное чудо, как во всѣх соціалистических утопіях, что и значило избавить народ от тѣх страданій и униженій, которыя он нес на своих плечах, ради нашего образованія и нашей культуры. В этом был наш неоплатный историческій долг перед народом, требовавшій от нас подвига для его спасенія. Но в то же время

---

(1) «Былое», 1907 г., август.

мы были вполнѣ убѣждены, что наши дни уже сочтены, что мы уже обречены погибнуть за этот свой подвиг, или, во всякомъ случаѣ, быть надолго изъятыми из жизни, а поэтому нам необходимо было торопиться подготовить для себя преемниковъ из среды самого народа. Отсюда наши кадры фабричных и заводскихъ рабочих, отсюда наши стремленія вдохнуть в них чувство долга и безграничной любви ко всему русскому народу, чтобы сдѣлать их способными продолжать нашу миссію. По всѣм этим признакам это была не «соціально-революціонная организація с преобладаніем моральных мотивов», а именно **орден** без писаннаго устава, без ритуала и без всякой іерархіи, потому что всѣ эти вещи мы носили в сердцах своих и сочли бы профанаціей, если-бы кто-нибудь посовѣтовал нам оформить их. Тѣм неотразимѣе, конечно, было вліяніе кружка на все окружающее и на послѣдующее. Любя, мы пламенѣли, а пламенѣя, мы творили и заражали других этим одухотворяющим даром. Мы сознавали, что тѣ великія преобразованія, которыя необходимы русскому народу, не исчерпывались ни отмѣной крѣпостного права, ни земским и городским самоуправленіем, ни новым судом и т. д., не только потому, что эти реформы были недостаточны, а главным образом потому, что онѣ не им самим были добыты. И что он сам должен сдѣлаться хозяином своей судьбы, а не получить ее из рук благодѣтельнаго начальства.

Считаю нужным указать еще на один пробѣл в очеркѣ Шишко. Он говорит о вліяніи Нечаевскаго дѣла на нас, но слишком мимоходом. Для меня лично встрѣча с Нечаевым и с нѣкоторыми из его послѣдователей имѣла рѣшающее значеніе; она произвела рѣшительно отрицательное впечатлѣніе — и не столько его іезуитскіе и демагогическіе пріемы агитаціи и организаціи, сколько его ненависть ко всему существующему и его ненасытное властолюбіе. Все, что выяснилось на судѣ по его дѣлу в 1871 году, и что мы воспринимали в момент формированія наших собственных основных убѣжденій, переживалось, как нѣчто абсолютно отрицательное, чего мы не должны повторять в своей собственной дѣятельности. Со своим листком «Расправа» и с эмблемой топора вмѣсто виньетки, он рисовался лично мнѣ уже тогда фанатическим послѣдователем Пугача и пред-

шественникомъ Ленина. Это впечатлѣніе не изгладилось даже и тогда, когда сдѣлались извѣстными всѣ тѣ ужасы, которые онъ пережилъ въ Алексѣевскомъ Равелинѣ, что ему не помѣшало, однако, развратить всю тюремную стражу, вступить въ сношенія съ Народной Волей и, только благодаря случайности, не быть ею освобожденнымъ изъ этого историческаго каменнаго мѣшка. Все это не реабилитировало его въ моихъ глазахъ за все то, что было продѣлано имъ за границей съ Герценомъ, съ Бакунинымъ и съ другими эмигрантами, уже не говоря объ убійствѣ Иванова въ Россіи.

Во всякомъ случаѣ это отрицательное вліяніе Нечаевскаго дѣла значительно усилило рыцарскій элементъ въ кружкѣ. Да иначе это и быть не могло. С точки зрѣнія всякой партійной организаціи выступать съ призывомъ къ народу о всеобщемъ возстаніи на разстояніи какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ послѣ проведенія царскимъ правительствомъ Александра II цѣлаго ряда очень серьезныхъ — допустимъ, недостаточныхъ — реформъ, значило дѣйствовать подъ обаяніемъ какой-то вѣры въ свою магическую силу, а вся эта сила состояла въ личномъ энтузіазмѣ и въ вѣрѣ въ силу той правды, которую мы собирались открывать народу: никакой серьезной опоры ни въ конституціонныхъ, ни въ республиканскихъ, какъ во Франціи, ни въ рабочихъ организаціяхъ, какъ въ Германіи и Англіи, — у насъ не существовало. И самая-то эта магическая «правда», на которую мы полагались, какъ на богатырскій мечъ-кладенецъ, была ничѣмъ инымъ, какъ классовой ненавистью и классовой борьбой безъ всякаго положительнаго выхода, безъ всякаго синтеза. И насколько неприложима была эта «правда» къ настоящей жизненной правдѣ, которой жилъ деревенскій народъ, указываетъ хотя бы замѣчательный отвѣтъ кологривскаго плотника Лукашевичу, когда тотъ пытался проповѣдывать ему свою отрицательную правду: **«все это такъ, другъ, только во всемъ этомъ мы, деревенскіе, сами виноваты — всѣ мы пьяницы и забыли Бога».** И у пропагандиста не нашлось на это никакого отвѣта (1). И недаромъ послѣ каракозовскаго покушенія 1866 года агентами правительства въ народѣ съ большимъ успѣхомъ распространялась инсинуація, что это дворяне мстятъ царю за освобожденіе крестьянъ. При такихъ условіяхъ чудо нашей соціалистической утопіи заключа-

---

(1) Воспоминанія А. О. Лукашевича. «Былое», мартъ, 1907 г. 28 стр.

лось не в том, что вся Россія не «всколыхнулась» в отвѣт на наш призыв, а в том, что нам удалось при такой исторической обстановкѣ и под таким фантастическим знаменем собрать такія колоссальныя духовныя силы из среды, конечно, первых пореформенных всходов русской интеллигенціи. Но мы не сумѣли с ними справиться для своей исторической задачи.

Однако, спросят, почему же все-таки я-то сам, участвовавшій в организаціи этого кружка, первым ушел от него, как только он начал осуществлять свои революціонные замыслы? Отвѣчу на этот вопрос сначала коротко. За эти два-три года, от 1871-74, кружок пережил и в своей психикѣ, и в своей дѣятельности значительную эволюцію, но за то же самое время и во мнѣ произошла значительная эволюціонная перемѣна, и, хотя мы исходили из одних и тѣх же положеній, расширяя и углубляя их, результаты получились разные: как два сука одного и того же дерева, мы разрослись в разныя стороны. Тут и начались наши расхожденія — расхожденія глубокія, но не политическія.

С самаго начала этого дѣла наш кружок мнѣ казался центральной группой, которая имѣла полную возможность оказать огромное вліяніе на настроеніе, выработку и организованность молодого поколѣнія интеллигентных сил. Это дѣло было прочно поставлено и опиралось на реальные запросы жизни. Еще при техническом руководствѣ книжным дѣлом Натансона, до его ссылки, я не переставал настаивать на развитіи во вновь возникающих группах прочных моральных основ. И нерѣдко получал за это упреки в том, что я придаю слишком много значенія внутреннему настроенію, как будто бы мы создавали не соціально-политическую организацію, а секту. Мнѣ же казалось, что у нас не было не только никакой организованной базы, как соціально-политической силы, но что у нас не было и психологическаго подхода к народной душѣ для того, чтобы мы могли овладѣть ею. Я считал, что большинство из нас совершенно не понимает и не знает народа (1). Нѣсколько сочувствующих нам групп фабричных и заводских рабочих для меня слу-

---

(1) За немногими исключеніями члены кружка выросли в городѣ или в закрытых учебных заведеніях, или в военной средѣ.

жили доказательством лишь того, что в народѣ есть дѣйствительно запросы на широкую общественную культуру, и что мы можем **дотянуть** до себя нѣкоторое количество таких личностей и групп. Для созданія же из них прочной основы для соціально-революціонной кампаніи во всей странѣ у нас не было ни времени, ни сил, ни терпѣнія. Мы не выдерживали ни одного своего заданія и спѣшили, как можно скорѣе, перейти к **«широкой революціонной пропагандѣ в народѣ»**, т. е., к осуществленію своих рыцарских порывов. И этим грѣшили самые искренніе, талантливые члены кружка — как С. Кравчинскій, С. Перовская, А. Сердюков, А. Корнилова, Л. Шишко и т. д. Во всем этом я видѣл лишь нашу обычную, интеллигентскую авантюру, а не исканіе объективнаго дѣла. От нашего непосредственнаго хожденія в народ я видѣл очень мало практических результатов и настаивал на том, что, прежде чѣм дѣлать это, мы должны сосредоточить всѣ свои силы на выработкѣ себѣ преемников из народной среды, а не разбрасываться на авантюры. И тут я скоро оказался «на крайней правой, которая мѣшала кружку развернуть свои творческія силы»...

Тогда я сложил руки, затосковал и запросился в отпуск. Это случилось в концѣ 1873 г. Для меня было особенно ясно отсутствіе у нас в руках прежде всего ключа к народной душѣ, и я думал, что я смогу его найти, углубившись в самого себя в глуши Черниговской губерніи. Во-вторых, для меня в самом типѣ рыцаря без страха и упрека, до котораго мы доработались, обнаружился важный пробѣл, — это отсутствіе цѣльности, единства міропониманія, вмѣсто котораго мы всѣ жили интеллигентским идеализмом с его двойственностью в реальном — настоящем и идеальном — будущем... За Черниговской деревней послѣдовала Воронежская, за Воронежской — Тульская, а тут настал момент, когда я сказал себѣ: — нѣт, я не могу больше жить для условных полезностей революціонных программ, я должен найти абсолютное Благо и абсолютную Правду, чтобы жить ими. И когда послѣ этого, проѣздом через Орел, я встрѣтился с А. К. Маликовым и сказал ему, что нам для того, чтобы подойти к народу, **нужна новая религія,** — он уставился на меня в упор своими фосфорическими глазами и воскликнул: «А во что ты сам-то вѣришь?» Я отвѣтил: — «В человѣка».

— А знаешь ли ты, — загремѣл он тоном пророка, — что для того, чтобы **вѣрить в человѣка**, нужно, чтобы ты умѣл находить в нем Бога, потому что иначе человѣк, вѣдь, так же условен и так же противорѣчив, как и вся наша обыденщина?

Да, я это **чувствовал** по самому своему характеру, но **не знал** до этой минуты...

Послѣ этого я вернулся лишь временно в Москву и Петербург в августѣ 1874 г., в послѣдній раз видѣлся там с товарищами по кружку. Всѣ попытки сговориться или убѣдить друг друга ни к чему не привели, и мы разстались с увѣренностью, — с моей стороны по крайней мѣрѣ, — что рано или поздно мы опять встрѣтимся. В сентябрѣ я уѣхал за границу, по пути в Американскую степь для **осуществленія там в своей жизни богочеловѣка** (в Россіи, по полицейским условіям, осуществленіе этого оказалось совершенно невозможным).

И вот теперь, дорогіе друзья, я скажу вам о найденных мною результатах, когда 75-лѣтняя жизнь уже приходит к концу, и когда ни для какой условности, ни для какой идеализаціи нѣт мѣста. Да или нѣт? Нашел я свое цѣльное міропониманіе, свою абсолютную Правду, свое абсолютное Добро и главное абсолютную Любовь?

И я отвѣчаю вам смѣло и рѣшительно: да, нашел. Я счастлив уже тѣм, что теперь при свѣтѣ всей своей длинной жизни, при свѣтѣ той ужасной трагедіи самораспинанія, которая произошла с нашей родиной, и при свѣтѣ новых открытій современной опытной науки (1) я вижу, что я был прав, когда сказал себѣ: нельзя жить однѣми условными полезностями в царствѣ Кесаря, не имѣя царства Божія с Его абсолютным Благом, абсолютной Правдой и абсолютной Любовью в самом себѣ, ибо в борьбѣ со злом побѣда лежит не в уничтоженіи врага, не в мести и не в злобѣ к нему, а **в твореніи новаго блага из себя самого,** т. е., из своего абсолютнаго содержанія. В борьбѣ же с ним его же собственным оружіем — зло только крѣпнет и растет. Это я

---

(1) В астрономіи — Эйнштейном, в біологіи — неовиталистами, в философіи школой интуитивистов — Бергсоном, Лосским и др., в психологіи — школой Куэ-Бодуен (самовнушеніе) и З. Фрейда (психоанализ).

нашел и считаю самым важным пріобрѣтеніем своей длинной жизни. Всегда созиданіе, всегда синтез... А в исканіи виноватаго начинай всегда с самого себя, как Кологривскій плотник, — ошибки не будет.

И прав я был еще в одном, что мы опять должны рано или поздно встрѣтиться, потому что теперь момент этот настает. Для тѣх моих сотоварищей по Кружку, которые еще уцѣлѣли, теперь должно быть ясно то, на чем я настаивал тогда, что политическій и соціальный перевороты, произведенные одной грубой силой, демагогіей и обманом, гибельны и что, слѣдовательно, теперь только в духовном возрожденіи изнасилованнаго и обезчещеннаго народа лежит залог спасенія и дѣйствительнаго возстановленія нашей Родины. На этой задачѣ мы и должны встрѣтиться.

Но меня могут послѣ только что сказаннаго спросить: — а что-же, развѣ ты до сих пор с ними не встрѣчался и не работал вмѣстѣ? — Я отвѣчу — духовно **нѣт,** я не встрѣчался с ними; хотя физически и политически я часто, по долгу перед родиной, помогал им в том, что они дѣлали по призванію, я же своей души этим дѣлам никогда не отдавал и в первых рядах не выступал, а жил надеждой, что день нашей полной встрѣчи должен настать, когда и перед ними встанет духовное возрожденіе Родины, как жизненная задача, которой, как они, так и я отдадим остаток своих сил.

Теперь я вас спрашиваю, дорогіе друзья, я ли ушел от «Чайковцев» или сами Чайковцы ушли от себя и от меня? Вѣдь большой процесс 193-х был полным пораженіем кружка, как соціально-революціонной организаціи и побѣдой лишь моральной, как рыцарскаго ордена: на 193 подсудимых за четыре года тюремнаго заключенія погибло 80 человѣк, т. е. 40%...

Народная Воля, которая возникла при участіи многих бывших членов кружка, отвѣтила на колоссальную безтактность Александра II, исказившаго приговор Верховнаго Суда по дѣлу 193-х, такой же громадной безтакностью, убивши царя-реформатора из мести и, повидимому, в тот самый день, когда он готов был подписать новую конституцію. Затѣм послѣдовала гибель самой Народной Воли, причем даже П. Кропоткин оказался заложником Александра III в Clairveaul'ской тюрьмѣ, во Франціи. И только Сергѣй Кравчин-

скій в Англіи, этотъ всегдашній Рыцарь без страха и упрека, один во всей Европѣ, оставался олицетворять побѣду ордена над обыденщиной и рабством в Россіи. Затѣм желѣзное царствованіе Александра III с Побѣдоносцевым, Д. Толстым и земскими начальниками, поровшими и крестьянскую и народническую (Сигида) Россію. Затѣм безславное царствованіе Николая II, Распутин, міровая война и большевики...

Это-ли было конечною цѣлью русскаго народничества?..
Горячій привѣт.

Н. В. Чайковскій.

26 января 1926 г.
Англія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От редакціи 3

Е. К. Брешковская. Памяти друга 7

Н. В. Чайковскій. Дѣтскіе годы (воспоминанія) 12

Д. М. Одинец. В кружкѣ «чайковцев» 39

Т. И. Полнер. Н. В. Чайковскій и богочеловѣчество 97

Діонео. В эмиграціи 167

В. А. Мякотин. Из воспоминаній 252

М. А. Алданов. Н. В. Чайковскій 265

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Н. В. Чайковскій. Открытое письмо к друзьям (1926 г.) 275

Николай Васильевич Чайковскій

Изданіе под общей редакціей А. А. ТИТОВА.

ТОМ II.

С. П. МЕЛЬГУНОВ

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

(Матеріалы для исторіи русской общественности 1917 - 1925 г. г.).

Содержаніе: Два начала революціи. Большевизм и октябрьскій переворот. Союз Возрожденія Россіи. На «бѣлом» фронтѣ. Политическое Совѣщаніе в Парижѣ. Демократическая общественность. Юг и Сѣвер. Послѣдній этап. Приложенія.

Изданіе снабжено портретами Н. В. Чайковскаго.

Цѣна 25 фр.

Выпущено 50 нумерованных экземпляров на лучшей бумагѣ по цѣнѣ **50 фр. за том.** Желающим их получить надлежит обращаться к **А. А. Титову:**
10, rue La Motte-Picquet. Paris (XV).

Склад изданія: «Родник», в Парижѣ
«La Source» 106, Rue de la Tour. Paris (XVI)